

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 4 2021

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 4 2021

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

канд. ист. наук *С.Г. Бочаров*

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **И.О. Гавритухин** (Москва); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленева**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

© Академия наук Республики Татарстан, 2021

© Журнал «Археология Евразийских степей», 2021

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIJA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 4 2021

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaïck Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Bocharov Sergei G.**,

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ивлиев А.Л. (<i>Владивосток, Россия</i>) Отечественное бохаеведение на современном этапе	6
Гельман Е.И. (<i>Владивосток, Россия</i>) Нижний строительный горизонт Краскинского городища	17
Пискарева Я.Е. (<i>Владивосток, Россия</i>) Керамика в ритуале и повседневной жизни раннесредневекового населения Приморья (по материалам археологических памятников среднего течения р. Раздольной)	31
Клюев Н.А., Прокопец С.Д., Слепцов И.Ю., Белова И.В. (<i>Владивосток, Россия</i>) Кумирня бохайского времени в Южном Приморье	45
Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А., Дикий Я.В. (<i>Улан-Удэ, Россия</i>) Новые средневековые захоронения Бурятии: культурная атрибуция и хронология	57
Боруруева А.А. (<i>Владивосток, Россия</i>) Морфологический анализ керамики николаевской (смольнинской) культуры	68
Миягашев Д.А., Базаров Б.А., Дикий Я.В. (<i>Улан-Удэ, Россия</i>) Применение метода дистанционного зондирования Земли для поиска фортификационных объектов на территории Монголии и Западного Забайкалья	80
Бакшеева С.Е. (<i>Владивосток, Россия</i>) Первые планы средневековых монгольских городищ Забайкалья по неопубликованным источникам: П.К. Фролов (1775–1839 гг.)	96
Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. (<i>Красноярск, Россия</i>) Сыродутные горны Нижней Ангары: некоторые итоги изучения	110
Куклина А.А., Андрушкевич О.Ю. (<i>Казань, Россия</i>) Особенности отбора и подготовки сырья гончарами Болгара: результаты петрографического анализа	122
Нуретдинова А.Р. (<i>Казань, Россия</i>) Сфероконические сосуды Царевского городища	130
Курышова Н.П. (<i>Казань, Россия</i>) Стекланные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв.	141
Бочаров С.Г. (<i>Севастополь, Россия</i>), Обухов Ю.Д. (<i>Элиста, Россия</i>) Город Маджар в контексте связей Византии и Золотой Орды. Археологические свидетельства	149
Курышова Н.П. (<i>Казань, Россия</i>) Стекланные украшения из золотоордынского города Маджар	160
Макласов В.Ю., Кольцов П.М. (<i>Элиста, Россия</i>) Берестяной колчан как неотъемлемая часть вооружения кочевника XIII–XIV вв.	169
Обухов Ю.Д. (<i>Элиста, Россия</i>) Переработка зерна в Золотоордынском городе Маджар	177
Минаев А.П., Юдин Н.И. (<i>Азов, Россия</i>) Мусульманские каменные надгробия XIV века из золотоордынского Азака	183
Меньшиков М.Ю., Волошинов А.А. (<i>Москва, Россия</i>) Не исламские погребения на территории мусульманского могильника Кырк-Азизлер	197
Адаксина С.Б., Мыц В.Л. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Храмы крепости Чембало XIV–XV вв.	213
Турова Н.П. (<i>Симферополь, Россия</i>), Якимовская А.Д. (<i>Севастополь, Россия</i>) Христианская археология османского периода на Южном берегу Крыма (по материалам новейших исследований)	240
Критика и библиография	
Валеев Р.М., Ситдинов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Рец.: «Азербайджан на Шелковом пути. Баку: изд-во «Tahsil», 2020. 384 с.»	258
Список сокращений	262
Правила для авторов	263

CONTENTS

Ivliev A. L. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) The Present State of Bohai Studies in Russia	6
Gelman E. I. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Lower Construction Horizon of Kraskino Hillfort.....	17
Piskareva Ya. E. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Ceramics in the Ritual and Everyday Life of the Early Medieval Population of Primorye (Based on Materials from Archaeological Sites in the Middle Reaches of the Razdolnaya River)	31
Klyuev N. A., Prokopets S. D., Speptsov I. Yu., Belova I. V. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Idol Temple of the Bohai Period in Southern Primorye	45
Bazarov B.A., Imenokhoev N. V., Miyagashev D. A., Dikiy Ya. V. (<i>Ulan-Ude, Russian Federation</i>) New Medieval Burials Of Buryatia: cultural attribution and chronology	57
Borurueva A. A. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Morphological Analysis of Ceramics of Nikolaevskaya (Smolninskaya) Culture	68
Miyagashev D. A., Bazarov B. A., Dikiy Ya. V. (<i>Ulan-Ude, Russian Federation</i>) Use of Earth Remote Sensing Method in Searching for Fortified Structures in the Territory of Mongolia and Western Transbaikalia	80
Baksheeva S. E. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) First Schemes of the Medieval Mongolian Hillforts of Transbaikalia According to Unpublished Sources: P. K. Frolov (1775–1839).....	96
Mandryka P. V., Senotrusova P. O. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>) Catalon Furnaces of Lower Angara: preliminary study results	110
Kuklina A. A., Andrushkevich O. Yu. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Specifics of Selection and Preparation of Raw Materials By Bolgar Potters: pethrographic analysis results	122
Nuretdinova A. R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Sphero-Conical Vessels from Tsarevskoye Settlement ..	130
Kuryshova N. P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Glass Pendants from the Burials of Nomads of the 13 th –14 th Centuries.....	141
Bocharov S. G. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>), Obukhov Yu. D. (<i>Elista, Russian Federation</i>) Madzhar in the Context of Relations of the Byzantine Empire and the Golden Horde. Archaeological Evidences	149
Kuryshova N. P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Glass Jewelry from the Golden Horde City of Majar.....	160
Maklasov V. Yu., Koltsov P. M. (<i>Elista, Russian Federation</i>) The Birch Bark Quiver as an Integral Part of the Arms of a 13 th –14 th Century Nomad	169
Obukhov Yu. D. (<i>Elista, Russian Federation</i>) Grain Processing in the Golden Horde City of Madzhar ..	177
Minaev A. P., Iudin N. I. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Muslim Stone Gravestones of the 14 th Century from the Golden Horde City of Azak	183
Menshikov M. Yu., Voloshinov A. A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Non-Islamic Burials in the territory of the Kyrk-Azizler Muslim Burial Ground	197
Adaksina S. V., Myts V. L. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Cembalo Fortress Churches, 14th-15th Centuries	213
Turova N. P. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>), Yakimovskaya A. D. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) Christian Archaeology of the Ottoman Period on the Southern Coast of Crimea (Based on the Latest Study Materials)	240
Critics and Bibliography	
Valeev R. M., Sitdikov A. G. (<i>Kazan Russian Federation</i>) Review: Azerbaijan on the Silk Road. Baku: “Tahsil” Publ., 2020. 384 p.	258
List of Abbreviations	262
Instructions for Authors	263

УДК 902(571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.6.16>**ОТЕЧЕСТВЕННОЕ БОХАЕВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

© 2021 г. А.Л. Ивлиев

В статье рассматриваются последние достижения в области изучения Бохая (698–926 гг.) на Дальнем Востоке России в последнее десятилетие. Наряду с археологическими исследованиями в этот период велись и исторические, включая перевод китайских письменных источников. Изучение археологических памятников с применением мультидисциплинарных исследований привело к существенному росту сведений о хозяйстве бохайцев, культуре, о внутренних и внешних торговых связях. Всё более очевидно, что в Приморье была периферия Бохая, осваивавшаяся этим государством постепенно на протяжении всего его существования. Ослабление Бохая в конце IX века привело к тому, что центры бохайской власти над местным мохэским населением – образованные на землях разных народов – *шуйбинь*, *юйлоу*, *тели* и др. – областные и окружные – с обретением этими народами самостоятельности становились центрами новой зарождающейся государственности.

Ключевые слова: археология, история, юг Дальнего Востока России, средневековье, государство Бохай, мохэ, мультидисциплинарные исследования.

THE PRESENT STATE OF BOHAI STUDIES IN RUSSIA

A.L. Ivliev

The paper discusses the latest achievements in the study of Bohai State (698–926) in the Far East of Russia over the last decade. Along with archaeological studies, historical research was also carried out in this period, including the translation of Chinese historical sources. A study of archaeological sites with multidisciplinary research has resulted in a substantial increase of the amount of information about the economy of Bohai people, their culture, domestic and international trade relations. It becomes more and more obvious that the territory of Primorye was in the periphery of the Bohai state, and it was gradually developed by the state during the entire period of its existence. The weakening of Bohai at the end of the 9th century had led to a situation when the local and district centers of Bohai power over local Mohe population having formed in the lands of various peoples – *Shuaibin*, *Yulou*, *Tieli*, etc. – became centers of a new incipient statehood as these peoples with gaining independence.

Keywords: archaeology, history, Far East of Russia, Middle Ages, Bohai state, Mohe, multidisciplinary research.

Начатое в XIX в. изучение Бохая в России к началу XXI в. достигло значительных успехов: была в общих чертах написана история Бохая (З.Н. Матвеев, Э.В. Шавкунов, А.П. Окладников), обнаружены его археологические памятники, определены бохайская культура и культура мохэ в качестве её основы, начаты работы по периодизации бохайской культуры и выявлению локальных различий в ней, даны характеристики основных занятий жителей бохайских городищ и селищ. В данной статье постараемся показать достижения в этой области науки в последнее десятилетие, некоторые стоящие перед нами проблемы и возможные пути их решения.

В настоящее время изучение Бохая продолжается как в археологическом, так и в историческом плане. В силу языкового барьера и ограниченной доступности письменных источников преобладает археологическое направление.

Однако, в последние годы произошёл значительный сдвиг и в историческом направ-

лении. Он связан с работами безвременно ушедшего Андрея Вадимовича Полутова, который за короткий срок успел на современном научном уровне перевести серию описаний населявших Дальний Восток народов из китайских письменных источников. Для бохаеведения здесь важное значение имели его переводы летописей об уцзи/мохэ и предшествовавших им народах, в китайской исторической традиции, считающихся предками тунгусо-маньчжуров (Полутов, 2015; 2016; 2017). В частности, более точный перевод Андрея Вадимовича решил проблему установления способа пахоты у мохэ. Авторы трудов о мохэ часто писали, что те пахут «двумя лошадьми», хотя на самом деле источник сообщает, что «пахут попарно», а лошади тут ни при чем. Таким образом, снимается вопрос противоречия этих записей с реалиями Восточной Азии, где для вспашки использовались быки, но не лошади. Важным достоинством этих переводов является приложение переводимых текстов на языке оригинала,

позволяющее проверить точность перевода в любом его месте. Также А.В.Полутовым опубликованы статьи об административном аппарате Бохая и первых шести бохайских посольствах в Японию (Полутов, 2014; 2015). Статьи содержат важные сведения из японских хроник, впервые опубликованные в России. Очень ценны подробные комментарии автора к текстам.

Другая серия исторических работ принадлежит А.А. Киму. В своих статьях он рассматривает вопросы о причинах гибели Бохая, о его северных границах и о бохайцах в X – начале XI в. Всё это сделано на материалах работ корейских ученых (Ким, 2011; 2013; Kim, 2014; 2014a; 2014b и др.).

Автором данной статьи систематизированы эпиграфические материалы бохайских памятников юга Дальнего Востока России. В целом, эпиграфика имеет большое значение для изучения истории Бохая. Так, именно стелы из царского кладбища на горе Лунтоушань и из могильника на горе Людиншань в провинции Цзилинь КНР позволили утверждать, что правители Бохая на внутригосударственном уровне использовали не королевский (*ван*), а императорский титул. Бохайские эпиграфические материалы с территории России, в основном, являются надписями и отдельными знаками на керамике и черепице. Они подтверждают сделанный китайским исследователем Лю Сяодуном вывод о том, что основной письменностью в Бохае была китайская. При этом, довольно частое наличие надписей на простых бытовых предметах свидетельствует о её широком распространении не только среди высших слоев бохайского общества (Ивлиев, 2014). Также, в свете современных знаний по истории средневековых государств Бохай и империя Цзинь составлен комментарий к исторической части фундаментального труда А.П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» (1959 г.), который до сих пор сохраняет свою ценность для всех, интересующихся историей и археологией региона (Ивлиев, 2020). Кроме того, опубликованы две работы, одна из которых посвящена истории образования киданями на месте завоеванного Бохая государства Дундань, его локализации и невозможности принадлежности ему средневековых памятников в центральном и восточном Приморье, а другая рассматривает вероятность нахождения на территории Приморья одного из подвластных Бохаю племен – тели – в связи с находкой в Партизанском районе веритель-

ной бирки, выданной телийцу Цитуся в Тан в 795 г. (Ивлиев, 2016; 2018). Сама эта бирка, чтение надписи на ней, её назначение и визиты тели в Тан детально рассмотрены в работе В.А. Беляева и С.В. Сидоровича (2015). Находка этой бирки свидетельствует о том, что посольские миссии тели в Тан продолжались до конца VIII в., хотя письменные источники сообщают о последнем их приезде в Тан в 740 г. В.Э.Шавкунов в своей статье приводит ряд доводов против предположения о локализации тели на территории Приморского края, однако его предположение о возможности выпуска верительных бирок с танскими девизами правления (*няньхао*) в имевшем собственные девизы правления Бохае не подкрепляется какими-либо прецедентами в истории Восточной Азии (Шавкунов, 2020).

В плане археологического изучения Бохая по археологическим материалам выделены локально-хронологические группы памятников мохэ, выявлены традиции изготовления мохэской керамики на бохайских памятниках. Это особенно важно, поскольку мохэ были основным этническим компонентом бохайского общества (Пискарева, 2013; 2014; 2019).

В последние годы велись раскопки ряда бохайских памятников на территории Приморского края: городищ Краскинского, Синельниково-1, Старореченского, Кокшаровского-1, Николаевского-1, Абрикосовского селища. Выбор объектов определялся разными причинами, как научного, так и экономического плана. Часть исследований велась на средства грантов, другая – благодаря международному сотрудничеству с научными организациями республики Корея и Японии. Остановимся на наиболее значительных памятниках.

Городище Синельниково-1 – памятник мохэ и бохайского времени в Октябрьском районе. Представляет собой укрепление на труднодоступной плоской вершине Борисовского базальтового плато на правом берегу реки Раздольная. Открытое в 1983 г. А.В. Мерзляковым городище раскапывалось российско-японской экспедицией под руководством В.И. Болдина в 1997–1999 гг. В 2015–2016 гг. работы на городище были продолжены совместной Российско-корейской экспедицией нашего института и Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Корея под руководством Н.А.Клюева, Юн Хён Чжуна (в 2015 г.) и Нам Хо Хёна (в 2016 г.) (Итоги ..., 2018). Были подтверждены ранее установленные факты

принадлежности городища к бохайскому времени, однако, основная масса полученных материалов – остатки жилищ, колодец, хозяйственные ямы – связаны с деятельностью мохэ в VII в. Это подтверждается и серией радиоуглеродных датировок (Итоги..., 2018, с. 360–371). Также выявлены и более ранние этапы существования памятника – материалы трёх неолитических культур, эпохи бронзы и даже верхнего палеолита.

Проведенный Я.Е.Пискаревой анализ керамики из мохэских жилищ городища показал её идентичность керамике соседних памятников – селища Чернятино-2 и могильника Чернятино-5 при отличии от керамики более ранних памятников мохэ – типа Абрамовка-3, что, вероятно, связано с притоком нового населения. Возможно, это были прежде подчинявшиеся Когурё мохэ, бежавшие сюда вследствие танско-когурёских войн и разгрома Когурё в 668 г. (Итоги..., 2018, с. 335–360).

Использование методов естественных наук дало новую важную информацию о сельском хозяйстве мохэ, о более холодном по сравнению с современным климате во время обитания здесь мохэ, о системе визуальной коммуникации между средневековыми населенными пунктами. Как указывает Е.А.Сергушева, полученная посредством флотации на Синельниково-1 коллекция семян культурных растений разительно отличается от аналогичных материалов других памятников мохэской культуры в Приморье, как по видовому составу, так и по количеству остатков культурных растений. Это свидетельствует о прогрессе в земледелии у мохэ накануне вхождения их в бохайское государство. Делается вывод о том, что коллекция археоботанических материалов городища Синельниково-1 отражает начало изменений в местном земледелии, обусловленных социально-экономическими процессами, сопровождавшими становление ранней государственности в регионе (Итоги..., 2018, с. 294–331).

Краскинское городище находится в Хасанском районе, в 2 км на юг от пос. Краскино, на левобережье устья реки Цукановка. Было открыто Г.И. и Ж.В.Андреевыми в 1958 г., в 1960 и 1963 гг. его исследовал Э.В.Шавкунов. Раскопки с перерывами велись археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством В.И.Болдина с 1980 года. С 1994 года они ведутся ежегодно. На городище работают Российско-корейская и российско-японская экспедиции. В

80-е – 90-е годы были обнаружены и исследованы храмовый комплекс, остатки печей для обжига черепицы, был изучен разрез городской стены и примыкающего снаружи рва, колодец. Также были начаты раскопки восточных ворот и обнаружена фронтальная башня. С 2007 года раскопки ведутся под руководством Е.И. Гельман. Результаты работ последнего десятилетия опубликованы в девяти книгах и многочисленных статьях. В 2000-е годы раскопки были распространены на жилые кварталы городища южнее храмового комплекса. Обнаружено свыше 20 остатков жилищ – наземных с канами и полуземлянок в котлованах, остатки огороженных усадеб и зданий на каменных фундаментах, выявлены кварталы и межквартальные дороги-улицы. Раскопки показали, что глубина культурных напластований составляет 1,6 – 2,4 м. К настоящему времени выделено шесть строительных горизонтов. Установлено, что на месте будущего города длительное время существовало поселение земледельцев – рыбаков – ремесленников, где, судя по находкам архитектурных украшений и черепицы, уже имелся культовый буддийский центр. Нижний строительный горизонт памятника совпадает с периодом функционирования поселения, а сооружение стен города началось на втором этапе существования городища (Археологические исследования..., 2019).

Использование мультидисциплинарных методов исследования позволило реконструировать хозяйство обитателей городища, основанное на земледелии, но также включающее в себя животноводство, охоту, рыболовство и добычу морепродуктов. Найдена серия предметов, отражающих торговые связи с соседними странами – Силла, киданями, танским Китаем (Кодзима, Гельман, 2011). К их числу относятся кость верблюда и бронзовая фигурка этого животного (Археологические исследования..., 2018). На Краскинском городище присутствуют прямые и косвенные свидетельства всех основных видов ремесел, в числе которых обработка черных и цветных металлов, гончарство и черепичное производство.

Краскинское городище стало объектом отработки геофизических методов исследования археологических памятников. Геомагнитная разведка и электропрофилирование позволили получить представление о планировке памятника: магнитные аномалии показали наличие улиц и кварталов. Ещё более детализировать эти данные позволила проводимая на раскопах каппаметрия. Палинология

гические исследования позволили получить представления о формировании ландшафта, климатических изменениях и влиянии человеческой деятельности на окружающую среду. Исследования показали сложные палеоэкологические условия для выживания населения средневекового города. Бохайцы вынуждены были постоянно адаптироваться к климатическим изменениям. Полученные данные свидетельствуют об успешной хозяйственной деятельности жителей города и сложившейся системе их жизнеобеспечения. Они разводили фруктовые сады и ягодные кустарники; занимались собирательством съедобных и полезных диких растений. Важную роль в их питании играли домашние и дикие животные и птицы. Сравнительный анализ показал, что доля остатков домашних животных здесь выше, чем на других памятниках бохайской эпохи. Кроме того, среди них оказалась наибольшей доля крупного рогатого скота, а не свиньи, как в других поселениях. Вспомогательное значение имели мелкий рогатый скот, а также морские млекопитающие – китобразные. Жители Краскинского городища, имея доступ к богатейшим водным биоресурсам, успешно вели их промысел. Многочисленные виды кухонной посуды, найденной на городище, дают представление о разнообразных способах приготовления еды, а также ее хранения (Гельман, 2018; Гельман и др. 2019; Лешенко, 2013).

О значении Краскинского городища, как эталонного для изучения бохайской культуры, говорит то, что этот памятник, ещё в 1960-е гг. определенный Э.В. Шавкуновым как город Яньчжоу в области Восточной столицы Лунъюаньфу Бохая, находится всего примерно в 60 км от остатков бохайской Восточной столицы – городища Баляньчэн. Учитывая то, что в 80-е – 90-е гг. VIII в. именно этот город был столицей Бохая – ставкой бохайского вана, ни один другой бохайский город в Приморье не был так близок к центру страны, как Краскинское городище. Естественно, здесь мы должны ожидать присутствие наиболее характерных для Бохая материалов, представляющих подлинную бохайскую культуру. Действительно, именно на этом городище присутствуют диски черепицы со специфическим изображением лотоса с лепестками в виде «перевернутого сердца», по мнению Сун Юйбина, присущим административным зданиям и всему, связанному с царским домом Бохая. Исследование же Е.И. Гельман показало, что на Краскинском городище присутству-

ет наибольшее разнообразие форм бохайской круговой посуды (Археологические исследования..., 2013; Гельман, 2018).

Городище Кокшаровка-1 и курган Кокшаровка-8. Памятники находятся в долине реки Усури, возле левого берега её притока – р. Кокшаровка, в 3 км на северо-восток от деревни Кокшаровка Чугуевского района Приморского края России. Впервые сведения о памятнике были опубликованы в 1888 году в работе Ф.Ф. Буссе. В 1950-х – 2000-х годах памятник неоднократно посещался археологами, которые собирали подъемный материал и делали инструментальную съемку его планов. Однако раскопки его были проведены Российско-корейской экспедицией под руководством Н.А. Ключева в 2008–2015 гг. (Городище Кокшаровка-1..., 2012; Археологические памятники..., 2015). Большая прямоугольная платформа с остатками строений была исследована в северной части городища. На ней располагался уникальный для археологии Приморья архитектурный комплекс, состоявший из семи зданий, обращенные на юг фасады которых образовывали линию длиной 78 м. На платформе также были раскопаны часть внутреннего двора со вспомогательными хозяйственными помещениями, каменные стены, центральные и дополнительные ворота. Разрез через край платформы и шурф на её поверхности показали, что платформа построена на более раннем средневековом горизонте обитания, скорее всего, относящемся ко времени начала строительства городища. Выявлены два строительных горизонта самой платформы. Архитектурный ансамбль Кокшаровки-1, с одной стороны, находит некоторые аналогии с известными бохайскими дворцами, с другой стороны – с жилищами бохайцев и чжурчжэней. Имеющиеся в зданиях каны отличаются специфической конструкцией вынесенной далеко за пределы здания дымовой трубы. Такие же конструкции труб наблюдаются на городище Верхней столицы Бохая в Дунцинчэне, во дворце № 4 («спальном дворце»). Следует отметить и ряд существенных отличий кокшаровского комплекса от дворцовых сооружений Бохая: отсутствие черепичной кровли, конструкции из параллельных рядов поддерживающих крышу колонн на каменных базах, отсутствие высокой платформы-фундамента. В то же время, можно отметить сходство зданий кокшаровского комплекса с жилищами бохайцев и чжурчжэней: каркасно-столбовая конструкция, наличие кана, выход в узкой стене сооружения. Собранная в ходе

раскопок на городище керамика по заключению Е.И. Гельман в целом типична для Бохая и «отражает основные характеристики бохайского гончарства на стадии его наивысшего расцвета – IX – начала X в.» (Городище Кокшаровка-1..., 2012, с. 161). О бохайском времени свидетельствуют и находки фрагментов фарфоровой посуды из известных китайских печей в Динчжоу (定州) и Юэчжоу (越州). При этом, находки на городище нетипичных для Бохая сосудов с трегубыми венчиками, с приземистыми пропорциями тулова, с делением тулова на дольки и с декором в виде «танцующих человечков» свидетельствуют как о связях этого города с примыкавшими к Бохаю территориями на восток и северо-восток от Усури, где такая керамика преобладает, так и о том, что городище существовало какой-то период и в постбохайское время.

В ходе раскопок было отобрано более 20 проб на радиоуглеродный анализ, которые дали широкий хронологический разброс, при этом большинство их укладывалось в промежутки от начала IX до конца X века.

Полученные в ходе раскопок материалы имеют как бохайские черты, так и некоторое сходство с распространенной в долине Амура и части бассейна Усури покровской культурой, поэтому вероятнее всего считать строения на платформе попыткой возведения дворца в условиях периферии на основе знаний о дворцах бохайских столиц и собственного опыта строительства жилищ с канами. Такая ситуация могла иметь место после киданьского завоевания Бохая и появления на его территории отдельных государственных образований вроде «государства Динъань» (定安国) в X в. При этом несомненно, что городище Кокшаровка-1 возникло в бохайское время. Корейские участники раскопок полагают, что это мог быть центр области Аньбяньфу (安边府) (Городище Кокшаровка-1..., 2012, с. 171).

Проведенные Е.А. Бессоновой геофизические исследования городища показали, наличие трех разновременных типов планировки его застройки: прямоугольную (преимущественно на западе и севере), диагональную-1 (преимущественно юг и юго-восток городища) и диагональную-2 (в северо-восточной части памятника).

Курган Кокшаровка-8 находится в 0,6 км на северо-запад от городища, на северном берегу старицы р. Кокшаровка. Курган раскапывался в 2012-2015 гг. Этот курган представляет собой погребальный комплекс, не имеющий аналогов в средневековой археоло-

гии Приморского края. Были вскрыты остатки прямоугольного монументального сооружения из гранитных плит общими размерами 15 на 16 м. Исследование показало, что, вероятнее всего, сооружение связано с очень знатной персоной, которая могла быть погребена здесь. Об этом свидетельствуют его монументальность и характер погребального инвентаря, включающего изделия из благородных металлов, в том числе серебряные гвоздики, две сбруйные бляхи и 44 листика, вырезанные из золотой фольги (Археологические памятники..., 2015). Скопления камней с фрагментами керамики на большой площади вокруг кургана позволяют предполагать, что это сооружение также могло быть платформой для погребальных церемоний на большом кладбище. Памятник имеет прямое отношение к городищу Кокшаровка-1, где найдены аналогичные керамический материал и ограда северной платформы из скального камня, подобная поздней стене-ограде на кургане. Ближайшими по времени и месту аналогиями данного сооружения являются погребальные сооружения Бохая, представленные серией могильников аристократии и членов царского рода. Не будучи полностью сходным с указанными сооружениями, кокшаровский курган явно демонстрирует эту же бохайскую культурную традицию.

На основе анализа найденных предметов и радиоуглеродных датировок можно предварительно отнести этот погребальный комплекс к X-XI вв. Исследователи полагают, что городище Кокшаровка-1 первоначально могло быть крупным административным центром государства Бохай, учрежденным в одном из покоренных мохэских племен. Позже, в начале X века, или сразу после гибели Бохая эта территория стала независимой и изолированной от таких центров цивилизации, как Северный Китай или Киданьская империя. Именно поэтому здесь наблюдаются такие факты, как попытки изготовления черепицы и строительства дворцов без должного знания технологии.

Результаты археологического изучения Бохая в Приморье систематизированы и изложены в вышедшей недавно в издательстве «Восточная литература» монографии о средневековых городах Восточной Азии (Города ..., 2018). В книге даны классификация городищ мохэ, характеристика бохайских городищ, в том числе и столичных городов Бохая на территории КНР. При этом, впервые в отечественной литературе показана разница

между «пятью столицами» (*цзин* 京), бывшими административными центрами крупных территорий, и общегосударственной столицей (*ду* 都), ставкой правителя. Такой общегосударственной столицей в Бохае в разное время были городища Сигучэн и Баляньчэн в провинции Цзилинь и городище Дунцзинчэн в провинции Хэйлуцзян в Северо-Восточном Китае. Эти три памятника отличаются сходством планировки, одновременно демонстрируя эволюцию от двухчастного (Царский и Дворцовый города) к трехчастному делению (Внешний, Царский и Дворцовый города).

Большие достижения в археологическом изучении хозяйства и культуры бохайцев позволили включить в монографию главу «Культура и повседневность бохайских городов», в которой описываются планировочная структура городов Бохая, хозяйственная деятельность их населения, промыслы и ремесла, торговля, образование, письменность, религия, а также досуг городского населения и искусство.

По итогам анализа костных останков млекопитающих из бохайского городища Горбатка, полученных в результате многолетних археологических исследований (1997-2005 гг.), выделено 18 видов домашних и диких животных, использовавшихся населением средневекового города. Установлено, что подавляющее большинство собранных во всех строительных горизонтах городища Горбатка костных остатков принадлежало домашним животным, среди которых преобладают собака и свинья. Крупный рогатый скот и лошади использовались в качестве рабочей силы, их значимость в рационе жителей городища была менее важной. Небольшое количество останков диких животных может свидетельствовать об их низкой доле в диете горожан. Охота на диких животных осуществлялась ради рога и меха, служивших важными товарами в региональной торговле (Uchiyama, Gel'man, 2020).

В области изучения земледелия бохайской эпохи в результате археоботанических исследований реконструирован наиболее полный списочный состав культурных растений (не менее 14 видов) и их соотношение между собой, а также отдельные технологические приемы, использовавшиеся бохайским населением для их выращивания (Сергушева, 2012; 2014; Сергушева, Гельман, 2014; Гельман, 2018а). Зафиксированы сходные и особенные черты археоботанических спектров изученных памятников. Выявленные для отдельных памятников колебания количе-

ственных данных позволяют констатировать существование различий в наборе культурных растений и количественных соотношениях между ними, обусловленных, по-видимому, спецификой в ориентированности населения Приморья VIII-X вв. на возделывание определенных культур. Сравнение археоботанических спектров продемонстрировало различие между памятниками государства Бохай и городищем Кокшаровка-1. В качестве гипотезы высказано предположение о возможной культурной специфике населения городища (Сергушева, 2014).

По материалам археологических памятников исследовалось декоративно-прикладное и религиозное искусство бохайцев. В искусстве Бохая выявлены художественные, иконографические и культурные традиции соседних государств (Когурё, Тан), – это нашло наиболее яркое проявление в архитектурной керамике (кирпичи, концевые диски черепицы, украшения конька крыши *чивэй*). Установлена степень влияния буддизма и других религиозных культов и верований на бохайскую архитектуру, мелкую скульптуру и пластику (Асташенкова, 2012). Опубликована находка на бохайском памятнике музыкального инструмента – варгана (Лещенко, 2017). Также анализ предметов изобразительного искусства позволил выделить элитарный и массовый пласты в культуре Бохая, осветить уровень развития некоторых видов производственной деятельности, направленность торговых и культурных связей (Асташенкова, 2019; Асташенкова, 2019а).

В результате сотрудничества с Институтом культурных ценностей и археологии провинции Цзилинь впервые опубликован альбом-каталог «Бохайские древности из Приморского края России» (2013). В нем отобраны свыше 400 наиболее представительных предметов из большого фактологического материала, полученного российскими исследователями более, чем за 40 лет.

В 2014 г. вышла книга О.В. Дьяковой с многообещающим заглавием «Государство Бохай: археология, история, политика» (Дьякова, 2014). В аннотации сообщается, что «в работе рассказывается о возникновении Бохая, анализируется история его формирования, развития и гибели, рассматриваются исторические судьбы бохайцев. Большое внимание уделяется этническим проблемам и этногенезу бохайцев». Фактически в книге вопросы бохаеведения решаются на основании археологии. Автор подходит к ним, исхо-

для из разработанной ею концепции о наличии в археологической культуре *аборигенного* (этнического), *государственного* (регионального) и *эпохального* блоков признаков. Книга дает полнейший на сегодня перечень бохайских памятников на территории всех стран, где находилось это государство. К сожалению, в книге имеется масса ошибок и неточностей, происходящих часто из-за неверного перевода с китайского языка текстов китайских работ, преимущественно, монографии Лю Сяодуна переводчиком, незнакомым с реалиями китайской истории и археологии, в частности истории Бохая.

Историография бохаеведения в Китае приведена по монографии Лю Сяодуна, но с такими искажениями, что совершенно неадекватно отражает оригинальный текст. В книгу попало и заблуждение автора о том, что текст стелы принцессы Чжэнь-хуй написан по-бохайски, хотя это классический китайский литературный язык и об этом ещё в 1960 г. писал Е.И. Кычанов. Странно также, что автор монографии не заметила того, что приводимые ею в книге стихи, якобы бохайского посла в Японию Хайтэя, в переводе А. Белых являются современным новоделом, который мог написать только человек, знакомый с отечественной литературой о Бохае, но никак не сами бохайцы. Ряд памятников на территории Китая в их перечне в монографии иногда дублируются под разными названиями, иногда наоборот отождествляются разные объекты. В главе 3. «Этническая и социальная стратификация Бохая» даются некоторые наблюдения автора по этническим признакам археологических материалов, однако, совсем не затрагиваются вопросы социальной стратификации. Жаль, что книга не прошла должного рецензирования перед утверждением к печати, это помогло бы устранить многие несуразности и неточности в её тексте.

Вопросы границ Бохая остаются весьма актуальными как в отечественном, так и в зарубежном бохаеведении. В России определение местонахождения северо-восточной границы Бохая весьма разнится у разных исследователей: от всего побережья Японского моря (О.В. Дьякова, 2014) до только западной части Приморского края по линии от верхнего течения Уссури до полуострова Муравьева-Амурского (Шавкунов, 2005). Ю.Г. Никитин справедливо предложил рассматривать границу Бохая в динамике, по мере расширения его территории и смещения периферийной зоны. При этом он основывался на конкретном

распространении памятников и характере их материалов (Никитин, 2005).

Видимо, решение вопроса о северо-восточных пределах Бохая следует искать в определении статуса территории бохайской периферии. Так, анализируя расхождение между определением территории Бохая историками и реальным распространением бохайских археологических памятников в долине р. Муданьцзян и в долине Трэхречья (Сунгарь, Амур, Уссури), китайские археологи Цзян Юйкэ и Чжао Юнцзюнь выдвинули гипотезу о существовании в Бохае со второй трети IX в. подобных танским «округов сдерживания» (*цзимичжоу 羈縻州*), образуемых на землях подчиненных племен с администрацией из верхушки этих племен (Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь, 2008). Этим они объясняют отсутствие круговой керамики на территориях, где по данным историков должны были находиться бохайские области Хуайюань, Аньюань и др. Интересно, что круговая керамика появляется в этих местах только после гибели Бохая, в X–XI вв., возможно, как и на северо-востоке Приморья. С этим перекликается и монография Ян Цзюня об этническом составе государства Бохай и распространении этносов на его территории. Главный вывод автора заключается в том, что на территории этого государства выделяются три этнические группы: бохайцы, этнос которых сложился в середине VIII века из южной и центральной частей мохэ и бывших когурёсцев, мохэ (их северная часть) и вэймо (на юго-востоке Бохая). Слияния всего бохайского населения в единый этнос не произошло вследствие больших различий в культурном облике и уровне социально-экономического развития этих групп (Ян Цзюнь, 2007).

Некоторые итоги. Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что на современном этапе продолжалось накопление знаний о Бохае. Применение мультидисциплинарных исследований привело к существенному росту сведений о хозяйстве бохайцев, их системе жизнеобеспечения, внутренних и внешних торговых связей. Исследования памятников с выявлением строительных горизонтов на них способствовало более детальной хронологической разработке некоторых аспектов материальной культуры, прежде всего, керамики.

Сейчас всё более очевидно, что в Приморье мы имеем дело с бохайской периферией, осваивавшейся этим государством постепенно на протяжении всего его существования.

Ослабление Бохая в конце IX века привело к тому, что центры бохайской власти над местным мохэским населением – образованные на землях разных народов – *шуайбинь*, *юйлоу*, *тели* и др. – областные и окружные – с обретением этими народами/племенами самостоятельности стали центрами новой зарождающейся государственности.

На Краскинском городище остается проблема соотношения радиоуглеродных датировок с фактическим материалом и стратиграфией. Полученные до сих пор датировки часто уходят в VI–VII вв. при том, что археологические материалы из слоев, где был взят уголь, не позволяют говорить о каком-либо добохайском времени.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье: итоги исследований российско-корейской экспедиции в 2012 – 2014 годах / Отв. ред. Н.А. Клюев. Тэджон: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2015. 220 с. (На рус. яз.); 336 с. (На кор. яз.).

Асташенкова Е.В. Бохайская буддийская скульптура и пластика // Средневековые древности Приморья. Вып. 2. / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 259–268.

Асташенкова Е.В. Декоративно-прикладное искусство населения Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 2. С. 62–81.

Беляев В.А., Сидорович С.В. Две новые эпиграфические находки из Приморья // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 114–134.

Бохайские древности из Приморского края России / Ред.-сост. Сун Юйбинь, Ивлиев А.Л., Гельман Е.И. Пекин: Вэньу, 2013. 278 с.

Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 60–72.

Гельман Е.И. Керамика Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 40–64.

Гельман Е.И. Сельское хозяйство и промыслы в экономике Бохая (по материалам памятников Российского Приморья) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018а. Т. 20. С. 168–176.

Гельман Е.И., Асташенкова Е. В., Пискарева Я. Е., Ким Ын Кук, Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2018 году. Сеул: Донгбук’а ёкса джэдан, 2019. 631 с.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Болдин В.И., Ким Ын Кук, Чжун Сук-Бэ, Ким Ынок. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2012 году. Владивосток; Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Донгбук’а ёкса джэдан, 2013. 481 с.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Санафеев А.Ю., Ким Ын Кук., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2015 году. Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, 2018. 669 с.

Гельман Е.И., Омелько В.Е., Ляцевская М.С., Баитанник С.В., Бондаренко О.В., Раков В.А., Еловская О.А. Роль растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 31–38.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008-2011 годах / Отв.ред. Н.А.Клюев. Тэджон: Гос. исслед. ин-т культурного наследия; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2012. Ч. 1. 320 с. (На рус. яз.); Ч. 1. 412 с. (На кор. яз.); Ч. 2. 224 с. (На рус. и кор. яз.).

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука, 2014. 319 с.

Ким А.А. История государства Бохай (по материалам ученых Республики Корея). Уссурийск, 2011. 177 с.

Ким А.А. К вопросу о политической ситуации в Бохае в 720-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 83–87.

Клюев Н. А., Джи Бён Мок, Ли Санджун и др. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 388 с.

Кодзима Ё., Гельман Е.И. Изучение сосуда с асфальтовым веществом, обнаруженного на Краскинском городище // Новые перспективы изучения истории Когурё и Бохая. Международная научная конференция. (г. Владивосток, 28-29 ноября 2011). Владивосток, 2011. С. 63–78 (На рус., кор. и яп. яз.).

Никитин Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (восточная периферия Бохая) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 517–541.

Пискарева Я.Е. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 80–91.

Пискарева Я.Е. Мохэский компонент в бохайской культуре (по материалам Краскинского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 2. С. 104–122.

Полутов А.В. Государственный аппарат королевства Бохай // Известия Восточного института. 2014. № 2 (24). С. 16–27.

Полутов А.В. Илоу в китайских письменных памятниках // Известия Восточного института. 2015. № 4 (28). С. 24–44.

Полутов А.В. Род сунэнь в китайских письменных памятниках // Известия Восточного института. 2017. № 1 (33). С. 17–38.

Сергушева Е.А., Гельман Е.И. Результаты исследований семян растений из бохайского поселения Абрикосовское-1 // Мультидисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. Е.И. Гельман, Ю.Е. Вострецов. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 117–127.

Uchiyama S., Gel'man E.I. Mammal remains from the Gorbatka walled town // Мультидисциплинарные методы исследования в археологии. 2020. № 1. С. 3–39.

姜玉珂、赵永军 (Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь). 渤海国北界的考古学观察 (Бохайго бэйцзе-дэ каогусюэ гуаньча = Археологическое исследование северной границы государства Бохай) // 北方文物 (Бэйфан вэньу = Культурные ценности севера). 2008. № 2. С. 28–36. (На кит. яз.).

杨军 (Ян Цзюнь). 渤海国民族构成与分布研究 (Бохайго миньцзу гоучэн юй фэньбу яньцзю = Исследование этнического состава распространения национальностей в государстве Бохай / A research on compositions and distribution of nationalities in Bohai state). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2007. 185 с. (На кит. яз.).

Информация об авторе:

Ивлиев Александр Львович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); ivlieval2@gmail.com

REFERENCES

Klyuev, N. A. 2015. (ed.). In *Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-1 i Koksharovka-8 v Primorie: itogi issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2012-2014 godakh (Koksharovka-1 and Koksharovka-8 Archaeological Sites in Primorye: Results of Investigations by the Russian-Korean Expedition in 2012-2014)*. Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2012. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 2. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 491–508 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2019a. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 62–81 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2019a. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN (Proceedings of the institute of history, archaeology and ethnography of the people the Far East)*. 25 (4). 189–222 (in Russian).

Sung Yuibin, Ivliev, A. L., Gel'man, E. I. 2013. (eds.). *Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii (Bohai antiquities from Primorsky Krai of Russia)*. Beijing: "Venu" Publ. (in Russian, in Chinese).

Belyaev, V. A., Sidorovich, S. V. 2015. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 3. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 114–134 (in Russian).

Gel'man, E. I. 2018. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 40–64 (in Russian).

Gel'man, E. I. 2018. In *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia (Oikumena. Regional Studies)* 44 (1), 60–72 (in Russian).

Gel'man, E. I. 2018a. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)* (20), 168–176 (in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Boldin, V. I., Kim Ynguk, Chzhun Suk Bje, Kim Ynok. 2013. *Arkheologicheskie issledovaniia na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2012 godu (Archaeological studies at Kraskinsky Hillfort in the Primorsky Krai of Russia in 2012)*. Vladivostok; Seul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia (in Russian)*.

D'yakova, O. V. 2014. *Gosudarstvo Bokhai: arkheologiya, istoriya, politika (Bohai State: Archaeology, History, Politics)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Kim Yn Kuk., Chzhun Suk Bje. 2018. *Arkheologicheskie issledovaniia na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2018 godu (Archaeological studies at Kraskinsky Hillfort in the Primorsky Krai of Russia in 2018)*. Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia (in Koreanian, in Russian)*.

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Sanafeev, A. Yu., Kim Yn Kuk., Chzhun Suk Bje. 2018. *Arkheologicheskie issledovaniia na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2015 godu (Archaeological studies at Kraskinsky Hillfort in the Primorsky Krai of Russia in 2015)*. Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia (in Koreanian, in Russian)*.

Gel'man, E. I., Omel'ko, V. E., Lyashchevskaya, M. S., Bashtannik, S. V., Bondarenko, O. V., Rakov, V. A., Elovskaya, O. A. 2019. In *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East)* 3, 31–38 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2014. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 4, 207–217 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2016. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekove drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 103–109 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2018. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)* (20), 177–186 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2020. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)* (26), 7–32 (in Russian).

Kim, A. A. 2011. *Istoriia gosudarstva Bokhai (po materialam uchenykh Respubliki Koreia (History of the Bohai State (Based on the Materials by Scientists of the Republic of Korea))*. Ussuriisk (in Russian).

Kim, A. A. 2013. In *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East)* 25 (5), 83–87 (in Russian).

Kim, A. A. 2014. In *Bylye Gody* 34(4), 498–503 (in Russian).

Kim, A. A. 2014a. In *Acta Ethnographica Hungarica*. 59(2), 441–455 (in English).

Kim, A. A. 2014b. In *Annales d'Universite 'Valahia' Targoviste, Section d'Archeologie et d'Histoire*. 16 (1), 63–70 (in English).

Klyuev, N. A. 2012. (ed.). In *Arkheologicheskie pamiatniki Koksharovka-I v Primorie: itogi raskopok rossijsko-koreiskoi ekspeditsii v 2008-2011 godakh (Koksharovka-I Archaeological Site in Primorye: Results of Investigations by the Russian-Korean Expedition in 2008-2011)*. Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Klyuev, N. A., Ji Ben Mok, Li Sanjun etl. 2018. *Itogi issledovaniia na gorodishche Sinel'nikovo-I v Rossijskom Primor'e (Results of Studies at Sinelnikovo-I Hillfort in Russian Primorye)*. Daejeon (in Russian).

Kojima E., Gel'man, E. I. 2011. In *Novye perspektivy izucheniia istorii Kogurjo i Bokhaia. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. (g. Vladivostok, 28-29 noiabria 2011)*. (New Perspectives of Goguryeo and Bohai Historical Studies. International Scientific Conference (Vladivostok, November 28-29, 2011)). Vladivostok, 63–78 (in Russian).

Kradin, N. N. 2018. (ed.). *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Leshchenko, N. V. 2013. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 4, 137–154 (in Russian).

Leshchenko, N. V. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovo arkheologii evrazijskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 181–184 (in Russian).

Nikitin, Yu. G. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekove: otkrytiia, problemy, gipotezy (The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 517–541 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii* (Bulletin of the Tomsk State University: History) 22 (2), 80–85 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2014. In Gel'man, E. I., Vostretsov, Yu. E. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii* (Multidisciplinary Studies in Archaeology) Vladovostok: "dalnauka" Publ., 80–91 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2019. In Gel'man, E. I., Vostretsov, Yu. E. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii* (Multidisciplinary Studies in Archaeology) Vladovostok: "dalnauka" Publ., 104–122 (in Russian).

Polutov, A. V. 2014. In *Izvestiia Vostochnogo instituta* (Oriental Institute Journal) 24(2), 16–27 (in Russian).

Polutov, A. V. 2015. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekove drevnosti Primor'ia* (Medieval Antiquities of Primorye) 3. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 276–302 (in Russian).

Polutov, A. V. 2015. In *Izvestiia Vostochnogo instituta* (Oriental Institute Journal) 28(4), 24–44 (in Russian).

Polutov, A. V. 2016. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekove drevnosti Primor'ia* (Medieval Antiquities of Primorye) 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 180–243 (in Russian).

Polutov, A. V. 2017. In *Izvestiia Vostochnogo instituta* (Oriental Institute Journal) 33(1), 17–38 (in Russian).

Sergusheva, E. A. 2012. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN* (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences) 1, 100–107 (In Russian).

Sergusheva, E. A. 2014. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 58 (4), 111–118 (in Russian).

Sergusheva, E. A., Gel'man, E. I. 2014. In Gel'man, E. I., Vostretsov, Yu. E. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii* (Multidisciplinary Studies in Archaeology) Vladovostok: "Dalnauka" Publ., 117–127 (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2005. In *Rossiya i ATR* (Russia and Asia–Pacific Region) 2, 27–32 (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2020. In *Rossiya i ATR* (Russia and Asia–Pacific Region) 2, 179–190 (in Russian).

Uchiyama, S., Gel'man, E. I. 2020. In *Multidustsiplinarne metody issledovaniia v arkhologii* (Multidisciplinary Study Methods in Archaeology) (1), 3–39 (in English).

Jiang Yu, Zhao Yongjun 2008. In *Beifang wenwu* (Northern Cultural Relics) (2), 28–36 (in Chinese).

Yang Jun. 2007. *A Research on Compositions and Distribution of Nationalities in Bohai State*. Changchun (in Chinese).

About the Author:

Ivliev Aleksandr L. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; ivlieval2@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.

Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902(571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.17.30>

НИЖНИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

© 2021 г. Е. И. Гельман

В статье опубликованы предварительные результаты изучения нижнего строительного горизонта Краскинского городища – центра округа столичной области государства Бохай (698–926 гг.). Памятник выполнял также функцию порта, который являлся морскими воротами Бохая. От его стен начинался морской путь в Японию. Рассматриваются строительные горизонты территории храмового комплекса, жилых кварталов и дороги. Соотнесены результаты изучения нижнего горизонта жилой застройки, нижнего горизонта дороги, ведущей к храмовой территории и фундамент стены, сооруженной из каменных блоков на начальном этапе строительства фортификационных сооружений. Нижний горизонт на Краскинском городище характеризуется как ранний этап его существования, когда оно еще было поселением. Характеризуются жилые и хозяйственные сооружения, а также другие основные элементы планировочной структуры памятника. Анализируются пространственная организация и плотность застройки на изученном участке городища. Систематизируются археологические материалы, связанные с ранним этапом заселения памятника. Рассматривается характер материальной и духовной культуры населения этого периода, представленный орудиями труда, вооружением, бытовыми изделиями, монетой Кайюань тунбао, украшениями, предметами игр, обломками керамики, черепицы и отходами металлообработки. Уточняется датировка нижней границы существования памятника и определяется его функция, как поселения земледельцев, рыбаков, охотников и собирателей, ремесленников. Предполагается, что уже в этот период на поселении был сооружен первый буддийский храм.

Ключевые слова: археология, Краскинское городище, государство Бохай (698–926 гг.), жилища, хозяйственные сооружения, дороги, храм.

LOWER CONSTRUCTION HORIZON OF KRASKINO HILLFORT

E. I. Gelman

This paper features the preliminary results of a study of the lower building horizon of the Kraskino hillfort. It was the center of a district of the capital region of the Bohai state (698–926). The site also operated as a port, which was the sea gate of Bohai. The sea route to Japan began from its walls. The author considers the buildings horizons of the temple complex territory, residential quarters and the road. This study intends to provide information on the correlation of the results of studying the lower horizon of residential buildings, the lower horizon of the road near the temple territory, and the foundation of a stone block wall built at the initial stage of the construction of fortifications. The lower horizon at Kraskino settlement is considered to belong to an early stage of its existence, when it was still a settlement. Residential and utility buildings, as well as other basic elements of the planning structure of the site are characterized. The spatial organization and building density of the hillfort are analyzed. Archaeological materials related to the early stage of the site's existence are systematized. The material and spiritual culture of the population of this period is considered, which is represented by tools, weapons, household items, Kaiyuan Tongbao coin, ornaments, game items, fragments of ceramics, roof tiles and metalworking waste. The dating of the lower boundary of the site's existence is specified, and its function is determined as a settlement of farmers, fishermen, hunters, gatherers, and artisans. It is assumed that the first Buddhist temple was built at the settlement as early as during the period in question.

Keywords: archaeology, Kraskino hillfort, Bohai state (698–926), dwellings, utility structures, roads, temple

Введение

Краскинское городище располагается на берегу бухты Экспедиции залива Посьета (Хасанский район, Приморский край) и правом берегу р. Цукановки (Яньчихэ) (рис. 1). Сведения о нем сохранились в летописных источниках как о центре округа Янь, входившего в столичную область Восточной столицы (Луньюаньфу) государства Бохай (698–

926 гг.). Городище имеет форму, близкую к прямоугольнику, с дугообразным северным валом, периметр которого достигает 1380 м, а площадь поверхности внутри валов составляет около 12,6 га (рис. 2). В настоящее время ширина вала по верху составляет 1 м, а в его основании – 10–12 м. Имеются трое ворот с защитными укреплениями, входы в них обращены в сторону моря. Городище являлось

Рис. 1. Вид с востока на Краскинское городище на берегу бухты Экспедиции залива Посьета
Fig. 1. Eastern view of Kraskinskoye hillfort on the bank of the Expedition Bay of the Possiet Gulf

«морскими воротами» Бохая, откуда начинался морской путь к Японским островам (Ивлиев, 2005; Kojima, 2019).

Раскопки памятника ведутся с 1980 г. по настоящее время, что позволило изучить культурные отложения на разных участках и получить представление о функционировании средневекового города на разных этапах его существования (Государство Бохай, 1994; Болдин и др., 2001; Ивлиев, 2006; Города, 2018, с. 79–103). Выявлены 5–6 строительных горизонтов, содержащих разные типы жилых, хозяйственных и общественных сооружений, а также раскопаны защитные сооружения восточных ворот, к западу от городища обнаружена группа бохайских погребений (Болдин и др., 2008; Гельман и др., 2011, 2016, 2018, 2019; Гельман, 2018, с. 61–63). В настоящем исследовании обобщаются результаты анализа объектов и археологических материалов, относящихся к нижнему строительному горизонту Краскинского городища.

Основные элементы планировочной структуры поселения

Площадь всех раскопок, на которых удалось завершить исследования нижнего строительного горизонта, в совокупности составляет менее 700 м² (рис. 3). Такая ситуация сложилась из-за высоких грунтовых вод на памятнике и трудности понимания стратиграфической ситуации на разных участках городища. Установить наличие пяти-шести строительных горизонтов вместо двух-трех ранее выявленных впервые удалось в 2007 г. (Болдин и др., 2008). С этого времени при каждой удачной климатической ситуации, в

сухой сезон, который случается не каждый год, ведутся исследования слоев, связанных с ранним этапом заселения памятника. На полностью изученных участках были раскопаны важные объекты: отдельные участки ниже крепостной стены на ее северо-западном отрезке и на восточных воротах, часть дорог, жилища и хозяйственные сооружения. Предварительно определено место расположения самого раннего буддийского храма, которое предстоит еще исследовать.

О буддийском храме. Информация о наличии нескольких строительных горизонтов на памятнике появлялась постепенно, по мере изучения Краскинского городища. Сначала были изучены остатки центрального храма верхнего горизонта (Болдин, 1993). В дальнейшем на территории храмового комплекса были обнаружены остатки еще двух строительных горизонтов (рис. 4) (Болдин и др., 2001; Болдин, 2013). Самый нижний горизонт соотносится с нивелировочными отметками –147/–155 см. Но длительное время связать периодизацию храмового комплекса со строительными горизонтами в жилых кварталах не удавалось. Только раскопки 2018 г. показали, что основание крепостной стены вблизи храма находится на уровне –240 см, т. е. примерно на метр ниже, чем самый ранний строительный горизонт храмовых сооружений (Гельман и др., 2019-б, с. 200–203). Вместе с тем в отложениях дороги четвертого и пятого горизонтов содержались фрагменты плоской и полукруглой черепицы, обломки дисков фронтальной черепицы и украшений крыши храма. Пятый горизонт дороги нахо-

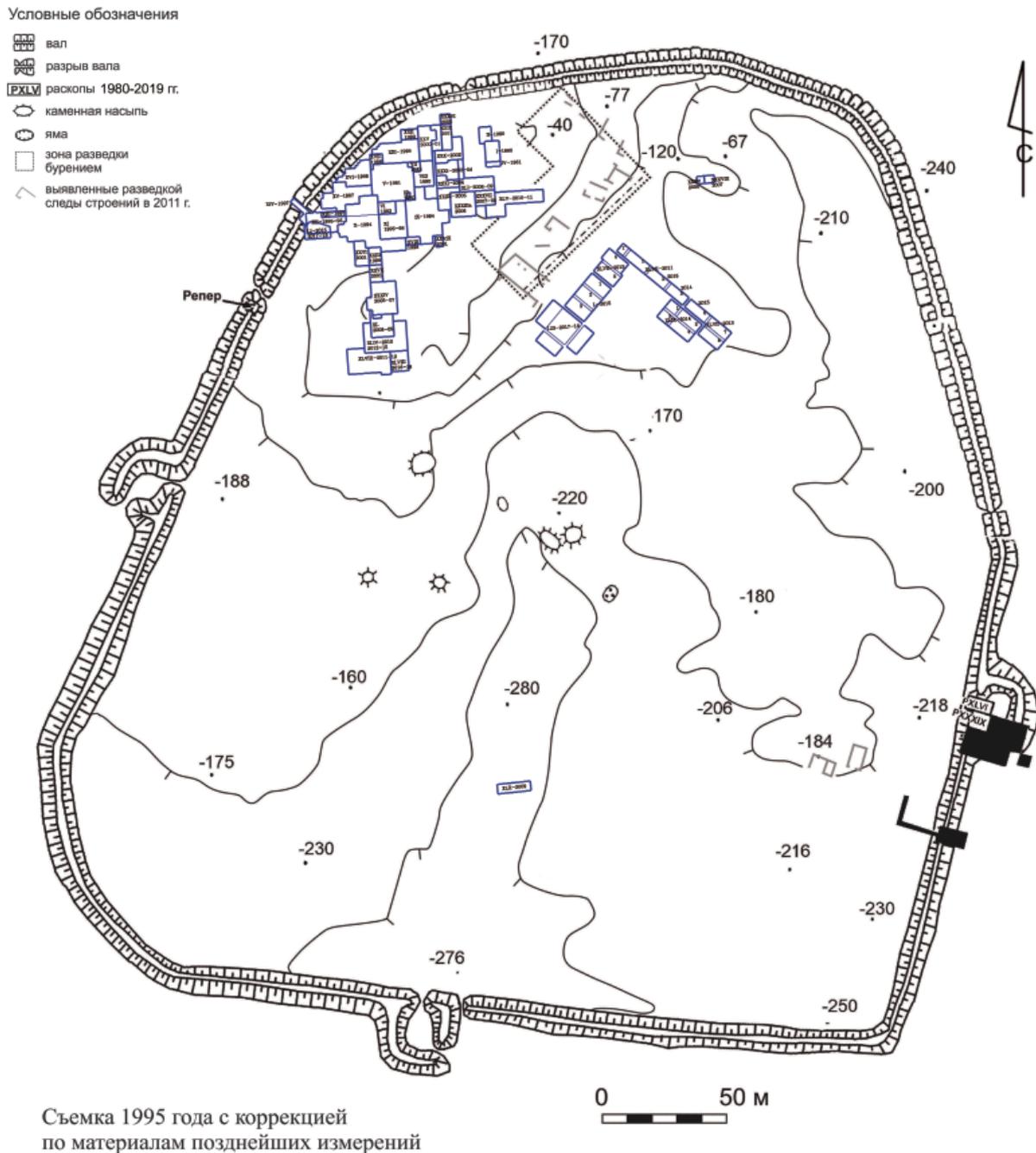

Рис. 2. План Краскинского городища
Fig. 2. Plan of Kraskinskoye hillfort

дится на уровне $-258/-300$ см, то есть почти на полтора метра ниже известных нам остатков наиболее ранней постройки храма. При изучении жилищ нижнего строительного горизонта Краскинского городища в 2007 г. были обнаружены обломки черепицы и украшений крыши храма, которые также позволяли предположить наличие более ранних остатков храмовых сооружений (Болдин и др., 2008).

Дороги. Благодаря раскопкам 2018 г. (раскоп LI) вблизи храмового буддийского комплекса (северо-западная часть городища)

и крепостной стены изучен фрагмент дороги с остатками каменного покрытия самого нижнего пятого строительного горизонта (Гельман и др., 2019-б, с. 200–203). Было установлено, что в этот период на памятнике еще отсутствовали крепостные стены, а на месте города сначала существовало поселение. Этот участок дороги, пролежавшей вдоль ограды между городскими кварталами и храмовым комплексом, является наиболее сохранившимся, особенно в верхних горизонтах. Ее направление указывает на то, что в нижнем строительном горизонте она проходила в юго-

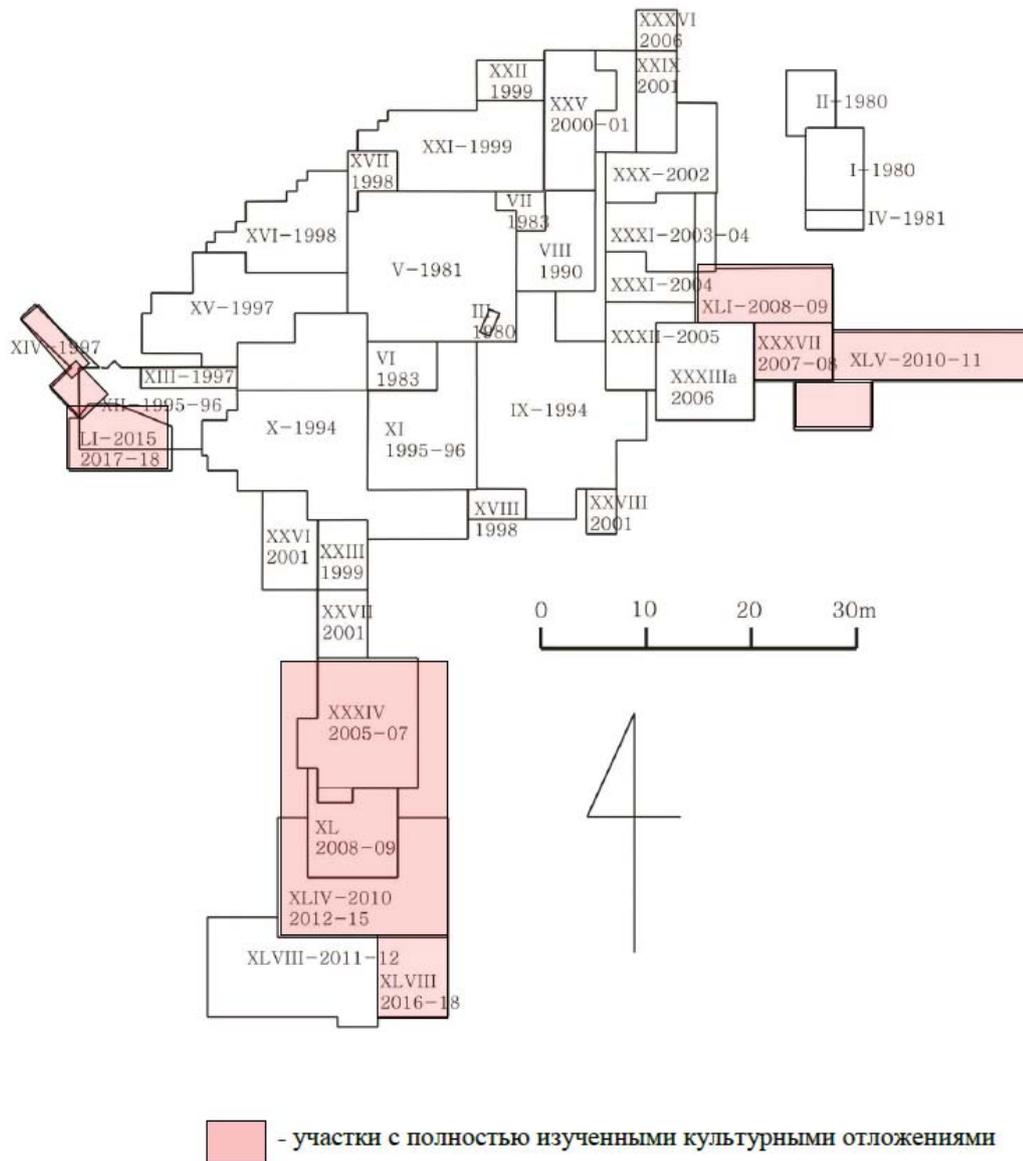

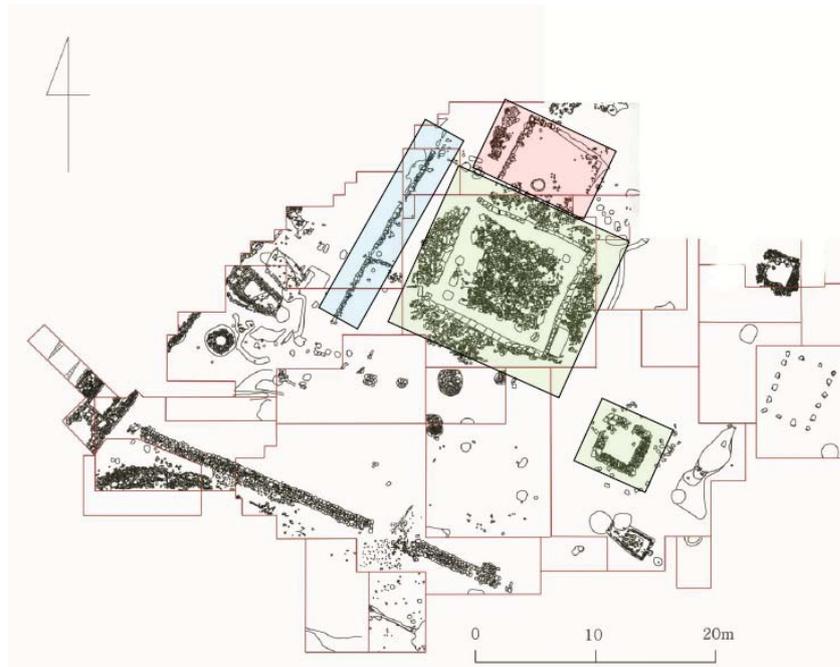
Рис. 3. Ситуационный план северо-западной части городища с раскопанными участками (римскими цифрами обозначены номера раскопок, арабскими – год раскопок)

Fig. 3. Dimensional plan of the north-western portion of the hillfort with excavated areas (Roman numerals indicate the excavations number, Arabic numerals – the excavation year)

западном направлении под валом, а в северо-восточном вела на территорию храмового комплекса (рис. 5). Ширина дороги составила 3,9–4,2 м. Мощность отложений дорожного полотна этого горизонта составила 40–45 см. Она сооружалась тем же способом, что и остальные отложения дороги верхних четырех строительных горизонтов. На песчаную подсыпку утрамбовывались камни средних размеров, между которыми забутовывался мелкий камень или мелкая галька с песком. По мере разрушения дорога подсыпалась песком, строительным мусором и хозяйственными отходами (зола древесного и каменного угля, кости животных, створки раковин моллюсков и прочее). На данном участке дороги самым массовым материалом, который использовался в ремонте дороги, была черепица.

В центре северной части памятника (раскоп XLVII) в жилом квартале начато изучение поверхности небольшого участка дороги, проходившей в направлении север – юг. В верхних четырех горизонтах дорога имела каменное покрытие, но на поверхности пятого горизонта такое покрытие отсутствовало. Следы плотной забутовки шириной около 3 метров в том же направлении, что и верхние уровни дороги, дают основание предположить, что на самом раннем этапе дорога в этом месте была грунтовой. Однако полностью завершить работу по ее изучению не удалось из-за высоких грунтовых вод.

Жилища и хозяйственные сооружения. В северо-западной части городища изучены полностью остатки двух жилищ, несколько жилищ раскопаны частично, обнаружены

- остатки здания верхнего горизонта
- остатки фундамента буддийского храма среднего горизонта
- остатки фундамента буддийского храма нижнего горизонта

Рис. 4. План с указанием расположения объектов храмового комплекса на городище, участка крепостной стены и прилегающих участков

Fig. 4. Plan marking the location of the temple complex sites at the hillfort, a section of the fortress wall and the adjacent areas

многочисленные хозяйственные сооружения. Все жилища нижнего горизонта независимо от степени их изученности представлены полуземлянками глубиной около полуметра (45–55 см) (рис. 6). Размеры жилищ составили: жилище 6 (5×4 м) – около 20 м² (Болдин и др., 2008), жилище 12 (3,5×4,5 м) – 15,7 м² (Болдин и др., 2008; Гельман и др., 2011-а), жилище 28 (5,5×3,5 м) – 19 м² (Гельман и др., 2015, 2019-б). Из-за высокой переувлажненности почвы (супесей и песков) в нижнем горизонте размеры очага удалось установить только в жилище 12, диаметр которого составил около 1 м. В этом же жилище, которое погребло от пожара, сохранились столбовые ямки. Ориентировка жилищ, в тех случаях, когда это можно было определить, была разнообразной: север – юг, запад – восток, юго-запад – северо-восток. В нескольких жилищах была выявлена обмазка глиной пола, отдельные куски карбонизированной древесины (остатки конструкций) и в двух случаях использование камня для основания стен.

Хозяйственные сооружения различаются по размеру и их положению относительно дневной поверхности (углубленные и назем-

ные). Обнаружены хозяйственные ямы внутри жилищ. Такие ямы могли устраиваться как вплотную к стенкам котлована жилища, так и ближе к очагу. Их размеры: диаметр 1 м и глубина 0,5 м (жилище 12 и котлован жилища в раскопе XLV) (Гельман и др., 2011). В них обнаружены обломки и целые сосуды, остатки костей животных, периостракум мидий. Назначение ям внутри жилищ нижнего горизонта могло быть разнообразным, в том числе и для хранения продуктов. Результаты раскопок жилищ из других строительных горизонтов свидетельствуют о разных формах, размерах и назначении хозяйственных ям внутри жилищ, в некоторые из ям ставились крупные сосуды для хранения воды (Гельман и др., 2018).

Рядом с жилищем 12 обнаружены 2 объекта, которые в совокупности образуют хозяйственный дворик без видимых признаков ограды (Гельман и др., 2011). Котлован подпрямоугольной формы (2,50×2,1 м, глубиной до 55 см) и хозяйственная яма, овальная в плане (1,8×1,7 м, глубиной до 30 см), сгорели и были заполнены обгоревшей обмазкой и обломками круговой посуды. Сохранившиеся

**Дорога вблизи храмового комплекса и крепостной стены
в нижнем (5-ом) строительном горизонте – первый
период заселения памятника
(на отметке -260/-270 см)**

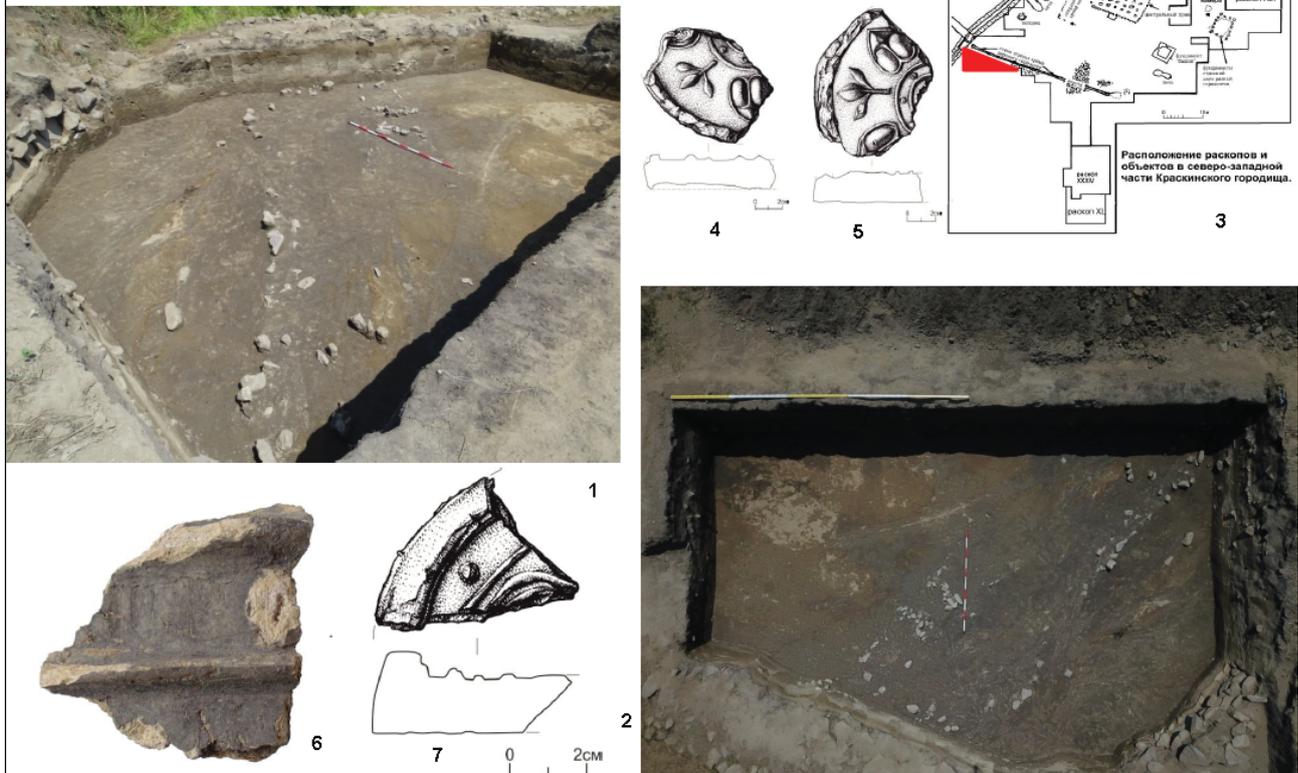

Рис. 5. Дорога на Краскинском городище в нижнем строительном горизонте и артефакты, собранные в ее заполнении: 1 – вид с юго-запада на остатки дороги; 2 – вид сверху на остатки дороги, фрагменты дисков кровельной черепицы и украшения; 3 – план-схема с указанием расположения объектов храмового комплекса (красным цветом обозначен участок раскопа с остатками изученной дороги); 4, 5, 7 – фрагменты дисков полукруглой фронтальной черепицы; 6 – фрагмент декоративного украшения крыши

Fig. 5. The road at Kraskinskoye hillfort in the lower construction horizon and artifacts collected in its filling material: 1 – southwest view of the remains of the road; 2 – top view of the remains of the road, fragments of roofing tile discs and decorations; 3 – diagram indicating the locations of temple complex sites (with the excavation site and the remains of the studied road marked in red); 4, 5, 7 – fragments of the disks of semicircular frontal tiles; 6 – fragment of roof decoration

несколько ямок от столбов, возможно, использовались для сооружения навеса над ямами. Общий размер хозяйственного двора условно составил около 80 м². Расстояние до другого жилища нижнего горизонта составило 6 м, а свободная от хозяйственных объектов территория между двумя жилищами составляет примерно 50–70 м². Плотность расположения жилищ и размер хозяйственных дворов примерно соответствуют и следующему этапу заселения памятника в границах раскопанных участках. Эти цифры могут в будущем измениться после существенного увеличения площади раскопок нижнего строительного горизонта. Кроме того, нельзя исключать, что хозяйственные сооружения могли использоваться совместно с родственниками из соседних домохозяйств.

Рядом с жилищем 28 (раскоп XLVIII, восточный сектор) обнаружен наполовину раскопанный котлован округлой формы диаметром около 1,92 м и глубиной 0,8 м. В заполнении были обнаружены фрагменты керамической посуды, монета, серп и др. артефакты, кости млекопитающих и моллюсков. Возможно, другие хозяйственные объекты находятся за пределами раскопа.

Наземные хозяйственные постройки изучены только частично, поэтому об их размерах судить сложно, можно лишь отметить их прямоугольную/квадратную форму. В некоторых случаях они немного заглублены (например, котлован в раскопе XLIV, 2014 г., имеет размеры 2,6×2,4 м и глубину до 10 см). Их заполнение включало фрагменты керамиче-

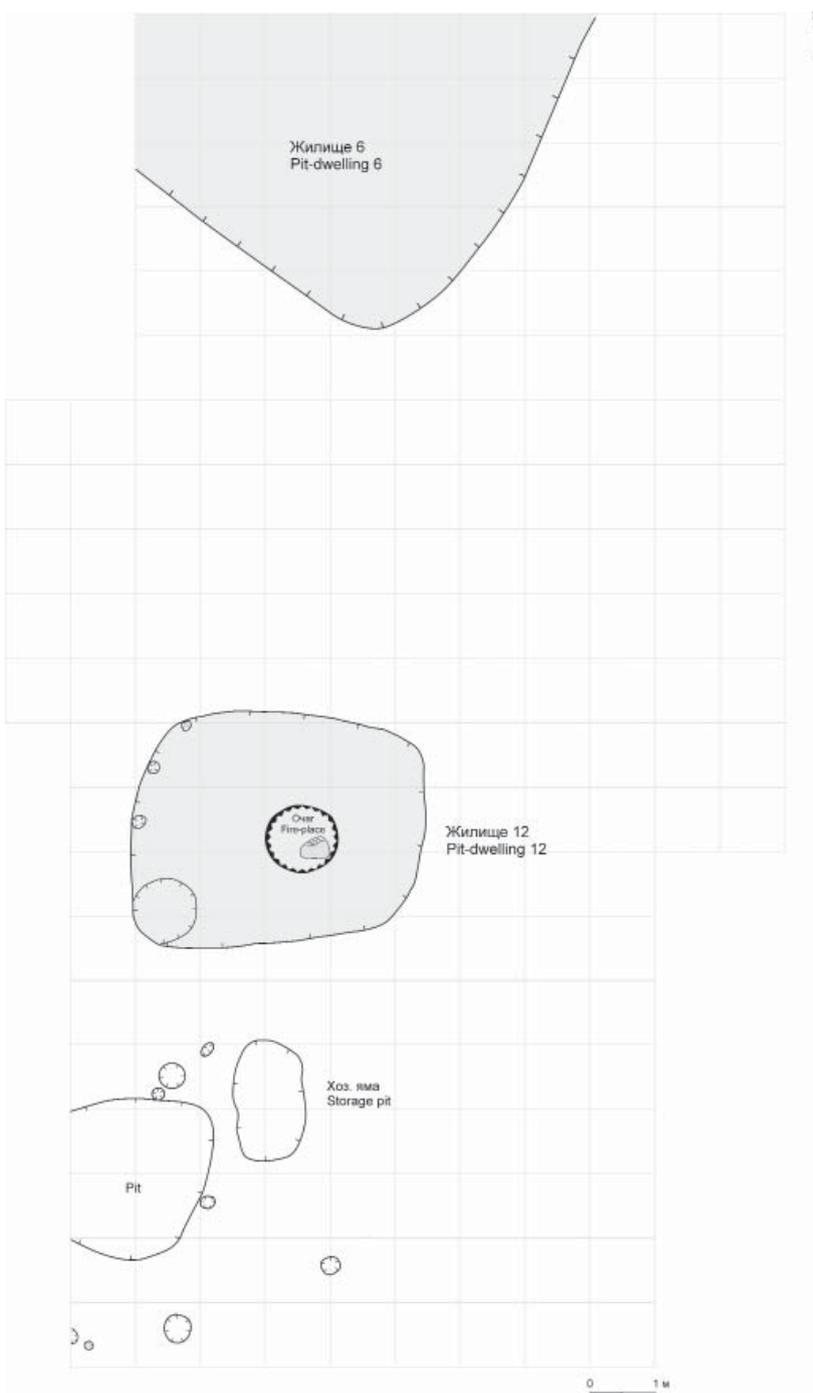

Рис. 6. Планы остатков жилищ 6 и 12, хозяйственных сооружений из нижнего строительного горизонта Краскинского городища

Fig. 6. Plans of the remains of dwellings 6 and 12, utility structures from the lower construction horizon of Kraskinskoye hillfort

ских сосудов, костей животных, рыб и другие кухонные остатки.

Материальная культура.

Набор артефактов, обнаруженный в нижнем горизонте Краскинского городища в разных объектах (табл. 1), в значительной степени совпадает с теми, что мы встречаем в верхних четырех горизонтах¹. Можно заключить, что основа материальной культуры Бохая в бассейне р. Туманган сложилась уже на самом раннем этапе становления государства. В этот период времени мохэский компонент (Пискарева, 2019), судя по Краскинскому городищу, представлен незначительно по сравнению с другими территориями Бохая, вошедшими в

его состав позднее (рис. 7, 8). Вместе с тем керамика мохэского облика сохраняется в небольшом количестве и в материалах других периодов городища. Кроме того, она встречается вместе с обломками посуды с морфологическими особенностями, характерными для ольгинской культуры (мелкоячеистая выбивка, насечки по краю венчика).

Судя по орудиям труда и обилию фрагментов криц во всех объектах нижнего горизонта, а также многочисленным железным изделиям, население памятника занималось сельским хозяйством, добычей и обработкой металла (железа и чугуна), ювелирным делом, производством керамики и черепицы, ткачеством,

Рис. 7. Предметы, найденные в нижнем строительном горизонте: 1, 2 – ножи; 3, 4, 6–8 – наконечники стрел; 9 – обоймица; 10 – кольцо; 11 – фрагмент «бохайского кубика» с отверстиями; 12, 15 – грузила; 13 – фрагмент ножки котла; 14 – точило; 16, 17 – кольца; 18 – заготовка пряслица; 19 – фрагмент браслета; 20 – бусина; 21 – поясная накладка; 22 – монета Кайюань тунбао; 23 – обломок втулки ступицы колеса; 24 – фрагмент лемеха; 25 – фрагмент серпа; 26 – головка ювелирного молотка (1–10, 25, 26 – железо; 11, 12, 15–18 – глина; 19, 21, 22 – бронза; 23, 24 – чугун)

Fig. 7. Items found in the lower construction horizon: 1, 2 – knives; 3, 4, 6–8 – arrowheads; 9 – clip; 10 – ring; 11 – fragment of a “Bohai cube” with holes; 12, 15 – sinkers; 13 – boiler leg fragment; 14 – sharpener; 16, 17 – rings; 18 – spindle blank; 19 – bracelet fragment; 20 – bead; 21 – a belt overlay; 22 – Kaiyuan tongbao coin; 23 – wheel hub fragment; 24 – ploughshare fragment; 25 – sickle fragment; 26 – jewelry hammer head (1–10, 25, 26 – iron; 11, 12, 15–18 – clay; 19, 21, 22 – bronze; 23, 24 – cast iron)

Рис. 8. Керамические изделия из нижнего строительного горизонта: 1, 2 – игральные фишки; 3 – диск, изготовленный из черепицы; 4 – декоративное украшение крыши храма; 5, 6, 8 – фрагменты полукруглой черепицы; 7 – часть горшка; 9 – обломок пароварки; 10–15 – прорисовки иероглифических знаков с днах сосудов (вне масштаба); 16 – нижняя часть сосуда-подставки; 17–19 – фрагменты петельчатой, козырьковой и горизонтально-ленточной ручек сосудов

Fig. 8. Ceramic items from the lower construction horizon: 1, 2 – playing chips; 3 – disc made of tiles; 4 – temple roof decoration; 5, 6, 8 – fragments of semicircular tiles; 7 – fragment of a pot; 9 – fragment of a steamer; 10–15 – drawings of hieroglyphic signs from vessel bottoms (not to scale); 16 – lower part of a support vessel; 17–19 – fragments of looped, visor and horizontal ribbon handles of vessels

охотой и рыболовством, морским собирательством. Жители поселения уже были знакомы с игрой «гону», которая позднее стала еще популярнее. Игральные фишки, изготовленные из обломков керамических сосудов, черепицы и камня (песчаника), встречаются почти во всех объектах нижнего строительного

горизонта. Образцы изобразительно-декоративного искусства также имеют аналогии с артефактами других периодов (Асташенкова, 2010).

В жилищах и хозяйственных сооружениях на первом этапе существования памятника собраны фрагменты черепицы и изготов-

Таблица 1. Распределение артефактов в объектах нижнего строительного горизонта
 Table 1. Distribution of artefacts across the sites of the lower construction horizon

	Типы артефактов	Жилище 6 (раскоп XXXIV)	Жилище 12, хозяйственные сооружения (раскопы XXXIV, XL)	Жилище 28, хозяйственные сооружения (раскопы XLIV, XL-VIII)	Котлован жилища (раскоп XLV)	Фрагмент жилища, хозяйственные сооружения (раскоп XLIV)	Дорога (раскоп LI)
Орудия труда	Нож	+	+	+	+	+	
	Ювелирный молоток		+				
	Серп			+			
	Чугунный лемех		+	+			
Воору- жение	Заготовка костяного свистунка	+					
	Черешковый листовидный наконечник стрелы	+	+	+		+	
	Черешковый ромбовидный наконечник стрелы			+			
	Черешковый долотовидный наконечник стрелы				+		
	Черешковый иволистный наконечник стрелы						
	Панцирная пластина						
Бытовые предметы	Обоймица	+		+		+	
	Пробой	+					
	Гвозди	+		+		+	+
	Скоба			+			
	Железное кольцо					+	
	Железный крючок					+	
	Фрагменты чугунных котлов		+	+		+	+
	Втулки колеса (чугун)					+	
	Чека колеса (чугун)					+	
	Точила (камень)	+		+		+	
	Грузила (камень, глина)	+			+		
	Кольца-грузики (глина)	+	+	+		+	
	«Бохайские кубики» (глина)			+		+	+
	Шарики (глина, камень)	+					
Пряслица (глина, камень)			+				
Монеты				+			
Украше- ния	Браслеты (бронза)			+			
	Поясная накладка			+			
	Бусины (камень, глина)			+			

Предметы для игр	Игральные фишки (изготовлены из стенок сосудов, черепицы, камня)	+	+	+		+	+
Черепица, украшения крыши	Черепица полукруглая				+	+	
	Черепица плоская	+	+			+	
	Диски фронтальной черепицы						+
	Декоративные украшения крыши	+					+

ленные из них предметы (игральные фишки, грузило, пряслица), что предполагает наличие здания с черепичной крышей и декоративными украшениями. К таким зданиям относятся дворцовые и административные сооружения, судя по раскопкам бохайских столиц (Сун, 2018). На Краскинском городище пока не обнаружено ни одного административного здания с черепичной крышей, возможно также, что в нижнем строительном горизонте оно отсутствовало совсем из-за невысокого статуса в виде поселения. Вместе с тем значительное количество черепицы (674 фрагмента/24,638 кг), украшения крыши и диски фронтальной черепицы в заполнении дороги нижнего горизонта, рядом с территорией храмового комплекса, убедительно свидетельствуют о том, что и в ранний период храмовая постройка располагалась на том же месте, где обнаружены остатки фундаментов верхних строительных горизонтов городища. Кроме того, концевые диски и обломки декоративных украшений аналогичны образцам, обнаруженным в верхних отложениях храмового комплекса (Асташенкова, Болдин, 2004; Асташенкова, 2010, 2019а, 2019б). Судя по стратиграфическим наблюдениям, храм из нижнего горизонта использовался задолго до строительства крепостной стены и обслуживал духовные потребности населения поселения до получения им высокого статуса центра одного из округов Восточной столицы. Именно с этим фактом следует связать начало строительства фортификационных сооружений.

Заключение

На изученной площади памятника пока раскопано мало жилищ нижнего строительного горизонта, но можно предположить, судя по их ориентировке, что строгой планировки на поселении еще не было. Площадь жилищ в среднем составляла 15–20 м². Они представляли собой полуземлянки с очагами и хозяйственными ямами, пол обмазывался глиной. Рядом с жилищами располагались наземные

и углубленные хозяйственные сооружения, образующие хозяйственные дворики. Некоторые из них имели навесы-крыши. Застройка была свободнее, чем в последующие этапы функционирования Краскинского городища.

Образцы материальной культуры населения раннего этапа существования памятника имеют полное сходство с аналогичными артефактами разных категорий из верхних строительных горизонтов. Это свидетельствует о формировании основы бохайской культуры уже в начальный период становления государства, вероятно, до сложения административно-территориальной системы в Бохае. Мохэский и другие компоненты в культуре населения Краскинского городища в его ранних отложениях представлены статистически незначительно.

Находки черепицы разных типов, декоративных украшений крыши указывают на то, что буддизм проник на территорию южной части Приморья задолго до того, когда он стал «официальной» религией в Бохае. Его роль в жизни населения памятника была гораздо выше, чем мы могли предполагать ранее. Вместе с буддизмом шире распространялась письменность (Ивлиев, 2014). Часть населения была грамотной, китайские иероглифы и их подобиия встречаются даже на керамических сосудах, в том числе на доньях, что можно рассматривать как клейма частных мастеров. В других строительных горизонтах они не встречаются, сохраняются только тамгообразные знаки и надписи на стенках керамической посуды.

Оценивая датировку нижнего горизонта, необходимо иметь в виду, что начало международных отношений с Японией и обмен посольствами с Бохаем приходится на конец 1-й трети VIII в. Это повлекло за собой получение Краскинским городищем нового статуса и строительство фортификационных сооружений. Учитывая стратиграфическую ситуацию, можно предположить, что поселение на месте

будущего центра округа Яньчжоу просуществовало довольно долго, не менее нескольких десятилетий, то есть на рубеже VII–VIII вв. Дальнейшие исследования позволят уточнить нижнюю хронологическую границу для памятника. Но нужно иметь в виду, что выбор бохайцами этого места для строительства морского порта и отправки посольств в

Японию не был случаен. Местные жители были хорошими рыбаками и моряками, имели навыки мореплавания и, очевидно, знали морские маршруты. Сведения о посещении мохэсками Японских островов сохранились в японских хрониках (Кojima, 1996), не исключено, что некоторые такие путешествия совершались из залива Посыета.

Примечание:

¹ Керамика специально не рассматривается в статье, так как в силу обширности задачи является объектом отдельного исследования. Можно лишь отметить, что все формы сосудов нижнего горизонта встречаются в более поздних отложениях памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Асташенкова Е.В., Болдин В.И. Декор концевых дисков Краскинского городища // Россия и АТР. 2004. №1(43). С. 122-129.

Асташенкова Е.В. Предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства Краскинского городища // Бохай: история и археология. Владивосток, 2010. С. 81-85.

Асташенкова Е.В. Декоративно-прикладное искусство населения Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019а. №2. С. 62-81.

Асташенкова Е.В. Символы богатства и власти в искусстве бохайского и чжурчжэньского населения (по данным археологических раскопок приморских памятников) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019б. Т.25. С.189-222.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. Интеграция на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74-91.

Болдин В.И. Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 49-59.

Болдин В.И. Исследование храмового буддийского комплекса на Краскинском городище в Приморье // Буддизм Ваджраяны в России: Исторический дискурс и сопредельные культуры. М., 2013. С. 131-135.

Болдин В.И., Гельман Е.И., Леценко Н.В. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище Приморского края в 2007 г. Сеул, 2008. Кор. и русс. яз.

Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 60-72.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Леценко Н.В., Ким Ын.К., Кан Ин Ук. Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в Приморском крае в 2009 году. Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул, 2011. Т. I, Т. II. Кор. и русс. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Бессонова Е.А., Зверев С.А. Мультидисциплинарные исследования бохайской группы погребений в окрестностях Краскинского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №4. С. 94-101.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Санафеев А.Ю., Ким Ын Кук., Чжун Сук Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2015 году. Сеул, 2018. Кор. и русс. яз.

Гельман Е.И., Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын Кук, Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2018 году. Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: Сеул, 2019. 631 с. Кор. и русс. яз.

Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994. 219 с.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Колл. авторов. Е.В. Асташенкова, С.Е. Бакшеева, Е.И. Гельман, И.В. Гридасова, А.Л. Ивлиев, Н.А. Клюев, Н.Н. Крадин, Я.Е. Пискарева, С.Д. Прокопец, Е.А. Сергушева. М. : ИВЛ, 2018. 367 с.: ил.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449-475.

Ивлиев А.Л. Исследования Красинского городища и археологическое изучение Бохая в Приморье // Россия и АТР, 2006, №3(53). С. 5-18.

Ивлиев А.Л. Эпиграфические материалы Бохая и бохайского времени из Приморья // Россия и АТР, 2014, №4(86). С. 207-217.

Пискарева Я.Е. Мохэский компонент в бохайской культуре (по материалам Красинского городища) // Мультидисциплинарные исследования в археологии, 2019, №2. С. 104-122.

Сун, Юйбинь. Исследование остатков столичных городов Бохая // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. №2. С. 103-125.

Kojima, Yoshitaka. The history of relation between Mohe, Bohai and Japanese Islands. In: *The First International Symposium of Bohai Culture* (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). Vladivostok. 1996. Pp. 22–28.

Kojima, Yoshitaka. An archaeological study about the road network of Bohai // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. №2. Pp. 51-60. Англ.яз.

Информация об авторе:

Гельман Евгения Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); gelman59@mail.ru

REFERENCES

Astashenkova, E. V., Boldin, V. I. 2004. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 43 (1), 122–129 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2010 In Ivliev, A. L. (ed.). *Bokhai: istoriia i arkheologiiia (v oznamenovanie 30-letii s nachala arkheologicheskikh raskopok na Kraskinskom gorodishche (Bohai: history and Archaeology (Commemorating 30 Years Since the Beginning of Archaeological Excavations of Kraskinskoye Hillfort))*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, 81–85 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2019a. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 62–81 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2019b. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS)* (25), 189–222 (in Russian).

Boldin, V. I., Gelman, E. I., Ivliev, A. L., Nikitin, Yu. G. 2001. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 3, 74–91 (In Russian).

Boldin, V. I. 1993. In Sapunov, S. B. (ed.). *Problemy etnokul'turnoi istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorii (Issues of the Ethnic-cultural History of the Far East and Adjacent Territories)*. Blagoveshchensk : Blagoveshchensk State Pedagogical University, eshhensk, 49–59 (in Russian).

Boldin, V. I. 2013. In Leont'eva, E. V. (ed.). *Buddizm Vadzhraiany v Rossii: istoricheskii diskurs i sopredel'nye kul'tury (Vajrayana Buddhism in Russia: Historical Discourse and Adjacent Cultures)*. Moscow: "Almaznyi Put' Publ., 131–135 (in Russian).

Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Leshhenko, N. V. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh na Kraskinskom gorodishche Primorskogo kraia v 2007 g. (Report on Archaeological Studies at the Kraskinsky Settlement of Primorsky Krai in 2007)*. Seul (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I. 2018. In *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia (Ojkumena. Regiona Studies)* 44 (1), 60–72 (in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Boldin, V. I., Ivliev, A. L., Leshhenko, N. V., Kim, Yn. K., Kan, In Uk. 2011. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v Rossiiskom Primor'e v 2009 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in the Russian Primorye in 2009)*. 1. Vladivostok, Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Koreanian, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Boldin, V. I., Ivliev, A. L., Leshhenko, N. V., Kim, Yn. K., Kan, In Uk. 2011. *Arheologicheskie issledovaniia rossiisko-koreiskoi ekspeditsii na Kraskinskom gorodishhe v Rossiiskom Primor'e v 2009 godu (Archaeological Studies of the Russian-Korean Expedition at Kraskino hillfort in the Russian Primorye in 2009)*. 2. Vladivostok, Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Koreanian, in Russian).

Gelman, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Bessonova, E. A., Zverev, S. A. 2016 In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 4, 94–101 (in Russian)

Gel'man, E. I., Astashenkova, E., V., Piskareva, Ya. E., Sanafeev, A. Yu., Kim Yn Kuk., Chzhun Suk Bje. 2018. *Arkheologicheskie issledovaniia na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2015 godu (Archaeological Studies at Kraskinsky hillfort in Primorsky Krai of Russia in 2015.)*. Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia* (in Korean, in Russian).

Gel'man, E. I., Astashenkova, E. V., Piskareva, Ya. E., Kim Yn Kuk., Chzhun Suk-Bje. 2019. *Arkheologicheskie issledovaniia na Kraskinskom gorodishche v Primorskom krae Rossii v 2018 godu (Archaeological Studies at Kraskinsky hillfort in Primorsky Krai of Russia in 2018)*. Vladivostok, Seul: *Foundation for the Study of the History of Northeast Asia*; Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Korean, in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii (Bohai State (698–926) and the Tribes of the Russian Far East.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kradin, N. N. 2018. (ed.). *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy (The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses)*. Vladivostok: “Dalnauka” Publ., 449–475 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2006. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 53 (3), 5–18 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2014. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 86 (4), 207–217 (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2019. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 104–122 (in Russian).

Sun, Jujbin. 2018. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 103–125 (in Russian).

Kojima, Yoshitaka. 1996. In *The First International Symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state)*. Vladivostok, 22–28 (in English).

Kojima, Yoshitaka. 2019. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 51–60 (in English).

About the Author:

Gel'man Evgeniia I. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; gelman59@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 903.02(571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.31.44>

КЕРАМИКА В РИТУАЛЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. РАЗДОЛЬНОЙ)

© 2021 г. Я.Е. Пискарева

В статье рассматривается значение керамических сосудов в ритуале и повседневной жизни раннесредневекового населения юго-западного Приморья. Источниками работы являются материалы трехрядомрасположенных памятников: поселения Чернятино-2, городища Синельниково-1 и могильника Чернятино-5, датируемых позднемохэским и раннебохайским периодами (VII – IX вв. н.э.). Анализ керамических коллекций показал определенные предпочтения при подборе сосудов, помещавшихся в могилы. Сравнение с жилищными комплексами позволило выявить, что это были емкости небольшого объема, как правило кухонные, предназначенные для индивидуального использования. Также часть изделий изготавливалась специально для захоронения, о чем свидетельствует небрежность изготовления сосудов, несоблюдение пропорций. Автор приходит к выводу об особой роли керамики в ритуале. В то время как другие составляющие погребального обряда отличаются высокой степенью изменчивости, керамика остается постоянным компонентом в погребениях на всем протяжении существования могильника, что в свою очередь указывает на неизменные духовно-религиозные представления населения данного региона в меняющихся исторических условиях.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, мохэ, Бохай, ритуал, повседневность, керамика.

CERAMICS IN THE RITUAL AND EVERYDAY LIFE OF THE EARLY MEDIEVAL POPULATION OF PRIMORYE (BASED ON MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE MIDDLE REACHES OF THE RAZDOLNAYA RIVER)

Ya. E. Piskareva

The paper analyzes the significance of ceramic vessels in the ritual and everyday life of the early medieval population of the south-western Primorye. The sources used in the work are materials from the following three nearby sites: Chernyatino-2 settlement, Sinelnikovo-1 ancient town and Chernyatino-5 burial ground dated the Late Mohe and Early Bohai periods (7th – 9th centuries AD). An analysis of ceramic collections revealed certain preferences in the selection of vessels placed in the graves. A comparison with residential complexes demonstrated that these were small containers, usually kitchenware, intended for individual use. Also, some of the items were made specifically for burial, as evidenced by carelessness in the making of the vessels, and disregard of proportions. The author comes to a conclusion about the special role of ceramics in the ritual. While other components of the burial ritual are highly variable, ceramic remains an essential component in burials throughout the entire period of the burial ground's operation, which in turn indicates the unchanging spiritual and religious beliefs of the population of this region in changing historical conditions.

Keywords: archaeology, early Middle Ages, Mohe, Bohai, ritual, everyday life, ceramics.

Введение. Материальные остатки, с которыми имеют дело археологи, формируются в различных контекстах повседневной жизни или ритуала и таким образом отражают их особенности. Вопросы соотношения ритуала и повседневности по материалам археологических памятников неоднократно изучались различными авторами. Часть исследований рассматривает ритуал как нечто особенное и отдельное от повседневной жизни. Акцент делается на определении его критериев в археологическом материале (Renfrew, 1994, p. 49; Renfrew, Bahn, 2000, p. 415–417).

В других подходах ритуал рассматривают как часть поведения человека. Ставится вопрос о том, что концепция ритуала является

продуктом постпросвещенческого рационализма и не обязательно применима к другим культурным или историческим контекстам, а логика действий и модель мира в прошлом сильно отличается от нашей (Briick, 1999). Исследуется не только роль «повседневных» предметов в духовной жизни, но также роль «особых» артефактов или мест в повседневной жизни. Такой подход в большей мере характерен для исторической археологии (Gazin-Schwartz, 2001; Manning C. 2014a,б). Основная идея заключается в том, что ритуал и повседневность как противоположные стороны континуума вместе составляют отношения людей с повседневным и потусторонним мирами.

Рис. 1. Карта Приморского края и памятников среднего течения р. Раздольная: поселение Чернятино-2, городище Синельниково-1 и могильник Чернятино-5
Fig. 1. Map of Primorsky Krai and the sites of the middle reaches of the Razdolnaya river: Chernyatino-2 settlement, Sineelnikovo-1 hillfort and Chernyatino-5 burial ground

В данной работе под ритуалом понимаются «определенные типы действий, служащие цели выражения веры или приверженности определенным символическим системам» (Douglas, 2002). В нашем исследовании мы намерены выяснить, как и какие сосуды фигурируют в ритуале и в повседневной жизни населения одной территории в эпоху раннего Средневековья. Ставятся следующие вопросы: есть ли отличия между сосудами из погребений и из поселенческих комплексов, в чем они проявляются, могли ли сосуды изготавливаться специально для захоронений или использовалась обычная повседневная посуда, и в конечном счете, какую роль играла керамика по сравнению с остальными составляющими погребального обряда.

Источники. Источниками работы стали материалы трех памятников: могильника Чернятино-5, поселения Чернятино-2 и городища Синельниково-1 (рис. 1). Все они многослойные, но основная часть культурных отложений относится к раннему Средневековью – мохэской археологической культуре (VI–VII вв.) и культуре государства Бохай (к. VII–X вв.). На сегодняшний день очевидно, что все три памятника в период раннего Средневековья сосуществовали.

Коллекция керамики городища Синельниково-1 состоит из 146 сосудов, обнаруженных в заполнении различных объектов (жилищ, ям, колодца). Большая часть из них археологически целые. Большинство жилищ на городище сгорели и впоследствии были забутованы

ны мелким гравием (Пискарева и др., 2018, с. 155). Исследованиями установлено, что эти жилища могут рассматриваться как один строительный горизонт. Жилище 1 раскопа 2 было построено поверх забутованных жилищ и, таким образом, представляет иной строительный горизонт. Анализ материала показал, что эти горизонты разделяет небольшой отрезок времени и население на памятнике качественно не менялось. Судя по материалу и результатам радиоуглеродного датирования, городище функционировало с VII в. и в ранний период государства Бохай (VIII вв.) (Клюев и др., 2018, с. 350; Болдин, 2001, с. 130). Однако изучена очень небольшая часть памятника и дополнительные исследования могут изменить ситуацию.

Коллекция могильника Чернятино-5 состоит из 154 преимущественно археологически целых сосудов из 128 погребений¹. Количество сосудов в погребениях разное, от одного до четырех. Анализ стратиграфической ситуации памятника, а также радиоуглеродное датирование показали, что период существования могильника включает позднемохэское время, ранний и средний этапы Бохая (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246). Выстроенная предварительная хронологическая схема распределения погребений на горизонтах (Гельман, Никитин, 2002, с. 205). К последнему этапу относятся каменные склепы – могилы № 71, № 46, а также погребение № 50 «без базового сооружения». Наиболее надежные радиоуглеродные даты, а также OSL даты и датированное зерно охватывают диапазон с конца VI–VII вв. и до VIII–IX в. (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 246). Выделяются несколько типов погребений, причем разные типы занимают разные участки памятника. Пока нет однозначного объяснения данному факту – это может быть связано как с хронологией погребений, так и со статусом погребенных (Чжун Сук-Бэ, Никитин, 2008, с. 243).

Коллекция мохэской керамики поселения Чернятино-2 менее представительна: в основном это сосуды, сохранившиеся частично. Насчитывается 72 сосуда (за несколько лет исследований), реконструированных хотя бы на треть. Вся керамика найдена в разрушенных объектах – котлованах, мусорных ямах, остатках жилищ, или в культурном слое памятника. Выделение на этом многослойном памятнике слоя мохэской культуры было изначально затруднено, поскольку «на сегодняшнем уровне изученности этого памятника выделение обусловлено невозможностью

определения четких критериев разделения раннебохайского и мохэского периодов существования поселения» (Никитин и др., 2002, с. 215). В дальнейшем, в ходе работ 2007–2008 гг., по мнению исследователей, не зафиксированы объекты, содержавшие только мохэский материал, а остатки различных сооружений (в основном зольники и мусорные ямы) включают мохэский (мальгальский материал) и станковые сосуды когуреского происхождения² (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 309). Однако из материалов отчетов видно, что часть объектов не содержит керамики, изготовленной на круге быстрого вращения: к ним относятся яма № 18, остатки жилища № 6 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2007 г.).

Таким образом, эти три памятника не только сосуществовали, но и являются, по сути, единой структурой: на поселении проживало население, занимавшееся сельским хозяйством, городище было своего рода военным гарнизоном, в котором проживали воины, охранявшие поселение (Пискарева и др., 2018, с. 155), а могильник был местом погребения и отправления соответствующих ритуалов.

Методы исследования. При работе с керамикой применялся типологический метод. При этом, исходя из наших задач, мы стремились создать естественную классификацию, основанную на идее о том, что сосуды могут быть объединены в типы согласно тем стандартам, целям и запросам, на основании которых они были сделаны раннесредневековыми гончарами.

В материалах всех трех памятников выделяются две категории сосудов: лепные емкости и круговые. Сосуды каждой из категорий формовались кольцевым налепом лентами шириной лент 3–5 см. Круговые сосуды аналогично собирались на круге, емкости, вытянутые из одного куска глины, не встречаются на раннесредневековых памятниках Приморья. Среди круговых выделяются две группы: это сосуды, изготовленные на круге медленного вращения, и емкости, изготовленные на круге с быстрым вращением. Сосуды, изготовленные на быстром круге, характерны бохайской культуре.

Классификация форм сосудов позволила выявить 10 типов лепных емкостей, 4 типа сосудов, изготовленных на круге с медленным вращением, и 5 типов сосудов, изготовленных на круге с быстрым вращением. Следует отметить, что форма лепных сосудов и изготовленных на медленном круге очень похожа, что можно объяснить процессом освоения

гончарного круга. Выделены типы сосудов, встречающихся на каждом из трех памятников (назовем их основными), а также типы сосудов (назовем их специфичными), встречавшихся только на могильнике или только на поселении и городище.

Дальнейшее исследование было сфокусировано на двух аспектах: во-первых, выявление особенностей среди основных типов сосудов, характерных для повседневности (поселение и городище) и ритуала (могильник), во-вторых, выделение специфичных сосудов и объяснение их присутствия. Учитывались такие показатели, как форма сосуда и способ его изготовления, размеры, орнаментация и степень сохранности, наличие пищевого нагара.

Лепные сосуды. Лепные сосуды, найденные на всех трех памятниках, изготовлены кольцевым ленточным налепом. Иногда такие емкости несимметричны, скошены на один бок. Подобные изделия составляют всего около 14% от общего количества лепных сосудов, но из этой доли большая часть (85%) – это сосуды, найденные в погребениях. Что касается степени сохранности изделий, то в основном она зависела от того объекта, в котором найден сосуд – лучше сохранились сосуды из жилищ городища и из погребений. В материалах могильника среди лепных сосудов около 12% составляют емкости с пробитым отверстием на дне или стенке. Кроме того, иногда в могилы могли положить только часть сосуда, в некоторых случаях это половинки сосудов, разделенных вдоль (погребения № 66, 133, 145). Подобные случаи наблюдались в материалах Корсаковского могильника в Приамурье (Нестеров, 2001, с. 430).

Наиболее распространенным типом на всех трех памятниках были *горшковидные сосуды с вытянутым туловом, широким дном и широкой невысокой горловиной* (рис. 2: 1–4). Это тип посуды с широким размерным рядом, включающим емкости объемом от 0,3 до 11 л. Значительную часть – 45% – составляют изделия объемом до 1 л, причем 75% из них найдены в погребениях. Изделия такого небольшого объема можно рассматривать скорее как индивидуальную посуду, рассчитанную на использование в качестве кухонной или столовой одним человеком.

Около 40% сосудов этого типа имеют пищевой нагар на внутренней поверхности, что наиболее надежно, на наш взгляд, позволяет идентифицировать их как кухонную посуду, еще около 15% имеют нагар снаружи. Реже

всего нагар встречается у крупных емкостей объемом более 3 л. Например, нагара не было у *горшковидных слабопрофилированных сосудов с широкой горловиной и очень узким дном* – дно уже диаметра тулова не менее чем в три раза (Клюев и др., 2018, рис. 3: 15). Сосуды этого типа найдены в жилищах Синельниковского городища, близкие по форме емкости, но с более раздутым в районе плечиков туловом, присутствовали в ранних погребениях могильника Чернятино-5 (Никитин, Гельман, 2002, с. 206). Внутри таких сосудов с погребения в трех случаях находились емкости меньших размеров.

В целом нагар на горшковидных сосудах из погребений присутствует так же, как и на емкостях с городища и поселения.

Следующий по распространенности тип – *вазовидные сосуды с зауженной высокой горловиной и вытянутым туловом* (рис. 2: 5–9). К нему относятся как миниатюрные сосуды объемом 0,06 л, так и довольно крупные емкости 2,5–3,9 л. Большинство (62%) составляют сосуды объемом до 1 л. Из них 75% найдены в погребениях. Нагар на внутренней поверхности присутствует у 40% изделий. Сосуды этого типа в равной мере встречаются на всех трех памятниках. Также можно отметить наличие немногочисленных *бутылевидных сосудов* с очень узким вытянутым туловом (5 экземпляров). Найдены как в погребениях могильника, так и в материалах городища и поселения. Объем большинства емкостей до 1 л.

Банковидные сосуды (рис. 2: 10–14) также встречаются на каждом из трех памятников, но более 80% емкостей этого типа найдено в погребениях. Основное отличие сосудов этого типа – отсутствие выраженной горловины, у них цилиндрическое или слегка сужающееся к широкому дну тулово. Объем банок, как правило, не превышает 1 л.

На городище подобные сосуды встречались значительно реже. Выделяется отдельный подтип таких емкостей, отличающихся не только формой тулова, но и специфической конструкцией венечной части. У таких изделий нет налепного валика, край венчика отогнут наружу (рис. 2: 12). Подобная посуда есть в материалах многих бохайских памятников: селища Константиновского, Краскинского городища и др., встречается она и на поселении Чернятино-2 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 112, 110), только один похожий сосуд найден в жилище 2 раскопа 2 (Клюев и др., 2018, с. 232). Очевидно, что эти и подобные

Рис. 2. Лепные сосуды: 1–4 – горшковидные сосуды (1 – могильник Чернятино-5; 2, 3 – городище Синельниково-1; 4 – поселение Чернятино-2); 5–9 – вазовидные сосуды (5 – могильник Чернятино-5; 6, 7 – городище Синельниково-1; 8, 9 – поселение Чернятино-2); 10–14 – банковидные сосуды (10–11 – могильник Чернятино-5; 12, 13 – городище Синельниково-1; 14 – поселение Чернятино-2). По: Никитин и др., 2008; Никитин и др., 2007; Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009.

Fig. 2. Modeling vessels: 1–4 – pot-shaped vessels (1 – Chernyatino-5 burial ground; 2, 3 – Sinelnikovo-1 hillfort; 4 – Chernyatino-2 settlement); 5–9 – vase-like vessels (5 – Chernyatino-5 burial ground; 6, 7 – Sinelnikovo-1 hillfort; 8, 9 – Chernyatino-2 settlement); 10–14 – jar-shaped vessels (10–11 – Chernyatino-5 burial ground; 12, 13 – Sinelnikovo-1 hillfort; 14 – Chernyatino-2 settlement). After: Nikitin et al., 2008; Nikitin et al., 2007; Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009.

им емкости маркируют определенный период. Они не встречаются на ранних мохэских памятниках, их появление приходится на позднемохэское или раннебохайское время.

Особый интерес представляют два сосуда, найденные в могиле 153 – край венчика у этих емкостей отогнут наружу и украшен глубокими ногтевыми оттисками (рис. 2: 10). Других подобных сосудов на могильнике найдено не было, похожие емкости обнаружены только при раскопках на поселении Чернятино-2 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 91). Следует отметить, что могила 153 выделяется не только специфической керамикой, но также конструкцией и инвентарем. Здесь были обнаружены остатки двух гробов на галечной выкладке, сруб по периметру могилы, под сосудами найдены бронзовые колокольчики, бубенчик и бронзовая фигурка всадника. Кроме лепной керамики присутствовал горшковидный сосуд со следами изготовления на вращающемся устройстве, украшенный волнистой прочерченной линией по горловине и прочерченной стрелкой (Никитин и др., 2007, с. 217–229).

Сосуды с шаровидным туловом и узкой горловиной (рис. 3: 1–4) в основном обнаружены на поселении и городище, но присутствуют и в погребениях. Изделия этого типа могли быть разных объемов: от 1 л до 11 л. Вероятно, вне зависимости от размеров основная функция таких изделий – хранение жидкостей, на что указывает и отсутствие пищевого нагара. Аналогичные сосуды мы находим на мохэских памятниках, чьи материалы и результаты радиоуглеродного анализа позволяют отнести их не ранее чем ко второй половине VII в. н. э., таких как Раковка-10, Михайловка-3 (Пискарева, 2014, с. 90).

Сосуды с раздутым туловом, узкой горловиной и узким дном (рис. 3: 5–7) представлены емкостями в диапазоне от 0,7 до 31 л, преимущественно это сосуды более 3 л. В жилище 4 раскопа 2 городища Синельниково-1 обнаружена самая крупная емкость такого типа, ее объем составляет 31 л. Высота изделия 45 см, диаметр тулова 45 см, дно почти в 5 раз уже тулова. Только один такой сосуд небольшого размера (1,3 л) был найден в погребении № 120 (рис. 3: 5), и он же единственный, у которого есть нагар. Сферой применения этих сосудов также, вероятно, являлось хранение жидкостей.

Сосуды с шаровидным и раздутым туловом могли быть взаимозаменяемы в одном размере. В большинстве жилищ Синельни-

ковского городища найдены 1–2 таких изделия. Верхняя часть емкости с раздутым или шаровидным туловом, украшенным по плечикам горизонтальными и волнистыми прочерченными линиями, найдена в котловане № 8 на поселении Чернятино-2 (Никитин и др., 2009, с. 91). Учитывая диаметр венчика и тулова, объем такого сосуда был около 10 л. В материалах погребений найдены фрагменты от семи подобных емкостей, еще две, шаровидные, объемом 1,5 и 1,6 л сохранились целиком.

В двух погребениях могильника Чернятино-5 (м. 132, 82), а также в жилищах Синельниково-1 встречаются *сосуды с яйцевидным туловом* (рис. 3: 8–9). Это довольно крупные емкости: объем сосуда из жилища 7 (раскоп 1) городища Синельниково-1 составляет более 9 л, близок по форме сосуд из жилища 6, объемом 8,6 л, объем двух сосудов, найденных в погребениях могильника Чернятино-5, – более 10 л.

К специфичным типам, характерным не для всех памятников, относятся *чаши* (рис. 4: 1–4) и *сосуды с вырезом* (рис. 4: 5–6). Эти емкости отсутствуют в материалах могильника, тогда как на поселении и городище они встречаются довольно часто. Также есть редкие типы, не относящиеся ни к одному из выделенных типов и существующие в одном экземпляре: все они происходят из материалов могильника и отличаются нарушением пропорций, что не позволяет отнести их ни к одному из типов (рис. 4: 7–9). Например, приземистый сосуд из погребения № 86 с высокой горловиной и приплюснутым округлым туловом или широкий банковидный сосуд из погребения № 161, ассиметричный сосуд с коротким округлым туловом и высокой широкой горловиной из погребения № 95. Все эти изделия изготовлены очень небрежно, грубо. У них бугристая, незаглаженная или плохо заглаженная поверхность, неравномерная толщина стенок и нет нагара.

Сосуды, изготовленные на круге с медленным вращением. Посуда этой категории встречается на всех трех памятниках, но есть различия в присутствии конкретных типов такой посуды на каждом из них. *Сосуды с узкой горловиной и шаровидным туловом и амфоровидные сосуды с «раздутым» туловом, сужающимся ко дну* (рис. 5: 1–2), отличаются еще и тем, что у них отсутствует валик под венчиком, а край венчика плавно отогнут. На поселении Чернятино-2 фрагменты подобных сосудов найдены в котловане 3, яме 18

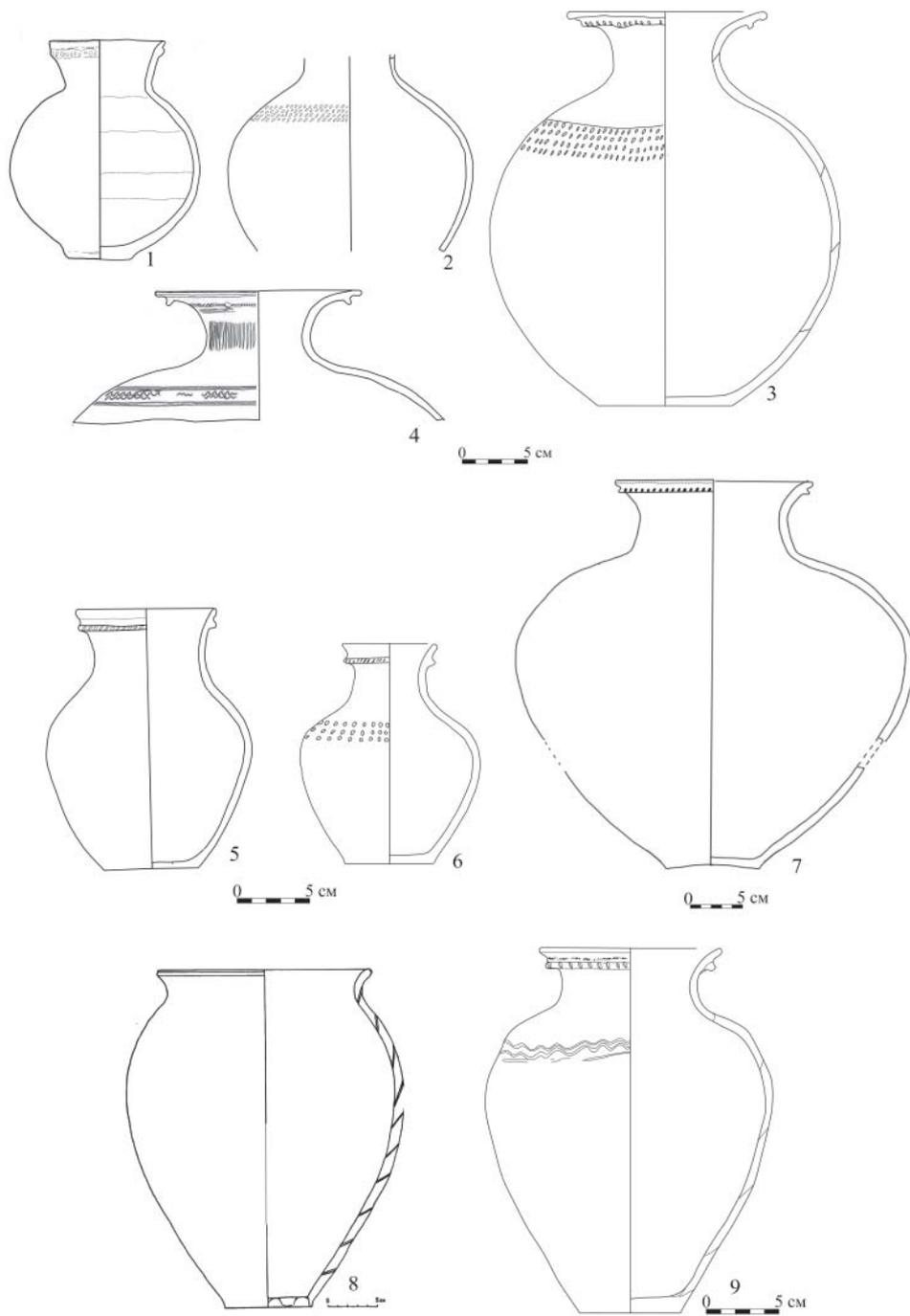

Рис. 3. Лепные сосуды: 1–4 – емкости с шаровидным туловом (1, 2 – могильник Чернятино-5; 3 – городище Синельниково-1; 4 – поселение Чернятино-2); 5–7 – емкости с раздутым туловом (5, 6 – могильник Чернятино-5; 7 – городище Синельниково-1); 8–9 – сосуды с яйцевидным туловом (8 – могильник Чернятино-5; 9 – городище Синельниково-1). По: Никитин и др., 2008; Никитин и др., 2007; Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009. Никитин, Гельман, 2002.

Fig. 3. Molded vessels: 1–4 – vessels with a spherical body (1, 2 – Chernyatino-5 burial ground; 3 – Sinelnikovo-1 hillfort; 4 – Chernyatino-2 settlement); 5–7 – vessels with a bloated body (5, 6 – Chernyatino-5 burial ground; 7 – Sinelnikovo-1 hillfort); 8–9 – vessels with an ovoid body (8 – Chernyatino-5 burial ground; 9 – Sinelnikovo-1 hillfort). After: Nikitin et al., 2008; Nikitin et al., 2007; Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009. Nikitin, Gelman, 2002.

(Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008, с. 132, 157), в 4 пласте раскопа 4 (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 192–193). Подобные сосуды присутствуют в четырех погребениях могильника Чернятино-5. Девять таких изделий найдено на Синельниковском городище.

Горшковидные и банковидные сосуды (рис. 5: 3–5), сделанные на круге медленного вращения, в единичных количествах обнаружены на городище, но на поселении и могильнике они встречаются достаточно часто. На поселении они найдены в верхней части

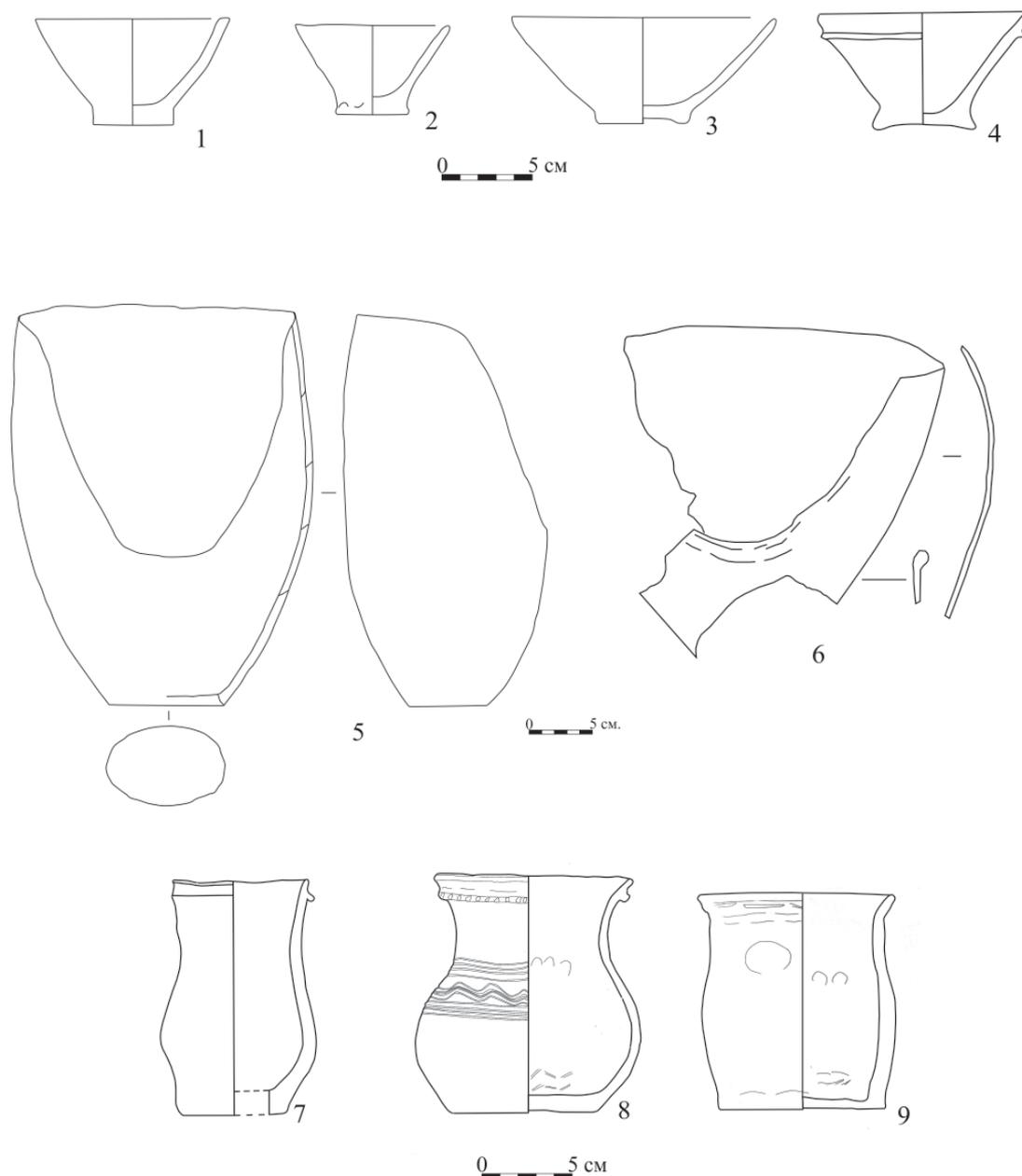

Рис. 4. Лепные сосуды: 1–4 – чаши (городище Синельниково-1); 5, 6 – сосуды с вырезом (5 – городище Синельниково-1; 6 – поселение Чернятино-2); 7–9 – специфичные сосуды могильника Чернятино-5. По: Клюев и др., 2018; Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2008; Никитин и др., 2007.

Fig. 4. Molded vessels: 1–4 – bowls (Sinelnikovo-1 hillfort); 5, 6 – vessels with a cutout (5 – Sinelnikovo hillfort-1; 6 – Chernyatino-2 settlement); 7–9 – specific vessels from Chernyatino-5 burial ground. After: Klyuev et al., 2018; Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2008; Nikitin et al., 2007.

культурных отложений, в заполнении объекта 12 (котлован, использовавшийся в качестве мусорной ямы). На могильнике такие изделия присутствуют как в грунтовых погребениях, так и в могилах на каменных выкладках и в склепах. По форме тулова они аналогичны лепным емкостям этого же типа. По способу оформления венчика выделяются три подтипа таких сосудов:

1) венчик просто отгибался наружу;

2) венчик оформлялся налипным валиком, сформированным из отдельного жгута или из края перегнутой венечной ленты. Неко-

торые валики орнаментированы отпечатками или насечками. Сосуды и первого, и второго подтипа встречаются на всех трех памятниках;

3) венчик отгибался наружу, и по его краю проводилась горизонтальная линия. Такие изделия пока не найдены в жилищах городища Синельниково-1.

Сосуды, изготовленные на круге с быстрым вращением.

Выделяется несколько типов сосудов, изготовленных на быстром круге: корчаги, горшки, вазовидные сосуды трех типов (рис. 5:

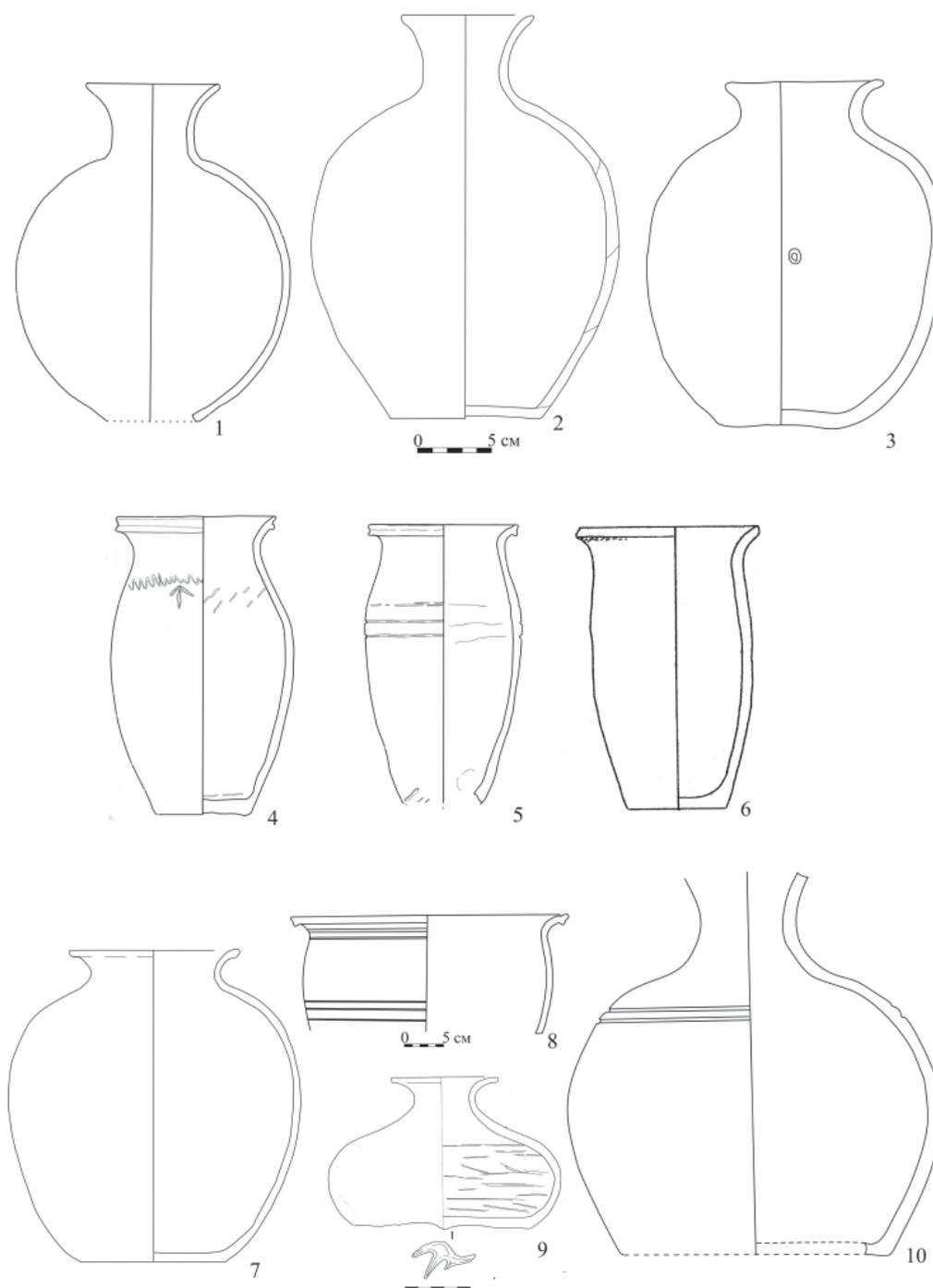

Рис. 5. Круговые сосуды: 1–5 – сосуды, изготовленные на круге с медленным вращением (1, 5 – поселение Чернятино-2; 2 – городище Синельниково-1; 3, 4, 6 – могильник Чернятино-5); 7–10 – сосуды, изготовленные на круге с быстрым вращением (7 – городище Синельниково-1; 8 – поселение Чернятино-2); 9, 10 – могильник Чернятино-5). По: Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009; Ключев и др., 2018; Никитин и др., 2005. Никитин и др., 2007.

Fig. 5. Circular vessels: 1–5 – vessels made on a slowly rotated wheel (1, 5 – Chernyatino-2 settlement; 2 – Sinelnikovo-1 hillfort, 3, 4, 6 – Chernyatino-5 burial ground); 7–10 – vessels made on a rapidly rotated wheel (7 – Sinelnikovo-1 hillfort; 8 – Chernyatino-2 settlement; 9, 10 – Chernyatino-5 burial ground). After: Nikitin, Zhong Suk-Bae, 2009; Klyuev et al., 2018; Nikitin et al., 2005. Nikitin et al., 2007.

6–8). Все эти емкости находят аналогии на бохайских памятниках Приморья (Краскинском городище, Старореченском и др.). На городище Синельниково-1 большинство таких сосудов находились в верхней части культурного слоя и не имели отношения к жилищам. Исключения составляют жилище 2, исслед-

овавшееся в 1999 г., содержащее обломки круговых сосудов (Болдин, 2001), водосборный колодец (2015 г.), в котором обнаружены фрагменты нескольких круговых емкостей, в том числе крупного цилиндрического сосуда с отверстиями в стенках, и жилище 1 (раскоп 2) верхнего горизонта, в котором также найдены

фрагменты одного кругового сосуда (рис. 5: 6). Подобные емкости присутствуют также на поселении и в погребениях. Они найдены как в слое, так и в объектах, но их ассортимент шире по сравнению с керамикой с городища. Этот факт объясняется, скорее всего, тем, что на городище еще в достаточной степени не исследованы соответствующие по хронологии участки. Из 157 могил могильника Чернятино-5 30 содержали круговую бохайскую керамику: в шести погребениях была только бохайская, в 24 она присутствовала вместе с лепной и круговой группы Б. Преимущественно это фрагментированные сосуды, иногда только обломки стенок, изделия хорошей сохранности встречаются нечасто. При этом нет «убитых» изделий с пробитым отверстием, как это было характерно для лепных емкостей и круговых группы Б: у бохайских сосудов повреждения присутствуют, как правило, на венечной части – в виде отбитого края венчика (рис. 5: 8). На нескольких сосудах есть тамгообразные знаки и иероглифы.

Обсуждение результатов. Анализ керамики поселения Чернятино-2, городища Синельниково-1 и могильника Чернятино-5 показал, что сосуды, сопровождавшие погребение, имеют свои особенности по сравнению с сосудами, использовавшимися в повседневности на поселении и городище.

Небольшая часть керамики могла изготавливаться специально для погребений. Наиболее яркие свидетельства – это сосуды, сделанные очень грубо, как бы «на скорую руку» – у них не заглажены стыки лент, плохо обработана поверхность, и, кроме того, на них нет пищевого нагара, который мог бы указывать на предварительное использование их в качестве кухонной посуды. Кроме того, что эти изделия изготовлены небрежно, у них нарушены привычные «мохэские» пропорции и их невозможно отнести к какому-либо из выделенных типов сосудов, т. е. они существуют в одном экземпляре. Можно говорить по крайней мере о пяти таких емкостях. Могилы, в которых были найдены такие сосуды, оказалось невозможно объединить по какому-либо дополнительному признаку. Это и погребения в ямах и на каменной выкладке, и содержащие человеческие останки и без них.

Сравнивая объемы сосудов, необходимо обратить внимание на такой факт: исследования жилищ городища Синельниково-1 показали, что они были рассчитаны на проживание 1–2 человек. На это указывает не только маленькая площадь помещений

5,5–11 м² (Клюев и др., 2018), но и ассортимент посуды в жилищах. Как правило, это набор столовой, кухонной и тарной посуды, который мог удовлетворять потребности не более 1–2 чел. (Пискарева и др., 2018, с. 155). Например, в жилище № 1 размером 2,8×2,7 м (раскоп 1): 1 шаровидный сосуд (V – 8,5 л), 2 горшковидных (V – 2,7–2,9 л), 1 вазовидный (V – 2,5 л) и чаша (V – 0,28 л). В некоторых постройках отсутствовали чаши, но были сосуды маленького объема, например, в жилище 3 (раскоп 3) – миниатюрный сосуд объемом 0,06 л и банковидный сосуд объемом 0,4 л.

Количество сосудов в могилах – от одного до трех, редко встречается четыре (могилы № 95, 153, 159). Что касается ассортимента посуды, то здесь следует отметить следующее:

– судя по материалам могильника, в погребениях преобладает кухонная посуда, представленная горшковидными, банковидными и вазовидными емкостями (лепными и изготовленными на медленном круге). При этом предпочтение отдавалось сосудам с небольшим объемом. Четко прослеживается значительное преобладание горшковидных емкостей объемом не более 1,2 л, вазовидных сосудов – не более 1 л, объем банковидных сосудов также обычно составляет около 1 л, и эта тенденция сохраняется для остальных форм. Таким образом, это посуда, предназначенная для приготовления пищи, но в небольшом количестве – на одного человека. Меньший размер сосудов в погребениях по сравнению с жилищными комплексами отмечается и для памятников государства Когуре в III–VII вв. н. э. (Сынми Ли, Стоякин, 2019, с. 88);

– тарные сосуды, как лепные, так и изготовленные на медленном круге (шаровидные, емкости с раздутым туловом), встречаются лишь в 7% погребений и, как правило, фрагментированные;

– в погребениях могильника не встречаются два типа сосудов, характерных для поселения и городища: это чаши и емкости с вырезом. Если отсутствие емкостей с вырезом понятно – это технические сосуды для сортировки и переборки семян (Пискарева, 2017), то отсутствие чаш, вероятно, связано именно с ритуалом, не предполагающим наличие столовой посуды, а лишь посуды для приготовления пищи.

Следует отметить, что чаш также нет и в других приморских раннесредневековых могильниках: Лузановском, Монастырка-3,

тогда как в приамурских они присутствуют: например, в Найфельде (Деревянко и др., 1999, с. 26, 57), Троицком, Корсаковском (Нестеров, 2001, с. 431).

Традиция «порчи» сосудов, широко распространенная в дальневосточном Средневековье, прослеживается и по материалам могильника Чернятино-5. При этом отверстия в днищах или стенках присутствуют только у лепной керамики и изготовленной на медленном круге. Круговая бохайская керамика не повреждалась таким образом. Однако целые бохайские сосуды встречаются в погребениях крайне редко, как правило, эта категория судов представлена фрагментами емкостей – в основном крупных толстостенных тарных сосудов без нагара или горловин вазовидных изделий. В могилах № 105 и 49 обнаружены почти целые сосуды с отбитым и окатанным краем венчика. Вероятно, сосуды использовались и после того, как венчик отбил. Еще одно наблюдение касается тамгообразных и иероглифических знаков – они встречаются только на круговых емкостях. Появление бохайской керамики, видимо, отражает исторический фон, а именно процесс вхождения территории юго-западного Приморья (области Шуайбинь) в состав государства Бохай. При этом местное население сохраняло свои духовно-религиозные традиции.

Заключение. Безусловно, для того чтобы полнее проиллюстрировать ритуал и повседневность по археологическим материалам можно и нужно привлекать все категории артефактов. Но различные изделия из камня и металла, которые археологи находят в раннесредневековых погребениях Приморья (бусы, нефритовые диски, бронзовые фигурки всадников, бубенчики и колокольчики и проч.), скорее относятся к категории семейных

реликвий и, возможно, указывают на принадлежность к конкретному роду, семье. Такие предметы люди берегут, стараются не терять и не оставлять. И в силу этих причин подобные артефакты в поселенческих комплексах встречаются редко (за исключением некоторых предметов вооружения, находившихся в постоянном обиходе, таких как наконечники стрел или ножи). Помещение керамики в погребение, как нам кажется, в большей степени связано с другой идеей. Вероятнее всего, это сопровождение покойного в его последнем пути. Представления о переходе из мира живых в мир мертвых как о пути, дороге, характерны для многих дальневосточных народов, в основе этногенеза которых есть тунгусский компонент (Березницкий, 2000). В могилы помещали как сосуды, использовавшиеся в повседневной жизни (о чем свидетельствует наличие пищевого нагара на части изделий), так и специально изготовленные для ритуала, при этом небольшой их объем указывает на то, что это емкости, рассчитанные на одного человека. Следует отметить, что такие составляющие погребального обряда, как конструкция могилы, способ погребения, ассортимент изделий из камня и металла в могилах, отличаются высокой степенью изменчивости, что, вероятно, в большей степени связано с личностью покойного и обстоятельствами его смерти. При этом все могилы содержат керамические сосуды. Таким образом, керамика остается главной константой на протяжении всего существования некрополя и обладает рядом признаков, указывающих на ее особый символизм и, вероятно, несмотря на различные исторические события, на неизменные духовно-религиозные представления населения в позднемохэский и раннебохайский периоды.

Примечание:

¹ Всего на памятнике с 1997 по 2007 исследовано 157 могил. Но часть могил не содержала находок, или керамика из них была очень фрагментирована.

² Авторы не поясняют, что они имеют ввиду под этим термином.

ЛИТЕРАТУРА

Березницкий С.В. Погребальные обряды коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. К проблеме этнокультурных контактов и этнической истории // Россия и АТР, 2000, №1. С.109-117

Болдин В.И. Городище Синельниково-1 – раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. Вып.3. С. 122–130.

Деревянко А.П., Богданов Е.С., Нестеров С.П. Могильник Найфельд. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. 93 с.

Клюев Н.А., Джи Бён Мок, Ли Санджун, Болдин В.И., Гельман Е.И., Ю Ын Сик, Чхве Инха, Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю., Юн Хён Чжун, Нам Хо Хён, Ким Донхун, Чон Юнхи, Стоякин М.А. Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье. Тэджон: Институт истории, археологии и этногра-

фии народов Дальнего Востока; Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2018. 388 с.

Нестеров С.П. Об использовании керамической посуды в погребальном обряде амурских чжурчженей и тройкой группы мохэ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 2001. С.428-434

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 195—214.

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., Болдин В.И. Результаты исследований поселения Чернятино-2 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 213—227.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, Пискарева Я.Е. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2006 году. ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2007. 400 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003-2004 годах. Пу Е: Корейский национальный университет культурного наследия, 2005. 185 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 году. ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2008. 350 с.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2008 году. – ИИАЭ ДВО РАН, ДВГТУ, Корейский национальный университет культурного наследия, 2009. 248 с.

Пискарева Я.Е. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии – Владивосток, 2014. С. 80–91.

Пискарева Я.Е. Уникальные сосуды с раннесредневековых памятников Дальнего Востока // Россия и АТР. 2017. №4. С.171–185.

Пискарева Я.Е., Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Клюев Н.А., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Слепцов И.Ю. Культурно-хронологические комплексы городища Синельниково-1 в Приморье в свете новейших исследований // Россия и АТР. 2018. №4. С. 138–160.

Сынми Ли, Стоякин М.А. Погребальный и социальный аспекты керамики в Когурё // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 87–98.

Чжун Сук-Бэ, Никитин Ю.Г. Могильник Чернятино-5, его могилы и находки // Столетие великого АПЭ (к юбилею Алексея Павловича Окладникова). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. С. 227-265

Briick J. Ritual and rationality: some problems of interpretation in European Archeology // European Journal of Archaeology, 1999, № 2. P.313-344

Douglas M. Natural symbols. Explorations in cosmology. London and NewYork: Taylor & Francis e-Library, 2002. p.183

Gazin-Schwartz A. Archaeology and Folklore of Material Culture, Ritual, and Everyday Life // International Journal of Historical Archaeology, Vol. 5, No. 4, December 2001. P.263-280

Manning C. M. Magic, Religion, and Ritual in Historical Archaeology // Historical Archaeology. 2014 a. 48(3). P.1–9.

Manning C. M. The Material Culture of Ritual Concealments in the United States // Historical Archaeology, 2014 б, 48(3). P. 52–83.

Renfrew C. The archaeology of religion // Renfrew, C., and Zubrow, E. (eds.), The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology, 1994, Cambridge University Press, Cambridge. P. 47–54.

Renfrew C., Bahn P. Archaeology: Theories, Methods and Practice, 3rd edn., Thames and Hudson, London, 2000. P.672.

Информация об авторе:

Пискарева Яна Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); 7yana7@mail.ru

REFERENCES

Bereznitski, S. V. 2000. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 1, 109–117 (in Russian).

Boldin, V. I. 2001. In Bolotin, D. P., Zabiako, A. P. (eds.). *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii (Traditional Culture of the East of Asia)* 3. Blagoveshchensk: Amur State University, 122–130 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Bogdanov, E. S., Nesterov, S. P. 1999. *Mogil'nik Naifel'd (Nayfeld Burial Ground)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Klyuev, N. A., Ji Byon Mok, Li Sanjun, Boldin, V. I., Gel'man, E. I., Yu Yn Sik, Chwe Inha, Gridasova, I. V., Dorofeeva, N. A., Lyashchevskaya, M. S., Piskareva, Ya. E., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Sleptsov, I. Yu., Yun Hyon Jun, Nam Ho Hyon, Kim Donhun, Chon Yunhi, Stoyakin, M. A. 2018. *Itogi issledovaniy na gorodishche Sinel'nikovo-1 v Rossiyskom Primor'e (Excavation Report on Sinelnikovo-1 Mountain Fortress in the Maritime Province of Russia)*. Daejeon: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS: State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian and Korean).

Nesterov, S. P. 2001. In Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 7. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 428–434 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Gel'man, E. I. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 195–214 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Gelman, E. I., Boldin, V. I. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 213–227 (in Russian).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh, Piskareva, Ya. E. 2007. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2006 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2006)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2005. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 5 v Primor'e v 2003–2004 godakh (Archaeological Studies at Chernyatino 5 Burial Ground in Primorye in 2003–2004)*. Vladivostok; Seoul: Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2008. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2007 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2007)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Nikitin, Yu. G., Chzhun, Suk-Beh. 2009. *Arkheologicheskie issledovaniia na mogil'nike Chernyatino 2 v Primor'e v 2008 godu (Archaeological Studies at Chernyatino 2 Burial Ground in Primorye in 2008)*. Vladivostok; Seoul: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Far Eastern State University of Technology, Korea National University of Cultural Heritage (in Russian and Korean).

Piskareva, Ya. E. 2014. In Gel'man, E. I., Vostretsov, Yu. E. 2014. *Mul'didistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Piskareva, Ya. E. 2017. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 4, 171–185 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Dorofeeva, N. A., Gridasova, I. V., Klyuev, N. A., Prokopets, S. D., Sergusheva, E. A., Sleptsov, I. Yu. 2017. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* 4, 138–160 (in Russian).

Synmi, Li, Stoyakin, M. A. 2019. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 18 (5), 87–98 (in Russian).

Jung Suk-Bae, Nikitin, Yu. G. 2008. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Stoletie velikogo A.P. (k iubileiu Alekseia Pavlovicha Okladnikova) (100th Anniversary of the Great A.P. (Dedicated to the Anniversary of Aleksey Pavlovich Okladnikov))*. Series: Tikhookeanskaia arkheologiya (Pacific Archaeology) 16. Vladivostok: Far Eastern University, 227–265 (in Russian).

Briick, J. 1999. In *European Journal of Archaeology* (2) 313–344 (in English).

Douglas, M. 2002. *Natural symbols. Explorations in cosmology*. London; New York: Taylor & Francis e-Library (in English).

Gazin-Schwartz, A. 2001. In *International Journal of Historical Archaeology*, Vol. 5, No. 4, December. 263–280 (in English).

Manning, C. M. 2014a. In *Historical Archaeology*, 48(3). 1–9 (in English).

Manning, C. M. 2014b. In *Historical Archaeology*, 48(3). 52–83 (in English).

Renfrew, C. 1994. In Renfrew, C., and Zubrow, E. (eds.). *The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 47–54 (in English).

Renfrew C., Bahn P. 2000. *Archaeology: Theories, Methods and Practice*. 3rd edn. London: Thames and Hudson.

About the Author:

Piskareva Yana E. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; 7yana7@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902.1 (571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.45.56>**КУМИРНЯ БОХАЙСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ¹**

© 2021 г. Н.А. Клюев, С.Д. Прокопец, И.Ю. Слепцов, И.В. Белова

Находки раннесредневековых буддийских культовых сооружений являются достаточно редкими в приморской археологии. Данная работа посвящена исследованиям кумирни, обнаруженной в Южном Приморье. В научный оборот вводятся результаты раскопок 2010–2011 гг., в ходе которых были вскрыты остатки культового сооружения с черепичной крышей, обнесенного оградой, а также обнаруженный археологический материал. Коллекция найденных предметов включает в себя многочисленные обломки черепицы, ритуальную посуду, представленную чашечками-светильниками и триподами, изделия из металла и камня. Археологический материал находит аналогии на памятниках бохайского времени на территории Приморья, в том числе храмовых комплексах этого периода.

Ключевые слова: археология, государство Бохай, раннее средневековье, буддизм, кумирня, ритуальный комплекс, Приморье, «Барабаш-3. Кумирня».

IDOL TEMPLE OF THE BOHAI PERIOD IN SOUTHERN PRIMORYE²

N.A. Kluyev, S.D. Prokopets, I.Yu. Sleptsov, I.V. Belova

The discovery of early medieval Buddhist religious buildings is quite rare for the archaeology of Primorye region. The paper is dedicated to the study of an idol temple discovered in Southern Primorye. The results of 2010–2011 excavations are introduced into scientific discourse, during which the remains of a fenced religious building with a tiled roof, as well as archaeological material discovered inside, were revealed. The collection of finds includes numerous fragments of roof tiles, ritual dishware represented by cups-lanterns and tripods, metal and stone artefacts. Counterparts to the archaeological material have been found at the sites of the Bohai period in the territory of Primorye region, including the temple complexes of this period.

Keywords: archaeology, Bohai state, early Middle Age, Buddhism, idol temple, ritual complex, Primorye, “Barabash-3. Idol Temple”.

Культовая архитектура является неотъемлемым элементом жизни восточно-азиатского мира. Приморский край в этом плане не является исключением. Начиная с раннего Средневековья, в результате прихода буддизма, на этих землях появляются различные храмовые постройки. Считается, что подобные сооружения начинают возводиться на приморских землях в период процветания государства Бохай, под влиянием соседей – корейских государств и китайской империи Тан (Стоякин, 2012; Асташенкова, 2013).

К настоящему времени в Приморском крае обнаружено и исследовано пять храмов (Абрикосовский, Борисовский, Копытинский, Корсаковский, Краскинский), которые датированы бохайским временем (Государство Бохай..., 1994, с. 81–91; Города средневековых..., 2018, с. 20; Медведев, 1998). На территории Китая известно еще девять бохайских храмов, а на территории Северной Кореи – два (Стоякин, 2012). Таким образом, общее коли-

чество открытых археологических объектов подобного назначения для столь обширного региона невелико, что повышает значимость каждой новой находки. К их числу относится и кумирня, обнаруженная на памятнике Барабаш-3 (Клюев и др., 2011).

Памятник Барабаш-3 находится на юге Приморского края, в 7 км к юго-востоку от пос. Барабаш. Он занимает южную оконечность узкого мысовидного отрога, вытянутого с юга на север. Высота мыса составляет 8–10 м. На западе он обрывается старичной протокой, на юге – непосредственно р. Барабашевкой. Восточный пологий склон спускается в долину реки, постепенно переходя в трёхметровую пойменную террасу. На севере мыс смыкается с невысоким горным хребтом. Памятник многослойный и представлен материалами разных эпох: среднего и позднего неолита (бойсманская и зайсановская археологические культуры), раннего железного века (янковская археологическая культура),

¹ Часть работы, выполненная Клюевым Н.А. и Беловой И.В., осуществлялась в рамках реализации гранта РФФИ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

² Part of the work performed by N.A. Kluyev and I.V. Belova was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation No. 20-18-00081 “Archaeology of the Russian Far East”.

Рис. 1. Общий вид на мыс с юго-запада с обозначением раскопа объекта «Барабаш-3. Кумирня»

Fig. 1. General view of the cape from the southwest with the designation of the excavation site of the “Barabash-3. Idolatry”

а также раннего Средневековья (мохэская культура и государство Бохай). Основным на памятнике является слой раннего железного века – янковской археологической культуры, который выделяется как стратиграфически, так и планиграфически. Место было удобно для расположения янковского поселения, которое было защищено с трех сторон резким мысовым обрывом, а в северной части отделено земляным валом (ширина – 3 м, высота – 0,5 м, длина – 25 м), который тянется через весь мыс (Клюев, Гридасова, 2013, с. 150–151).

При определении границ янковского поселения в южной части памятника Барабаш-3 в шурфе была обнаружена средневековая черепица, залегавшая *in situ*, без признаков переотложенности. Характер залегания археологического материала в слое, а также топографические и планиграфические особенности места, где был заложен шурф, указывали на существование в данном месте объекта, культурно и хронологически не связанного с изучаемым поселением раннего железного века, но вместе с тем расположенного в его границах. Дальнейшие раскопки показа-

ли, что остатки постройки под черепичной крышей принадлежат культовому сооружению бохайского времени, которое получило название «Барабаш-3. Кумирня» (рис. 1).

Объект «Барабаш-3. Кумирня» изучался Клюевым Н.А. на протяжении двух полевых сезонов в 2010–2011 гг. Общая площадь раскопа, заложенного на южной оконечности мыса, составила 234 м². В западной части раскоп был ограничен остатками военной траншеи, расположенной у края обрыва.

Мощность напластований в раскопе колеблется от 10 до 60 см, в зависимости от конфигурации рельефа и результатов антропогенного воздействия. Вся площадь раскопа перекрыта слоем дерна мощностью 6–11 см. Дёрн подстилает пачка неоднородно окрашенной буровато-коричневой супеси, включающей в отдельных местах обломочный материал (камни), мощностью 10–50 см. В свою очередь, буровато-коричневая супесь перекрывает линзы гумусированной буро-коричневой супеси с включением дресвы (остатки янковского культурного слоя) мощностью до 17 см, которая в подошве переходит в светло-

Рис. 2. Общий вид ритуального комплекса с юго-востока
Fig. 2. General view of the ritual complex from the southeast

коричневый плотный суглинок, насыщенный дресвой (материк).

В результате исследований были вскрыты остатки культового сооружения, представляющего собой небольшую постройку, обнесенную оградой, от которой сохранился сложенный из камня фундамент стен, частично перекрытый многочисленными обломками черепицы (рис. 2, 3).

Квадратное основание стен кумирни имеет размеры по внешней стороне $4,2 \times 4,4$ м и площадь $18,5$ м². Сооружение ориентировано углами по сторонам света. Ширина каменного фундамента достигает 50 см, высота – 40 см. В северо-восточной стене прослежен разрыв шириной 1,8 м, который мог служить входом в кумирню. В этом же месте был найден замок. По углам кладки фундамента располагались крупные камни с плоской поверхностью – опоры для столбов. С внешней стороны кумирни находился фундамент ограды павильона кумирни, который также был ориентирован углами по сторонам света. Ограда прямоугольной в плане формы, размерами 8×10 м, вытянута по линии юго-запад – северо-восток. Планиграфически сама кумирня смещена к северо-западному углу ограды, благодаря чему в южной части был образо-

ван внутренний дворик. Вход в этот дворик оформлен разрывом в южной стене ограды. Во внутреннем дворике напротив входа, на расстоянии 1,2–1,4 м, расположены две ямы от столбов, возможно, связанные с конструкцией ворот. Расстояние между столбовыми ямами составляет 2 м.

С внешней стороны восточной стены ограды кумирни, на расстоянии 0,8–1 м, обнаружена каменная выкладка подпрямоугольной в плане формы размерами $3,2 \times 2,5$ м. Длинная сторона выкладки параллельна оградке кумирни. В центре выкладки зафиксирована овальная яма, заполненная гумусированной буровато-коричневой супесью. Размеры ямы – $1,8 \times 1$ м, глубина в центре выкладки – 44–46 см. В заполнении ямы найден крупный фрагмент бохайского сосуда и мелко фрагментированная керамика янковской культуры. Яма была забутована крупными камнями. К востоку от каменной выкладки зафиксировано скопление обломком черепицы. Вероятно, каменная выкладка представляет собой остатки какого-то небольшого сооружения с черепичной крышей.

Найденный в ходе работ археологический материал раннего Средневековья, относящийся к исследуемому культовому комплек-

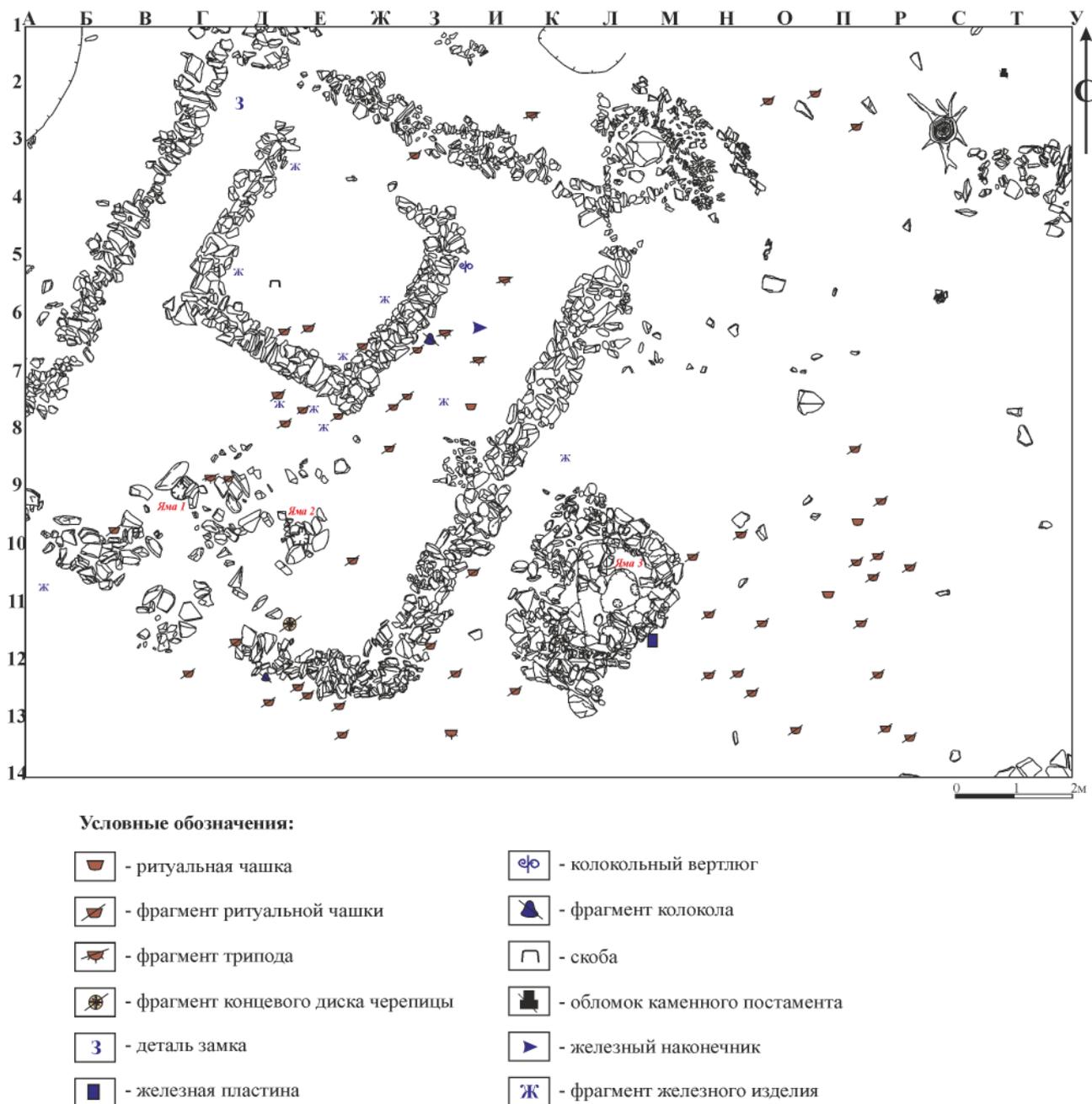

Рис. 3. План раскопа с распространением находок.

Fig. 3. Plan of the excavation with the distribution of the finds

су, составляет 6147 артефактов. Из них 5958 экземпляров – это обломки черепицы, 89 – фрагменты ритуальных чашечек, 10 – обломки триподов, 1 – фрагмент концевого диска, 16 – изделия из металла и их обломки, 1 – нижняя часть каменного постамента. Небольшое количество артефактов представлено разрозненными фрагментами круговой посуды.

Черепица является наиболее многочисленной частью коллекции. Для ее изготовления использовалась запесоченная глина с разнородным отощителем с размером частиц 0,1–0,5 см. Черепица формировалась на шаблонах, обтянутых тканью, спирально-ленточным способом, затем повер-

ность выбивалась лопаточкой-колотушкой, обмотанной нитью, и на конечном этапе поверхность заглаживалась. Цвет черепицы светло-коричнево-красный, оранжевый, светло-оранжевый, светло-оранжево-желтый, серый. Вся черепица подразделяется на два вида – нижнюю и верхнюю (рис. 4).

Нижняя черепица более широкая с плавным сводом, ее длина составляет 42 см, ширина – 32 см, толщина варьируется от 1,8 до 2,4 см.

Верхняя черепица уже, а по форме напоминает половину рассеченного вдоль цилиндра, сужающегося к одному концу. Длина верхней черепицы составляет 37,4–37,8 см, ширина у

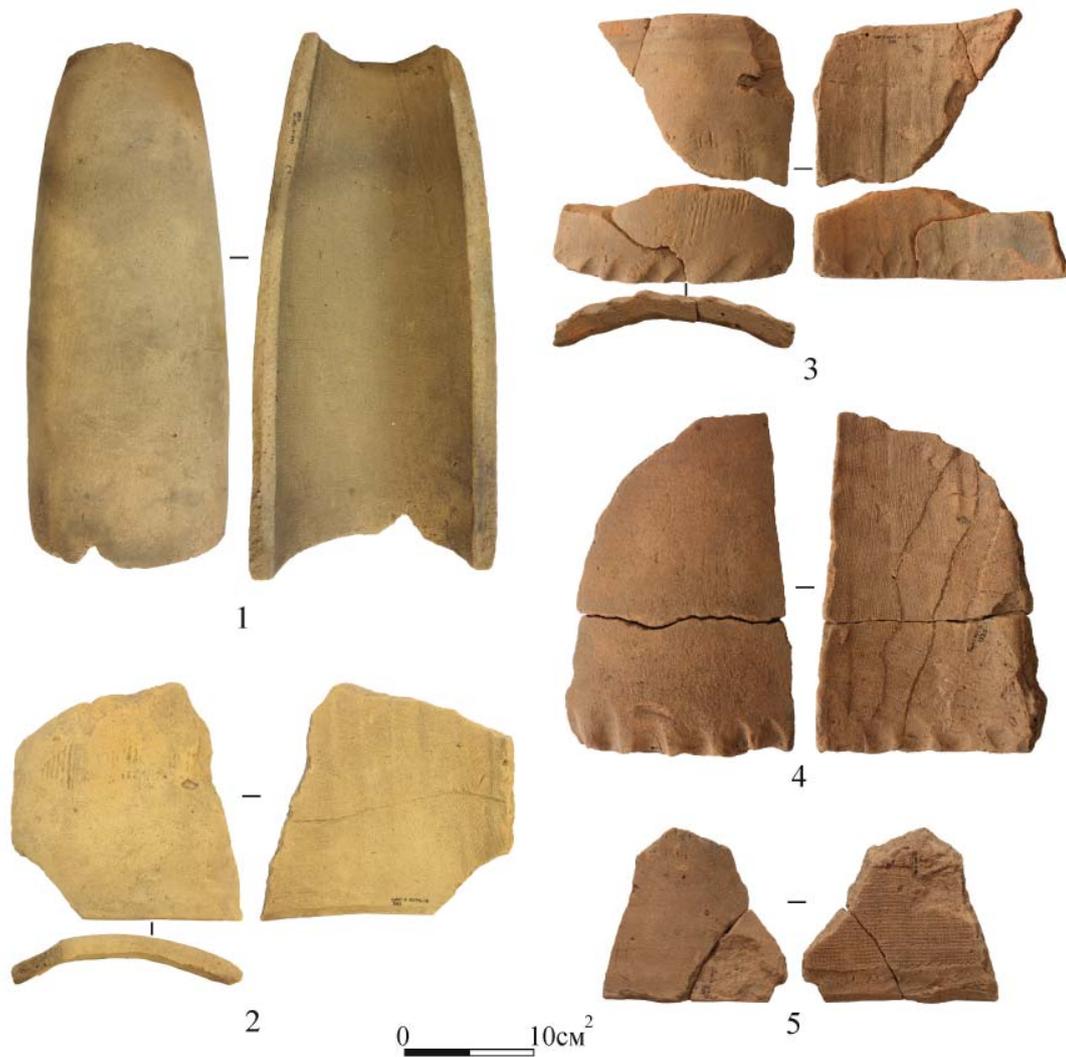

Рис. 4. Обломки черепицы
Fig. 4. Fragments of the roof tiles

широкого торца – 16,5 см, у узкого – 11 см, толщина – 1,7 см. На внутренней поверхности, как верхней, так и нижней черепицы, видны отпечатки ткани и шаблона, на котором она изготавливалась. Торцевой край слегка загнут вверх и имеет орнамент, выполненный пальцевыми вдавлениями (рис. 4: 3, 4). При стандартных размерах и сходных технико-технологических признаках нижняя черепица отличается цветом и видом орнамента.

Среди кровельного материала присутствует только один обломок концевого диска, который был обнаружен на месте предполагаемого входа во двор кумирни (рис. 3, 7: 6). Он представляет собой сегмент диска серого цвета, орнаментированного стилизованным изображением цветка лотоса. Диаметр диска составлял около 13 см, толщина – 1 см. По кромке имеется прикрепленный ободок высотой 0,9 см и толщиной 1,2 см. Точные аналогии изображению на концевом диске обнаружить не удалось, но общая стилистика

орнамента характерна для бохайского времени (Асташенкова, Болдин, 2004; Бохайские древности..., 2013, с. 74–76, 91–94, 100–104, 130–134).

Ритуальная посуда представлена многочисленными обломками небольших чашечек, а также двумя триподами с обломанными ножками. Фрагменты ритуальных чашечек обнаружены как внутри, так и за пределами кумирни и ее ограды (рис. 3). Из 89 найденных обломков удалось полностью или частично реконструировать только 10 экземпляров (рис. 6: 3–12). Для их изготовления, скорее всего, использовалась глина с естественным содержанием незначительного количества песка. Размер частиц песка варьируется от 0,1 до 1,5 мм. Почти все чашечки были вытянуты из одного куска глины на гончарном круге. В четырех случаях днища были прикреплены к стенкам. Поверхность сосудов выглаживалась. По окончании изготовления сосуды снимались с гончарного круга после его

Рис. 5. Ритуальная посуда: 1, 2 – триподы; 3, 4 – чашечки-светильники
Fig. 5. Ritual dishes: 1, 2 – tripods; 3, 4 – cups-lamps

полной остановки при помощи шнура, о чем говорят параллельные бороздки на днищах (рис. 5: 3, 4). Из восьми археологически целых чашечек такие следы остались у четырех экземпляров. Остальные днища либо обточенные, либо заглажены. Большая часть керамики обжигалась в восстановительном режиме. Вместе с тем зафиксировано, что пять сосудов обжигались в окислительном режиме, а

один – в окислительном, с дымлением в конце обжига. На трех экземплярах фиксируются следы пережога. Все чашечки имеют примерно одинаковые размеры: диаметр венчика – 8,2–10,8 см, диаметр дна – 5,3–7,9 см, высота – 4,5–5,9 см, толщина стенок – 0,5–0,9 см. На внутренней стороне большинства чашечек имеются следы черного нагара, что свидетельствует об их длительном использовании

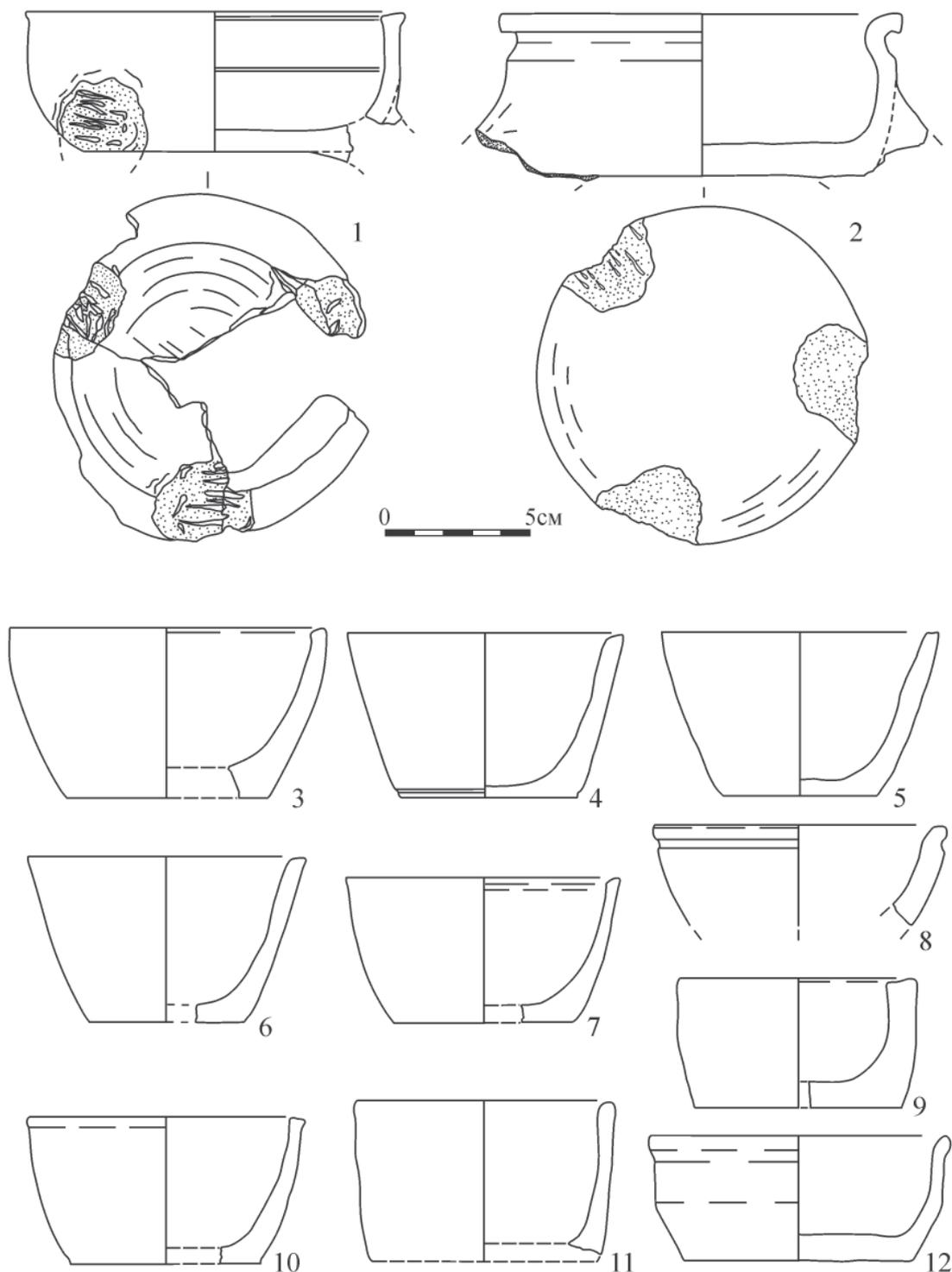

Рис. 6. Ритуальная посуда (графическая реконструкция): 1, 2 – триподы; 3–12 – чашечки-святильники
Fig. 6. Ritual dishes (graphic reconstruction): 1, 2 – tripods; 3–12 – cups-lamps

в качестве светильников (лампадок?) (рис. 5: 4). Подобные чаши-святильники известны в материалах бохайских храмовых комплексов в Приморье (Копытинский, Краскинский) (Бохайские древности..., 2013, с. 97–99; Города средневековых..., 2018, с. 87).

К ритуальной посуде также относятся два небольших трипода. Первый трипод был реконструирован из фрагментов, найденных в

разных частях раскопа (кв. И/2, И/5, 3/6, Г/8) (рис. 3, 5: 1; 6: 1). Размеры сосуда: высота 4,7 см, диаметр венчика 13,1 см, диаметр дна 8,0 см, толщина стенки 0,5 см, толщина дна 0,7 см. Венчик первого трипода прямой, имеет плоский, слегка отогнутый наружу край. Цвет черепка на внутренней и на внешней поверхности серый, в изломе светло-коричневый. Чаша трипода имеет следы вертикального

лощения как с внутренней, так и с внешней стороны. На дне сосуда отмечены спиральные борозды – следы срезания с гончарного круга.

Второй трипод был обнаружен за пределами сооружения (кв. 3/13) (рис. 3, 5: 2; 6: 2). Он немного крупнее, имеет черно-серый цвет поверхностей. Размеры изделия: высота 5,6 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 0,6–1,1 см. Венчик отогнут наружу.

Чаши обоих триподов изготавливались на гончарном круге. К донной лепешке в процессе формовки прикреплялись стенки. Несмотря на то, что ножки у изделий обломаны, в зоне перехода стенки в дно прослеживаются следы их прикрепления в виде насечек и остатков укрепления дополнительной глиной.

Подобные триподы периодически встречаются на бохайских памятниках Приморья (Старореченское городище, Краскинское городище) (Слепцов и др., 2020, с. 514; Гельман, 2018, с. 59), а также на некоторых памятниках с культовой архитектурой (Краскинский храмовый комплекс) (Города средневековых ..., 2018, с. 87).

Фрагменты станковой посуды немногочисленны и разрозненны. Изготавливалась такая керамика на гончарном круге и имеет четкий и ровный профиль. Формовочные массы данных сосудов хорошо выложенные, просеянные, с небольшим содержанием минерального отощителя в виде песка. Цвет черепка серый, светло-серый, серо-черный, поверхность их лощеная. Керамика в основном не орнаментирована, лишь на нескольких фрагментах отмечен декор в виде 1–2 прочерченных линий.

Металлические предметы составляют незначительную, но показательную часть коллекции, которая включает 16 экземпляров. Среди них есть изделия хорошей сохранности, имеющие прямые культурно-хронологические аналогии в материалах известных бохайских памятников.

Железная скоба найдена при разборке 1 пласта в квадрате Д/5. Представляет собой гнутый П-образный железный стержень, округлый в сечении с приостренными, прямоугольными в сечении, концами. Длина 16 см, ширина 11,4 см, толщина 0,9 см.

Внутренняя часть железного замка была найдена в квадрате Г/2 (2 пласт) (рис. 7: 1). Длина изделия 14,2 см, ширина 2 см, длина крепления с отверстием 5 см, ширина 1 см, в месте крепления – 1,5 см, диаметр отверстия – 0,7 см. Запирающее устройство имеет

два стержня с пружинами. Верхний стержень имеет две пластины-пружины, закрепленные с обеих сторон, а второй стержень – только одну пружину-пластину, развернутую перпендикулярно относительно пластин верхнего стержня. Данное запирающее устройство имеет более сложную конструкцию по сравнению с известными в Приморье подобными изделиями. Но в целом является одним из вариантов типа замков, запирающий механизм которых оснащен стержнем с пластинами-пружинами, и имеет аналогии на других бохайских памятниках (Асташенкова, 2017, с. 16–17).

Черешковый железный наконечник стрелы с плоским концом и сужающимся к основанию черешком-насадом найден в квадрате 3/6 (2 пласт) (рис. 7: 3). Наконечник в сечении прямоугольной формы, имеет размеры 6,6×0,7×0,3 см. Длина черешка 2,7 см. Подобные наконечники – частая находка на средневековых памятниках. В существующей классификации бохайских наконечников Приморья он определяется как простой прямой срезень-лопаточка (тип 6, вариант Г) (Леньков, Шавкунов, 1993, с. 216, 219).

Фрагмент железного колокольчика найден в квадрате Д/12 (3 пласт) (рис. 7: 4). Сохранилась его верхняя часть, на которой видна деталь для крепления колокольчика и часть круглого отверстия. Этот артефакт обнаружен возле юго-восточного угла ограды кумирни, что не случайно, так как такие колокольчики обычно подвешивали по углам буддийских культовых сооружений.

Фрагмент чугунного углового колокола кумирни обнаружен на уровне 3 пласта в квадрате Ж/6 (рис. 7: 5). Представляет собой нижнюю часть одной из стенок шестигранного колокола с вогнутым основанием и сохранившимися углами еще двух стенок. Ширина нижней части стенки 5,4 см, толщина 0,4 см.

Колокольный вертлюг был найден при разборке 3 пласта в квадрате 3/5 (рис. 7: 2). Представляет собой железное перекрестие с остатками цепочки и кольца. Предназначался, по-видимому, для подвешивания углового колокола кумирни, о чем косвенно свидетельствует место его обнаружения – вблизи угла кумирни.

Металлическая пластина трапециевидной формы найдена в квадрате Л/11 на уровне 2 пласта. Пластина имеет размеры 6,6×1,5–3×0,7 см, оба ее конца обломаны.

В ходе раскопок обнаружен только один предмет из камня – это *фрагмент поста-мента*, изготовленного из розоватого слабо

Рис. 7. 1 – внутренняя часть железного замка; 2 – колокольный вертлюг; 3 – наконечник стрелы; 4 – фрагмент железного колокольчика; 5 – обломок чугунного углового колокола кумирни; 6 – фрагмент концевого диска; 7 – обломок каменного постамента.

Fig. 7. 1 – inner part of the lock; 2 – bell swivel; 3 – arrowhead; 4 – a fragment of an iron bell; 5 – a fragment of corner of a cast-iron bell idolatry; 6 – a fragment of the end disk of the roof tiles; 7 – a fragment of a stone pedestal

метаморфизованного песчаника (рис. 7: 7). Изделие имеет подпрямоугольную форму, на боковом ребре выбраны поперечные геометрически правильные пазы, образующие три ступени. Размеры обломка – высота 12 см, ширина в основании 10 см, глубина 5 см. Возможно, данный обломок постамента мог являться основанием некой скульптуры.

Каменные и керамические буддийские скульптуры и их обломки известны на памятниках бохайского времени (Асташенкова, 2013).

В результате проведенных в 2010–2011 гг. работ на объекте «Барабаш-3. Кумирня» был полностью вскрыт периметр самой кумирни, ее ограды, а также остатки небольшого сооружения возле восточной стенки ограды.

Вместе с тем стало понятно, что истинные размеры этого средневекового объекта больше вскрытой площади и выявленная кумирня является лишь частью ритуального буддийского комплекса. Полученные в ходе раскопок материалы имеют аналогии на других памятниках государства Бохай в Приморье и позволяют датировать комплекс VII–IX вв.

Исследования древних культовых построек являются одним из важных направлений в изучении религиозной жизни раннесредневекового населения. Известные на территории Приморья храмы бохайского времени чаще всего строились на возвышенных участках местности или на искусственной насыпной платформе. Как правило, культовые сооружения располагались за пределами городов и поселений (Копытинский, Абрикосовский, Корсаковский, Борисовский храмы), исключение составляет только Краскинский храмовый комплекс, находящийся на территории городища. Все храмы строились в соответствии с канонами китайской архитектуры и имели прямоугольную или квадратную в плане форму, и представляли собой здания колоннадного типа с черепичной крышей. Храмовые комплексы чаще всего были обнесены оградой и имели внутренний двор (Шавкунов, 1998, с. 75–91). Иногда на территории двора могли быть дополнительные сооружения – вспомогательные постройки, пагоды, барабанные (или колокольные) башни (Краскинский, Копытинский) (Города средневековых..., 2018, с. 135–136). Размеры культовых построек различны: самый крупный храм расположен на Краскинском городище, его площадь составляет 78,8 м² (Города средневековых..., 2018, с. 87), второй по размеру – Борисовский храм – его площадь 60 м² (Медведев, 1998, с. 248), размеры остальных бохайских храмов немного меньше: Абрикосовский – 49 м², Копытинский и Корсаковский – 30 м² (Артемьева, 1998, с. 174, 178, 183).

Раскопанное культовое сооружение «Барабаш-3. Кумирня» имеет некоторые аналогии с перечисленными храмовыми постройками. В первую очередь, сходство выражается в выборе места для строительства кумирни – на высокой оконечности мыса, в непосредствен-

ной близости от небольшого бохайского селища Барабаш-4, расположенного на высокой пойменной террасе, примыкающей к мысу с востока (Археологические памятники..., 2008, с. 275–281). Общая конфигурация культовой постройки квадратной в плане формы, наличие черепичной крыши, ограды и небольшого дополнительного сооружения на его территории также сближает данный комплекс с другими храмовыми сооружениями бохайского времени на территории Приморья. Найденный археологический материал, такой как обломки колоколец, ритуальная посуда, представленная чашечками-светильниками и триподами, находит прямые аналогии в материалах некоторых храмовых комплексов, в частности Краскинском и Копытинском (Города средневековых..., 2018, с. 87; Бохайские древности..., 2013, с. 97–99).

Тем не менее имеется и ряд отличий культового комплекса «Барабаш-3. Кумирня» от упомянутых выше бохайских храмовых построек: это небольшие размеры самого сооружения, отсутствие колоннадной конструкции у здания, маленький внутренний двор. Судя по остаткам каменного фундамента, исследуемая кумирня представляла собой небольшой павильон площадью 18,5 м² с четырьмя несущими столбами по углам и черепичной крышей. Вход в дворик был оформлен небольшими воротами шириной около 2 м с черепичным навесом.

Вероятно, крупные храмовые комплексы строились в окрестностях городов или на их территории, как в случае с Краскинским городищем. Прежде всего, они играли важную роль в распространении буддийского вероучения среди населения периферийной части государства Бохай, которой являлся Приморский регион, а также могли выполнять культурно-просветительские функции. Территория таких комплексов могла вмещать в себя большое количество людей, численность которых в городах была значительно выше. Исследованная же нами небольшая бохайская кумирня также выполняла религиозно-культовые функции и вполне соответствовала нуждам жителей селища Барабаш-4, расположенного рядом.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Культовые сооружения бохайского времени на территории приморья // РА. 1998. № 3. С. 175–190.

Клюев Н.А., Хон Хён У, Гарковик А.В., Ким Дон Хун, Ким Джэ Юн, Слепцов И.Ю., Мезенцев А.Л., Пискарев Я.Е., Никитин Ю.Г. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневе-

ковья Приморья (по материалам исследований 2007 г.). Тэджон: Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея, 2008. 460 с.

Асташенкова Е.В. Изображения Будд, бодхисатв и буддийских божеств в искусстве Бохая // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5(25). С. 76–82.

Асташенкова Е.В. Замки и ключи из бохайских памятников Приморья // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 16–20.

Асташенкова Е.В., Болдин В.И. Декор концевых дисков Краскинского городища // Россия и АТР. 2004. №1. С. 122–129.

Бохайские древности из Приморского края России. / Ред. Сун Юйбинь, А.Л. Ивлиев, Е.И. Гельман. Пекин Пекин: Вэньу, 2013. 278 с.

Гельман Е.И. Керамика Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 40–64.

Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Восточная литература, 2018. 367 с.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Отв. ред. Э.В. Шавкунов М.: Наука, 1994. 219 с.

Клюев Н.А., Гридасова И.В. Памятник Барабаш-3: новые аспекты в изучении янковской археологической культуры в Приморье // Россия и АТР. 2013. №2. С. 149–158.

Клюев Н.А., Якупов М.А., Слепцов И.Ю. Исследования новой бохайской кумирни в Приморье // Труды III (XIX). Всероссийского археологического съезда. Т. II. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород–Старая Русса: ИИМК РАН. 2011. С. 47–48.

Леньков В.Д., Шавкунов В.Э. Железные наконечники стрел бохайцев Приморья // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 214–226.

Медведев В.Е. Бохайская кумирня в Приморье. Сеул: Изд-во Хакъёнмунхваса, 1998. 477 с.

Слепцов И.Ю., Клюев Н.А., Прокопец С.Д., Белова И.В., Белов Д.М. Раскопки на городище Старореченское в Приморье // Археологические открытия. 2018 год. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 512–515.

Стоякин М.А. Буддийская культовая архитектура бохайского времени в северной части Корейского полуострова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 3. С. 262–267.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 168 с.

Информация об авторах:

Клюев Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, зав. Сектором первобытной археологии, зам. директора по научной работе, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); kluyev2006@yandex.ru

Прокопец Станислав Данилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); stas842005@mail.ru

Слепцов Игорь Юрьевич, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); igorslep@yandex.ru

Белова Ирина Владимировна, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); irgeo@mail.ru

REFERENCES

- Artemeva, N. G. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 175–190 (in Russian).
- Klyuev, N. A., Hong Hyun Woo, Garkovik, A. V., Kim Dong-Hoon, Kim Jae Yoon, Sleptsov, I. Yu., Mezentssev, A. L., Piskareva, Ya. E., Nikitin, Yu. G. 2008. *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi paleolita i rannego srednevekov'ia Primor'ia (po materialam issledovaniia 2007 g. (Archaeological Monuments of the Palaeometal Period and the Early Middle Ages of Primorye (Based on Study Materials of 2007))*. Daejeon: State Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).
- Astashenkova, E. V. 2013. In *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke (Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East)* 25 (5), 76–82 (in Russian).

Astashenkova, E. V. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii"* (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires"). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 16–20 (in Russian).

Astashenkova, E. V., Boldin, V. I. 2004. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 1, 122–129 (in Russian).

Song Yubin, Ivliev, A.L., Gel'man, E.I. (eds.). *Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii (The Bohai Antiquities from the Primorye Region of Russia)*. Beijing: Wenwu Publ., 2013 (in Russian, and in Chinese).

Gel'man, E. I. 2018. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 40–64 (in Russian).

Kradin, N. N. 2018. (ed.). *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka (Towns of the Medieval Empires of the Far East)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1994. (ed.). *Gosudarstvo Bokhai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii (Bohai State (698-926) and the Tribes of the Russian Far East.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Klyuev, N. A., Gridasova, I. V. 2013. In *Rossiya i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* 2, 149–158 (in Russian).

Klyuev, N. A., Yakupov, M. A., Sleptsov, I. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX). Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th). All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)*. 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 47–48 (in Russian).

Len'kov, V. D., Shavkunov, V. E. 1993. In Medvedev, V. E., Khudiakov Yu. S. (eds.). *Voennoe delo naseleeniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka (Warfare of the Population of Southern Siberia and Russian Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 214–226 (in Russian).

Medvedev, V. E. 1998. *Bokhaiskaia kumirnia v Primor'e (Bohai Idol Temple in Primorye)*. Seul: "Hakyeonmunhwasa" Publ. (in Russian, in Korean).

Sleptsov, V. V., Klyuev, N. A., Prokopets, S. D., Belova, I. V., Belov, D. M. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2018 g. (Archaeological Discoveries of 2018)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 512–515 (in Russian).

Stoyakin, M. A. 2012. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 11 (3), 262–267 (in Russian).

Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bokhai i pamiatniki ego kul'tury v Primor'e (Bohai State and the Monuments of its Culture in Primorye)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Klyuev Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; klyuev2006@yandex.ru

Prokopets Stanislav D. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; stas842005@mail.ru

Sleptsov Igor Yu. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; igorslep@yandex.ru

Belova Irina V. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; stas842005@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.57.67>

НОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ БУРЯТИИ: КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ¹

© 2021 г. Б.А. Базаров, Н.В. Именохоев, Д.А. Миягашев, Я.В. Дикий

На современном этапе темпы изучения средневекового периода в истории Западного Забайкалья значительно спали. В настоящей статье приводятся предварительные материалы раскопок трех средневековых погребений двух новых могильников – Нижний Мангиртуй, пункт 1 и 2 и Нур-Тухум, пункт 2. Актуальным остается вопрос культурной атрибуции погребений эпохи средневековья и определение их хронологической позиции. Предлагается сузить хронологические рамки раннемонгольской археологической культуры с сохранением хойцегорской и саянтуйской этапов. Эпоху Великой империи XIII–XIV вв., следующей вслед за раннемонгольской культурой, предложено называть монгольским временем. Решение стоящих перед археологией вопросов хронологии средневековья Бурятии видится в усилении работы по радиоуглеродной датировке погребальных и поселенческих комплексов.

Ключевые слова: археология, средневековье, раннемонгольская археологическая культура, погребения, Бурятия.

NEW MEDIEVAL BURIALS OF BURYATIA: CULTURAL ATTRIBUTION AND CHRONOLOGY²

B. A. Bazarov, N. V. Imenokhoyev, D. A. Miyagashev, Dikiy Ya. V.

At the modern stage, the pace of research of medieval period in history of Western Transbaikalia dropped significantly. The paper presents preliminary results of the excavations of three medieval tombs of two recent discovered burial grounds - Nizhniy Mangirtuy 1 and 2 and Nur-Tukhum 2. The issue of cultural attribution of medieval burials and determination of their chronological position is still relevant. It is proposed to restrict the chronological boundaries of the Early Mongolian archaeological culture and keep the classification for the Khoyzegor and Sayantui stages. The era of the Great Empire of the XIII–XIV centuries rised after the early Mongolian culture, is proposed to be called the Mongolian time. To resolve the issues of the chronological dividing of the Middle Age of Buryatia facing archeology is need the increasing of radiocarbon dating of burial and settlement complexes.

Keywords: archaeology, middle age, early-mongols archaeological culture, burials, Buryatia.

В историографии существуют различные мнения по поводу определения средневековья. Исследователи восточноевропейских кочевых древностей оперируют эпохой, где раннее средневековье определено периодом IV – первой половиной X века; этап развитого средневековья – второй половиной X – первой половиной XIV вв.; падение Золотой Орды считается началом эпохи позднего средневековья» (Археология СССР, 1981, с. 8).

Для анализа исторических процессов, протекавших в Центральной Азии, бурятские археологи «придерживаются следующей схемы внутренней периодизации эпохи: раннее средневековье – конец II в. – середина VI в. н.э – периоды Сяньбийской державы и Жужаньского каганата; развитое средневековье – VII–XIV вв. – периоды Тюркских и Уйгур-

ского каганатов, Киданьской и Монгольской империй; позднее средневековье – XV–XVII вв. – период раздробленности Монгольского государства, маньчжурской экспансии и русской колонизации в Центральной Азии и Сибири» (История Бурятии, 2011, с. 203). Этот громадный хронологический период в истории Центральной Азии характеризуется обилием политических событий, оказавших огромное влияние на развитие многочисленных групп населения различного этнического происхождения – монгольского, тюркского, тунгусского, древнего самодийского и индоиранского, находившихся на разных ступенях экономического и культурного развития. Степные и лесостепные территории северной периферии региона оказались в зоне их активного освоения кочевыми государствами тюрков, уйгуров,

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

² The work was carried out within the framework of the state task (project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", No. 121031000241-1).

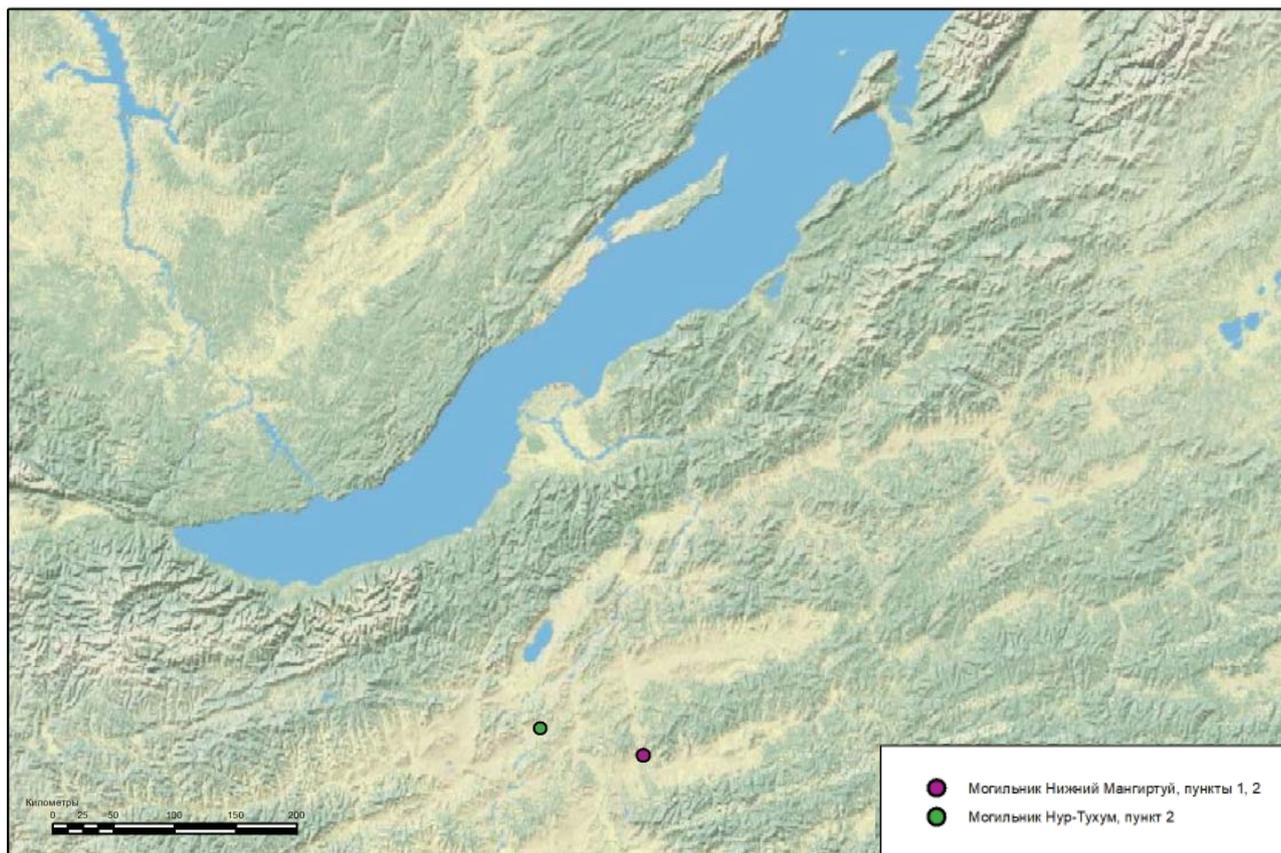

Рис. 1. Карта-схема расположения средневековых могильников

Fig. 1. Sites under study

монголов. Воинственные кочевники захватывали и осваивали новые территории, частично уничтожая или же присоединяя местное население к своим племенным союзам. В результате такого диффузионного процесса появлялись предпосылки для возникновения и формирования новых этнических общностей с измененной этнолингвистикой, антропологией, материальной и духовной культурой, ставших впоследствии основой современных народов. По сведениям письменных источников, представленных китайскими династийными хрониками, историческими сочинениями персидских, арабских, армянских, грузинских авторов, путевыми заметками европейских дипломатов и купцов, известно, что в Центральной Азии в эпоху средневековья длительное время проживало двуязычное население, состоявшее в основном из потомков древних народов хунну и дунху. После гибели и исхода сохранивших боеспособность части населения хуннской империи на западные окраины Великой степи, «остатки сего народа, простиравшегося еще до 100,000 кибиток» принимает народное имя сяньби, и с этого времени в центральноазиатских степях вплоть до VI в. устанавливается приоритет монголоязычных племен (Бичурин, 1828, с.

53). Смена языкового доминирования произошла с гибелью Жужаньского каганата, состоявшего из различных по этническому или родовому происхождению групп населения при преобладании монголоязычного субстрата. Середина I тыс. н.э. ознаменовалась созданием династией Ашина тюркского каганата, в который вошли не только племена Алтая, но и все народы Центральной Азии и Восточного Туркестана. В X в. степи вновь переходят под господство монголоязычных народов – киданей империи Ляо. Преемниками киданей стали монголы, образовавшие при Чингис-хане величайшую империю древности, равной которой не основывал ни один ни кочевой, ни оседлый народ средневековья.

Первые исследования памятников средневековья на территории Бурятии были начаты в XIX столетии. В период 1851–1855 гг. учитель, известный поэт и член Сибирского Отделения Императорского Русского Географического Общества Д. Давыдов раскопал четыре средневековых кургана в местности Савелов Крест, восточнее г. Верхнеудинска. Погребения, ориентированные длинной осью на восток-юго-восток, были полностью ограблены. Лишь в одном кургане на глубине около двух метров расчищены кости ног

человека и несколько обломков ребер. Фрагменты других костей, в обломках, попадались в заполнении могильной ямы. Череп и длинные кости рук не найдены (Давыдов, 1856, с. 89). В 1861 г. горный инженер И.А. Лопатин, занимаясь составлением геологической карты Витимского плоскогорья, упоминает о баргутских оросительных канавах, землянках и могильниках, распространенных в долине р. Баргузин (Лопатин, 1867). В конце XIX столетия члены Русского географического общества – Н.В. Кириллов обнаружил тюркскую руническую надпись и погребения в берестяных гробах в долине р. Тарбагатайки (Кириллов, 1897), а Ю.Д. Талько-Грынцевич в среднем течении р. Селенги, в долинах рек Хилок и Чикой исследовал захоронения «в деревянных гробах, обернутые в бересту» или «в выдолбленной колоде», которые датировал средневековым периодом (Талько-Грынцевич, 1900, с. 48–50). Ю.Д. Талько-Грынцевичу принадлежит первая классификация древних погребений, состоящей из четырех разновременных групп. Захоронения четвертой группы с невысокой земляной насыпью, обложенные сверху камнями и с внутримогильными конструкциями в виде тонких дощатых гробов или долбленных колод отнесены им к средневековью (Талько-Грынцевич, 1928). Будучи врачом, антропологом Ю.Д. Талько-Грынцевич определяет этническую принадлежность этих захоронений, выделяя «все признаки монгольской расы, выступающие только сильнее, чем в черепах современных бурятских и халхаских» и предполагает «что это было одно из племен монгольских, удержавших в более чистом виде свои особенности, вроде крайней короткоголовости, и жило здесь вероятно до пришествия бурят» (Талько-Грынцевич, 1900, с. 49–50).

После образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 году по инициативе историко-этнологической секции Научного общества им. Д. Банзарова (1924–1930 гг.) средневековые Бурятии исследуют профессиональные археологи.

В 1924 г. Б.Э. Петри в Тункинской долине раскапывает захоронения в «колодах с костями барана при покойниках» с уникальным погребальным инвентарем. В погребениях с надмогильными сооружениями из окатанных булыжников в виде круга в плане были найдены украшения из серебра, золота и жемчуга, бронзовые зеркала, лоскуты шелковой ткани, остатки конской сбруи – стремяна и удила, костяные обкладки сложного монгольского

лука, наконечники стрел со свистунками и др. предметы (Окладников, 1937, с. 284–290).

В 1925 г. студент Иркутского университета Г.Ф. Дебеч произвел раскопки семи погребений в дощатых гробах, обернутых в бересту у дер. Зарубино на левом берегу р. Селенги. На основе однотипного погребального обряда, сопровождающего инвентаря, а также аналогии с уже известными погребениями, исследованными Ю.Д. Талько-Грынцевичем, Г.Ф. Дебеч датировал их началом II-го тыс. н.э. и предположительно связал с «древними» монгольскими племенами (Дебеч, 1926, с. 16). В апреле 1927 года А.П. Окладников в низовьях р. Селенги обнаружил разрушенные погребения «курумчинских кузнецов» (Окладников, 1976, с. 276–280).

В 1928–29 гг. первая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР под руководством Г.П. Сосновского исследовала долину р. Селенги на всем ее протяжении и приустьевые участки ее притоков – рек Чикоя и Джиды. Экспедицией открыты и частично исследованы ранее неизвестные средневековые могильники – Саянтуй, Тапхар, Еныскей, Кумын, Ильмовая падь и др., произведены раскопки и поселения на р. Темник (Сосновский 1928, 1930, 1936). По результатам полевых исследований составлена общая характеристика и периодизация древней истории Бурятии, и карта археологических памятников Западного Забайкалья. К сожалению, большая часть материалов раскопок экспедиции не опубликованы. В черновых записях, хранящихся в Институте материальной культуры в Санкт-Петербурге, Г.П. Сосновский классифицировал памятники I и II тысячелетиями и выделил две стадии Хойцгорскую и Саянтуйскую, датировав первую VII–X вв., вторую – XIII – XIV вв. (Архив Института материальной культуры РАН, Фонд Г.П. Сосновского – 42). В эти же годы аспирант ГАИМК Э.Р. Рыгдылон исследует Ацагатские скальные погребения (древнебурятские) позднего средневековья. В послевоенные годы (1947–1958 гг.) в Бурятии работает вторая Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова, которая охватила предварительным обследованием всю долину р. Селенги и долину р. Уды, вплоть до Еравнинских озер. Им исследованы могильники в районе пос. Наушки и с. Жаргалантуй.

Хронологическая и этническая интерпретация памятников юга и юго-запада Бурятии субъективна. Субъективизм исследователей отражал скудность имеющейся информации

и общее состояние исторической науки того периода. В результате исследований погребальные памятники – III–VII вв. и X–XIII вв. н.э. не были обнаружены и изучены.

С созданием БКНИИ определилось основное тематическое направление археологических исследований в Бурятии – изучение памятников ранних и поздних кочевников. Е.А. Хамзина с антропологом Н.Н. Мамоновой изучает могильники близ сел Селенга, Сибирь, Вознесенка, Саратовка и на сопке Тапхар на обоих берегах р. Селенги в центральной Бурятии. В 1963 году исследования продолжены на севере республики, где Е.А. Хамзиной раскопаны могильники близ сел Баянгол и Телятниково. Материалы этих исследований составили основу опубликованной работы «Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники)» (Хамзина, 1970). Эта работа является первым монографическим исследованием средневековых могильников, в которой предложена новая периодизация, типология памятников и предпринята попытка идентифицировать их по этнической принадлежности. Автор выделил три территориальные группы памятников – на юге, в центре и на севере Бурятии. Южная группа этнически соотносится с селенгинскими уйгурами, центральная, по мнению автора, имела смешанные черты тюркских и монгольских погребальных обрядов, северная (баянгольская, возникшая не ранее VII в.) по погребальному ритуалу близка к культуре курыкан, но имела самостоятельную линию развития. Е.А. Хамзиной предложена периодизация средневековых памятников, в которой наряду с известными этапами – хойцегорским (VII–X вв.) и саянтуйским (XIII–XIV вв.), вводится новый – тапхарский (X–XIII вв.).

В начале 1970-х годов исследования охватили восточные районы республики – Еравнинский, Кижингинский, Хоринский. Экспедицией под руководством Л.Г. Ивашиной в котловине Еравнинских озер раскопаны 23 погребения. Собранный материал систематизирован и опубликован Л.Р. Кызласовым, который предложил оставить введенные Г.П. Сосновским и Е.А. Хамзиной названия групп или типов погребений, но с внесением изменений в их содержание и хронологию, выделяя при этом две культуры: хойцегорскую – IX–X вв. и саянтуйскую – XIII–XIV вв., промежуточный этап – тапхарский (по Е.А. Хамзиной) не выделяет, ссылаясь его на слабую изученность (Кызласов, 1981, с. 59).

В конце 1980-х годов П.Б. Коновалов и С.В. Данилов исследовали 8 объектов из 26 курганов средневекового могильника у с. Кибалино. Был подробно описан ритуал – положение костяков в могилах на спине, головой на северо-северо-восток и северо-восток, неоднородный сопровождающий инвентарь и, в качестве особой черты погребального обряда, отмечено вертикальное положение в изголовье погребенного бараньего стегна. Датировку захоронений авторы ограничили лишь нижней датой, монгольским временем – XI в. н.э.

С середины 1980-х годов исследования по проблемам курыканского наследия (курумчинской культуры) проводил Б.Б. Дашибалов. Им осуществлены раскопки погребальных комплексов в Приольхонье и в Баргузинской долине, проведена тщательная источниковедческая работа над археологическими и письменно-историческими материалами и на этой основе выполнены оригинальные историко-этнологические исследования (Дашибалов 1995, 2005). По мере накопления археологического материала с территории Байкальской Сибири авторское понимание курыканской культуры менялось и вслед за Г.Н. Румянцевым, который показал, что этнонимы «курукан» орхонских надписей, «гулигань» китайских летописей, «кури» и «фури» средневековых мусульманских авторов и «хори» монгольских народов являются одним и тем же названием, записанным на разных языках, приходит к выводу, что курыканская культура рассматривалась на ранних этапах VI–X вв. как принадлежащая тюркоязычным курыканам, а в XI–XIV вв. эта культура трансформируется в культуру хори-монголов. Анализируя средневековые погребальные памятники, Б.Б. Дашибалов подверг сомнению утвердившееся мнение о том, что могилы саянтуйского типа, систематизированные Г.П. Сосновским, отражают процесс расселения монголоязычных племен в регионе в начале II тыс. н.э. Согласно его точке зрения столь важное положение не имеет под собой достаточных оснований. На основании сопоставления внутримогильных конструкций и погребального обряда, тюркоязычного населения Тувы, Минусинской котловины и Алтая Б.Б. Дашибалов считает, что погребения в бересте, колоде, с подбоями, каменных ящиках привнесены тюркоязычными племенами, в частности селенгинскими уйгурами (Дашибалов, 2001, с. 59, 62–63).

В 1977–90 гг. археологами ИМБТ СО РАН были продолжены исследования в централь-

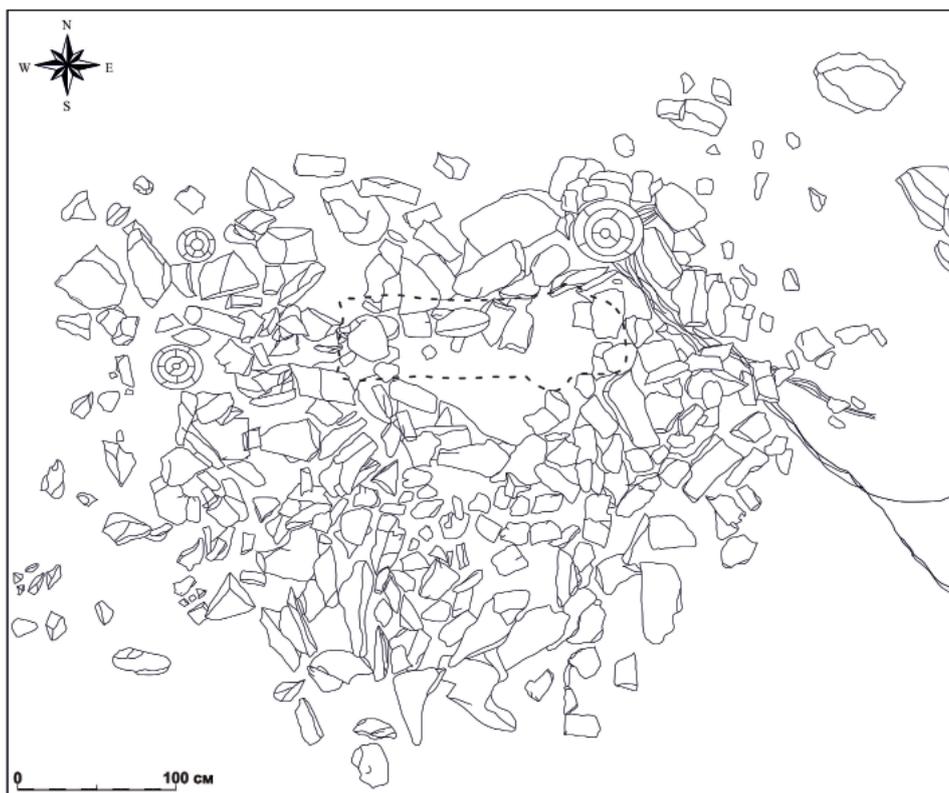

Рис. 2. Могильник Нижний Мангиртуй. Пункт 1, могила 1. План надмогильной кладки
Fig. 2. Nizhniy Mangirtuy burial ground 1, tomb 1. Plan of funeral construction

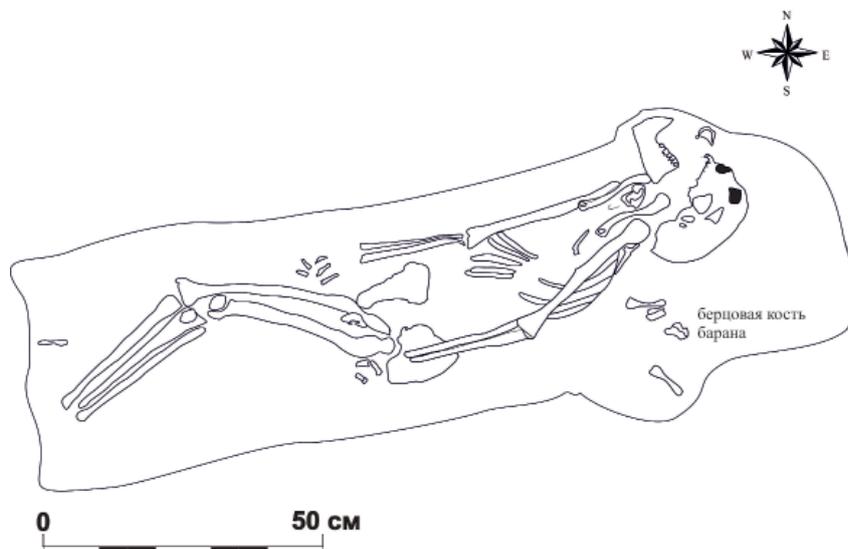

Рис. 3. Могильник Нижний Мангиртуй. Пункт 1, могила 1. План погребения
Fig. 3. Nizhniy Mangirtuy burial ground 1, tomb 1. Plan of burial

ной Бурятии: раскопкам подверглись могильники в Дырестуйском Култуке, в пади Подчерной, на горе Хойцегор, в Балеевке, близ с. Енхор. Раскопанные захоронения датируются в достаточно широких хронологических рамках – от VII до XIV вв.

Затем наступает период, когда средневековые погребения в Бурятии практически не раскапываются. Представленные ниже два пункта средневекового могильника Нижний Мангиртуй и отдельное погребение второго

пункта могильника Нур-Тухум были открыты и исследованы в рамках поисковых работ по хуннской археологической тематике.

Могильник Нижний Мангиртуй. Пункты 1 и 2.

Могильник расположен в Бичурском районе Республики Бурятия, на правом берегу р. Хилок и приурочен к юго-западному выступу Заганского хребта (рис. 1.). Объект был выявлен в результате поиска хуннского могильника, который был бы связан с расположенным

Рис. 4. Могильник Нижний Мангиртуй. Пункт 2, могила 2. Надмогильная кладка. Вид с запада
Fig. 4. Nizhniy Mangirtuy burial ground 2, tomb 2. Funeral construction. View from west

здесь неукрепленным хуннским поселением. Интересно, что летом 1899 г. в этих местах с археологической разведкой побывал Ю.Д. Талько-Грынцевич, который кратко охарактеризовал результаты своей поездки следующими словами: «дорога из Верхнего в Нижний Мангиртуй, как и это последнее село, никаких древних памятников не представляет» (Талько-Грынцевич, 1999, с. 97). Спустя 88 лет после посещения Ю.Д. Талько-Грынцевичем этого места в 1987 г. Л.В. Лбовой недалеко от с. Нижний Мангиртуй было открыто хуннское поселение (Лбова, 1988, с. 24-26), а еще через 31 год после открытия поселения нами был открыт этот могильник, который по результатам исследований оказался средневековым.

Пункт 1 находится в 1,2 км восточнее села Нижний Мангиртуй. Могилы первого пункта находятся на водоразделе, а также на мысообразных выступах и пологих «полках» изолированного горного распадка в местности «Пещера».

Надмогильная конструкция могилы №1 первого пункта являлась многослойной, округлой, с западиной в центральной части (рис. 2.). Диаметр надмогильного сооружения – 3,8 м, западины – 1,1 м. Максимальная высо-

та каменного кургана составляла 65 см. На глубине 50 см выявлена могильная яма длиной – 161 см, шириной – 40 см. Само захоронение было расчищено на глубине 60 см. Погребенный ориентирован головой на восток-северо-восток (азимут 46 °). Костяк на правом боку, ноги слегка подогнуты. Нижняя челюсть была зафиксирована отдельно, расположена выше черепа (вероятно, деятельность землероек). В районе левого плеча были обнаружены кости ноги барана.

Пункт 2 находится в 0,7 км юго-восточнее села Нижний Мангиртуй. Могилы второго пункта расположены на высоком мысу западного склона подгорного шлейфа, обращенного в сторону р. Мангиртуйки. Раскопкам подверглись две могилы, одна из которых оказалась кенотафом.

Надмогильная конструкция могилы №2 второго пункта имела овальную форму, вытянутую по линии восток-запад (рис. 4). Здесь в скальнике была выдолблена ниша, в которую помещен погребенный на правом боку с согнутыми ногами. Череп отделен от скелета и помещен в небольшую нишу. Сам скелет ориентирован на северо-восток (азимут 55°) (рис. 5.). Справа и слева от костяка в районе грудного отдела обнаружены два костяных черешко-

Рис. 5. Могильник Нижний Мангиртуй. Пункт 2, могила 2. Погребение.

Fig. 5. Nizhniy Mangirtuy burial ground 2, tomb 2. The burial

вых наконечника стрел. Стрелы располагались острием вверх. Ширина ниши от 42 см в верхней части до 16 см в ногах. Глубина захоронения составляет 52 см.

Очевидно, что два пункта этого могильника можно было бы отнести к двум разным хронологическим этапам раннемонгольской археологической культуры. Первый пункт могильника можно было датировать XI–XIV вв., т.е. саянтийским этапом. На это указывает наличие в погребении берцовой кости барана, но этот признак перестал быть культурно-диагностирующим, поскольку встречается и в могилах хойцегорского этапа. Второй пункт могильника датируется хойцегорским этапом (VII–X вв.) и поддержана радиоуглеродной датой, указывающей на VII в. (СОАН-9885).

Могильник Нур-Тухум. Пункт 2

Могильник расположен в Селенгинском районе Республики Бурятия (рис. 1.). Пункт 2 могильника Нур-Тухум находится в 0,4 км юго-западнее пункта 1 в местности Губэй. Могилы располагаются у подножия увала с северо-восточной стороны. Всего в могильнике насчитывается 33 погребения, 32 из которых хуннские. Средневековое погребение № 1 располагалось на седловине, обосо-

бленно. Каменная кладка округлой формы с небольшой западиной посередине (рис. 6). Диаметр надмогильной конструкции – 6 м. Длина могильной ямы – 1,8 м, ширина – 55 см. Костяк располагался на глубине 60–62 см. Ориентирован головой на восток. Положение на спине. Правая рука согнута, фаланги кисти руки расположены на тазовых костях. Левая рука прямая. Ноги слегка сдвинуты в южном направлении. В районе левого плеча были обнаружены кости ноги барана (рис. 3.). В районе груди обнаружены три бусины красного цвета. Между ног зафиксированы остатки небольшого, полностью проржавевшего, железного ножа острием вниз (рис. 7).

Здесь мы при датировании также не можем опираться на такой признак как наличие в погребении кости ноги барана. Возможно, данное погребение было связано со средневековым поселением, расположенным в 0,5 км к востоку. Полученные радиоуглеродные даты указывают на время функционирования поселения в XIV–XV вв. (Базаров, Миягашев, 2018, с. 93).

Таким образом, археологические памятники средневековья в Западном Забайкалье, пожалуй, являются наиболее актуальной областью исследований по истории Буря-

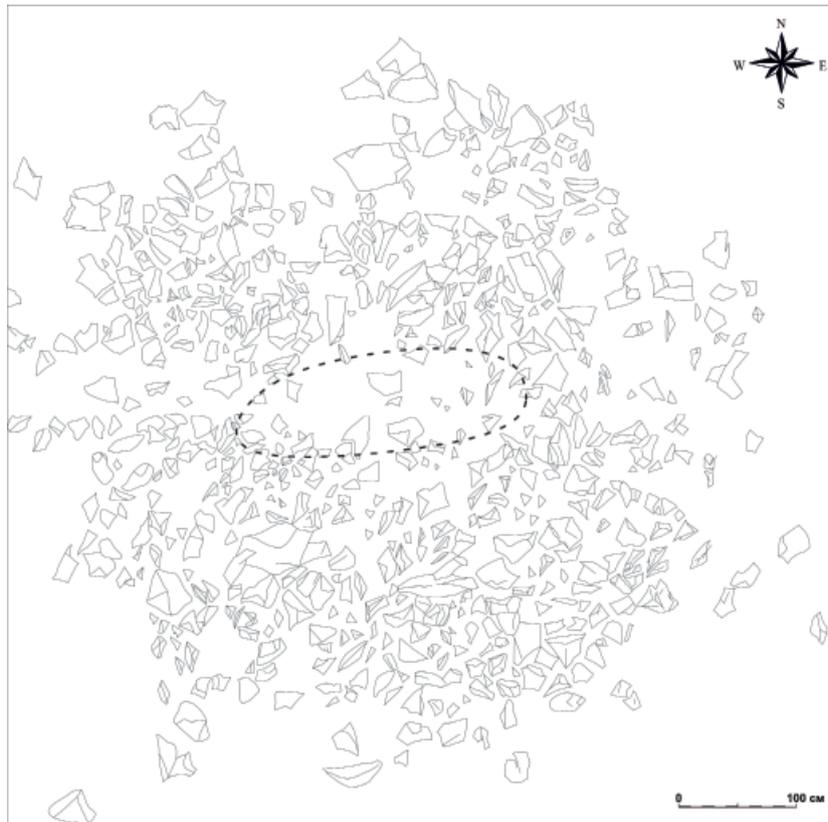

Рис. 6. Могильник Нур-Тухум. Пункт 2, могила 1. План надмогильной кладки
Fig. 6. Nur-Tukhum burial ground 2, tomb 1. Plan of funeral construction

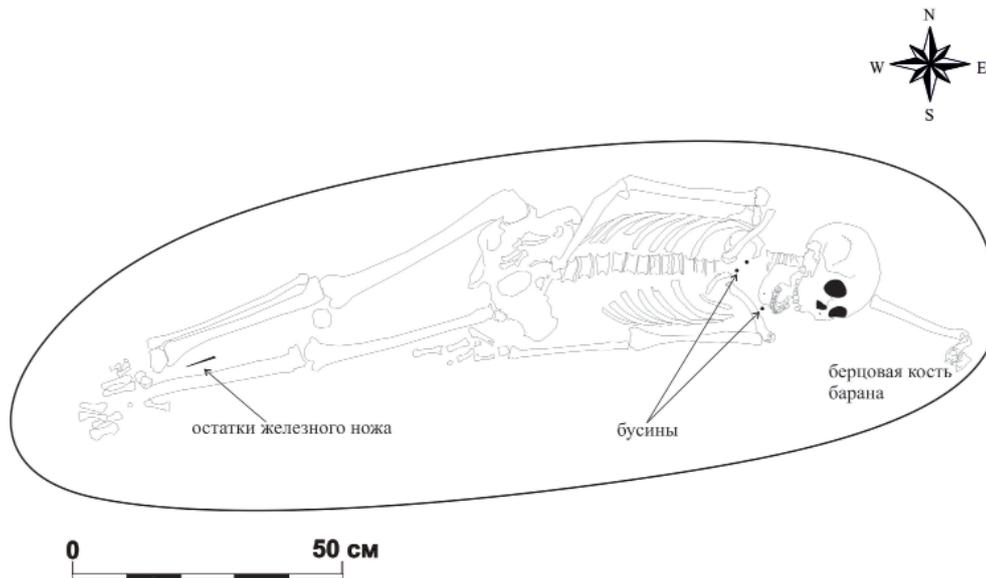

Рис. 7. Могильник Нур-Тухум. Пункт 2, могила 1. План погребения.
Fig. 7. Nur-Tukhum burial ground 2, tomb 1. Plan of burial

тии в силу остроты дискуссионной проблемы тюрко-монгольского взаимодействия в данном регионе. Информативны в этом аспекте погребальные комплексы, т.е. могилы с одинаковым устройством, единым обрядом захоронения и одинаковым инвентарным комплексом. Одним из сложных вопросов является выявление и исследование синхронных стоянок и поселений средневековья, материалы которых можно было бы привлечь

для сопоставительных процедур. В данном случае перспективным видится дальнейшее исследование Нур-Тухумского археологического комплекса, включающего в себя и поселенческий, и погребальные материалы.

На сегодняшний день существуют три точки зрения о культурной принадлежности и датировки погребальных памятников средневековья: 1) выделяются две археологические культуры: хойцгорская культура

(VII–X вв.) и саянтуйская культура (XI–XIV вв.), являющиеся различными в этническом плане – уйгуры и монголы (Хамзина Е.А., Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г.); 2) раннемонгольская культура с двумя этапами развития – хойцегорский (VII–X вв.) и саянтуйский (XI–XIV вв.) (Коновалов П.Б., Данилов С.В., Именохоев Н.В.); 3) саянтуйский тип (2-е тысячелетие н.э.) – селенгинские тюркоязычные племена (Дашибалов Б.Б.).

В недавно вышедшем втором томе Истории Сибири предлагается раннемонгольскую археологическую культуру ограничить доимперским периодом, где верхним рубежом будет являться время конца XII – начала XIII в., когда культура монгольских народов переживала период становления и консолидации. Эпоху Великой империи XIII–XIV вв., когда полностью оформилась и устоялась в своих основных признаках общегосударственная культура, называть просто монгольской. Хойцегорский и саянтуйский этапы остаются в рамках раннемонгольской археологической культуры, но должна измениться их хронология. Указывается, что ранние

памятники раннемонгольской культуры, которые можно было бы уверенно отнести к I тыс. н.э. до сих пор достоверно не выявлены (История..., 2019, 309). Эта проблема связана также с отсутствием радиоуглеродных датировок по средневековым погребениям. Небольшая серия радиоуглеродных дат опубликована только для северной группы средневековых погребений (Дашибалов, 2011, с. 68).

Безусловно, настоящее выделение археологических культур тюрко-монгольского периода Бурятии носит временный и субъективный характер. Проблема выделения археологических культур достаточно сложная и решается во многих случаях неоднозначно, особенно при рассмотрении кочевых сообществ с их «подвижными» территориальными границами. Главной проблемой является определение оптимальных признаков идентификации археологических культур. И, конечно же, не на последнем месте находятся вопросы хронологии, которые будут и должны решаться при помощи радиоуглеродного метода датирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н.Я. (Иакинф)* Записки о Монголии. СПб., 1828. Т.2. 241 с.
- Дашибалов Б.Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
- Дашибалов Б.Б.* На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
- Дашибалов Б.Б.* Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2011. 174 с.
- Дашибалов Б.Б.* Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. Ч. 1. / отв. ред. Т. Е. Санжиева, С. В. Бураева, Ю. Б. Санданов. Улан-Удэ: Бурят. госуниверситет, 2001. С. 58–67.
- Дебец Г.Ф.* Могильник железного периода у с. Зарубино // Бурятияведение. 1926. №2. С. 14–16.
- История Бурятии: в 3 т. Т.1. Древность и средневековье / Гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 328 с.
- История Сибири: Том 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.
- Кириллов Н.В.* Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 28. Вып. 2. С. 136–143.
- Кызласов Л.Р.* Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 59–61.
- Лбова Л.В.* Отчет об археологическом обследовании долины р. Хилок в 1987 г. (Бичурский район, Бурятская АССР). Улан-Удэ, 1988. 93 с. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12198.
- Лопатин И.А.* Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 г. // Записки ВСОИРГО. 1867. Кн. 9. С. 508–526.
- Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) Л., 1937. 428 с.
- Окладников А.П.* Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях Кабанска // Окладников А.П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское кн.изд-во, 1976. С. 276–279.
- Сосновский Г.П.* Краткий отчет о летней работе археол. отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. // Бурятияведение. 1928. № 4. С. 162–166.

Сосновский Г.П. Археологическая Бурят-Монгольской экспедиция // Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 год. Вып. 2. / сост. В. Л. Комаров. Л.: АН СССР, 1930. С. 153–155.

Сосновский Г.П. Итоги работ Бурят-Монгольского Археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т.2. М.-Л.: АН СССР, 1936. С. 318–321.

Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамур. отд. Рус. геогр. об-ва. вып. 3. М., 1900. С. 48–50.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. 1928. № 1–3 (5–7). С. 91–103.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сюнну, вып. 4. СПб.: Фонд "Азиатика", 1999. 123 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970. 142 с.

Информация об авторах:

Базаров Биликто Александрович, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); biliktobazarov@yandex.ru

Именохоев Николай Владимирович, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); uni@mail.ru

Миягашев Денис Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); silker10@yandex.ru

Дикий Ярослав Витальевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); yaroslavdikii@gmail.com

REFERENCES

Bichurin, N. Ya. (Iakinf). 1828. *Zapiski o Mongolii (Notes on Mongolia)*. Sain-Petersburg. Vol. 2 (in Russian).

Dashibalov, B. B. 1995. *Arkheologicheskie pamyatniki kurykan i khori (Archaeological Sites of the Kurykan and Khori)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dashibalov, B. B. 2005. *Na mongolo-tyurkskom pogranich'ye (Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoy Sibiri v sredniye veka) (On the Mongol-Turkic Borderland (Ethnocultural Processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages))*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dashibalov, B. B. 2011. *Drevnosti khori-mongolov: khunno-syan'biyskoe nasledie Baykal'skoi Sibiri (Antiquities of the Khori-Mongols: the Hunno-Xianbei Heritage of Baikal Siberia)*. Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).

Dashibalov, B. B. 2001. In Sanzhieva, T. E., Buraeva, S. V., Sandanov, Yu. B. (eds.). *Buryatiia. Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniia Buryatiia (Buryatia: Issues of Regional History and Historical Education)*. 1. Ulan-Ude: Buryat State University, 58–67 (in Russian).

Debets, G. F. 1926. In *Buryatiyevedeniye (Buryatia Studies)*. 2, 14–16 (in Russian).

Kirillov, N. V. 1897. In *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva (Reports of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society)* 28 (2), 136–143 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 59–61 (in Russian).

Bazarov, B. V. 2011. (ed.). *Istoriua Buriatii: v 3 t. T.1. Drevnost' i srednevekov'e (History of Buryatia: in 3 volumes. Vol. 1. Antiquity and the Middle Ages)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Molodin, V. I. 2019 (ed.). *Istoriya Sibiri. T 2: Zheleznii vek i Srednevekov'e (History of Siberia. 2. The Iron Age and the Middle Ages)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Lbova, L.V. 1988. *Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii doliny r. Khilok v 1987 g. (Bichursky District, Buryatskaya ASSR) (Report on the Archaeological Survey of the Valley of the Khilok River in 1987)*

(*Bichursky District, Buryat ASSR*). Ulan-Ude. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, F. -1. R-1, D. 12198 (in Russian).

Lopatin, I. A. 1867. In *Zapiski Sibirskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society)* 9, 508–526 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1927. *Ocherki iz istorii zapadnykh buriat-mongolov (XVII – XVIII vv.) (Essays on the History of Western Buryat-Mongols (17th – 18th cc.))*. Leningrad (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1976. In Okladnikov, A. P. *Istoriia i kul'tura Buriatii (History and Culture of Buryatia)*. Ulan-Ude: "Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 276–279 (in Russian).

Sosnovsky, G. P. 1928. In *Buryatiyevedeniye (Buryatia Studies)* 4, 62–166 (in Russian).

Sosnovskiy, G. P. 1930. In Komarov, V. L. (comp.). *Otchet o deiatel'nosti. Akademii nauk SSSR za 1929 god (Report on the Activities of the Academy of Sciences of the USSR in 1929)* 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 153–155 (in Russian).

Sosnovsky, G. P. 1936. In *Problemy Buriat-Mongol'skoi ASSR (Problems of the Buryat-Mongolian ASSR)*. T.2. Moscow-Leningrad.: Academy of Sciences of the USSR, 318–321 (in Russian).

Tal'ko-Gryntsevich, Yu. D. 1900. In *Trudy Troitskosavsko-Kiakhtinskogo otdeleniia Priamurskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhtinsky Subbranch of the Priamursky Branch of the Russian Geographical Society)* 3. Moscow, 48–50 (in Russian).

Tal'ko-Gryntsevich, Yu. D. 1928. In *Buryatiyevedeniye (Buryatia Studies)* 5–7 (1–3). 91–103 (in Russian).

Tal'ko-Gryntsevich, Yu. D. 1999. *Materialy k paleoetnologii Zabaykal'ia. Arkheologicheskiye pamyatniki syunnu (Materials for the paleoethnology of Transbaikalia. Archaeological Sites of the Xiongnu)*. 4. Saint Petersburg: Fund "Asiatica" (in Russian).

Khamzina, E. A. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Zapadnogo Zabaykal'ia (Pozdnie kochevniki). Archaeological sites of Western Transbaikalia (Late Nomads)*. Ulan-Ude (in Russian).

About the Authors:

Bazarov Bilikto A. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; biliktobazarov@yandex.ru

Imenokhoev Nikolay V. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; yni@mail.ru

Miyagashev Denis A. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; silker10@yandex.ru

Dikiy Yaroslav V. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; yaroslavdikii@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 903.02 (571.63)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.68.79>

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ НИКОЛАЕВСКОЙ (СМОЛЬНИНСКОЙ) КУЛЬТУРЫ¹

© 2021 г. А.А. Боруруева

В работе анализируются формы и морфологические детали керамики николаевской (смольнинской) культуры Приморья X–XII вв. на основе опубликованных и неопубликованных источников. Рассматривается история исследования культуры и даётся краткая характеристика памятников. Анализируется керамический материал, полученный в разное время в долинах рек Партизанской, Сергеевки, Арсеньевки, Усури. В результате исследования были выявлены типичные формы керамики рассматриваемой культуры, выделены горшки, корчаги, пароварки, которые являются наиболее часто встречающейся формой, а также миски и чаш, банки, вазы, крышки, которые определялись и систематизировались по археологически целым и частично сохранившимся сосудам. Выделенные сосуды находят свои аналогии в керамике средневековых культур Приморья: бохайской (698–926 гг.), покровской (IX–XIII вв. н.э.), культуры населения Цзинь (1115–1234 гг.) и Восточное Ся (1215–1246 гг.), а также в культурах Корейского полуострова: в государстве Пэкче в периоды хансон (18 г. до н.э.–475 г. н.э.) и саби (538–660 гг.). Определены морфологические особенности керамики николаевской (смольнинской) культуры, являющиеся, помимо сохранения следов выбивки в качестве технического орнамента, культурными признаками, характерными для данной керамической традиции. Донья, закруглённые на стыке дна и тулова, и формы ручек сосудов могут также выступать в качестве культурных маркеров.

Ключевые слова: археология, керамика, средневековье, Приморский край, николаевская культура, смольнинская культура.

MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS OF NIKOLAEVSKAYA (SMOLNINSKAYA) CULTURE²

A. A. Borurueva

The paper analyzes the forms and morphological details of the ceramics of Nikolaevskaya (Smolninskaya) culture of Primorye of the 10th–12th centuries on the basis of published and unpublished sources. The author examines the history of scientific studies of the culture and provides a brief description of the sites. Material obtained at different time periods in the valleys of the Partizanskaya, Sergeevka, Arsenyevka and Ussuri rivers is analyzed. As a result of the study, the typical forms of ceramics of the culture in question were identified. These are pots, earthenware pots, steamer pots, which are the most common form, dishes and bowls, jars, vases and lids, which were identified and systematized on the basis of archaeologically intact and partially preserved vessels. The selected vessels have counterparts in the ceramics of the medieval cultures of Primorye: Bohai (698–926), Pokrovskaya (9th–13th centuries AD), culture of Jin (1115–1234) and Eastern Xia (1213–1246) as well as in the cultures of the Korean Peninsula: in the state of Baekje during the periods of Hanseong (18 BC–475 AD) and Sabi (538–660). The morphological features of the ceramics of Nikolaevskaya (Smolninskaya) culture are determined, which, in addition to preserving the traces of pitting as a technical ornament, are cultural features characteristic of this ceramic tradition. Fragments of the bottom, which are rounded at the junction of the bottom and body, and the shape of vessel handles can also act as cultural markers.

Keywords: archaeology, ceramics, the Middle Ages, Primorye, Nikolaevskaya culture, Smolninskaya culture.

Введение

В изучении истории населения Приморья в период после гибели государства Бохай (698–926 гг.), несмотря на ряд важных открытий, остается еще множество белых пятен. За

последние десятилетия научная база пополнилась существенными источниками, освещающими исторические процессы, происходившие в регионе в X–XI вв. Значительная их часть представлена керамическими мате-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России» (рук. член-корр. РАН Н.Н. Крадин).

² This work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00081 “Archaeology of the Russian Far East” (headed by N. N. Kradin, Corresponding Member of the RAS).

риалами. В данной статье анализируются морфологические особенности керамики, относящейся к николаевской (смольнинской) культуре, которая занимала обширную часть территории Приморья в постбохайское время.

Автор использует двойное название одной культуры, так как термины появились независимо друг от друга в 2006 году в работах Е.И. Гельман, В.Э. Шавкунова и И.С. Жущиховской (Гельман, 2006; Жущиховская, Шавкунов, 2006). Тем не менее упоминания о специфичной для средневекового Приморья керамики появляются гораздо раньше. Одним из основных культурных признаков, дающих основание выделять николаевскую (смольнинскую) культуру, стала керамика с «вафельной» выбивкой, т. е. керамика, сохранившая следы выбивки деревянной нарезной колотушкой, вследствие чего образовались ячеистые отпечатки преимущественно прямоугольной и квадратной формы. Население предшествующей и последующих средневековых культур исследуемого региона следы выбивки в подавляющем большинстве случаев тщательно заглаживали или использовали колотушки с гладкой поверхностью. Впервые на присутствие в материалах некоторых памятников Приморья керамики с «вафельным» орнаментом (по терминологии исследователя, «керамики с шахматно-шашечным орнаментом») обратил внимание Э.В. Шавкунов, производя в 1955–1956 г. в крае масштабные разведывательные работы (Шавкунов, 1956). Характерная керамика была обнаружена исследователем на Николаевском городище в 1962 г. (Шавкунов, 1962), а позднее в нижнем слое Чугуевского городища. В 1963 г. был обнаружен и собран материал вокруг небольшого городища Шайга-Редут (Шавкунов, 1963).

Впервые керамика с «вафельной» выбивкой как материал, который позволит детализировать периодизацию средневековых культур Приморья, была рассмотрена Е.И. Гельман при работе с коллекцией Николаевского городища Партизанского района, полученной в 1997 г. во время археологической разведки Ю.Г. Никитина. В том же году был собран материал на Смольнинском городище, найденный жителем пос. Анучино Василенко В.В., который передал коллекцию в сектор средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Гельман, 2006), после чего В.Э. Шавкуновым в течение нескольких лет проводились археологические раскопки

этого памятника (Шавкунов, 2004, 2009). Материал Смольнинского городища выпадал из привычных исследователям характеристик других средневековых комплексов региона, что позволило В.Э. Шавкунову сначала обосновать культурную специфику памятника, а затем выявить серию подобных объектов в центральной части и на юго-востоке Приморья (Шавкунов, 2015, с. 7). Начиная с 2009 и по 2013 г. В.Э. Шавкуновым проводились раскопки на городище Шайга-Редут, материалы которого продемонстрировали идентичность с находками на Смольнинском городище (Шавкунов, 2009, 2011, 2012, 2013). Результаты своих исследований николаевской (смольнинской) культуры Шавкунов В.Э. изложил в монографической работе «Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут)» (Шавкунов, 2015).

Многие исследователи сталкивались с керамикой с «вафельной» выбивкой в ходе разведок и стационарных раскопок, не уточняя ее культурную принадлежность. Поэтому в фондах Музея Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН имеются коллекции средневековых памятников, которые нуждаются в детальном пересмотре и анализе. Также научная база стихийно пополняется случайными находками и подъемным материалом, обнаруженным в результате сельскохозяйственных работ.

Использованные источники

В исследовании использовались как опубликованные, так и неопубликованные источники. Опубликованные коллекции керамики происходят из городищ Николаевское (Партизанского района), Смольнинское, Шайга-редут (Гельман, 2006; Шавкунов, 2015; Дьякова, Шавкунов, 2012; Жущиховская, Шавкунов, 2006; Жущиховская, 2009).

Николаевское городище находится в пос. Николаевское Партизанского района на левом берегу р. Водопадная. Площадь городища 30 га, периметр вала – 2280 м. Первая представительная коллекция керамики, позволившая выделить ее в особую группу и отнести к периоду между бохайской археологической культурой (VIII – 1-я треть X вв.) и культурой чжурчжэней эпохи Восточное Ся (1215–1233 гг.), была получена на территории многослойного памятника Николаевского городища Партизанского района в долине р. Партизанской (Сучан). Первые научные сведения о городище появлялись ещё в конце XIX века благодаря И. Лопатину, Палладию Кафарову,

Г.Д. Маркову, Ф.Ф. Буссе и др. В 1955, 1959 гг. городище обследовал и собрал подъемный материал Э.В. Шавкунов (Российский Дальний Восток..., 2005). После долгого перерыва, во время археологической разведки городище было обследовано Никитиным Ю.Г. в 1997 году, был заложен разведочный раскоп (Гельман, 2006). Опубликованные керамические материалы включают 116 фрагментов керамики. Археологические раскопки Николаевского городища были проведены Артемьевой Н.Г. в 2003 и 2004 году. Было заложено 6 раскопов и вскрыто площади 774 м². Затем раскопки продолжались в 2007 году и с 2009 по 2011 гг. (Артемьева, 2004, 2005, 2007, 2009, 2010, 2011). Количество полученной за последние полевые сезоны керамики с «вафельной» выбивкой на этом памятнике пока остается неизвестным.

Смольнинское городище находится в Анучинском районе Приморского края в среднем течении р. Арсеньевки, в 2 км к юго-востоку от с. Смольное и в 17 км к югу от с. Анучино. Памятник к началу раскопок уже был частично разрушен рекой, площадь составила 2600 м². Памятник был открыт в 1997 г., а в 1999 г. здесь впервые были проведены раскопки Шавкуновым В.Э., которые продолжились в 2004, 2007 и 2008 гг. (Шавкунов, 2015). При раскопках Смольнинского городища в 2004 и 2008 гг. найдено 2386 фрагментов керамики, подавляющее большинство которых покрыто «вафельным» орнаментом.

В 1996 году В.И. Болдиным и Ю.Г. Никитиным было открыто городище Павловка-2, расположенное в долине на левом берегу р. Павловки, правого притока р. Усури, в Чугуевском районе, в 4 км к востоку от с. Павловка. Площадь городища составляет 1444 м². Памятник является однослойным. В результате шурфовки и сбора подъемного материала было найдено 44 фрагмента керамики, которую можно отнести к николаевской (смольнинской) культуре (Гельман, 2006; Шавкунов, 2015).

Чугуевское городище находится в долине на правой стороне р. Усури, на территории районного центра с. Чугуевка. Впервые о нём сообщил в 1888 г. Ф.Ф. Буссе. В 1954–1955 гг. памятник обследовал А.П. Окладников. В 1956 г. Э.В. Шавкунов зафиксировал стратиграфию городища, которое оказалось двухслойным (Шавкунов, 2005). В 1996 г. был собран подъемный материал на Чугуевском городище. Было найдено 50 фрагментов средневековой керамики, среди которых лишь

несколько фрагментов имели следы «вафельной» выбивки (Гельман, 2006).

Городище Стеклянуха-1 расположено в долине на правой стороне р. Шкотовки, в пределах с. Стеклянуха (Шкотовский район). Площадь памятника составляет 6 га, периметр 1000 м. Впервые о нём сообщил Л.А. Кропоткин. В 1956 г. городище было обследовано Э.В. Шавкуновым. В 1985–1987 гг. на памятнике вёл раскопки А.В. Александров, установивший, что городище является многослойным (Российский Дальний Восток..., 2005). В 2001 г. была собрана керамика с «вафельной» выбивкой в качестве подъемного материала на Стеклянухинском городище в количестве 21 фрагмента (Гельман, 2006).

В 2003 г. в Анучинском районе на поселении Анучино-27, расположенном на огородах на правом берегу р. Арсеньевки, В.В. Василенко был собран и передан в Институт истории подъемный материал в виде нескольких фрагментов с вафельной выбивкой (Гельман, 2006).

Начиная с 2009 и по 2013 г. Шавкуновым В.Э. проводились раскопки на городище Шайга-Редут. Городище расположено в Партизанском районе, в долине на левом берегу р. Партизанской, в 3,5 км к югу-западу от с. Южная Сергеевка. Впервые о памятнике сообщил в 1891 г. Иванов Д.Л. В 1963 году его обследовал и снял план Э.В. Шавкунов. В 2009, 2011–2013 гг. раскопки городища проводились В.Э. Шавкуновым, в результате чего было вскрыто 197 м². Керамика Смольнинского городища и городища Шайга-Редут была тщательно исследована Жущиховской И.С. (Шавкунов, 2015). Материалы опубликованы частично, при работе с коллекцией и отчётами об археологических раскопках автор данной статьи выяснил, что за всё время стационарных раскопок в 2009, 2011–2013 гг. было найдено 4509 фрагментов керамики, относящейся к николаевской (смольнинской) культуре.

Археологические раскопки Николаевского городища были проведены Артемьевой Н.Г. в 2003 и 2004 году. Было заложено 6 раскопов и вскрыто 774 кв. м площади. Затем раскопки продолжались в 2007 году и с 2009 по 2011 гг. (Артемьева, 2004, 2005, 2007, 2009, 2010, 2011). Неопубликованные керамические материалы николаевской (смольнинской) культуры представлены в отчётах об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе (Артемьева, 2004; 2005), Смольнинского городища (Шавкунов,

2005, 2010), городища Шайга-Редут (Шавкунов, 2010, 2012–2014).

Неопубликованные керамические материалы николаевско-смольнинской культуры представлены коллекциями из поселения Малаза и местонахождения в долине реки Партизанской и притока, р. Сергеевки, переданные в 2018 г. из музея школы с. Сергеевка О.Н. Пузыревской в сектор раннесредневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН. Многочисленные материалы из этих коллекций найдены в Партизанском районе как и в ходе раскопок (Пузыревская, 1995), так и в результате сборов после проведения пахотных работ долине реки. Эти коллекции включают керамику с признаками, характерными для николаевской (смольнинской) культуры, поэтому они рассматриваются вместе с остальными материалами уже известных памятников.

Памятник Малаза-1 находится на правом берегу реки Сергеевки в двух километрах к северу от с. Сергеевка. Площадь городища составляет около 15 га. Городище с трёх сторон опоясано рвом. Памятник открыт в 1995 году О.Н. Пузыревской и сильно пострадал от проводившихся в то время работ по строительству моста через р. Сергеевку. Около 30 фрагментов керамики николаевской (смольнинской) культуры было передано в ИИАЭ ДВО РАН (Пузыревская, 1995).

Местонахождение располагается на бывшем аэродромном поле напротив села Южная Сергеевка. В коллекции присутствует около 30 фрагментов сосудов, относящихся к николаевской (смольнинской) культуре.

Таким образом, география нашего исследования ограничивается Партизанским, Анучинским, Шкотовским и Чугуевским районами, содержащими наиболее явные проявления николаевской (смольнинской) культуры, и включает в себя долины реки Партизанской и её притоков – р. Сергеевки, Орлинки, Фроловки, Ратной, р. Арсеньевки, р. Усури.

Морфология керамики николаевской (смольнинской) культуры

Керамика николаевской (смольнинской) культуры изготавливалась из глины с незначительным количеством грубых примесей, наиболее благоприятной для эффективного применения техники выбивки (Rye, 1981, р. 85). Сосуды собирались горизонтально-ленточным налепом на гончарном круге. После оформления сосуда производилась выбивка, которая производилась до формирования венчика. Следы применения этого технологического приема могут покрывать

изделие в верхней части до устья, ручки, стенки, донную и придонную части. Сосуды с выбивкой имеют преимущественно округлую форму тулова и зауженную горловину. Это объясняется тем, что сосуд легко захватывать и вращать, когда одна рука находится внутри (Rye, 1981, с. 85). Выбивка при изготовлении керамики в николаевской (смольнинской) культуре проводилась не только колотушкой с «вафельной» нарезкой, но и полосчатой, а также гладкой. Следы колотушки могут быть слегка заглажены тонким слоем глины или мокрой рукой (тряпкой) по всему сосуду, но чаще всего заглаживание производилось для дополнительного украшения изделия в некоторых его частях (в основном на горловине). После выбивки следовал обжиг, температура которого могла составлять 800–900°C. Для рассмотренной керамики характерны темно-серые, светло-серые, чёрные, и намного реже оранжевые, светло-коричневые тона.

Стоит отметить, что проанализированный материал в основном фрагментарен, так как был обнаружен на памятниках, подвергшихся сильным антропогенному и природному воздействиям. Единственный археологически целый сосуд обнаружен на городище Шайга-Редут, представительные примеры верхних и нижних частей сосудов (в отдельности) были найдены на местонахождении в с. Южная Сергеевка. Так как средневековая керамика VIII–XIII вв. содержит сходные формы, типы сосудов определимы даже в случае частичной сохранности по их размерам и морфологическим особенностям (Гельман, 2006; Гельман, 2018; Тупикина, 1996).

В керамике николаевской (смольнинской) культуры выделены такие типы сосудов, как горшки, корчаги, пароварки, миски и чаши, банки, вазы, крышки, которые определялись и систематизировались по верхним и донным частям сосудов.

К горшкам были отнесены части сосудов среднего размера с венчиками диаметром от 11 до 20 см с различной толщиной стенок. Горшки были обнаружены на всех памятниках, отнесённых в николаевской (смольнинской) культуре, и представляют собой верхние части сосудов закрытого типа, горловина которых хорошо профилирована и может быть как высотой 2 см, так и 5–6,5 см (рис. 5: 1, 2). На городище Шайга-Редут был обнаружен единственный археологически целый сосуд николаевской (смольнинской) культуры (рис. 1: 1). Изделие имеет горшковидную форму, венчик раздвоен горизонтальной бороздкой,

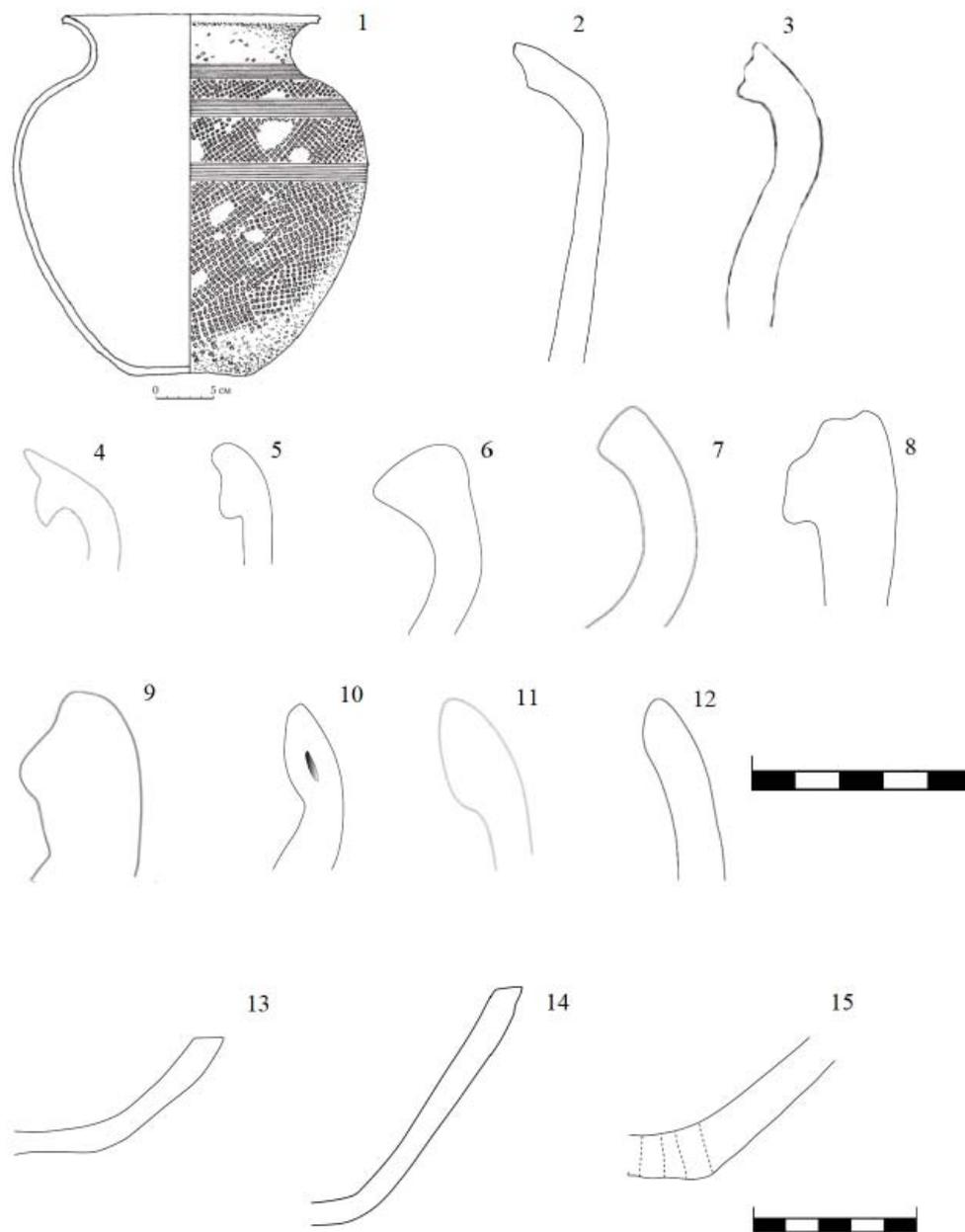

Рис. 1. Морфологические детали керамики николаевской (смольнинской) культуры. 1 – сосуд-горшок, найденный на городище Шайга-Редут (Шавкунов, 2015); 2–12 – венчики; 13–14 – закруглённые донья; 15 – дно пароварки. Изображения подготовлены Гельман Е.И., Шавкуновым В.Э, Боруруевой А.А.

Fig. 1. Morphological details of ceramics of Nikolaevskaya (Smolninskaya) culture. 1 – pot discovered at Shayga-Redut hillfort (Shavkunov, 2015); 2–12 – rims; 13–14 – rounded bottoms; 15 – steamer bottom.

The images were prepared by E.I. Gel'man, V.E. Shavkunov, A.A. Borurueva

дно закруглено. Сосуд хорошо профилирован и имеет в целом округлую форму и чёткую горловину. Венчики горшков отогнуты наружу и чаще всего раздвоены горизонтальной бороздкой, имеют заострённое устье и слегка оттянутый вниз «хвостик» (рис. 1: 4), также могут иметь кососрезанный край (рис. 1: 6). На городищах Смольнинской и Шайга-Редут обнаружены венчики, разделенные двумя горизонтальными бороздками с заострённым устьем (рис. 1: 3). Донья сосудов закруглены

посредством выбивки на месте стыка с туловом. На местонахождении напротив с. Южная Сергеевка, недалеко от поселения Малаза-1, обнаружены хорошо сохранившиеся верхние и нижние части сосудов (рис. 3: 1–4), форма и исполнение которых идентичны с археологически целым сосудом, найденным на городище Шайга-Редут. Горшки в первую очередь являются кухонной посудой, при этом могли использоваться не только для приготовления пищи.

Корчаги представлены фрагментами крупных сосудов с венчиками от 32 до 50,1 см в диаметре (рис. 4). Они являются одними из самых распространённых форм в керамике николаевской (смольнинской) культуры. Корчаги были обнаружены на всех памятниках культуры и отличаются от горшков очень крупными размерами и статистически большим количеством в коллекциях венчиков с косо срезанным краем значительного диаметра (рис. 1: 7). Также встречаются закруглённые (рис. 1: 11), трубчатые (рис. 1: 10) и трёхгубые венчики (рис. 1: 8). Донья являются закруглёнными, но встречаются и плоскодонные экземпляры. Корчаги, судя по аналогичным сосудам в бохайской и чжурчжэньской керамике, предназначались для хранения как сухих и сыпучих продуктов, так и для хранения жидкостей (Гельман, 2018; Тупикина, 1996).

Корчажкам принадлежат частично сохранившиеся сосуды с диаметром венчиков от 20 до 30 с небольшим сантиметров. К корчажкам относятся пароварки с диаметром дна 10–16,5 см (рис. 5: 6, 7). Венчики пароварок обычно имеют кососрезанный край, а донья могут быть плоскими и с закругленными краями (рис. 1: 15). Диаметр отверстий варьирует от 0,4 до 0,7 см. Многочисленные пеньковые ручки в первую очередь использовались для корчажек с функцией пароварок.

Чаши и миски включают в себя сосуды открытого типа со средней толщиной стенок и диаметром венчика от 12 до 15,5 см. Миски и чаши имеют открытую форму, стенки расширяются от дна к венчику (рис. 5: 5). Венчики у них слегка отогнуты наружу и делятся на несколько типов: с косо срезанным краем, прямые с закруглённым устьем (рис. 1: 12), на городище Малаза-1 встречаются отогнутые на 90 градусов венчики. Миски и чаши также обнаружены на Николаевском, Смольнинском, Шайга-редут, Стеглянуха-1 городищах. Чаши и миски относятся к столовой посуде.

К банкам отнесены тонкостенные сосуды с венчиками диаметром от 20 до 25 см (рис. 5: 3, 4). Вазы отличаются вытянутым туловом и сильно выделенной горловиной с венчиком 10 см в диаметре. Сосуды баночной формы

встречаются в коллекциях Николаевского (Партизанского района), Смольнинского, Чугуевского и на местонахождении напротив с. Южная Сергеевка. Они слабопрофилированные, имеют цилиндрическую форму тулова с почти прямыми стенками (рис. 3: 3). Венчики данного типа сосудов обычно отогнуты наружу и разделены одной или двумя бороздками, имеют заострённое устье и оттянутый нижний край (рис. 1: 2, 5).

Некоторые части сосудов, имеющие сильно профилированную горловину и вытянутое тулово, могут быть предварительно отнесены к вазам. Вазовидные сосуды обнаружены на городищах Смольнинское, Шайга-Редут и местонахождении у с. Южная Сергеевка. Венчики отогнуты наружу и имеют две формы: с косо срезанным краем и венчики с одной или двумя горизонтальными бороздками.

Ручки встречаются на всех памятниках николаевской (смольнинской) культуры и могут относиться как корчажкам, включая пароварки, так и корчагам. Форма их настолько специфична, что в сочетании со следами выбивки ручки являются ярким культурным маркером. Они называются пеньковыми, имеют глиняный штырь на одном конце и вставляются в подготовленные в стенках сосудов отверстия и дополнительно примазываются. Ручки разделяются на несколько типов:

– прямоугольные в плане и сечении с немного заглаженными следами выбивки (рис. 2: 3), с не заглаженными отпечатками (рис.

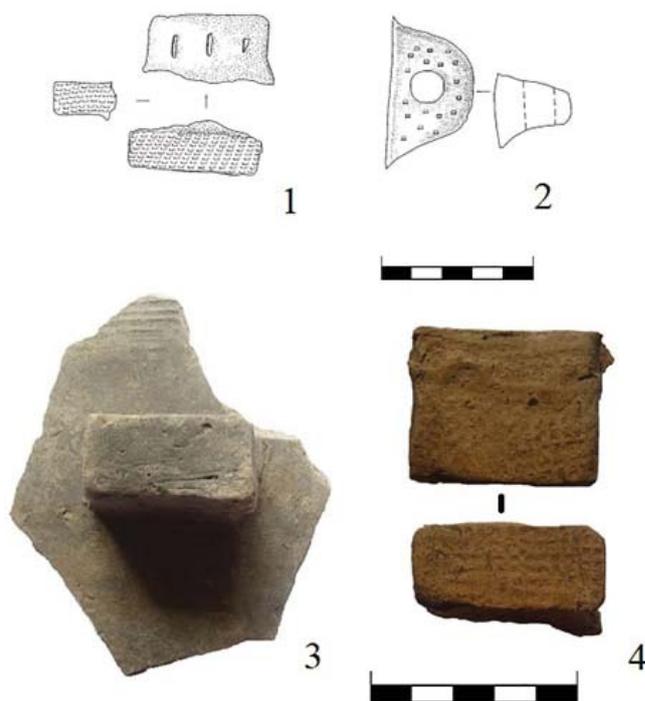

Рис. 2. Типы ручек в николаевской (смольнинской) культуре. Графические изображения выполнены Гельман Е.И.

Fig. 2. Types of handles in the Nikolaevskaya (Smolninskaya) culture. Graphic images by E.I. Gel'man

Рис. 3. Фрагменты сосудов николаевской (смольнинской) культуры.

1, 2 – горшковидные сосуды; 2 – баночный сосуд; 4 – донье

Fig. 3. Fragments of vessels of Nikolaevskaya (Smolninskaya) culture.

1, 2 – pot-shaped vessels; 2 – jar vessel; 4 – bottom

2: 4), с тремя вдавлениями на видимой снаружи поверхности (рис. 2: 1), с косо срезанными внешними краями;

– петельчатые, округлой формы и с закруглёнными краями (рис. 2: 2), имеют сквозное отверстие в середине.

Различные виды прямоугольных ручек найдены на Николаевском (Партизанского района), Смольнинском, Шайга-Редут, закруглённые – на городищах Николаевское и Смольнинское, ручка с кососрезанными

внешними краями обнаружена на Смольнинском городище.

Выводы

Рассмотренные формы сосудов изготовлены с применением техники выбивки колотушкой и имеют схожие технологические и морфологические характеристики. Систематизация и классификация керамики николаевской (смольнинской) культуры, несмотря на фрагментарность, позволили выделить такие формы сосудов, как горшки, корчаги, корчажки (в том числе пароварки), миски и

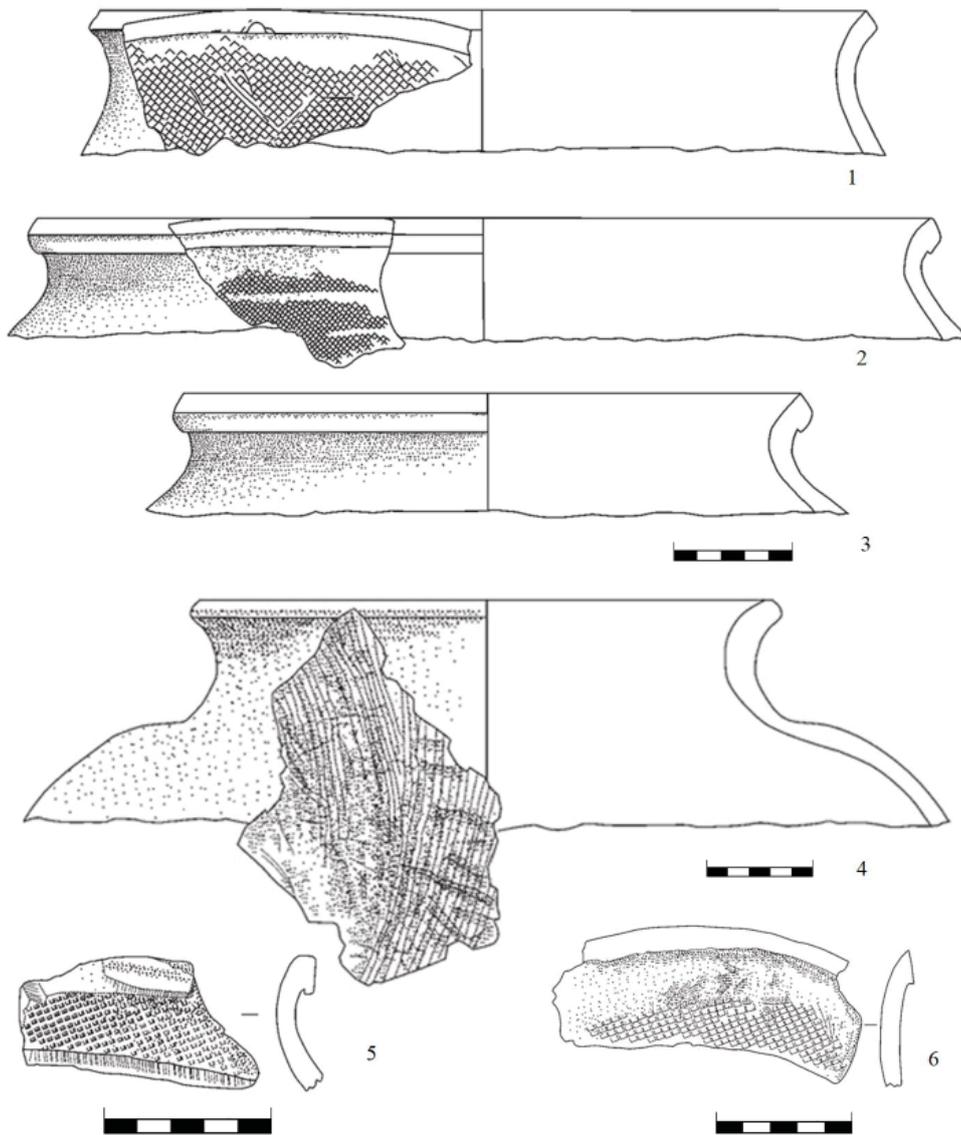

Рис. 4. Классификация форм сосудов по ранее опубликованным источникам (по Гельман, 2006), верхние части корчаг

Fig. 4. Classification of the forms of vessels according to previously published sources (after: Gel'man, 2006), upper parts of pots.

чаши, банки, вазы. Горшки и корчаги являются самыми распространёнными формами и встречаются на всех памятниках николаевской (смольнинской) культуры, соответственно, морфологические детали данных типов сосудов наиболее широко представлены коллекциях. Небольшая разница в наборе форм на различных археологических памятниках объясняется недостаточной степенью изученности многих памятников.

Анализ морфологических деталей керамики показал, что венчики фигурных форм (с

одной или двумя бороздками, с оттянутыми и заострёнными устьем или нижним краем) соответствуют сосудам с тонкими стенками и могли принадлежать горшкам и банкам, трёхгубые – только толстостенным крупным сосудам типа корчаг, венчики с косо срезанным краем и закруглённые встречаются у сосудов с различной толщиной стенок: у горшков, корчаг и корчажек, чаш и мисок.

Ручки могут быть пеньковыми прямоугольной формы или петельчатыми. Встречаются прямоугольные ручки с кососрезанны-

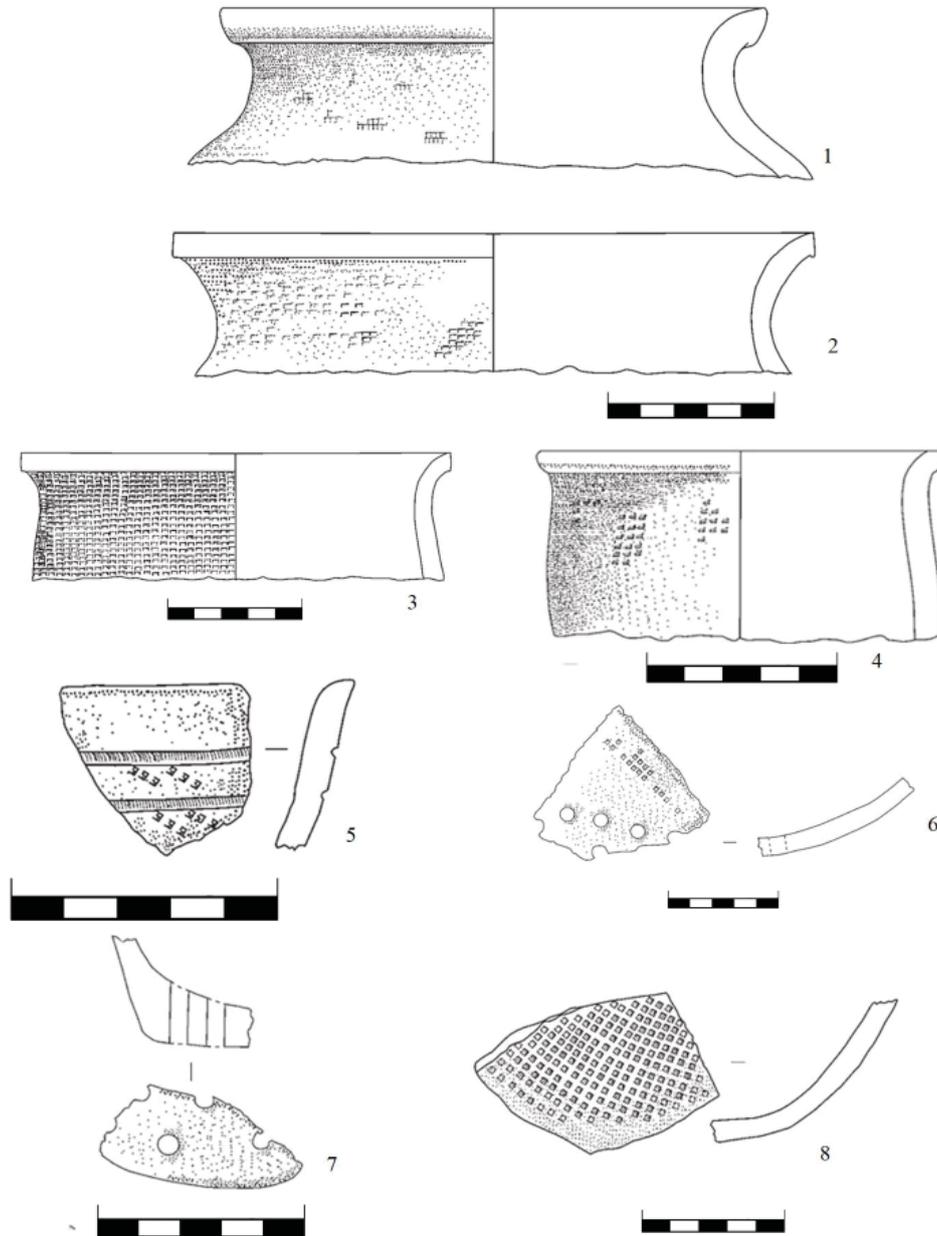

Рис. 5. Классификация форм сосудов по ранее опубликованным источникам (по Гельман, 2006).
1, 2 – верхние части горшков; 3, 4 – верхние части банок; 5 – венчик чаши; 6, 7 – донья пароварок; 8 –
закруглённое дно.

Fig. 5. Classification of vessel shapes on the basis of previously published sources (after: Gel'man, 2006).
1, 2 – pot tops; 3, 4 – jar tops; 5 – bowl rim; 6, 7 – steamer bottom; 8 – rounded bottom.

ми наружными краями. Донья николаевской (смольнинской) культуры нередко закруглены на месте стыка дна и придонной части. Часть доньев являются плоскими.

В результате исследования можно сказать, что в николаевской (смольнинской) культуре производились унифицированные формы сосудов. Они по степени разнообразия значительно уступают набору форм бохайской керамики. Но, с другой стороны, такое небольшое количество основных типов сосудов сближает рассмотренную керамику с посудой из

памятников чжурчжэней XII–XIII вв. и других сопредельных с Приморьем территорий.

Наличие выбивки в виде технического орнамента на поверхности керамики является лишь одним из культурных признаков, при этом следы технического приёма частично заглаживались, в результате чего при интерпретации керамического материала из памятников николаевской (смольнинской) культуры необходимо учитывать форму сосудов, морфологические детали и орнамент.

Приносим нашу искреннюю благодарность Е.И. Гельман за предоставленные материалы и консультации, заведующей музеем школы с. Сергеевка О.Н. Пузыревской за возможность работы с коллекциями, которые были переданы в Сектор раннесредневековой археологии, а также В.Э. Шавкунову и Лаборатории археологии Приамурья за возможность работы с коллекциями Смольнинского городища и городища Шайга-Редут.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2003 году. Владивосток, 2004. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2004 году. Владивосток, 2005. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2005 году. Владивосток, 2006. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2007 году. Владивосток, 2008. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2009 году. Владивосток, 2010. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2010 году. Владивосток, 2011. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Артемяева Н.Г.* Отчет об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2011 году. Владивосток, 2012. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Гельман Е.И.* Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. 2006. №1. С. 93–104.
- Гельман Е.И.* Керамика Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. №2. С. 40–64.
- Жущиховская И.С., Шавкунов В.Э.* Новая культурная традиция в средневековом гончарстве Приморья // Вестник ДВО РАН. 2006. №2. С. 97–108.
- Пузыревская О.Н.* Археологическая разведка на реке Партизанской и её притоках в районе с. Сергеевки. 1995. / Личный архив О. Н. Пузыревской.
- Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука. 2005. 559 с.
- Тупикина С.М.* Керамика чжурчжэней Приморья XII-начала XIII в. (по материалам археологических исследований Шайгинского городища). Владивосток: Дальнаука. 1996. 120 с.
- Шавкунов Э.В.* Отчет о результатах полевых исследований на территории Приморского края, проводившихся в 1955-1956 гг. / Архив ИА РАН, 1956.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Сучан в 1962 г. / Архив ИА РАН, 1962.
- Шавкунов Э.В.* Отчет об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 г. / Архив ИА РАН, 1963.
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на Смольнинском городище в Приморском крае в 2008 г. / Архив ИИАЭ ДВО РАН, 2009.
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на Смольнинском городище в Анучинском районе Приморского края в 2004 г. 2005. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Шавкунов В.Э.* К вопросу о восточной границе государства бохай // Россия и АТР. 2005. №4. С. 27–32.
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2009 году. Владивосток, 2010. / Архив ИИАЭ ДВО РАН,
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2011 году. Владивосток, 2012. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2012 году. Владивосток, 2013. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Шавкунов В.Э.* Отчет об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2013 году. Владивосток, 2014. / Архив ИИАЭ ДВО РАН.
- Шавкунов В.Э.* Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут) / АТР: археология, этнография, история. Вып. 4. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.

Rye O.S. Pottery Technology. Washington: Taraxacum Inc. 1981. 198 p.

Информация об авторе:

Боруруева Анна Александровна, старший лаборант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); master.anna888@gmail.com

REFERENCES

Artem'eva, N. G. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2003 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2003)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2004 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2004)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2005 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2005)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2007 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2007)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2009 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2009)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2010 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2010)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Artem'eva, N. G. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah Nikolaevskogo gorodishcha v Partizanskom raione Primorskogo kraia v 2011 godu (Report on Archaeological Studies of Nikolaevka Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2011)*. Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Gel'man, E. I. 2006. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia-Pacific Region)* (1), 93–104 (in Russian).

Gel'man, E. I. 2018. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 40–64 (in Russian).

Zhushchikhovskaya, I. S., Shavkunov, V. E. 2006. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 2, 97–108 (in Russian).

Puzyrevskaya, O. N. 1995. *Arkheologicheskaia razvedka na reke Partizanskoi i ee pritokakh v raione s. Sergeevki (Archaeological Exploration on the Partizanskaya River and its Tributaries in the Area of Sergeevka Village)*. Personal archives of O.N. Puzyrevskaya (in Russian).

Andreeva, Zh. V. 2005. (ed.). *Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy (The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Tupikina, S. M. 1996. *Keramika chzhurchzhienei Primor'ia XII-nachala XIII v. (po materialam arkheologicheskikh issledovaniia Shaiginskogo gorodishcha) (Ceramics of the Jurchens from Primorye of the 12th-Early 13th Centuries (Based on Archaeological Study Materials of Shaiginskoe Hillfort))*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ. (in Russian).

Shavkunov, V. E. 1956. *Otchet o rezul'tatakh polevykh issledovaniia na territorii Primorskogo kraia, provodivshikhhsia v 1955-1956 gg. (Report on the Results of Field Studies in Primorsky Krai in 1955-1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shavkunov, V. E. 1962. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah v doline r. Suchan v 1962 g. (Report on Archaeological Studies in the Valley of the Suchan River in 1962)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shavkunov, V. E. 1963. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax na iuge Primorskogo kraia v 1963 g.* (Report on Archaeological Studies in the South of Primorsky Krai in 1963). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2005. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na Smol'ninskom gorodishche v Anuchinskom raione Primorskogo kraia v 2004 g.* (Report on Archaeological Activities at Smolninsky Hillfort in the Anuchinsky District of the Primorsky Krai in 2004.). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2005. In *Rossiia i ATR (Russia and Asia–Pacific Region)* (4), 27–32 (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2009. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na Smol'ninskom gorodishche v Primorskom krae v 2008 g.* (Report on Archaeological Activities at Smolninsky Hillfort in Primorsky Krai in 2008). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2010. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na gorodishche Shaiga-Redut v Partizanskom raione Primorskogo kraja v 2009 godu* (Report on Archaeological Activities at Shayga-Redut Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2009). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2012. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na gorodishche Shaiga-Redut v Partizanskom raione Primorskogo kraja v 2011 godu* (Report on Archaeological Activities at Shayga-Redut Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2011). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2013. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na gorodishche Shaiga-Redut v Partizanskom raione Primorskogo kraja v 2012 godu* (Report on Archaeological Activities at Shayga-Redut Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2012). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2014. *Otchet ob arkhelogicheskikh rabotakh na gorodishche Shaiga-Redut v Partizanskom raione Primorskogo kraja v 2013 godu* (Report on Archaeological Activities at Shayga-Redut Hillfort in the Partizansky District of Primorsky Krai in 2013). Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Shavkunov, V. E. 2015. *Pamiatniki smol'ninskoi kul'tury Primor'ia (po materialam raskopok gorodishch Smol'ninskoe i Shaiga-Redut)* (Monuments of the Smolninsky Culture of Primorye (Based on Materials from the Excavations of Smolninskoe and Shayga-Redut Hillforts)). Series: ATR: arkhelohiia, etnografiia, istoriia (Asia–Pacific Region: Archaeology, Ethnography, History) 4. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS (in Russian).

Rye, O. S. 1981. *Pottery Technology*. Washington: Taraxacum Inc. (in English).

About the Author:

Borurueva Anna A. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; master.anna888@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.80.95>

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ ДЛЯ ПОИСКА ФОРТИФИЦИРОВАННЫХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ И ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

© 2021 г. Д.А. Миягашев, Б.А. Базаров, Я.В. Дикий

В статье представлены результаты анализа спутниковых снимков из свободных источников территории Монголии и Западного Забайкалья. В ходе мониторинга снимков были выявлены новые объекты, которые интерпретируются нами как остатки древних городищ кочевых Империй – хунну, уйгуров, киданей и Монгольской. В работе дана предварительная датировка и описание объектов

Ключевые слова: археология хунну, метод дистанционного зондирования земли, археология хунну, уйгуры, кидани, Монгольская империя, древние города, Монголия, Западное Забайкалье.

USE OF EARTH REMOTE SENSING METHOD IN SEARCHING FOR FORTIFIED STRUCTURES IN THE TERRITORY OF MONGOLIA AND WESTERN TRANSBAIKALIA²

D. A. Miyagashiev, B. A. Bazarov, Ya. V. Dikiy

The paper features the results of an analysis of satellite images of the territory of Mongolia and Western Transbaikalia obtained from free sources. Monitoring of the images allowed to identify new objects, which are interpreted by the authors as the remains of ancient hillforts of nomadic Empires - the Xiongnu, Uighurs, Khitan and Mongol. The paper provides the preliminary dating and description of the objects.

Keywords: archaeology of the Xiongnu, earth remote sensing method, Uighurs, Khitan, Mongol Empire, ancient cities, Mongolia, Western Transbaikal.

Метод дистанционного зондирования земли (ДЗЗ) прошел путь от анализа аэрофотоснимков до применения лазерных радаров, установленных на беспилотные летательные аппараты, и успешно применяется в археологии уже более 100 лет. Современные технические средства позволяют успешно использовать ДЗЗ для поиска и изучения археологических объектов как в степной зоне, так и джунглях Амазонки. Источники данного метода включают в себя данные аэро- и космofотосъемки, спутниковых и бортовых сканирующих устройств, спутниковых, бортовых и наземных радаров и т. д. Сложность используемых технических средств обусловлена задачами и целями проводимых исследований. В качестве примера успешной реализации дистанционного зондирования можно упомянуть всемирно известные открытия в Гватемале, Камбодже, Мексике и др., сделанные с применением лазерного радара LIDAR (Evans, 2016; Canuto et al., 2018; Inomata et al., 2020).

Спутниковые снимки высокого разрешения в таких сервисах, как Google, Bing, Esri, Yandex и др., покрывающие большую часть степей Монголии и Западного Забайкалья (рис. 1), позволяют успешно использовать дистанционный метод для поиска и изучения некоторых категорий археологических памятников. Качество изображений позволяет достоверно идентифицировать древние фортификационные комплексы – города и крепости степных империй Центральной Азии – хунну, уйгуров, киданей, монгольской и маньчжурской.

Истоки градостроительства в монгольских и забайкальских степях относятся ко времени Хуннской державы (209 г. до н. э. – 48 г. н. э.). На настоящий момент известно более 20 поселений и городищ хунну на территории Монголии и Западного Забайкалья (Пэрлээ, 1961; Давыдова, 1985; 1995; Данилов, 2004; Ramseyer et al., 2009; Данилов и др., 2016; Коновалов, 2018; Анхбаяр, 2017; Эрэгзэн, 2017). На территории Монголии городища хунну расположены в гобийском поясе, в Центральной и

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

² The work was carried out within the framework of a state assignment (project “Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States”, No. 121031000241-1).

Рис. 1. Спутниковый снимок Монголии и Западного Забайкалья
Fig. 1. Satellite image of Mongolia and Western Transbaikalia

Восточной Монголии в бассейне рек Орхон (Дов дэрс, Талын гурван хэрэм, Бумбатын балгас и др.) и Керулен (Тэрэлжийн дурвулжин, Бурхийн дурвулжин, Хурэт дов, Ундэр дов и др.) (рис. 2). В Западном Забайкалье городища хунну концентрируются в бассейне р. Селенги. По функциональному назначению выделяются административные центры, ритуально-поминальные, пограничные крепости и сельскохозяйственно-ремесленные центры (Данилов, 2004; Эрэгзэн, 2017). Для городищ хунну в Монголии характерна квадратная или прямоугольная (близкая к трапеции) форма с земляными платформами в центре. На территории Бурятии известны только два городища хунну и у них более сложная система фортификации – Иволгинское городище было укреплено четырьмя валами и тремя рвами между ними, на городище Баян Ундэр фиксируется большой внешний и внутренний маленький вал (Давыдова, 1995; Данилов, 2004).

Городища уйгурского времени на территории Западного Забайкалья неизвестны, а в

Монголии выявлен ряд памятников, расположенных по долинам Селенги и Орхона – Байбалык, Тойтен-Толгой, Тайджин-Чуло, Челим балгас и др. (Данилов, 2004) (рис. 3). Серия городищ для защиты от Кыргызского каганата была построена на территории Тувы (Кызласов, 1969). Для уйгурских городищ характерны прямоугольные формы с оплывшими башнями по углам и в местах расположения ворот. Во внутренней части фиксируются земляные платформы или легко распознаваемые остатки конструкций.

Киданьские городища кроме Монголии известны на территории Внутренней Монголии и в других провинциях Китая (Ивлиев, 1983; Крадин, Ивлиев, 2013). В бассейне рек Тола и Керулен располагались четыре крупных города (Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Уланхэрэм, Хэрмэн-дэнж), каменная крепость Эмгэтийн-хэрэм и ряд городков с небольшими валами (Цагаан узурийн хэрэм, Цогтын гэрийн буйр, Найдак уулын дурвэлжин, Дэрсэн хэрэм, Ондгойн дурвэлжин,

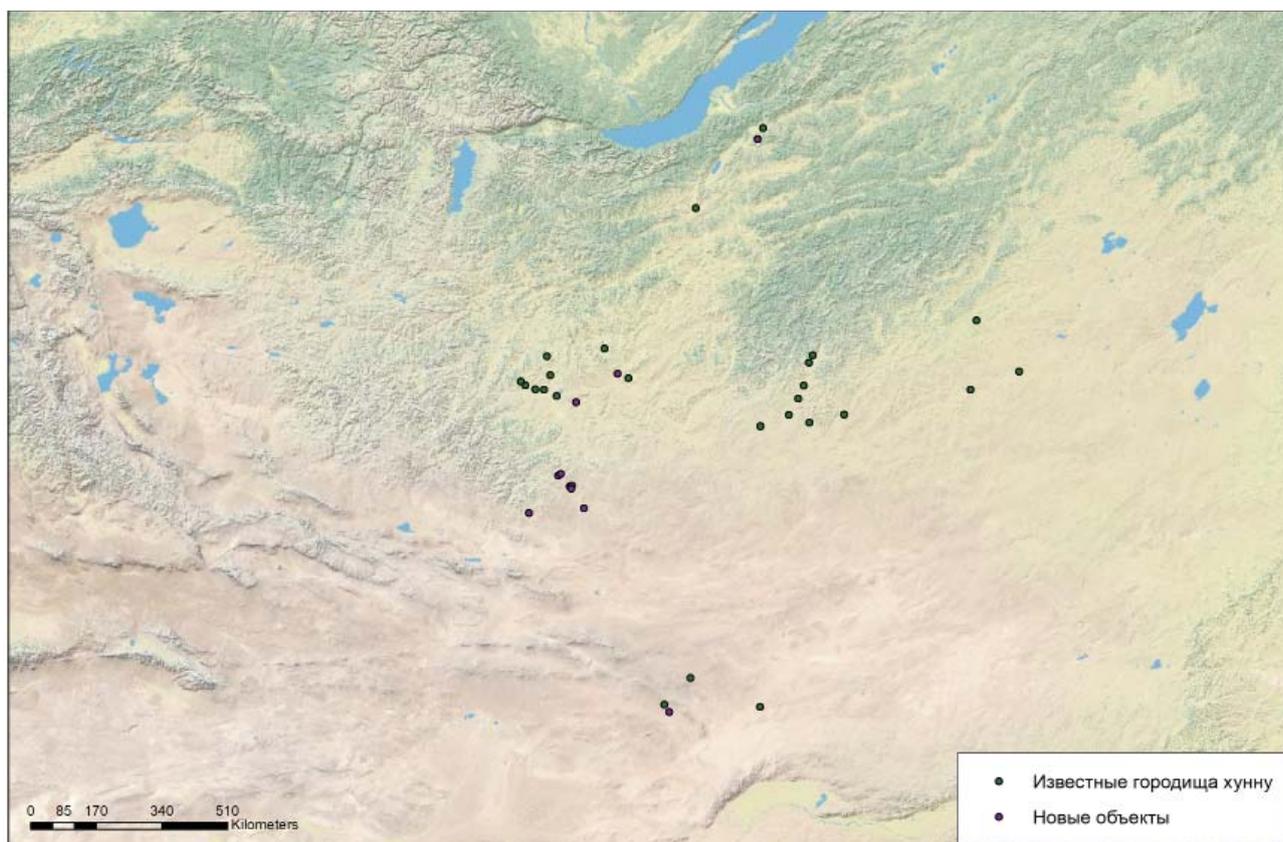

Рис. 2. Карта распространения городищ хунну в Монголии и Западном Забайкалье
Fig. 2. Map of distribution of the Xiongnu hillforts in Mongolia and Western Transbaikalia

Талын хэрэм, Цагаан дэнжийн балгас и др.) (Крадин, Ивлиев, 2011; Очир, Эрдэнэболд, Энхтур, 2015). Серия городищ, выполнявших функцию приграничных форпостов, зафиксирована вдоль северо-восточного «вала Чингис-хана», проходящего по территории восточной Монголии, Российского Забайкалья и северного Китая (Крадин и др., 2019) (рис. 4). Такие города, как Харбухын-балгас, Чинтолгой-балгас, Уланхэрэм, Хэрмэн-дэнж, имели глинобитные валы, построенные по китайской технологии хан-ту, по периметру стен располагались вынесенные вперед угловые и фронтальные башни, внутреннее пространство городов разделялось валами или улицами на прямоугольные кварталы (Данилов, 2004; Крадин и др. 2013; Krajin et al., 2015). Приграничные крепости, расположенные на расстоянии дневного перехода от «вала Чингис-хана», имели квадратные или круглые формы, в некоторых случаях встречается совместное использование – квадратная цитадель, обнесенная кольцевым валом, высота валов достигает высоты 2 м, а ширины 12 м (Крадин и др., 2019).

Для Монгольской империи характерно строительство городов трех типов – имперских столичных мегаполисов (Каракорум, Шанду, Даду), городов – административных

центров (Аврага, Хирхира), отдельно стоящих усадебных (Алестуй, Нарсатуй) и дворцовых (Кондуй) комплексов (Киселев, 1961; Древнемонгольские города, 1965; Данилов, 2004; Shiraishi, 2006; Wei Jian, 2008; Hüttel, Erdenebat, 2009; Bemman, Reichert, 2020; Chen Gaohua, 2015; Крадин и др., 2016; Крадин и др., 2019) (рис. 5). Одно из наиболее известных протогородских поселений раннемонгольского времени – Аврага. Оно расположено в излучине Керулена. Для монгольских городов характерно отсутствие мощных укреплений, остатки дворцовых комплексов и усадеб представлены земляными платформами различной высоты и формы. Так столица монгольской империи – Каракорум – имела форму, близкую к прямоугольнику (в южной части – к равнобедренной трапеции). Высота городских стен не превышала 2 м, а глубина рва была не более 1,5 м при ширине до 7 м. Северная стена была длиной 1900 м, восточная – 1320 м, западная – 1520 м, южная прослеживается на 560 м. Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и ханский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами (Крадин и др., 2016).

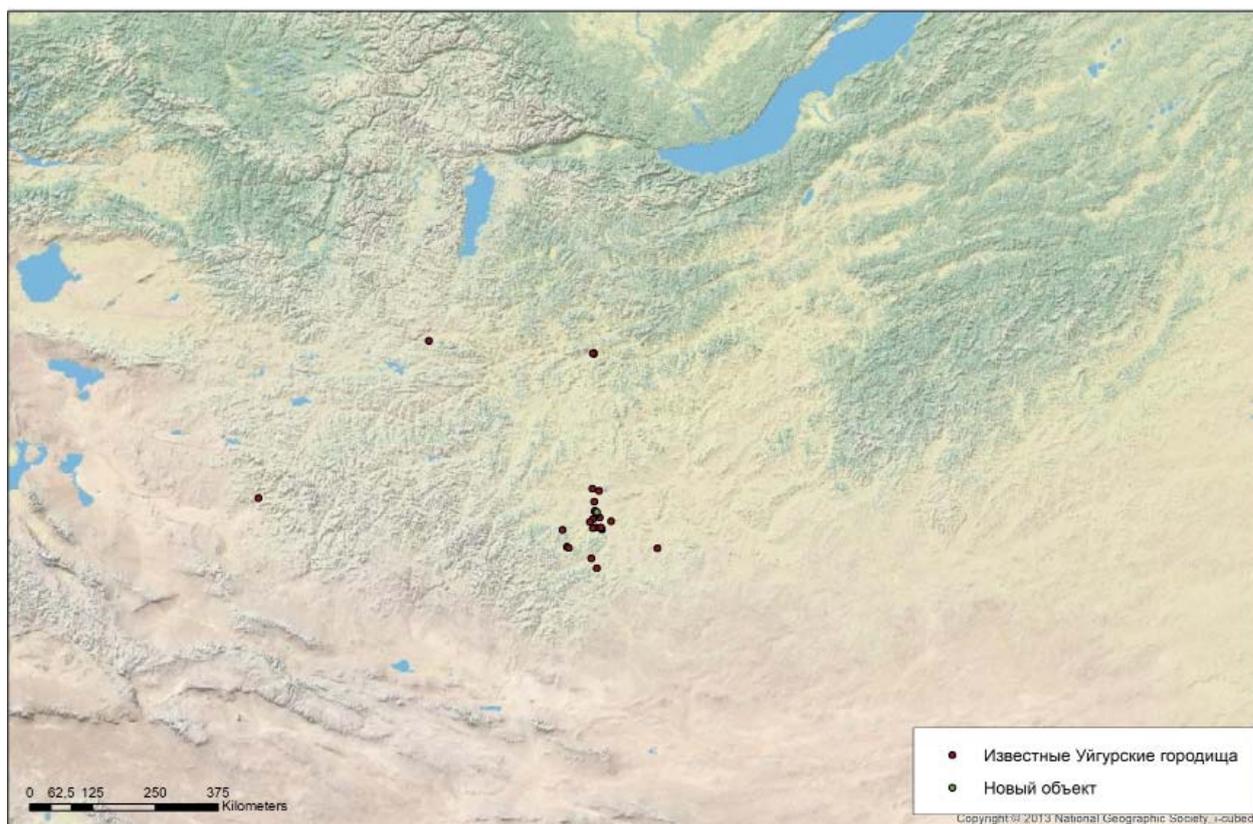

Рис. 3. Карта распространения городищ уйгуров в Монголии
Fig. 3. Map of the distribution of the Uighurs hillforts in Mongolia

В ходе мониторинга спутниковых снимков в сервисе SAS Planet, который дает доступ к базе данных из разных сервисов, на территории Монголии и Западного Забайкалья нами были выявлены объекты с характерными для древних городищ контурами. Сведения об этих объектах не встречаются в опубликованной литературе, вполне вероятно, что некоторые из них известны монгольским коллегам, но еще не были обследованы. В описании указываются приблизительные размеры, снятые по спутниковым снимкам инструментами измерения в картографической программе SAS Planet. Датировка городищ также предварительная и сделана на основании архитектурных особенностей выявленных конструкций и их расположения, во внимание принимались такие факты, как расположение в непосредственной близости схожих памятников и территория распространения городищ в то или иное время.

Городища хунну

Бага-Бэрх-Уула балгас (рис. 2; 6: 1). Хашат сомон Архангайского аймака Монголии, в 16,9 км севернее центра сомона в межгорном распадке, в зоне излияния родников на правом берегу р. Хугшин-Орхон, с юга от горы Бага-Бэрх Уула, ориентировано по сторонам света, имеет трапециевидную форму, длина север-

ного вала около 210 м, восточного – 195 м, южного – 207 м, западного – 217, в центре городища фиксируется земляная насыпь. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Омог-Уула-хэрэм (рис. 2; 6: 2). Бурэгхангай сомон Булганского аймака Монголии, на левом берегу р. Хара-Бухын Гол, к востоку от г. Омог Уула. Углы городища ориентированы по сторонам света, трапециевидной формы, длина северо-восточного вала в пределах 180 м, юго-восточного – 145 м, юго-западного – 184 м, северо-западного – 131 м. В центре городища земляная насыпь. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Цохетын Булаг I (рис. 2; 6: 3). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, на правом берегу родника Цохетын Булаг, правобережного притока р. Онгийн Гол. Городище ориентировано углами по сторонам света, имеет форму квадрата со сторонами стен 112–115 м. В центре городища со смещением к западному валу располагается земляная насыпь. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Цохетын Булаг II (рис. 2; 6: 4). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, на левом берегу р. Онгийн Гол, в 6 км севернее

городища Дзун-Баян-Улан I, на приустьевом участке безымянного ручья, выходящего из горного ущелья. Городище ориентировано углами по сторонам света, имеет прямоугольную форму со сторонами стен 92×103 м. Внутри городища, вдоль западного вала, располагаются три земляные платформы. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Арвай-Хэр балгас I (рис. 2; 6: 5). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, на левом берегу р. Онгийн Гол, в 30 км ниже по течению от городищ Дзун-Баян-Улан I и II, на пойменном участке. Городище ориентировано углами по сторонам света, имеет прямоугольную форму со сторонами стен 111×115 м. Внутри городища, вдоль западного вала, располагаются три земляные платформы. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Арвай-Хэр балгас II (рис. 2; 6: 6). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, в 4,3 км северо-восточнее городища Арвай-Хэр балгас I, на левом берегу р. Онгийн Гол, на надпойменной террасе. Городище ориентировано углами по сторонам света, имеет прямоугольную форму со сторонами стен 211×197 м. В центре городища располагается земляная платформа. Конструкция валов и планиграфия схожи с городищами хунну.

Арвай-Хэр балгас III (рис. 2; 6: 7). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, на левом берегу р. Онгийн Гол, в 4,9 км ниже по течению от городища Арвай-Хэр балгас II на пойменном участке. Городище ориентировано по сторонам света, южная часть городища разрушена, длина северного вала 60 м, сохранившаяся часть восточного вала имеет длину 60 м, сохранившаяся часть западного вала имеет длину 30 м. Конструкция валов схожа с городищами хунну.

Баян-Гол балгас (рис. 2; 6: 8). Тарагт сомон Убурхангайского аймака Монголии, на правом берегу р. Онгийн Гол, в 42,4 км ниже по течению от городища Арвай-Хэр балгас III на участке надпойменной террасы. Городище ориентировано по сторонам света, имеет квадратную форму со сторонами по 95 м, через городище проходят несколько грунтовых дорог. С юга от основного городища фиксируется малое городище со стенами длиной по 42 м. Вероятно, этот комплекс относится к хуннскому времени.

Гун-Обо балгас (рис. 2; 7: 1). Хайрхандулаан сомон Убурхангайского аймака Монголии, на правом берегу р. Толийн Гол, в пойме

реки. Городище ориентировано по сторонам света и имеет в плане форму пятиугольника, три стены, западная, северная и южная, имеют практически одинаковую длину по 186 м, а восточный вал сложен из двух отрезков, образующих посередине небольшой выступающий наружу угол, общая длина восточной стены 199 м. Высота валов, судя по спутниковым снимкам, невысокая, ширина менее 10 м, внутри городища, практически в центре, располагается земляная насыпь. Возможно, городище было сооружено в хуннское время.

Китайская пограничная крепость Бордзонгийн-Булаг (рис. 2; 7: 2). Номгон сомон Умнеговь аймака Монголии, на южном склоне Гобийского Алтая, в урочище Бордзонгийн-Дэд-Тал, в 17 км юго-восточнее городища Баян Булаг (китайский пограничный городок Шоусянчэн). Городище трапецевидной формы, южный вал не читается. Северный вал длиной 53 м, восточный и западный валы длиной по 60 м. Возможно, имеется внешний вал, остатки которого фиксируются с восточной и южной сторон. Синхронен городищам Баян Булаг и Мангасын хурээ.

Ряд объектов, которые могут быть интерпретированы как комплексы с валами хуннского времени, были обнаружены нами в долине р. Тамир на территории сомонов Батцэнгэл и Огийнур Архангайского аймака Монголии. Очевидно, о них идет речь в статье Т. Идэрхангая «Тамирын голын хондий хуннугийн улс төрийн төв болох нь» (Tamiir river valley is considered as a political center of Xiongnu) (Идэрхангай, 2012, с. 26) и его докладе «Хүннүгийн хааны зуны ордон Лунчэн буюу луут хот» (Лунчэн – город дракона – летняя резиденция шаньюев Хунну) (Идэрхангай, 2021).

Городище вблизи с. Колобки (рис. 2; 7: 3). Памятник находится в Иволгинском районе Республики Бурятия, на левом берегу р. Селенги, в 1 км юго-западнее с. Колобки. Городище расположено на склоне восточной экспозиции, углами ориентировано по сторонам света, прямоугольной формы, длинной осью вытянуто с юго-запада на северо-восток, северный и восточный валы не фиксируются, в центре, ближе к южному валу, расположена земляная насыпь, ориентировочные размеры 70×80 м. Городище было осмотрено Н.В. Именохоевым в 2019 г.

Уйгурские городища

Хараат 8 (рис. 3; 7: 4). Хотонт сомон Архангайского аймака Монголии, в междуречье рек Джарантай и Орхона, на небольшом острове,

образованном основным руслом р. Джарантай и его протокой. Этот объект следует включить в группу городищ Хараат (Очир и др., 2019; Ancient settlement of Mongolia, 2020, с. 142–155), расположенных по левому берегу р. Джарантай. Таким образом, с учетом нового городища здесь насчитывается 8 небольших укрепленных комплексов. Городище ориентировано углами по сторонам света и имеет в плане прямоугольную форму со сторонами 80×75 м, ширина валов более 10 м. Внутри городища фиксируются земляные насыпи и разделения на кварталы.

Киданьские городища

Четыре круглых городища были выявлены в районе в зоне центрального участка вала Чингисхана. Северо-восточный вал Чингисхана включает в себя 56 городищ, из них 7 круглых городищ. С учетом выявленных больших круглых городищ общее количество их 11 (6,1%). По своим параметрам к ним близки известные Куладжайское городище, в диаметре достигающее 200 м, Большой круглый Уртуйский городок, диаметр которого 158 м. Следует отметить, что на этих городищах археологический материал не обнаружен. Культурный материал в виде киданьской керамики найден на круглых городищах Харанур-2, Хэрэмтийн-3 и Их-Булак-2, составляющих единый комплекс с прямоугольными городищами и расположенных близко к валу.

Цаган-нур (рис. 4; 8: 1). Чойболсан сомон Дорнод аймака Монголии, в полутора км южнее соленого озера Цаган-Нур, в 22,3 км юго-восточнее вала, в 20,4 км юго-восточнее городища Урд-гэртийн-говь. Конструкция приурочена к левому берегу русла небольшой речки. Валы на всем своем протяжении на снимке демонстрируют хорошую сохранность, без разрывов. Городище круглой формы диаметром 442 м. Ширина вала у основания приблизительно 11 м. Одно из самых крупных городищ. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Цахилдагын-худук-1 (рис. 4; 8: 2). Гурванзагал сомон Дорнод аймака Монголии, в 12,5 км юго-юго-западнее городища Хэрэмтийн-3, в 10,7 км юго-юго-восточнее вала. Северная часть городища подтапливается водами из источников. Диаметр городища 457 м. Ширина вала у основания приблизительно 10 м. Одно из самых крупных городищ. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Цахилдагын-худук-2 (рис. 4; 8: 3). Чойболсан сомон Дорнод аймака Монголии, в 2,9 км юго-юго-западнее городища Цахилдагын-

худук-1, в 14,3 км юго-юго-восточнее вала. Валы на всем своем протяжении на снимке демонстрируют хорошую сохранность, без разрывов. Диаметр городища 232 м. Ширина вала у основания приблизительно 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Дунгой-цаган-нур (рис. 4; 8: 4). Сэргэлэн сомон Дорнод аймака Монголии, в 7,3 км к северо-востоку от соленого озера Яхийн-Нур, на южном побережье двух соленых озер Дунгой-Цаган-Нур, в зоне излияния родников. Вал в нескольких местах прорезан руслами вод, текущих от родников к озеру. Городище имеет форму круга диаметром 327 м. Ширина вала у основания приблизительно 10,5 м. Городище находится в 16,2 км южнее поворотной точки вала в районе городища Мэлхийн-булаг (поворотная точка находится в 2,6 км западнее городища), маркирующего конец западного участка Великой киданьской стены. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Обращает на себя внимание, что большие круглые городища расположены в зоне центрального участка вала. Отмечается, что центральная часть вала «была наиболее удобна для нападения кавалерии противника с севера. Здесь отсутствовали такие естественные преграды, как горные хребты, располагавшиеся к северу от западного участка вала, или реки Аргунь и Гэньхэ, защищавшие восточный участок вала. Группы городищ, располагающиеся здесь, образовывали единую эшелонированную оборону важных в стратегическом отношении распадков» (Крадин и др., 2019, с. 75). Вне всякого сомнения, большие круглые городища являлись важной частью этой единой эшелонированной обороны. Их размеры и расположение наводят на мысль о крупном военном гарнизоне, располагавшемся в глубине пограничного фронта.

Две группы городищ были выявлены в бассейне р. Толы, в Баяннур сомоне Булганского аймака Монголии, в болотистой пойме одной из протоков р. Толы, огибающей гору Баян-Улан. Группа городищ Урто-Худук хэрэм располагается вдоль левого берега протоки, другая группа из комплексов Дэрсэн хэрэм расположена западнее и тяготеет к правому берегу протоки. Памятники Дэрсэн хэрэм I и II были открыты в 2002–2003 гг. (Очир и др., 2015, с. 86), нами были выявлены еще 4 объекта из этой группы.

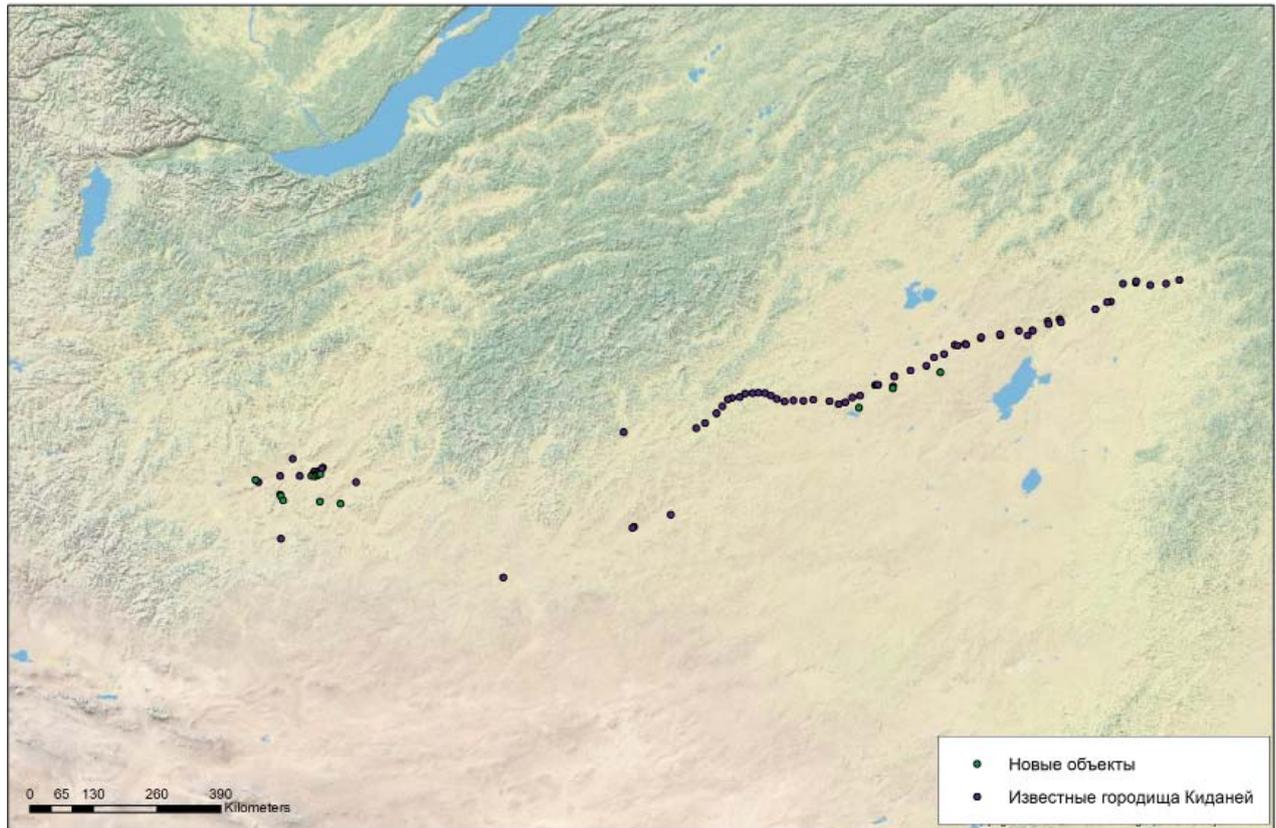

Рис. 4. Карта распространения городищ киданей в Монголии

Fig. 4. Map of distribution of the Khitan hillforts in Mongolia

Урто-Худук хэрэм I (рис. 4; 8: 5) занимает крайнее западное положение из серии этих пяти городищ, ориентировано по сторонам света, имеет прямоугольную форму, длинной осью с незначительным отклонением ориентировано с севера на юг, валы имеют размеры 175×126 м, ширина в основании около 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Урто-Худук хэрэм II (рис. 4; 8: 6) находится в 3,9 км северо-восточнее первого городища, ориентировано по сторонам света, имеет прямоугольную форму, длинной осью с незначительным отклонением ориентировано с севера на юг, юго-западная часть городища разрушена, на снимках виден северный вал и часть восточного. Длина северной стены – 116 м, восточной – 124 м, ширина вала в основании 6–8 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Урто-Худук хэрэм III (рис. 4; 8: 7) расположено в 620 м севернее второго городища, ориентировано по сторонам света, имеет прямоугольную форму, длинной осью с незначительным отклонением ориентировано с севера на юг, размеры 136×126 м, валы невысокие, ширина более 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Урто-Худук хэрэм IV (рис. 4; 8: 8) находится в 3,4 км северо-восточнее третьего городища на участке надпойменной террасы, прямоугольной формы, длинной осью ориентировано с северо-востока на юго-запад, размеры 86×96 м, валы невысокие, ширина около 4–5 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Урто-Худук хэрэм V (рис. 4; 9: 1) находится в 270 м северо-восточнее четвертого городища на участке надпойменной террасы, прямоугольной формы, длинной осью ориентировано с северо-запада на юго-восток, размеры 86×77 м, валы невысокие, ширина около 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Дэрсэн хэрэм III (рис. 4; 9: 2) находится в 1,3 км юго-восточнее четвертого городища в заболоченном русле протоки р. Толы, квадратной формы, длинной осью ориентировано с северо-запада на юго-восток, длина северной и южной стен 75 м, западного и восточного – 88 м, ширина валов около 8 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

Дэрсэн хэрэм IV (рис. 4; 9: 3) расположено в 100 м юго-западнее третьего городища, квадратной формы, со стенами по 105 м, ширина валов более 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются.

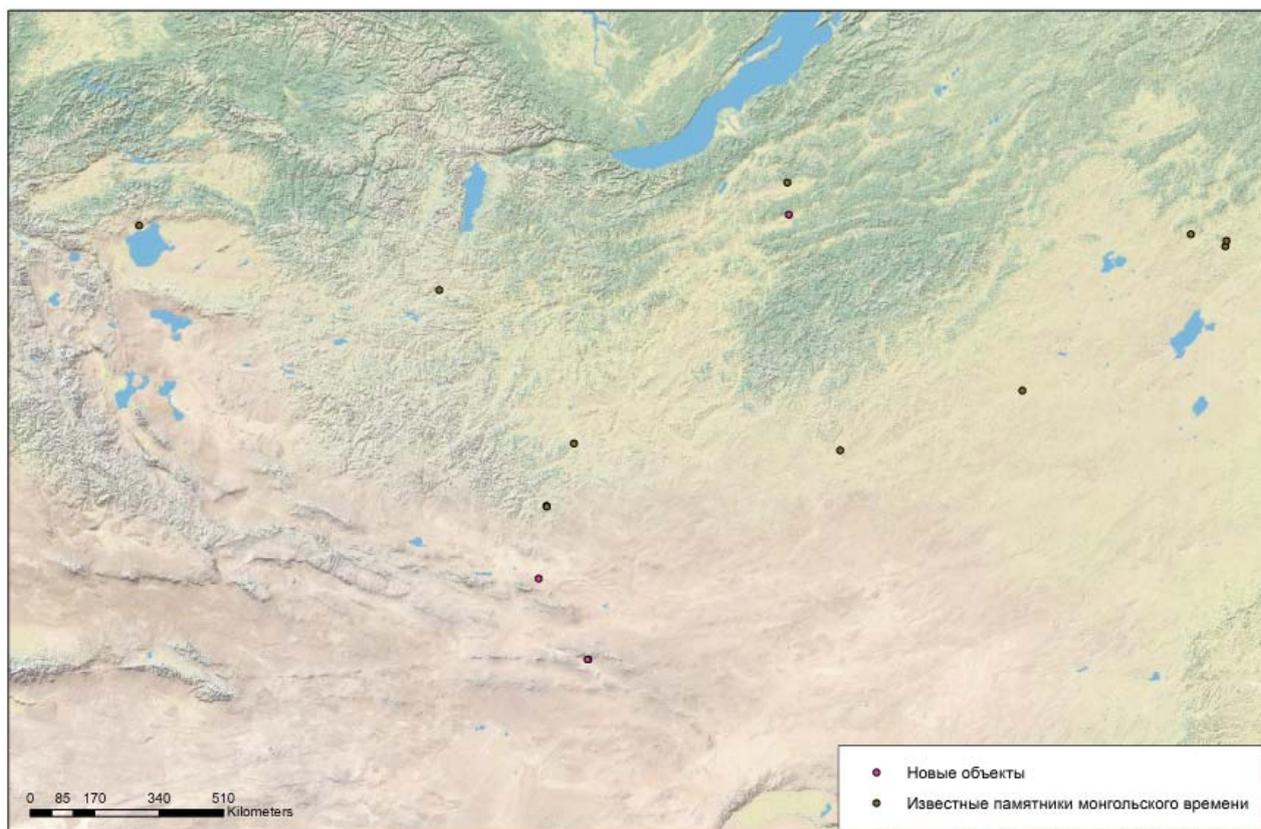

Рис. 5. Карта распространения городов Монгольской империи
Fig. 5. Map of the distribution of the cities of the Mongol Empire

Дэрсэн хэрэм V (рис. 4; 9: 4) находится в 899 м юго-западнее городища Дэрсэн хэрэм I, прямоугольной формы, длинной осью вытянуто с юго-запада на северо-восток, в центральной части северного и южного валов фиксируются ворота. Длина северной и южной стен 302 м, западной и восточной 89 м, ширина валов около 10 м. Во внутренней части остатки построек не фиксируются. Городище Дэрсэн хэрэм V идентично городищу Дэрсэн хэрэм II (Очир и др., 2015, с. 86–87, рис. 4).

Дэрсэн хэрэм VI (рис. 4; 9: 5) находится в 689 м южнее городища Дэрсэн хэрэм V, прямоугольной формы, длинной осью вытянуто с запада на восток, северный и часть восточного вала смыты рекой. Видимая длина западного вала 170 м, восточного 90 м, южного 270 м, ширина валов в основании более 10 м. Внутреннее пространство городища, очевидно, было разделено на отдельные кварталы, в западной части сохранились внутренние валы, один проходит параллельно внешней западной стене, на расстоянии около 40 м, от него проведен еще один, он проходит параллельно южной стене в западном направлении на расстоянии около 30 м от южного вала. На остальной площади остатки конструкций не фиксируются.

Хэрмэн дэрс II (рис. 4; 9: 6) находится в 4,9 км северо-западнее городища Хэрмэн дэрс I, на правом берегу р. Асгат Гол, ориентировано по сторонам света, трапециевидной формы, длинной осью вытянуто с запада на восток. Длина северного вала 410 м, восточного – 348 м, южного – 408 м, западного – 368 м, ширина валов около 8 м. Во внутренней части городища фиксируется земляная насыпь.

Следующее городище возможно было как-то связано с группой из трех городищ Цаган-Узурийн хэрэм (Очир и др., 2015, с. 86), оно расположено в той же долине, в 6 км южнее их.

Цаган Узурийн хэрэм IV (рис. 4; 9: 7). Рашант сомон Булганского аймака Монголии, в 6,8 км юго-восточнее городища Цаган Узурийн хэрэм III, на правом берегу р. Бадын Гол (по Очир и др., 2015, – р. Саван) и уже относится к Рашант сомону. Углами ориентировано по сторонам света, квадратной формы, северо-западный вал виден плохо. Длина стен достигает 119 м, ширина валов в основании около 7 м. Во внутренней части городища объекты не фиксируются.

Сант Улын балгас (рис. 4; 9: 8). Ондорширээт сомон Тув аймака Монголии, на правом берегу р. Бадын Гол (по Очир и др., 2015, – р. Саван). Углами городище ориенти-

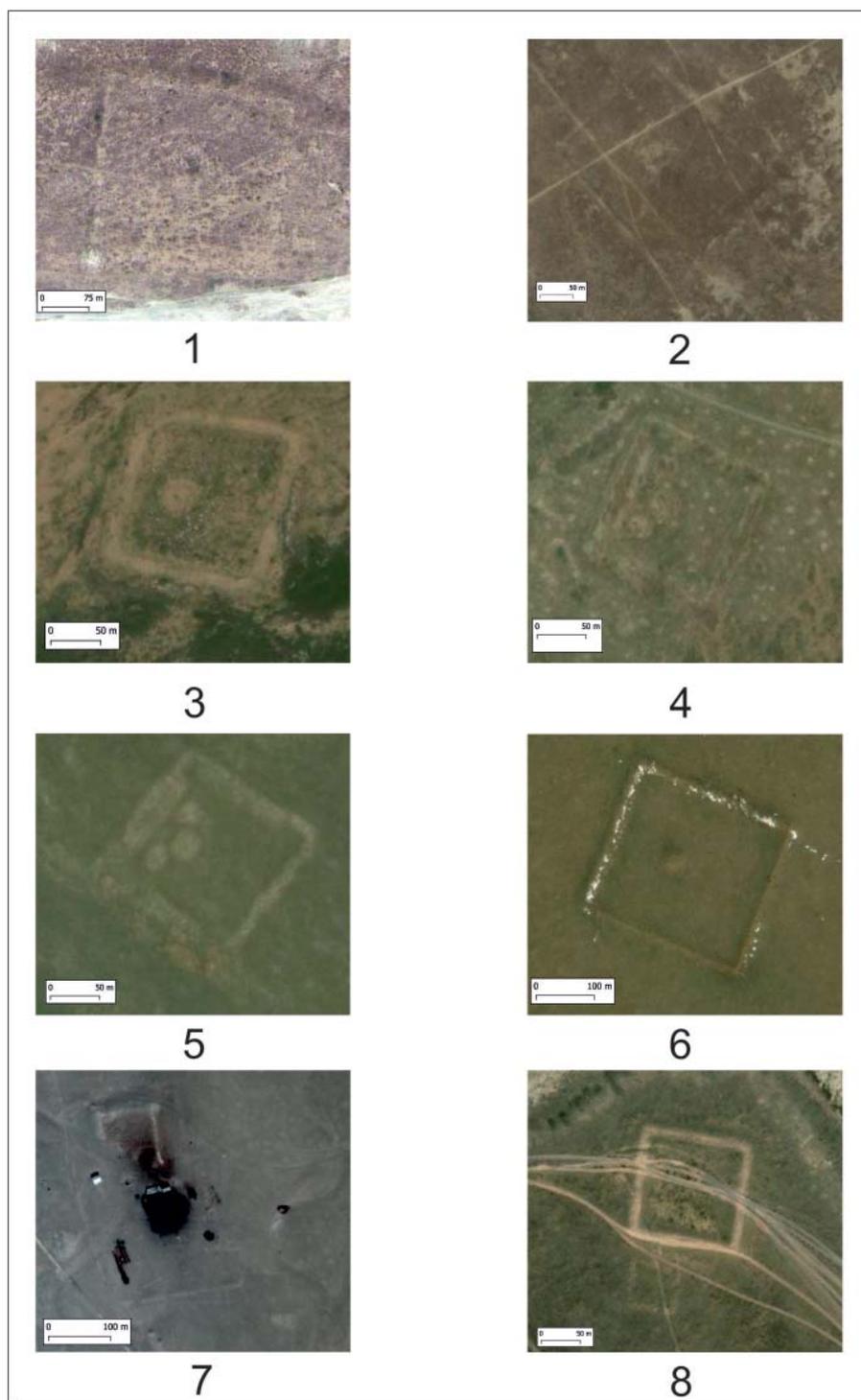

Рис. 6. Спутниковые снимки новых городищ хунну: 1 – Бага-Бэрх-Уула балгас; 2 – Омог-Ула-хэрэм; 3 – Цохетын Булаг I; 4 – Цохетын Булаг II; 5 – Арвай-Хэр балгас I; 6 – Арвай-Хэр балгас II; 7 – Арвай-Хэр балгас III; 8 – Баян-Гол балгас

Fig. 6. Satellite images of new Xiongnu hillforts: 1 – Baga-Berkh-Uula balgas; 2 – Omog-Ula-herem; 3 – Tsohetyn Bulag I; 4 – Tsohetyn Bulag II; 5 – Arvai-Kher balgas I; 6 – Arvai-Kher balgas II; 7 – Arvai-Kher balgas III; 8 – Bayan-Gol balgas

ровано по сторонам света, трапециевидной формы. Длина северо-восточного вала 252 м, юго-восточного – 263 м, юго-западного – 260 м, северо-западного – 252 м, в середине юго-западного вала располагаются ворота П-образной формы (захаб), с внешней стороны вала прослеживается ров, ширина форти-

фикационных сооружений достигает 16 м. Во внутренней части городища объекты не фиксируются.

Монгольские городища

Тахилгат-Обо балгас (рис. 5; 10: 1). Гучин ус сомон Убэрхангайского аймака Монголии, на южной оконечности возвышенности,

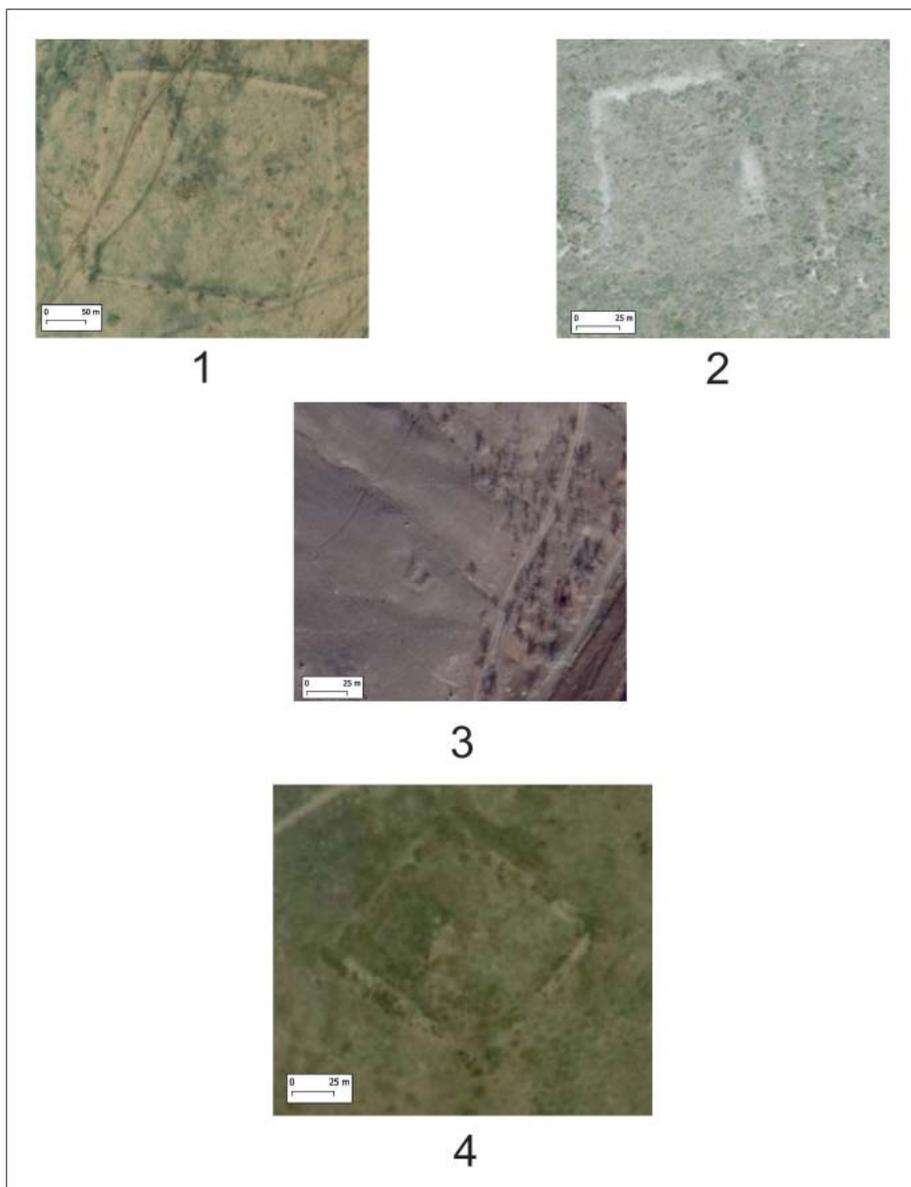

Рис. 7. Спутниковые снимки новых городищ хунну и уйгуров: 1 – Гун-Обо балгас; 2 – Китайская пограничная крепость Бордзонгийн-Булаг; 3 – городище вблизи с. Колобки; 4 – Хараат 8

Fig. 7. Satellite images of new hillforts of the Xiongnu and Uighurs: 1 – Gun-Obo balgas; 2 – Bordzongiin-Bulag; 3 – hillfort near the village Koloboki; 4 - Kharaat 8

в зоне изливания родников, ориентировано по сторонам света, квадратной формы. Городище укреплено двойной линией оплывших валов, внешний вал имеет размеры 29×29 м, внутренний – 17×17 м, ширина внешнего вала около 7 м, внутреннего – около 4 м. В 88 м восточнее прослеживаются остатки еще одной конструкции с валами прямоугольной формы, разделенной внутренними валами на три части. Эта конструкция ориентирована длинной осью с запада на восток, с северной стороны длина ее достигает 60 м, с восточной – 30 м, западная сторона не читается.

Три больших круглых городища, расположенных в ряд с запада на восток, были зафиксированы с южной стороны централь-

ной части хребта Гурван Сайхан в Баяндалай сомоне аймака Умнеговь.

Гурван Сайхан 1 (рис. 5; 10: 2) занимает крайнее западное положение и самое крупное в группе, имеет подовальную форму, максимальный диаметр с севера на юг достигает 230 м, в северной части прослеживаются ворота (захаб).

Гурван Сайхан 2 (рис. 5; 10: 2) расположено в центре, в 250 м западнее первого городища, имеет подовальную форму, максимальный диаметр с севера на юг достигает 220 м, в северной части прослеживаются ворота (захаб).

Гурван Сайхан 3 (рис. 5; 10: 2), расположено городище в 520 м западнее второго

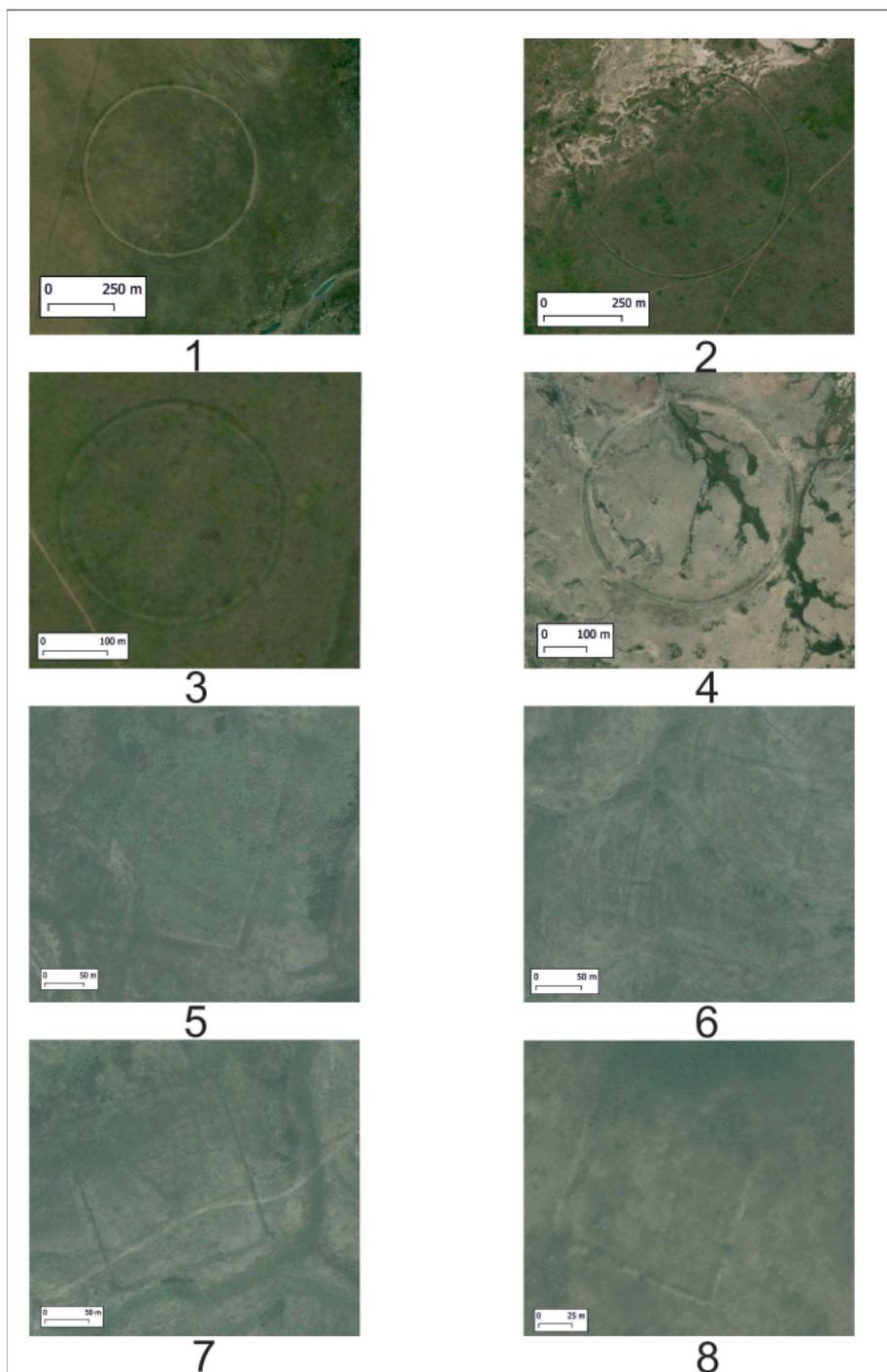

Рис. 8. Спутниковые снимки новых городищ киданей: 1 – Цаган-нур; 2 – Цахилдагын-худук-1; 3 – Цахилдагын-худук-2; 4 – Дунгой-цаган-нур; 5 – Урто-Худук хэрэм I; 6 – Урто-Худук хэрэм II; 7 – Урто-Худук хэрэм III; 8 – Урто-Худук хэрэм IV

Fig. 8. Satellite images of new hillforts of the Khitan: 1 – Tsagan-Nur; 2 – Tsakhildagyn-huduk-1; 3 – Tsakhildagyn-huduk-2; 4 – Dungoi-tsagan-nur; 5 – Urto-Khuduk herem I; 6 – Urto-Khuduk herem II; 7 – Urto-Khuduk herem III; 8 – Urto-Khuduk herem IV

городища, имеет подовальную форму, максимальный диаметр с севера на юг около 140 м, в северной части прослеживаются ворота (захаб).

Дабатуйское городище (рис. 5; 10: 5). Расположено в 1,4 км южнее с. Дабатуй Бичурского района Республики Бурятия, на левом берегу речки Дабатуйки. Городище

приурочено к пологому склону юго-восточной экспозиции, к северной мысовидной оконечности горного кряжа. Городище прямоугольной формы, вытянуто с северо-запада на юго-восток, ориентировочные размеры 100×60 м, валы невысокие, северный вал сильно оплывший. Во внутренней части остатки конструкций не фиксируются.

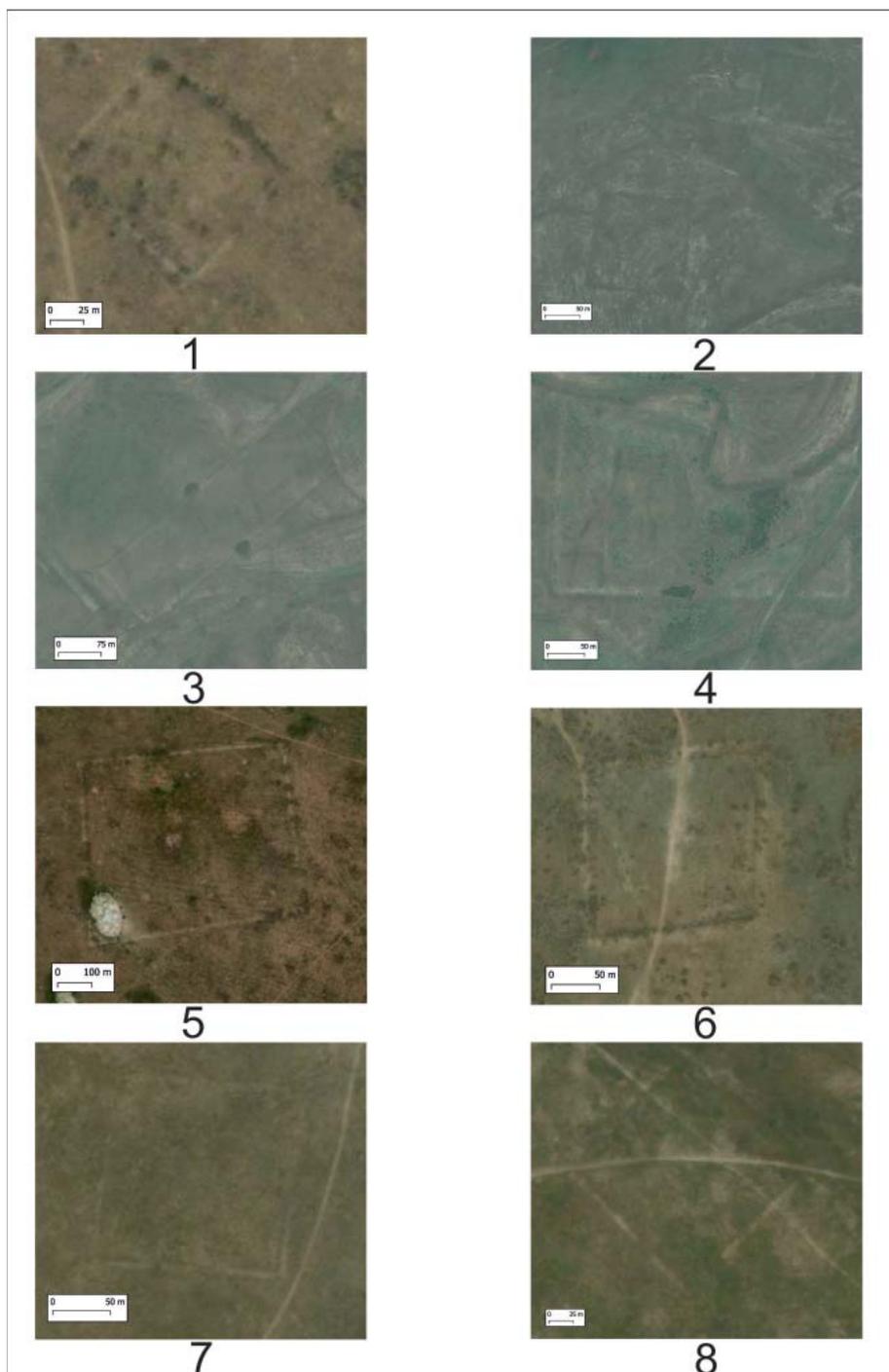

Рис. 9. Спутниковые снимки новых городищ киданей: 1 – Урто-Худук хэрэм V; 2 – Дэрсэн хэрэм III; 3 – Дэрсэн хэрэм IV; 4 – Дэрсэн хэрэм V; 5 – Дэрсэн хэрэм VI; 6 – Хэрмэн дэрс II; 7 – Цаган Узурийн хэрэм IV; 8 – Сант Улын балгас

Fig. 9. Satellite images of new hillforts of the Khitan: 1 – Urto-Khuduk herem V; 2 – Dersen herem III; 3 – Dersen herem IV; 4 – Dersen herem V; 5 – Dersen herem VI; 6 – Herman Ders II; 7 – Tsagan Uzuriyn herem IV; 8 – Sant Ulyn balgas

Таким образом, в ходе мониторинга спутниковых снимков из свободных источников – Google, Bing и Esri – с помощью картографической программы SAS Planet нами были выявлены новые объекты с элементами фортификации. Подобные памятники широко распространены на территории Монголии, а также на сопредельных территориях. Новые

городища были предварительно датированы от периода владычества в Центральной Азии хуннской державы до Империи монголов. Безусловно, датировка этих памятников и полноценное описание их конструктивных особенностей возможны только при непосредственном обследовании на месте, но тем не менее очень показательны, что в результа-

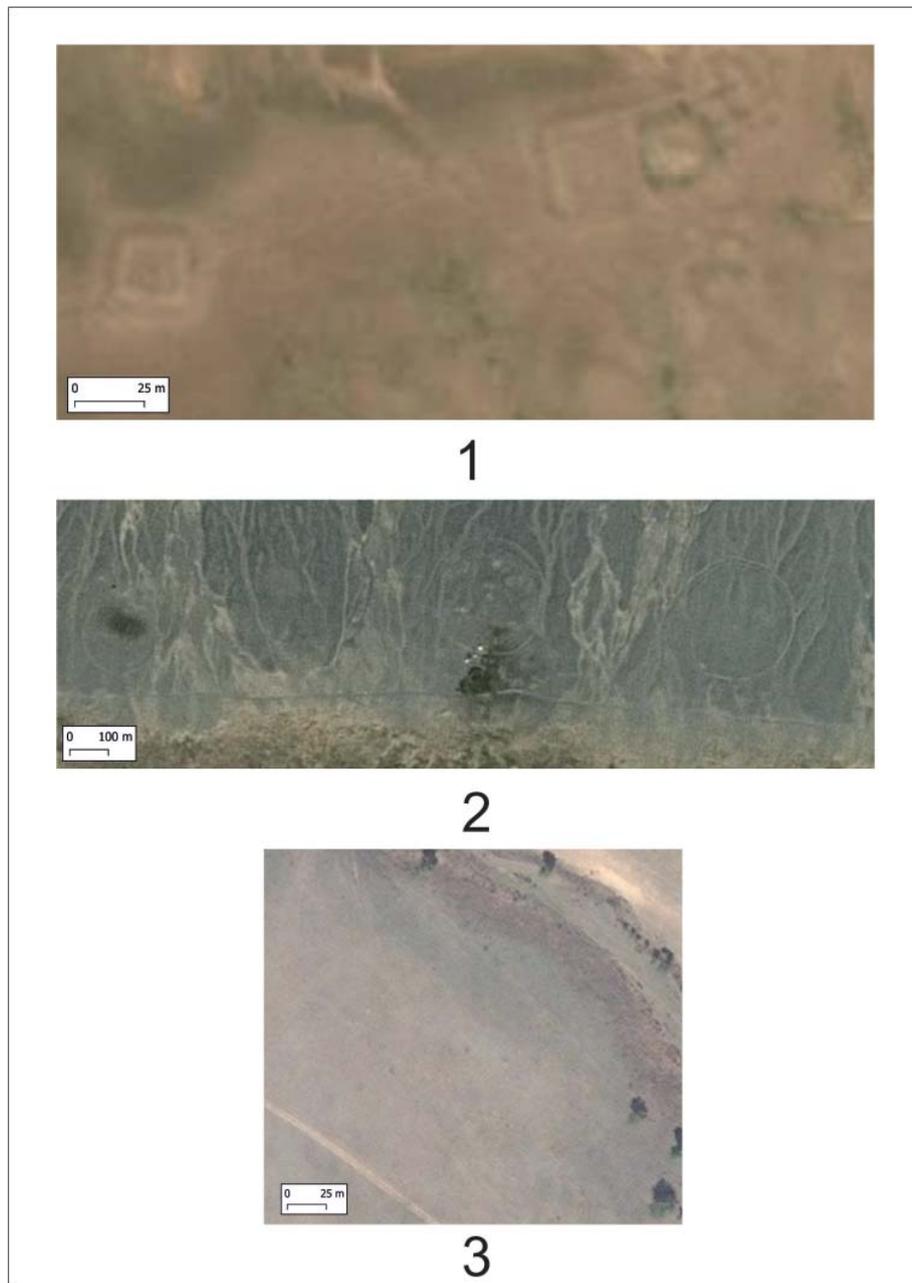

Рис. 10. Спутниковые снимки новых городищ монгольского времени: 1 – Тахилгат-Обо балгас;

2 – Гурван Сайхан 1, Гурван Сайхан 2, Гурван Сайхан 3; 3 – Дабагуйское городище

Fig. 10. Satellite images of new hillforts of Mongolian time: 1 – Takhilgat-Obo balgas;

2 – Gurvan Sayhan 1, Gurvan Sayhan 2, Gurvan Sayhan 3; 3 – Dabatui hillfort

те дистанционного обследования (дешифрирования спутниковых снимков) был выявлен ряд новых объектов, исследование которых может внести значительный вклад в даль-

нейшее понимание и решение актуальных проблем процесса урбанизации в кочевой среде Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Анхбаяр Б. Хуннское поселение в Заан Хошуу // Актуальные вопросы археологии этнологии Центральной Азии: Материалы II Международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 90–100.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 286 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия Иркутского Государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. №17. С. 74–93.

- Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 372 с.
- Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий / Отв. ред. В.Д. Ленков. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 120–133.
- Идэрхангай Т. Хүннүгийн хааны зуны ордон Лунчэн буюу луут хот (Лунчэн – город дракона – летняя резиденция шаньюев Хунну). Доклад представлен на International Conference “The Eurasian Ancient Network: Xiongnu and the Han”, г. Пусан, Южная Корея, 2021 30.04.2021.
- Киселев С.В. Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье // СА. 1961. №4. С. 103–127.
- Крадин Н.Н. Восточная Европа и монгольская глобализация // Stratum plus. 2016. №5. С. 17–25.
- Крадин Н.Н. Города в средневековых кочевых империях Монгольских степей // Средние века. 2011. Т. 72. № 1–2. С. 330–351.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. Результаты археологических исследований киданьских городов в Монголии // Вестник ДВО РАН. 2011. №1. С. 111–121.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А. Киданьские города конца X – начала XI в. в центральной Монголии и социальные процессы на периферии империи Ляо // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 53–57.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А., Харинский А.В., Очир А., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Раскопки городища Тэрэлжийн-Дурвулжин и некоторые итоги изучения хуннской урбанизации // Актуальные вопросы археологии этнологии Центральной Азии: Материалы II Международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 90–100.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, 2014. 351 с.
- Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В., Проконец С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2016. № 6. С. 17–43.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Проконец С.Д., Ивлиев А.Л., Ковычев Е.В., Эрдэнэболд Л. Великая киданьская стена: северо-восточный вал Чингис-хана. М.: Наука, 2019. 168 с.
- Коновалов П.Б. К исследованию древнего поселения Баян Булаг в Южно-Гобийском аймаке Монголии // Вестник БНЦ СО РАН. 2018. № 1 (29). С. 9–16.
- Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б. Монгол улсын нутаг дахь уйгурчуудын археологийн дурсгал (Археологические памятники уйгуров в Монголии). Улаанбаатар, 2019. 307 с.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Энхтур А. Исследования киданьских городищ и других сооружений в Монголии // Междисциплинарные исследования в археологии. 2015. Вып. 2. Городища и поселения. С. 84–95.
- Пэрлээ Х. Монгол Ард Улсын эрт, дундад үеийн хот суурины товчоон // Бүтээлийн чуулган. I боть. 1961 (2012) (Краткий очерк древних средневековых городов и поселений на территории Монголии). 1961.
- Эрэгзэн Г. Новые гипотезы о назначении и конструктивных особенностях хуннского городища Гуадов // Актуальные вопросы археологии этнологии Центральной Азии: Материалы II Международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 245–255.
- Ancient settlement of Mongolia / Archaeological relics of Mongolia catalogue series. Vol. 10. Ulaanbaatar, 2020. 284 p.*
- Bermann J., Reichert S. Karakorum, the first capital of the Mongol world empire: an imperial city in a non-urban society // Asian Archaeology. 2020. №4 (1). P. <https://doi.org/10.1007/s41826-020-00039-x>
- Chen Gaohua. The Capital of the Yuan Dynasty. Honolulu: Hawaii University Press. 2015.
- Evans D. Airborne laser scanning as a method for exploring long-term socio-ecological dynamics in Cambodia // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 74. P. 164–175. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2016.05.009>.
- Hayashi T. Agriculture and Settlements in the Hsiung-nu // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1984. Vol. 6. P. 51–92.
- Hüttel H.-G., Erdenebat U. Karabalgasun und Karakorum: zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal. Ulaanbaatar: Erdem. 2009.
- Inomata, T., Triadan, D., Vázquez López, V.A. et al. Monumental architecture at Aguada Fénix and the rise of Maya civilization // Nature. 2020. Vol. 582. P. 530–533. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2343-4>.
- Kradin N. N., Ivliev A. L., Ochir A., Erdenebold L., Vasiutin S. A., Sarantseva S. E., Kovychev E. V. Khermen Denz Town in Mongolia // The Silk Road. 2015. 13, 95–103.

Marcello A. Canuto, Francisco Estrada-Belli, Thomas G. Garrison, Stephen D. Houston, Mary Jane Acuña, Milan Kováč, Damien Marken, Philippe Nondédéo, Luke Auld-Thomas, Cyril Castanet, David Chatelain, Carlos R. Chiriboga, Tomáš Drápela, Tibor Lieskovský, Alexandre Tokovinine, Antolín Velasquez, Juan C. Fernández-Díaz, Ramesh Shrestha. Ancient lowland Maya complexity as revealed by airborne laser scanning of northern Guatemala // *Science*. 2018. Vol. 361, Issue 6409. DOI: 10.1126/science.aau0137.

Ramseyer D., Pousaz N., Törbat T. The Xiongnu Settlement of Boroo Gol, Selenge Aimag, Mongolia // Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on «Archaeological Resesarch in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. P. 231–240.

Shiraishi N. Avraga Site: The “Great Ordu” Of Genghis Khan // *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 94–110.

The Xiongnu / ed. by G. Eregzen, Yang Si-Eun. 2017.

Информация об авторах:

Мягашев Денис Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); silker10@yandex.ru

Базаров Биликто Александрович, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); biliktobazarov@yandex.ru

Дикий Ярослав Витальевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); yaroslavdikii@gmail.com

REFERENCES

Ankhabaiar, B. 2017. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archaeology and Ethnology of Inner Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–100 (in Russian).

Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskiy kompleks. T. I. Ivolginskoe gorodishhe (Ivolginsk archaeological complex. Vol. I. Ivolginsk fortified settlement)*. Saint Petersburg: “AziatKA” Publ. (in Russian).

Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshhestvakh Tsentral'noy Azii (Towns in the Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Danilov, S. V., Imenokhoyev, N. V., Nanzatov, B. Z., Simukhin, A. I., Ochir, A., Erdenebold L. 2016. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University)*. Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (17). 74–93 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivliev, A. L. 1983. In Len'kov, V. D. (ed.). *Materialy po drevnei i srednevekovoi arkheologii iuga Dal'nego Vostoka SSSR i smezhnykh territorii (Materials on Ancient and Medieval Archaeology of the Southern Part of the USSR Far East and Adjacent Territories)*. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, Academy of Sciences of the USSR, 120–133 (in Russian).

Iderkhangai, T. 2021. In International Conference “The Eurasian Ancient Network: Xiongnu and the Han” (in Russian, Mongolian).

Kradin, N. N. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 17–25 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 103–127 (in Russian).

Kradin, N. N. 2011. In *Srednie veka (Middle Ages)* 72 (1–2). 330–351 (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2011. In *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya RAN (Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)* 1, 111–121 (In Russian).

Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D., Kharinskii, A. V. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 17–43 (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Vasiutin, S. A. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 22 (2), 53–57 (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Vasiutin, S. A., Kharinskii, A. V., Ochir, A., Kovychev, E. V., Erdenebold, L. 2017. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archaeology and Ethnology of Inner Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 163–175 (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2014. *Istoriya kidan'skoy imperii Lyao (907–1125) (History of the Khitan Empire of Liao (907–1125))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kradin N.N., Baksheyeva S.Ye., Kovychev Ye.V., Kharinskiy A.V., Prokopets, S. D. 2016. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology)* (6) 17–43 (in Russian).

Kradin N.N., Kharinskiy A.V., Prokopets S.D., Ivliyev A.L., Kovychev Ye.V., Erdenebold L. 2019. *Velikaya kidan'skaya stena: severo-vostochnyy val Chingis-khana. Moskva (The Great Khitan Wall: the North-Eastern Rampart of Chinggis Khan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Konovalov, P. B. 2018. In *Vestnik BNTS SO RAN (Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)* 29 (1). 9–16 (in Russian).

Ochir, A., Odbaatar, Ts., Erdenbold, L., Ankhbayar, B. 2019. *Mongol ulsyn nutag dakh' uygurchuudyn arkheologiygn dursgal (Archaeological sites of the Uyghurs in Mongolia)*. Ulaanbaatar. (in Mongolian).

Ochir, A., Erdenbold, L., Enkhtur, A. 2015. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Interdisciplinary Investigation in Archaeology)* 2. 84–95 (in Russian).

Perlee, Kh. 1961. (2012). *Mongol ard ulsyn ert, dun -dan uuiyn khot suuriny tovchoon (Essay of the Ancient and Mediaeval Towns and Settlements in Mongolian Territory)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).

Eregzen, G. 2017. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii (Topical Issues of Archaeology and Ethnology of Inner Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 245–255 (in Russian).

Ancient settlement of Mongolia / Archaeological relics of Mongolia catalogue series. Vol. 10. Ulaanbaatar, 2020. 284 p.

Bemmann, J., Reichert, S. 2020. In *Asian Archaeology* 4(1). <https://doi.org/10.1007/s41826-020-00039-x>

Chen Gaohua. 2015. *The Capital of the Yuan Dynasty*. Honolulu: Hawaii University Press.

Evans, D. 2016. In *Journal of Archaeological Science* (74). 164–175. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2016.05.009>.

Hayashi, T. 1984. In *Bulletin of the Ancient Orient Museum*. 6. 51–92 (in English).

Hüttel, H.-G., Erdenebat, U. 2009. *Karabalgasun und Karakorum: zwei spätnomadische Stadtsiedlungen im Orchon-Tal*. Ulaanbaatar: Erdem.

Inomata, T., Triadan, D., Vázquez López, V.A. et al. 2020. In *Nature* (582). 530–533. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2343-4>.

Kradin, N. N., Ivliev, A. L., Ochir, A., Erdenebold, L., Vasiutin, S. A., Sarantseva, S. E., Kovychev, E. V. 2015. In *The Silk Road* (13) 95–103 (in English).

Marcello A. Canuto, Francisco Estrada-Belli, Thomas G. Garrison, Stephen D. Houston, Mary Jane Acuña, Milan Kováč, Damien Marken, Philippe Nondédéo, Luke Auld-Thomas, Cyril Castanet, David Chatelain, Carlos R. Chiriboga, Tomáš Drápela, Tibor Lieskovský, Alexandre Tokovinine, Antolín Velasquez, Juan C. Fernández-Díaz, Ramesh Shrestha. 2018. In *Science* 6409 (361). DOI: 10.1126/science.aau0137 (in English).

Ramseyer, D., Pousaz, N., Törbat, T. 2009. In *Current Archaeological Research in Mongolia. Papers from the First International Conference on «Archaeological Resesarch in Mongolia» held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd 2007*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. 231–240.

Shiraishi, N. 2006. In *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill. 94–110 (in English).

Eregzen, G. (ed.). 2017. *The Xiongnu*. Yang Si-Eun.

About the Authors:

Miyagashev Denis A. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; silker10@yandex.ru

Bazarov Bilikto A. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; biliktobazarov@yandex.ru

Dikiy Yaroslav V. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; yaroslavdikii@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.26

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.96.109>

**ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛЬСКИХ ГОРОДИЩ
ЗАБАЙКАЛЯ ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ИСТОЧНИКАМ:
П.К. ФРОЛОВ (1775-1839 ГГ.)**

© 2021 г. С.Е. Бакшеева

Статья посвящена публикации материалов, имеющих более чем 200-летнюю историю и хранящихся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге. Речь идет о нескольких планах и рисунке из «Альбома рисунков различных сибирских древностей» П.К. Фролова монгольских памятников XIII-XIV вв. – Хирхинского городища и Кондуйского городка, расположенных на юго-востоке Забайкальского края. Сопоставление исторических сведений и графических материалов из альбома показало, что время их создания не может быть датировано периодом командировки П.К. Фролова в Нерчинские заводы, состоявшейся в 1798-1800 гг. Сравнив подписи на рисунках П.К. Фролова с датой начала постройки Кондуйского храма, воздвигнутого в честь Пресвятой Богородицы и св. Мучеников Кирика и Улиты, планы Кондуйского городка не могли быть сняты ранее 1806 г., поскольку строительные материалы археологического памятника были использованы при возведении церкви, и не позднее 1817 г., когда собрание было куплено Императорской Публичной библиотекой. Тем не менее, планы и рисунок из сибирского альбома являются первым графическим источником по истории археологических памятников региона, выполнены на высоком уровне и содержат сведения, к сожалению, до нас не дошедшие. В 1818 г. материалами из Сибирского альбома Фролова, вероятно, с ведома автора, воспользовался Г.И. Спасский, опубликовав статью в издаваемом им же в Петербурге журнале «Сибирский Вестник», и сняв с них не слишком удачные копии. Публикация планов и карт Фролова позволит уточнить и дополнить некоторые существующие реконструкции, предложенные отечественными архитекторами.

Ключевые слова: археология, Фролов П.К., Спасский Г.И., горные инженеры, Хирхира, Кондуй, средневековые монгольские памятники XIII-XIV вв., Забайкалье, планы, «Сибирский Вестник», XVIII-XIX в., Кондуйская церковь, Нерзавод, Колывано-Воскресенские заводы.

**FIRST SCHEMES OF THE MEDIEVAL MONGOLIAN HILLFORTS OF
TRANSBAIKALIA ACCORDING TO UNPUBLISHED SOURCES:
P. K. FROLOV (1775-1839)**

S. E. Baksheeva

The paper deals with the publication of materials with more than 200 years of history, deposited in the archives of the Department of Manuscripts of the Russian National Library in St. Petersburg. The materials in question are several schemes and a drawing from the “Album of Drawings of Various Siberian Antiquities” by P.K. Frolov. There are two Mongolian sites of the 13th–14th centuries which are known as Khirkhira fortress and Konduy town located in the southeast of Zabaykalsky Krai. A comparison of historical information and graphic materials from the album demonstrated that the time of their preparation cannot be dated to the period of P.K. Frolov’s official trip to Nerchinsk factories in 1798–1800. According to a comparison of the figure captions by P.K. Frolov with the construction start date of the Konduiskey temple erected in honor of the Holy Mother and the saint martyrs Cyricus and Julitta, the schemes of Konduy town could not have been eliminated earlier than 1806 since the building materials of the archaeological monument were used in the construction of the church and not later than 1817 when the collection was purchased by the Imperial Public Library. Nevertheless, the schemes and drawings from the “Siberian Album” are the first graphic source on the history of the region’s archaeological sites, have a high level of craftsmanship, and contain information that unfortunately has not survived until today. In 1818 the materials from Frolov’s Siberian album were used by G.I. Spassky, probably with the author’s permission. He wrote a paper for the “Siberian Bulletin” journal, published by him in St. Petersburg, and was rather unsuccessful in making copies of the materials. The publication of Frolov’s schemes and maps will make it possible to clarify and complement some of the current reconstructions proposed by Russian architects.

Keywords: archaeology, P.K. Frolov, G.I. Spassky, mining engineers, Khirkhira, Konduy, medieval Mongolian sites of the 13th–14th cc., Transbaikal, schemes, “Siberian Bulletin”, 18th–19th cc., Konduy church, Nerzavod, Kolyvano-Voskresensk plants.

Введение. Всемирно известные средневековые памятники монгольского времени Забайкалья (XIII–XIV вв.) – Хирхиринское городище и Кондуйский городок (рис. 1) – неоднократно описаны в отечественной исторической и археологической литературе. Самые первые упоминания о них содержатся в одной из статей, опубликованной в 1818 г. на страницах исторического альманаха Г.И. Спасского «Сибирский Вестник», издававшегося в Петербурге (Спасский, 1818б, с. 175–182 (116–123)).

В фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ)¹ хранится альбом «Рисунки различных сибирских древностей, принадлежащих собранию книг П.К. Фролова»². Впервые об этом альбоме в 1962 г. заявил барнаульский археолог, в то время являвшийся старшим инспектором по музеям и охране памятников культуры в управлении культуры Алтайского крайисполкома, А.П. Уманский. В статье, посвященной судьбе собраний П.К. Фролова, он сообщил, что в 1958 г. в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде им был обнаружен альбом, в котором меж прочего имелось два листа – чертёж и рисунок, выполненный в карандаше с отмывкой: «План древних строений, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуде». Ещё один – «План развалинам, находящимся в Нерчинской заводской округе при устье р. Киркиры, втекающей с левой стороны в Урулюнгуй», на котором были вычерчены развалины пяти древних сооружений (Уманский, 1962, с. 115–116). Позднее, в 1965 г., об этой архивной находке очень кратко упомянул С.В. Киселев, сделав ссылки на эту же работу в монографии «Древнемонгольские города» (Киселёв, 1965а, с. 23; Киселёв, 1965б, с. 326–327). Так, в разделе книги, посвященной Кондуйскому дворцу, в той части главы, где говорится об истории изучения памятника, он пишет, что «к сожалению, остался неизвестным и не был опубликован «План древним строениям, находящимся в Нерчинской городской округе при речке Малом Кондуде», выполненный на двух листах в карандаше с отмывкой, П.К. Фроловым...» (Киселёв, 1965, с. 326–327).

По мнению А.П. Уманского, чертежи могли быть датированы 1798–1800 гг. Эту же дату создания планов принял на веру и С.В. Киселёв. Так датировка закрепилась в отечественной археологической литературе (Крадин Н.П., 2002, с. 235; Константинов, 2011, с. 173;

Крадин, Бакшеева, Ковычев, Прокопец, 2017, с. 168).

В силу ряда объективных причин попыток обратиться к материалам П.К. Фролова не предпринималось, и, к большому сожалению, они до сих пор так и остались не востребованными.

В 2017 г. в Российской национальной библиотеке состоялась выставка «Рукописное собрание П.К. Фролова» и прошла международная научная конференция, приуроченная 200-летию приобретения Императорской Публичной библиотекой ценной коллекции рукописных книг, собранных горным инженером, а впоследствии Томским гражданским губернатором Петром Кузьмичом Фроловым (1775–1839 гг.). В сборнике статей, вышедшем по результатам конференции, сотрудниками Отдела Рукописей РНБ были опубликованы несколько фундаментальных работ обобщающего характера, представивших во всей полноте исследование книжного и рукописного собрания П.К. Фролова: славянские рукописи, греческая и южнославянская части коллекции, восточные книги, западноевропейские рукописи (Шевченко, 2018; Левшина, 2018; Васильева, 2018; Блескина, 2018). В этом же сборнике впервые издана «Передаточная опись собрания рукописей П.К. Фролова» 1817 г., в составлении которой принимал участие сам владделец – Петр Кузьмич, и куда, к сожалению, не вошли атласы и картографические материалы (Передаточная опись..., 2018, с. 106).

В одной из статей сборника, посвященной славянским рукописям, главным библиотекарем Сектора древнерусских фондов Отдела рукописей Е.Э. Шевченко, наряду с другими материалами, были опубликованы три рисунка – листы 14, 22 и 23 из «Альбома сибирских древностей П.К. Фролова» (Шевченко, 2018, ил. 11–13). Автор статьи не исключила, что некоторые изображения, представленные в альбоме, могут принадлежать «руке самого Петра Кузьмича» (Шевченко, 2018, с. 39). На одной из представленных в статье иллюстраций, ранее не известной, изображены узнаваемые гранитные изваяния драконов, происходящие из «Кондуйских развалин» и по сути являющиеся «визитной карточкой» всемирно известного археологического памятника. Поразительной, на наш взгляд, была надпись на рисунке, которая гласила: «Изображение древних высечек из гранита, найденных в Нерчинской заводской округе в Кондуйских развалинах и употребленных к строению

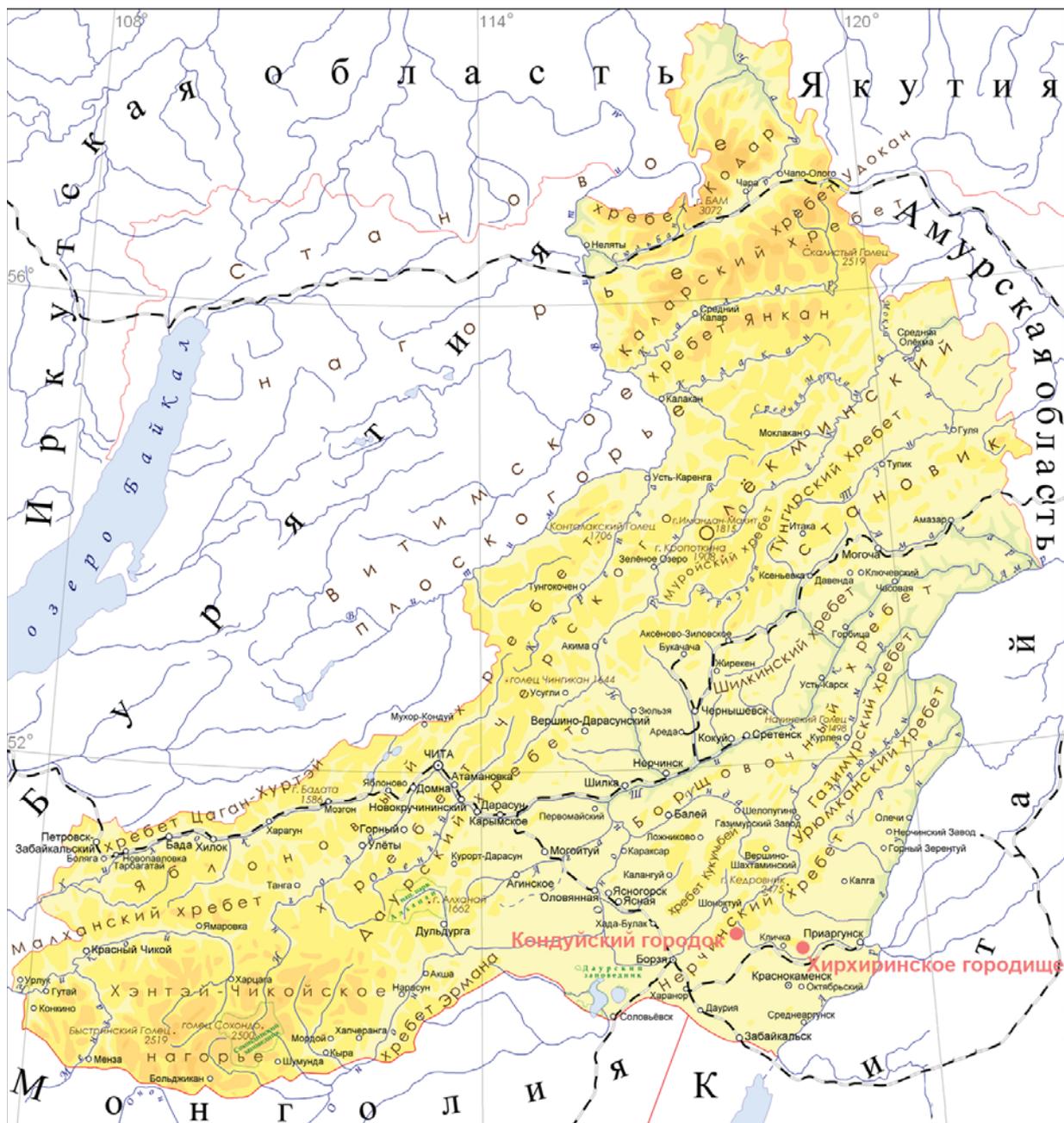

Рис. 1. Местоположение памятников на карте Забайкальского края

Fig. 1. Location of monuments on the map of Zabaykalsky Krai

церкви» (Шевченко, 2018, ил. 11), содержащая, на наш взгляд, некоторое противоречие с ранее выдвинутой датировкой графического источника.

Таким образом, упоминание А.П. Уманским двух чертежей и публикация иллюстрации из сибирского альбома П.К. Фролова позволили предпринять попытку отыскать его в фондах РНБ, что, к счастью, и было успешно сделано. Целью настоящей работы является изучение и ввод в научный оборот ранее не опубликованных графических материалов, посвященных забайкальским древностям, содержащихся в собрании П.К. Фролова. Зада-

чи исследования заключались в следующем: установить возможный объем исторического источника, проанализировать содержащиеся в нем сведения с точки зрения их информативности. Вместе с этим предпринять попытку установить авторство материалов и уточнить дату его создания.

П.К. Фролов. Личность Петра Кузьмича удивительно многогранна, а литература, посвященная ему, обширна (Гришаев, 1999; Савельев, 1956, Виргинский, 1950, Рафиенко, 2006а; Вакалова, 2008 и др.). Петр Кузьмич Фролов – горный инженер, изобретатель, организатор горнозаводского производства

на Алтае, выдающийся администратор, пользовавшийся огромным уважением, с 1822 по 1830 гг. – томский гражданский губернатор.

Петр Кузьмич родился в семье алтайского изобретателя-гидротехника Кузьмы Дмитриевича Фролова в Змеиногорской крепости Томской губернии. В возрасте 6 лет начал работать на ручной разборке и сортировке руды (Савельев, 1985, с. 182–183). В 1784 г. восьмилетним мальчиком поступил в Санкт-Петербургское Горное училище, в котором преподавали, прежде всего, спектр предметов, необходимых для применения в горнодобывающей промышленности, а также иностранные языки, в том числе латынь, логику, историю, географию, архитектуру и черчение. По окончании училища и присвоении ему горного чина шихтмейстера в 1793 г. Петр Кузьмич поступает на Колываново-Воскресенские горные заводы, где занимается самыми разными видами работ (Гришаев, 1999, с. 145). Вкратце основные вехи деятельности, характеризующие как нельзя лучше его выдающийся талант и разносторонние способности, таковы: 1806 г. – Фролов разрабатывает проект первой чугунно-рельсовой дороги с конной тягой; в 1808 г. он занимается постройкой судов собственного изобретения и осуществляет опытный сплав на них руд в Барнаул по р. Алею и р. Оби; также в 1808–1809 гг. им была проведена инвентаризация первой на Алтае технической библиотеки, лучшего собрания литературы в Сибири, за образец принят порядок Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге; 1812 г. Фролов представлен к званию Почётного библиотекаря ИПБ (Шевченко, 2018, с. 12). За год до этого события, в 1811 г., он переезжает в Петербург, где возглавляет Чертежную экспедицию департамента Горных и соляных дел. В 1817 г. Петр Кузьмич получает назначение начальником Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов, а с 1822 г. становится томским гражданским губернатором. В эти годы с подачи Фролова построены типография, первая в Западной Сибири бумажная фабрика, основана метеорологическая станция, а также Краеведческий музей. Фролов стоял у истоков реформирования Алтайского горного училища. В 1831 г. Петр Кузьмич был произведен в тайные советники, назначен сенатором и переехал в Петербург, где и умер в 1839 г.

В 1817 г. перед отъездом на Алтай, после назначения его в должность начальника Колывано-Воскресенских заводов Фролов продал

свою коллекцию редких книг и предметов за 20 тысяч рублей Императорской Публичной библиотеке (Гришаев, 1999, с. 149). В то время Собрание Фролова являлось одним из самых крупных приобретений библиотеки: в него входили книги и свитки на русском, греческом, славянских и западноевропейских языках, а также большое собрание восточных книг и рукописей. Самые ранние источники собрания П.К. Фролова относятся к концу IX в. (Левшина, 2018, с. 44). В коллекции имелись атласы и планы. Альбом «Рисунки различных сибирских древностей» в числе прочих многочисленных материалов был передан автором в Императорскую публичную библиотеку в 1817 г.

П.К. Фролов был известен как коллекционер и активно занимался собирательской деятельностью, аккумулировав в своих руках различные древности, этнографические предметы и предметы искусства. Скупка вещей для археологической коллекции осуществлялась Фроловым у «бугровщиков». В настоящий момент она насчитывает около 200 уникальных вещей, преимущественно изделий торевтики, к которой, несмотря даже на отсутствие полной паспортизации, неоднократно обращались многие современные исследователи (Грязнов, 1947; Марсадолов, 1982; Баркова, Горбунов, Тишкин, 2012; Король, Конькова, 2012). Большая часть коллекции также была куплена ИПБ в 1817 г., но в 1852 г. по указу Николая I археологические предметы из библиотечных собраний были переданы в Новый Эрмитаж (Баркова, 2002, с. 15; Матвеева, 2013, с. 48). Так археологическая коллекция Фролова составила эрмитажные фонды. Кроме этого, некоторые предметы хранятся и в Государственном историческом музее в Москве (Вакалова, 2008, с. 38).

Материалы. Характеристика источника. «Альбом рисунков различных сибирских древностей», выполненный на серой с голубизной бумаге, насчитывает 25 листов и имеет двойную пагинацию страниц. В целом сохранность его, несмотря на двухсотлетний возраст, вполне удовлетворительная. Как выяснилось, материалы, содержащиеся в сибирском альбоме, не объединены общей тематикой. В него включены и графические материалы – планы и рисунок, которым посвящено настоящее исследование, а кроме этого, каменные бабы, писаницы, несколько листов древних писем и знаков, рисунок ветки цветущего дерева, китайский иероглиф на красной бумаге. Два листа собрания посвящены Соловецко-

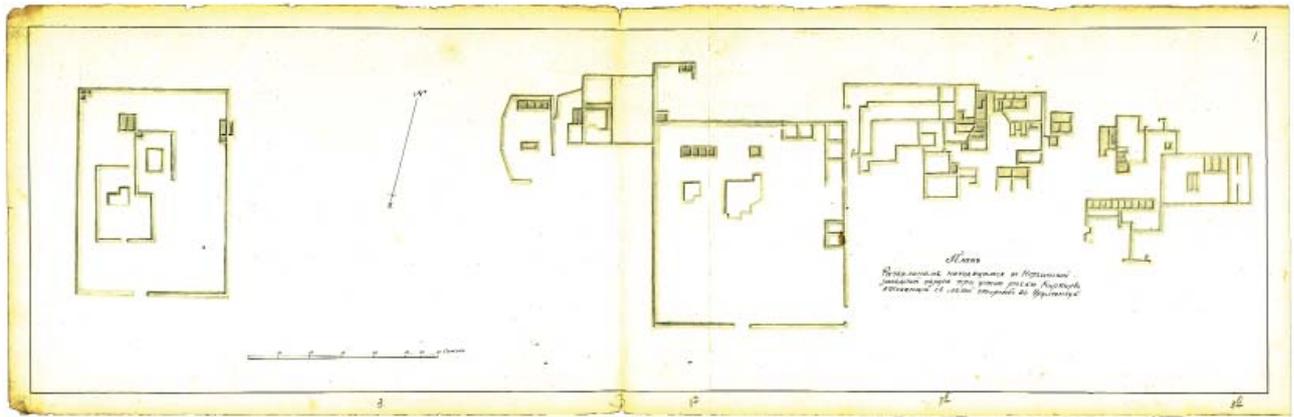

Рис. 2. План развалинам, находящимся в Нерчинской заводской округе при устье речки Киркиры, втекающей с левой стороны в Урлуонгуй

Fig. 2. “Plan of ruins in the Nerchinsko-Zavodsky District at the mouth of the Kirkira river flowing into the Urulyunguy on the left”

му храму. Кроме этого, в альбоме имеется несколько неопознаваемых рисунков и копия распоряжения Павла I о приписных крестьянах (1798 г.).

Непосредственно к теме забайкальских древностей относятся три чертежа и рисунок (рис. 2–5).

Лист 1 (или Л. 3, 3а, 3б, 3в). План Хирхинского городища (рис. 2). Чертеж вычерчен тушью с подтенением акварелью, подписан от руки: «План развалинам, находящимся в Нерчинской заводской округе при устье р. Киркиры, втекающей с левой стороны

в Урлуонгуй». План прямоугольной формы, заключен в тонкую рамку. Имеет, согласно русской метрологии, масштаб в саженьях³. Чертеж ориентирован по линии север – юг с небольшим склонением; указание сторон света на стрелке сделано латиницей. На плане показаны две усадьбы Хирхинского городища с плотно прилегающими к ним обвалованными постройками. Сложные топографические особенности усадеб переданы весьма детально, с подробностями, которые, к большому сожалению, в настоящее время почти не сохранились, так как были значительно

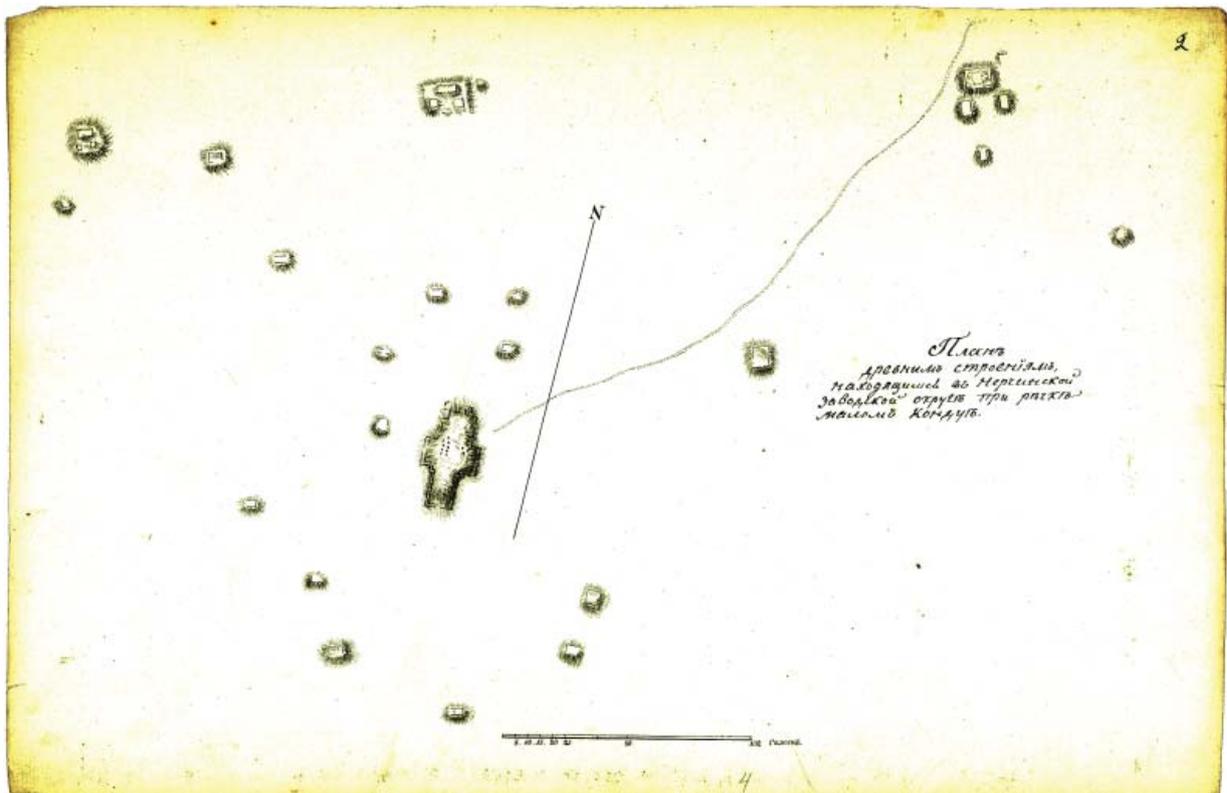

Рис. 3. План древним строениям, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуйе

Fig. 3. “Plan of ancient buildings in the Nerchinsko-Zavodsky District on the Maliy Kondui river”

повреждены в результате активно ведущейся хозяйственной деятельности местного населения. В центральной части плана – самая большая усадьба памятника, так называемая цитадель с центральным сооружением, стоявшем на подиуме, или дворцом, восточная часть которого была раскопана С.В. Киселевым в 1957 и 1959 гг. (Киселев, 1965а, с. 28–45). Вторая усадьба на плане расположена западнее, не имеет такой плотной застройки по периметру. План Хирхирина из альбома П.К. Фролова выполнен на высоком уровне и содержит достаточно много дополнительных сведений, не имеющих на глазомерном плане С.В. Киселева (Киселев, 1965а, рис. 1).

На листе 2 (Л. 4) (рис. 3) изображен «План древним строениям, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуге», то есть Кондуйский городок. Чертеж имеет подпись тем же почерком, что и предыдущий план, и масштабную линейку в саженях. Рисунок выполнен на плотной бумаге желтоватого цвета тонким пером и тушью; план ориентирован по сторонам света. Он, на наш взгляд, менее схематичен, чем хирхирина. В центральной части плана памятника расположен центральный дворец крестообразной формы, вокруг которого – отдельные постройки разных размеров и очертаний, общим количеством объектов двадцать восемь. Некоторые из них сгруппированы в отдельные комплексы и окружены обваловкой.

Несомненно, этот план выполнен не с такой нарочитой точностью, как хирхирина: здесь нет полного соответствия реальному расположению объектов памятника. Расстояние между возвышенностями с сооружениями не соблюдено. Но здесь можно проследить современное тому времени состояние памятника. Видны основания стен центральной постройки, показаны разрывы в их конструкции, каменные базы для колонн, лежащие на поверхности сооружения. Очевидно, памятник ко времени съёмки уже был основательно разрушен местным населением: выбраны строительные материалы для постройки домов и церкви в с. Кондуй. Надо отметить, что на плане показана дорога, уходящая на северо-восток, от центрального строения в направлении села Кондуй, вероятно, этим путем и вывозились в село материалы из гранита и керамики. Большой интерес представляют собой схематичные изображения остатков стен в малых сооружениях, окружав-

ших центральное здание, возможно, также отчасти разобранных для постройки домов в Кондуйском поселении.

Создалось впечатление, что планы обоих памятников выполнены в разных стилях или, возможно, были перекопированы в чистовом варианте разными людьми.

На листе 3 (Л. 5) изображен детальный план Кондуйского дворца (рис. 4), раскопанного С.В. Киселевым в конце 50-х гг. прошлого века (Киселев, 1965б, с. 329–369). Чертеж выполнен тушью. Подпись под рисунком тем же почерком гласит: «План развалинам, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуге», масштаб также приведен в саженях. Латинскими заглавными буквами на чертеже показаны условные обозначения: «Копи, из коих добывались кирпичи на строение церкви» (А) и В – «Гранитовые подножия, из коих некоторые употреблены на то же строение». Буквы А и В нанесены на план тем же почерком, что и надпись. Кроме плана, внизу листа чертежа приведен профиль этой же платформы и остатков строения. Даже поздние планы городка, например, 30-х и 50-х гг. XIX в., также вычерченные профессиональными горными инженерами, профилей дворца не имеют. Любопытно, что южный край платформы на профиле, где располагался вход в здание, выглядит более пологим, чем выход, располагавшийся на севере.

Чертеж сооружения крестообразной в плане формы, ограничен по периметру основанием стен, часть которых показана разрывами, очевидно, они были разрушены и утрачены. Возможные входы в здание показаны в виде не только горизонтальных, но и поперечных линий, соединяющихся между собой. Их здесь насчитывается десять (?), а не шесть, как считалось ранее (Киселев, 1965б, с. 171).

Очевидно, центральная и северная части сооружения более пострадали от перекопов местных жителей, добывавших таким образом строительный материал. На поверхности показаны гранитные основания под деревянные базы колонн. Места некоторых баз показаны пунктиром как предполагаемые: здесь остались большие ямы от вынутых баз для постройки в Кондуге церкви. Утраты в стенах также изображены пунктирной линией. Интересно оформлен северный край здания: здесь показана передняя часть пандуса, примыкавшая к выходу из помещения, ко времени раскопок С.В. Киселева не сохранившаяся.

Изображение направления сторон света с указанием севера вычерчено аналогичным

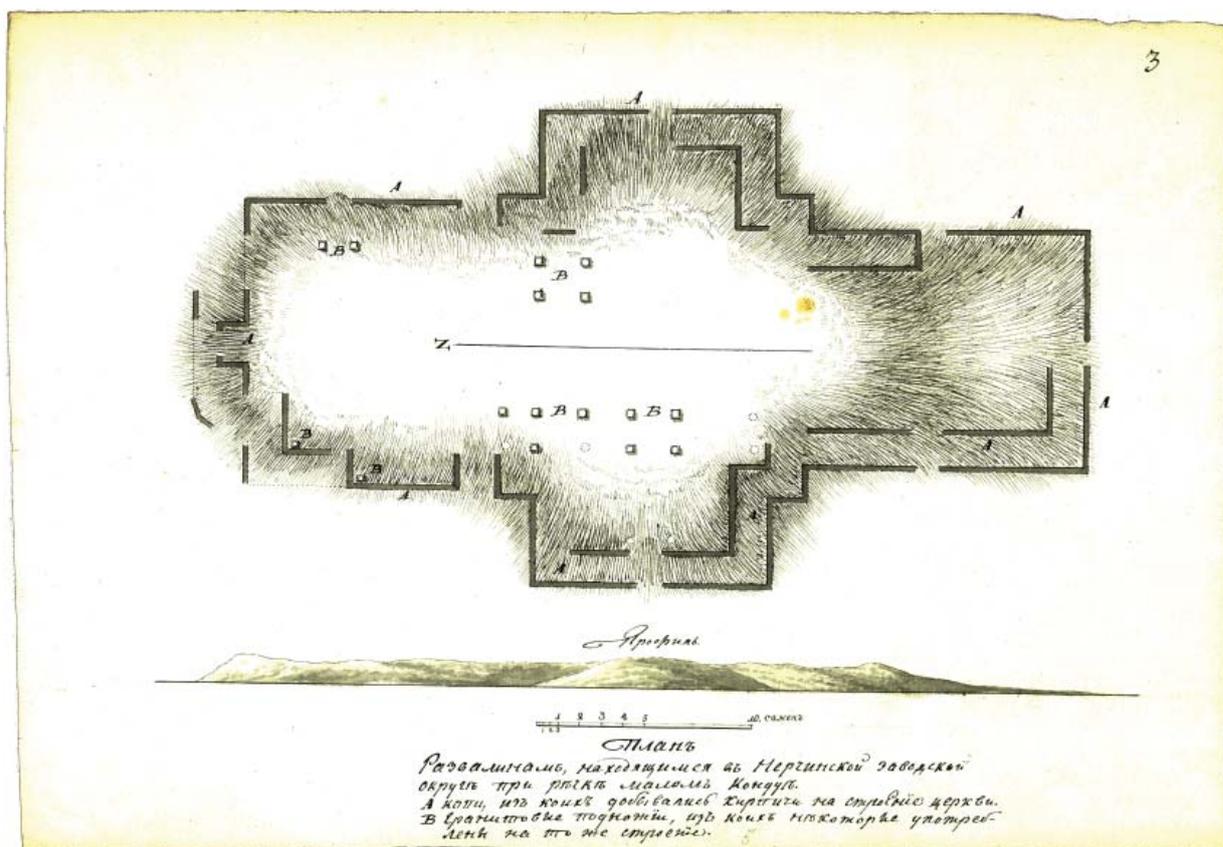

Рис. 4. План развалинам, находящимся в Нерчинской заводской округе при речке Малом Кондуде.

А. копи, из коих добывались кирпичи на строение церкви. В. Гранитовые подножии, из коих некоторые употреблены на тоже строение

Fig. 4. “Plan of ruins in the Nerchinsko-Zavodsky District on the Maliy Kondui river.

A. Mines which were the source of bricks for the construction of the church. B. Granite pedestals, some of which were used for the same construction”

способом, как на предыдущем плане. Оба чертежа, на наш взгляд, выполнены в едином стиле.

На листе 12 (Л. 14) (рис. 5) в левой части листа в масштабе в верхних отобразены гранитные изваяния драконов. Правая часть листа пуста. Рисунок подписан уже известным нам почерком как «Изображение древних высечек из гранита, найденных в Нерчинской заводской округе в Кондуйских развалинах и употребленных к строению церкви». Изображения гранитных драконов показаны на рисунке в изометрической проекции. Первые два верхних рисунка – вид гранитного дракона, некогда украшавшего балюстраду дворца, отрисованный с разных ракурсов. Последний нижний рисунок на листе – изображение протомы дракона, украшавшего углы здания. На рисунке детально изображены морды драконов и передние части их тел. Рисунок выполнен карандашом, тушью и акварелью.

Помимо подписей на чертежах и рисунке, никаких сведений, записок или пояснений в их отношении альбом Фролова не содержит. Одинаковый почерк надписей и близкие по

стилю и содержанию формулировки, оставленные на всех листах, позволяют предположить, что они были снабжены ими позже, одновременно. Сопоставив почерк надписей с известными образцами почерка П.К. Фролова, с большой долей вероятности можно предположить, что они принадлежат Петру Кузьмичу.

Дата создания и авторство. Не вызывает никаких сомнений, что П.К. Фролов обладал необходимым набором знаний, умений и навыков для того, чтобы выполнить чертежи и картографические работы, и одновременно с этим он являлся хорошим художником (Шаповалов, 2014, с. 148; Рафиенко, 2006а, с. 205). По мнению А.П. Уманского, планы могли быть сделаны им во время поездки в Забайкалье, которая состоялась в 1798–1800 гг. Именно к этому времени, пишет Уманский, можно отнести и начало увлечения Фролова древностями (Уманский, 1962, с. 116).

Нерчинский период жизни П.К. Фролова, к сожалению, не слишком подробно описан его биографами. Перед поездкой в Забайкалье он работал на Сузунском медеплавильном заво-

Рис. 5. Изображение высечек из гранита, найденных в Кондуйских развалинах и употребленных к строению церкви

Fig. 5. "Images of granite carvings found in the Kondui ruins and used in the construction of the church"

де, досматривая за заводскими плавильными и надворными работами, а также был занят транспортировкой грузов (Виргинский, 1950, с. 95, Савельев, 1956, с. 172). Командировка на Нерчинские заводы маркшейдера⁴ Фролова состоялась в 1798 г. с целью получить там и сопроводить в Барнаул, на Колывано-Воскресенские заводы, партию необходимого для производства серебра свинца. Для решения поставленной задачи П.К. Фролову поручено было установить возможность сделать это водным путём и составить карту с его описанием (Ламакин, 1953, с. 228). Фролов обследовал и водный, и сухопутный пути. Впоследствии доставка свинца начала осуществляться по Байкалу, рекам Ангаре, Енисею и притоку р. Оби – Кети (Ведерников, 2011, с. 219). Под руководством П.К. Фролова служащими Колывано-Воскресенских заводов, прибывшими вместе с ним, были сняты карты части оз. Байкал, р. Селенги и всего течения р. Ангары, а также всего течения р. Верхней Тунгуски и части р. Енисей. Эти же карты содержали и сведения о геологии обследованного региона (Ламакин, 1953, с. 227–228).

Сразу по возвращении на Алтай весной 1801 г. Фролов занял место маркшейдера, а затем и форстмейстера в Барнаульской чертёжной (Шаповалов, 2014, с. 142, 148).

За составление карты оз. Байкал ему было официально присвоено сперва звание «маркшейдер», обязанности которого Фролов выполнял на протяжении нескольких лет. За выслугу лет в тот же год он получил гиттенфервальтера, а затем и бергмейстера 8-го класса (Савельев, 1956, с. 176; Савельев, 1985, с. 196). В 1802 г. Петр Кузьмич был послан в Петербург и поощрён от имени Государя Императора за составление полного описания Нерчинских плавильных заводов, рудников и округа (Рафиенко, 2006а, с. 206; Савельев, 1951, с. 27).

Однако, на наш взгляд, чертежи и рисунок по крайней мере одного из памятников сибирского альбома – Кондуйского городка, не могли быть подготовлены в период нерчинской поездки. С одной стороны, из изображения Центрального здания (дворца) видно, что оно явно раскопано: часть гранитных баз открыты, также зафиксированы пустоты – вероятно, ямы, оставшиеся от вынутых каменных баз (рис. 5). Если обратиться к подписям, оставленным на плане развалин, то есть дворца, а также рисунку, на котором изображены каменные драконы, то здесь указывается, что они, а также кирпич и гранитные базы использованы при возведении церкви. Несомненно, речь шла о Церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

Рис. 6. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты (1806 г.)
Fig. 6. The Church of the Nativity of the Theotokos and the Holy Martyrs Kirik and Ulita (1806)

дицы и Святых Мучеников Кирика и Улиты, единственной в своем роде, расположенной на территории Кондуйского поселения, при постройке которой был использован строительный материал из развалин Кондуйского городка (рис. 6) (Спасский, 18186, с. 177–178 (118–119)). Это важно, поскольку позволяет приоткрыть завесу времени создания его первых планов.

Обращаясь к историческим фактам, село Кондуй, или Кондуйская слобода, было основано в 1773 г. и заселено казаками Забайкальского пограничного конного войска (Кузнецов, 1925, с. 13). Своей церкви поселение не имело. Вдова Мария Васильевна и дети Симеона Эпова, умершего в 1785 г., переселившись в Кондуй уже после его смерти, обещали ему построить второй придел в Торгинском храме, который располагался на значительном удалении от поселения, на расстоянии более двухсот вёрст. Однако вместо строительства храма в Торге было начато возведение церкви в Кондуйской слободе; при этом использовались каменные базы и изваяния драконов, кирпич (Спасский, 18186; Кузнецов, 1925, с. 22–24; Киселев, 19656, с. 342; и др.). В конце 1804 г. епископ Иркутский и Нерчинский

Вениамин обратился в Священный Синод, в котором поднял вопрос о необходимости постройки церкви в Кондуйском селении (Крадин Н.П., 2002, с. 239–240). Как сообщается в «Прибавлении к Иркутским Епархиальным Ведомостям» 1884 г. священником П. Стуковым, «в 1806 году протоиереем Сухановым, с благословения Божия и иркутского архипастыря, было приступлено к постройке кондуйского храма на средства Эповой. Одновременно было два придела, первый, главный, в честь Рождества Пресвятой Богородицы, второй – во имя святых мучеников, Кирика и Улиты. Этот придел, как строившийся из готового материала, был окончен и освящен в том же году. Придел же в честь Рождества Пресвятой Богородицы сложен только до половины из готового кирпича и камня; другая же, верхняя половина, оного достроена из кирпича, приготовленного на средства Эповой, поэтому окончен он был только к 1815 году" (Стуков П., 1884, с. 505–506).

Таким образом, сопоставив эти данные с надписями на чертежах и рисунке из альбома П.К. Фролова, можно заключить, что съёмка планов памятника никак не может быть датирована концом XVIII в., а именно отрезком

времени 1798–1800 гг. Вероятно, это случилось уже после 1806 г., но не позже 1817 г., когда альбом был куплен Императорской Публичной библиотекой.

П.К. Фролов и Г.И. Спасский. Ещё сибирский краевед Н.С. Щукин в одной из своих статей утверждал, что план кондуйского дворца был вычерчен нерзаводскими горными чиновниками, а Г.И. Спасский опубликовал их в «Сибирском Вестнике» с описанием (Щукин, 1852, с. 84–85). Как уже упоминалось, статья Спасского о Кондуйском памятнике и «Кыркыре» впервые увидела свет в 1818 г. (Спасский, 1818б).

По мнению одного из биографов П.К. Фролова – Н.Я. Савельева, собранные во время командировки в Нерчинск материалы были переданы им В.В. Петрову и Г.И. Спасскому (Савельев, 1956, с. 177). Прямых свидетельств относительно передачи этих материалов для публикации Григорию Ивановичу пока не найдено, по этой причине данный факт на сегодняшний день имел в большей степени косвенный характер. Например, в тексте статьи, в котором приводится описание Хирхиры, имеется указание, сделанное самим автором «Сибирского Вестника» о «присланном» характере сведений (Спасский, 1818б, с. 175 (116)).

Много лет Г.И. Спасский и П.К. Фролов состояли в тёплых дружеских отношениях, о чем свидетельствует опубликованная несколько лет назад их переписка друг с другом (Рафиенко, 2006б, с. 229–260). Почти в каждом письме Петр Кузьмич сообщал, что отыскал, пересылает или отдал на копирование для Г.И. Спасского те или иные материалы, предназначавшиеся для опубликования. По предположению С.А. Пономаревой, они в конечном итоге и представили «значительную часть выпусков «Сибирского Вестника» в период со второй половины 1818 г. до конца 1821 г.» (Пономарева, 2016, с. 65).

В середине прошлого столетия был установлен факт, что полученные Петром Кузьмичом во время нерчинской командировки данные об оз. Байкал без указания авторства были опубликованы в 1821 г. Г.И. Спасским в «Сибирском Вестнике» (Ламакин В.В., 1953, с. 229; Спасский, 1821). О пересылке карты оз. Байкал, подготовленной во время нерчинской командировки П.К. Фроловым, и о многих других материалах сообщалось в одном из его писем Г.И. Спасскому от 3 декабря 1819 г. (Рафиенко, 2006б, с. 253–255). К слову отметить, одна из иллюстраций каменной бабы из

сибирского альбома Фролова, о которой шла речь в начале настоящей работы (Шевченко, 2018, ил. 13), также была опубликована в «Сибирском Вестнике», в разделе «О Сибирских древних курганах». Изваяние выполнено из песчаника, найдено стоящим на кургане. Подрисуночная подпись сообщает, что это и другие изваяния рисунка являются «древними надгробными памятниками саянских степей» (Спасский, 1818а, с. 23 (150)–25 (152), рис. VII: 4).

Г.И. Спасский с 1817 г. являлся почетным библиотекарем Императорской публичной библиотеки (Шилов Л.А., 1995, с. 486–489), так же как и П.К. Фролов, и имел доступ ко многим библиотечным материалам.

Сопоставив иллюстрации из «Сибирского Вестника» с публикуемыми в этой работе планами и рисунком, становится очевидным, что рисунки в статье Спасского, посвященной забайкальским древностям, – не слишком хорошая копия материалов Фролова (Спасский, 1818б, рис. XIX–XXI). Существует большая вероятность, что и описания, приведенные Спасским, также принадлежат перу Петра Кузьмича.

Заключение. Бесспорно, забайкальские материалы П.К. Фролова обладают огромной ценностью. Представленные в статье планы и рисунок средневековых монгольских городов – Кондуйского городка и Хирхирина, несмотря на некоторые неточности, уникальны, выполнены на профессиональном уровне и действительно являются самым ранним источником по истории изучения двух вышеупомянутых памятников, даже несмотря на уточнение времени их создания. Обращая внимание на качество материалов, можно сказать, они ничуть не хуже, а во многом даже детальнее, информативнее и точнее, чем, например, планы городищ, которые были сняты горными инженерами в более поздний период времени. Ценность планов Фролова заключается еще и в том, что это – фиксация, некий временной срез, свидетельствующий, к сожалению, о разрушении уникальных объектов археологии уже в первом десятилетии XIX в.

Изучение планов памятников позволило получить новые сведения, касающиеся архитектурных остатков дворцового здания Кондуйского городка, значительно дополняющие уже имеющиеся данные. Это дает возможность в будущем пересмотреть известные архитектурные реконструкции строительных объектов (Минерт, 1985, с. 201–208,

рис. 4–6, Ткачев, 1989, с. 29–30, рис. 9) и предположить новые как отдельных зданий, так и планировочной структуры обоих средневековых памятников.

Сведения «Альбома рисунков различных сибирских древностей» Петра Кузьмича Фролова послужили источником для статьи Г.И. Спасского, опубликованной в «Сибир-

ском Вестнике» в 1818 г., сообщившего первым в периодической печати о забайкальских «достопамятностях» и, несомненно, прославившего их.

Благодарности. Автор выражает огромную благодарность сотрудникам Отдела рукописей РНБ Елене Эриковне Шевченко и Павлу Андреевичу Медведеву.

Примечания:

¹ Российская национальная библиотека в г. Санкт-Петербурге имеет более чем 200-летнюю историю. В разные исторические периоды она была известна под разными названиями: от своего основания в 1795 г. и до 1917 г. – Императорская Публичная библиотека (ИПБ), в советский период времени называлась Публичной библиотекой; начиная с 1932 г. – Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

² РНБ, Ф. IV. 184

³ По русской системе мер 1 сажень равна 2,1336 м, в сажени 3 аршина. В аршине 16 вершков, что соответствует 71,12 см. 1 вершок равняется 4,45 см.

⁴ Маркшейдер – 9-й класс горного чина по табели о рангах, применявшейся до 1834 г. В служебные обязанности маркшейдера, помимо различных горных работ, входило и «выполнение планов, разрезов и профилей и т. д.» (Виргинский, 1950, с. 82).

ЛИТЕРАТУРА

Баркова Л.Л. Предметы звериного стиля из коллекции П.К. Фролова // Степи Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Книга II. СПб: ГЭ, 2003. С. 14–19.

Баркова Л. Л., Горбунов В. В., Тишкин А.А. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П.К. Фролова // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 99–102.

Блескина О.Н. Западноевропейские рукописи из собраний П.К. Фролова // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. Двенадцатые Загребинские чтения (5–6 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Ж.Л. Левшина. СПб: РНБ, 2018. С. 81–105.

Вакалова Н.В. Деятельность П. К. Фролова как коллекционера: региональный историко-культурный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1. С. 36–39.

Васильева О.В. «Из собрания Петра Фролова»: искусство книги Востока // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. Двенадцатые Загребинские чтения (5–6 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Ж.Л. Левшина. СПб: РНБ, 2018. С. 73–80.

Ведерников В.В. П.К. Фролов: личность и эпоха // Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины – 20 лет / сост. В.П. Кладова. Барнаул: РИО АКУНБ, 2011. С. 216–232.

Виргинский В.С. Замечательные русские изобретатели Фроловы. М.: Государственное научно-техническое издательство машиностроительной литературы, 1950. 152 с.

Гришаев В. Пётр Козьмич Фролов // Алтайские горные инженеры. Барнаул: День, 1999. С. 144–154.

Грязнов М.Б. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. М.-Л.: АН СССР. 1947. С. 9–17.

Киселев С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965а. С. 23–58.

Киселев С.В. Дворец в Кондуде // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965б. С. 325–369.

Константинов А.В. Кондудийский городок // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 173–174.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 121–156.

Крадин Н.П. Архитектурные памятники Кондуды // Археология и культурная антропология Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 233–244.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Проконец С.Д. Новые исследования Кондудийского городка // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между

Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 167–171.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное дело, 1925. 64 с.

Ламакин В.В. Первая геологическая съемка р. Ангары // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 2. / Отв. ред. В.В. Тихомиров. М.: АН СССР, 1953. С. 225–230.

Левшина Ж.Л. Греческая и южно-славянская части собрания П.К. Фролова // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. Двенадцатые Загребинские чтения (5-6 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Ж.Л. Левшина. СПб: РНБ, 2018. С. 44–72.

Марсадалов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // СГЭ. Вып. XLVII. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1982. С. 30–33.

Матвеева И. Г. Археологические и этнографические предметы в стенах Императорской Публичной библиотеки // Вестник СПбГИК. 2013. №4 (17). С. 45–53.

Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры в Монголии / Отв. ред. Р.С. Василевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 184–209.

Спасский Г.И. О сибирских древних курганах // Сибирский Вестник. 1818а. Ч. 2. кн. 1. С. 147–177 (20–50).

Спасский Г.И. Памятники древности в Сибири Северной и Восточной // Сибирский Вестник. 1818б. Ч. 4. С. 167–182 (108–123).

Спасский Г.И. Записки о Сибирских древностях (Из Сибирского Вестника). СПб., 1819. 474 с.

Спасский Г.И. Описание Байкала // Сибирский Вестник. 1821. Ч. 13. С. 1–26.

Спасский Г.И. Описание Байкала // Сибирский Вестник. 1821. Ч. 14. С. 27–38

Передаточная опись собрания рукописей П.К. Фролова. Публ. О.Н. Блескиной, О.В. Васильевой, Е.Э. Шевченко // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. Двенадцатые Загребинские чтения (5-6 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Ж.Л. Левшина. СПб: РНБ, 2018. С. 106–133.

Пономарёва С.А. «Журнал моего путешествия по Сибири...» – о «Сибирском (Азиатском) Вестнике», издаваемом Г.И. Спасским в 1818–1827 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 63–69.

Рафиенко Л.С. Горный инженер П. К. Фролов – деятель отечественной культуры // Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв.: Избранное. Новосибирск: Сова, 2006а. С. 201–228.

Рафиенко Л.С. Приложение. Переписка П. К. Фролова // Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв.: избранное. Новосибирск: Сова, 2006б. С. 229–275.

Савельев Н.Я. Исследование пути на восток по притокам Оби, Енисея и Амура на рубеже XVIII-XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. 1. / Науч. ред. В. А. Скубневский. Барнаул, 1956. С. 156–178.

Савельев Н.Я. Петр Кузьмич Фролов: Жизнь и деятельность новатора русской техники XIX века. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1951. 144 с.

Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. 1. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. 375 с.

Стуков П. Извлечение из церковной летописи кондуйской Богородице-Рождественской церкви и легендарное бурятское сказание о происхождении названий Кондуйского караула и окрестных местностей // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. № 45. С. 501–514.

Ткачев В.Н. История Монгольской архитектуры. М.: МИСИ им. В.В. Куйбышева, 1989. 96 с.

Уманский А. О судьбе собраний П.К. Фролова // Алтай. 1962. №1 (20). С. 114–117.

Шаповалов А.В. Будущий губернатор и утраченный альбом // Наука из первых рук. 2014. Т. 57/58. № 3/4. С. 138–149.

Шевченко Е.Э. Пётр Козьмич Фролов и славянские рукописи его собрания // Коллекции рукописных книг в современном мире: хранение и изучение: сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. Двенадцатые Загребинские чтения (5–6 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Ж.Л. Левшина. СПб: РНБ, 2018. С. 9–43.

Шилов Л.А. Спасский Г.И. // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биографический словарь Т. I. / Гл. ред. Л.А. Шилов. СПб.: РНБ, 1995. С. 486–489.

Щукин Н. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Ч. 4. №14 (Июль). Кн. 2. С. 61–68.

Информация об авторе:

Бакшеева Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); sarantseva@mail.ru

REFERENCES

- Barkova, L. L. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 14–19 (in Russian).
- Barkova, L. L., Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 99–102 (in Russian).
- Bleskina, O. N. 2018. In Levshina, Zh. L. (ed.). *Kollektsii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie (Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Study)*. Saint Petersburg, 81–105 (in Russian).
- Vakalova, N. V. 2008. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia (The world of Science, Culture, Education)* 1. 36–39 (in Russian).
- Vasil'eva, O. V. 2018. In Levshina, Zh. L. (ed.). *Kollektsii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie (Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Study)*. Saint Petersburg, 73–80 (in Russian).
- Vedernikov, V. V. 2011. In Kladova, V. P. (comp.). *Izbrannye stranitsy: Klubu liubitelei altaiskoi stariny – 20 let (Selected Pages: The 20th Anniversary of Altai Antiquity Amateur Club)*. Barnaul, 216–232 (in Russian).
- Virginsky, V. S. 1950. *Zamechatel'nye russkie izobretateli Frolovy (Frolovs, the Remarkable Russian Inventors)*. Moscow (in Russian).
- Grishaev, V. 1999. In *Altaiskie gornye inzhenery (Altai Mining Engineers)*. Barnaul: "Den" Publ., 144–154 (in Russian).
- Gryaznov, M. B. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVIII, 9–17 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1965a. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 23–58 (in Russian).
- Kiselev, S. V. 1965b. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 325–369 (in Russian).
- Konstantinov, A. V. 2011. In Geniatullin, R. F. (chief-ed.). *Malaiia entsiklopediia Zabajkalia: Arkheologiia (Small Encyclopedia of Transbaikalia: Archaeology)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Korol, G. G., Kon'yakova, L. V. 2012. In Sovetova, O. S., Korol, G. G. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii (Iconographic and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia)*. Moscow, Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 121–156 (in Russian).
- Kradin, N. P. 2002. In Kradin, N. N. (ed.). *Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia Dal'nego Vostoka (Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East)*. Vladivostok: Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 233–244 (in Russian).
- Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V., Prokopets, S. D. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires")*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 167–171 (in Russian).
- Kuznetsov, A. K. 1925. *Razvaliny Konduiskogo gorodka i ego razvaliny (Ruins of the Konduisky Town and its Neighbouring Area)*. Vladivostok: "Knizhnoe delo" Publ. (in Russian).
- Lamakin, V. V. 1953. In Tikhomirov, V. V. (ed.). *Ocherki po istorii geologicheskikh znani (Essays on the History of Geological Knowledge)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 225–230 (in Russian).
- Levshina, Zh. L. 2018. In Levshina, Zh. L. (ed.). *Kollektsii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie (Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Study)*. Saint Petersburg, 44–72 (in Russian).
- Marsadolov, L. S. 1982. In *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 48. Leningrad: The State Hermitage Publ. 30–33 (in Russian).
- Matveeva, I. G. 2013. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Instituta kul'tury (Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture)* 17(4). 45–53 (in Russian).
- Minert, L. K. 1985. In Vasilevsky, R. S. (ed.). *Drevnie kul'tury v Mongolii (Ancient Cultures in Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 184–209 (in Russian).
- Spassky, G. I. 1818a. In *Sibirsky Vestnik (Siberian Herald)* 2 (1), 20–50 (in Russian).
- Spassky, G. I. 1818b. In *Sibirsky Vestnik (Siberian Herald)* 4, 167–182 (108–123) (in Russian).

- Spassky, G. I. 1819. *Zapiski o Sibirskikh drevnostiakh (Iz Sibirskogo Vestnika (Notes on Siberian Antiquities (From the Siberian Bulletin))*. Saint Petersburg (in Russian).
- Spassky, G. I. 1821. In *Sibirsky Vestnik (Siberian Herald)* 13, 1–26 (in Russian).
- Spassky, G. I. 1821. In *Sibirsky Vestnik (Siberian Herald)* 14, 27–38 (in Russian).
- Bleskina, O. N., Vasil'eva, O. V., Shevchenko, E. E. 2018. In Levshina, Zh. L. (ed.). *Kollektsii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie (Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Study)*. Saint Petersburg, 106–133 (in Russian).
- Ponomareva, S. A. 2016. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanitarian Sciences in Siberia)* 23 (3). 63–69 (in Russian).
- Rafilenko, L. S. 2006. In Rafilenko, L. S. *Problemy istorii upravleniia i kul'tury Sibiri XVIII-XIX vv.: izbrannoe (Issues of the History of Management and Culture of Siberia in the 18th-19th cc.: Selected Works)*. Novosibirsk: "Sova" Publ., 201–228 (in Russian).
- Rafilenko, L. S. 2006. In Rafilenko, L. S. *Problemy istorii upravleniia i kul'tury Sibiri XVIII-XIX vv.: izbrannoe (Issues of the History of Management and Culture of Siberia in the 18th-19th cc.: Selected Works)*. Novosibirsk: "Sova" Publ., 229–275 (in Russian).
- Savel'ev, N. Ya. 1956. In Skubnevsky, V. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 1. Barnaul :, 156–178 (in Russian).
- Savel'ev, N. Ya. 1951. *Pyotr Kuz'mich Frolov: Zhizn' i deiatel'nost' novatora russkoi tekhniki XIX veka (Petr Kuzmich Frolov: Life and Activities of an Innovator of the 19th Century Russian Technology)*. Novosibirsk: "Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Savel'ev, N. Ya. 1985. *Syny Altaia i Otechestva (Sons of Altai and Fatherland)*. 1. Barnaul: "Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Stukov, P. 1884. In *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti (Irkutsk Diocesan Bulletin)* 45, 501–514 (in Russian).
- Tkachev, V. N. 1989. *Istoriia Mongol'skoi arkhitektury (History of Mongolian Architecture)*. Moscow (in Russian).
- Usmanskyy, A. 1962. In *Altai*. 20 (1). 114–117 (in Russian).
- Shapovalov, A. V. 2014. In *Nauka iz pervykh ruk (First-hand science)* 57/58 (3/4). 138–149 (in Russian).
- Shevchenko, E. E. 2018. In Levshina, Zh. L. (ed.). *Kollektsii rukopisnykh knig v sovremennom mire: khranenie i izuchenie (Collections of Handwritten Books in the Modern World: Storage and Study)*. Saint Petersburg, 9–43 (in Russian).
- Shilov, L. A. 1995. In Shilov, L. A. (chief-ed.). *Sotrudniki Rossiiskoi natsional'noi biblioteki – deiateli nauki i kul'ury (Specialists of the National Library of Russia - Scientific and Cultural Workers)* 1. Saint Petersburg: National Library of Russia, 486–489 (in Russian).
- Shchukin, N. 1852. In *Moskovitianin (Moskvityanin)* 14 (4). Book 2. 61–68 (in Russian).

About the Author:

Baksheeva Svetlana E. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; sarantceva@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

СЫРОДУТНЫЕ ГОРНЫ НИЖНЕЙ АНГАРЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

© 2021 г. П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова

В статье приводятся новые материалы из южнотаежной зоны Нижнего Приангарья по теплотехническим объектам раннего железного века, Средневековья и Нового времени, использовавшимся для получения металлического железа из рудного. Приводятся источники по их археологическому изучению, степени сохранности и радиоуглеродной датировке. На основе особенностей конструкции сыродутные горны для получения железа разделены на три типа: с камерой цилиндрической формы из глины; с камерой кубическо-цилиндрической формы, сложенной из камней и глины; с камерой кубической формы, вылепленной из глинистой почвы. Сыродутные горны в обязательном порядке имели основания, устроенные в яме. К индивидуальным и хронологическим особенностям горнов отнесены форма камер, их устройство, присутствие плоских камней на дне плавильных камер, способы возведения наземных надстроек, использование органических материалов при их сооружении, наличие или отсутствие пригорных ям. Горны с цилиндрической камерой из глины использовались в районе исследования на всем протяжении эпохи металла, их изменение во времени связано с устройством дна камеры. Горны с кубовидной камерой изменяются во времени по использованию материала строительства: ранние сделаны из глинистых почв, поздние – из камней и глины. Выделенные типы горнов на Нижней Ангаре близки между собой и отражают развитие одной технологической традиции, появившейся в тесинское время с распространением памятников шилкинской культуры, входящей в круг культур хуннского мира.

Ключевые слова: археология, Нижнее Приангарье, ранний железный век, средневековье, металлургия, сыродутный горн, хронология.

CATALON FURNACES OF LOWER ANGARA: PRELIMINARY STUDY RESULTS

P. V. Mandryka, P. O. Senotrusova

The paper features new materials from the southern taiga zone of the Lower Angara region on thermal engineering objects of the early Iron Age, the Middle Ages and the New Age, which were used to produce metallic iron from ore. Sources for their archaeological study, state of preservation and radiocarbon dating are provided. Based on the design features, catalon furnaces for iron production are subdivided into the following three types: with a cylindrical chamber made of clay; with catalon furnaces had foundations arranged in pits. The shape of chambers, their structure, the presence of flat stones at the bottom of the smelting chambers, the methods of erecting ground superstructures, the use of organic materials in their construction, and the presence or absence of furnace pits are considered as the individual and chronological features of the furnaces. Furnaces with a cylindrical chamber made of clay were used in the study area throughout the Metal Age, and their change over time is associated with the structure of the chamber bottom. Furnaces with a cubic chamber had changed over time in terms of the use of the construction material: the early ones are made of clay soils, the later ones – of stones and clay. The identified types of Lower Angara furnaces are similar to each other and reflect the development of a single technological tradition which emerged in the Tesino period along with the spread of the monuments of Shilka culture forming a part of the Hunnic world cultures.

Keywords: archaeology, Lower Angara region, the Early Iron Age, the Middle Ages, metallurgy, catalon furnace, chronology.

Введение

Вопросы времени освоения и способы получения кричного железа в Древности и Средневековье в долине нижнего течения реки Ангары неоднократно поднимались российскими исследователями. Первые свидетельства металлургических объектов здесь были задокументированы А.П. Окладниковым в 1937 г., который отмечал железные шлаки в

культурных слоях поселений вместе со средневековой керамикой, украшенной оригинальным тонким гребенчатым орнаментом. Исследователем изучены и небольшие сыродутные горны, не превышающие высоту 40 см и диаметром 25–30 см (Окладников А.П., 1937). Масштабные раскопки металлургических комплексов были проведены им только в верховьях Ангары на островах Сосновом

и Лесном (Окладников А.П., 1952; 1953). В последней четверти XX в. свидетельства черной металлургии изучались на многих памятниках по ангарским берегам, но достаточно полно опубликованы лишь материалы со стоянок в устьях рр. Илим, Кова, Пашина, Чадобец и Карабула (Васильевский, Аксенов, 1971, с. 164; Гладилин, 1985; Леонтьев, Дроздов, 2005; Макаров, 2013, с. 134).

А.В. Гладилиным (1985) на материалах четырех памятников (стоянки Чадобец, Усть-Кова, Усть-Чадобец и в Пашина) были выделены четыре вида теплотехнических сооружений и предложена схема их развития, основанная на усложнении конструкции. По мнению исследователя, горны-сосуды (1 вид: большие сосуды, внутрь которых засыпались руда и уголь, а воздух подавался через сопло) и горны простейшего ямного устройства (2 вид: в виде углубления в земле, обмазанного глиной) относятся к IV–II вв. до н. э. Горны с фурмой (3 вид: усовершенствование второго, к камере, устроенной в ямы с обмазанными глиной стенками, воздух нагнетался через подземный фурмовый проход) относятся к таштыкскому времени, а печи на фундаменте (4 вид: наземные цилиндрической формы, стенки и фундамент сложены из каменных плит, которые углублены в яму и обмазаны глиной) с увеличенной плавильной камерой – к Средневековью и Новому времени.

С началом широкомасштабных работ по сохранению археологического наследия в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС в 2008–2012 гг. обнаружены многочисленные новые данные, свидетельствующие о производстве железа в долине Ангары. Отражены они в статьях А.А. Адамова и П.Г. Данилова (2010), П.Б. Амзаракова и О.В. Ковалевой (2010), Ю.А. Гревцова, Д.Н. Лысенко и Л.Л. Галухина (2010), А.В. Постнова (2010); Е.П. Рыбина, А.А. Кубан, М.Н. Мещерина и Я.В. Фролова (2010), Ю.Н. Гаркуши, А.Е. Гришина, Ж.В. Марченко, Е.А. Казаковой и А.А. Дудко (2012) и полевых отчетах других исследователей, а также в монографиях (Богучанская..., 2015; Стоянка ..., 2016). Имеются сведения о сыродутных горнах, устроенных на берегах наибольших притоков Ангары, в частности на р. Муре (Сенотрусова, 2013; Мандрыка, Сенотрусова, 2013; Мандрыка, Сенотрусова, 2014). Вместе с этими информационными публикациями начинают появляться аналитические статьи о производственных площадках и кричных горнах, о сырье, кузнечном деле и инструментарии древних металлургов

(Князева и др. 2011; Князева, 2011; Кондратов, 2011; Мандрыка, Князева, 2011; Мандрыка и др., 2012; Senotrusova and Mandryka, 2015; Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016; Голубева, 2016). Представленными работами накоплена информация, которая требует обобщения и систематизации.

Сыродутные горны нижней Ангары

Не все виды сыродутных горнов из отмеченных А.В. Гладилиным встречены в ходе широкомасштабных раскопочных работ последних лет. Остались неизвестными тиглососуды, в которых восстанавливалось металлическое железо из рудного, а также ямные горны с фурмовым проходом под землей.

По имеющимся новым данным, сыродутные горны из Нижней Ангары по устройству можно разделить на три типа.

Тип 1. Полуподземные горны с камерой цилиндрической формы, в диаметре круглые, стенки выполнены из слоя глины толщиной 4–6 см (рис. 1, 2). Основанием они устраивались в яме несколько больших размеров, чем рабочая камера. В некоторых сохранившихся горнах дном камеры служил плоский камень (на поселениях Проспихинская Шивера-I и IV) или дно оставалось земляным (Пашина, объект 12). Наземная часть продолжала подземную и повторяла ее цилиндрическую форму. Горны различаются размерами камер: внутренний диаметр от 10–12 до 25 см, при глубине сохранившейся подземной части от 10–17 до 50 см. В заполнении камер горнов отмечена углистая почва, отдельные куски шлака. Достаточно часто в культурных слоях поселений печи этого типа разрушены полностью, но от них сохраняются разбросанные по слою куски глиняной обмазки, шлаки и пятна прокаленной почвы. Возле печей иногда отмечаются пригорные ямы размерами более 1 м и глубиной до 0,3 м. В них фиксируются куски железного шлака и другие находки культурного слоя. Можно предположить, что в них размещались воздуходувные меха. Сопла приставлялись к стенкам камер на уровне древней поверхности.

Тип 2. Полуподземные горны с камерой кубическо-цилиндрической формы, сложенной из камней и глины (рис. 3). Характерными особенностями этих горнов является сооружение нижней части камеры из вертикально поставленных камней, использование для их скрепления глины и органических материалов (деревянные колышки или береста). Вероятно, верхняя, наземная часть этих горнов была изготовлена из глины, на что указывает

Рис. 1. Горн с камерой цилиндрической формы из глины. Поселение Проспихинская Шивера-I. Раскопки П. В. Мандрыки 2008 г.

Fig. 1. Furnace with a cylindrical chamber made of clay. Prospikhinskaya Shivera-I site. Excavations by P.V. Mandryka, 2008.

Рис. 2. Плоский камень на дне камеры горна. Поселение Проспихинская Шивера-I. Раскопки П. В. Мандрыки 2008 г.

Fig. 2. Flat stone at the bottom of a furnace chamber. Prospikhinskaya Shivera-I site. Excavations by P.V. Mandryka, 2008.

Рис. 3. Горн с камерой кубической формы из камней и глины. Стоянка Пашина. Раскопки Н.И. Дроздова 1976 г. Экспозиция музея археологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева

Fig. 3. Furnace with a cubic chamber made of stones and clay. Pashin site. Excavations by N.I. Drozdov of 1976. Exposition of the Museum of Archaeology of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

большое число найденных возле них спеченных кусков толщиной до 2–5 см. Наиболее полное представление об этом типе металлургических объектов дают сохранившиеся части домницы стоянки Пашина (Дроздов и др., 1978; Гладилин, 1985; Леонтьев, 1999; и др.), горнов из комплекса Проспихинская Шивера-IV (Сенотрусова Самородский, Мандрыка, 2016) и стоянки Усть-Карабула (Макаров, 2013). Плавильные камеры устраивались в яме прямоугольной формы, размеры сохранившихся частей от 16×38 см глубиной 16 см до 50×75 см глубиной 16 см. Стенки и дно ямы закрывались камнями-плитками: на дне один камень, по стенкам – четыре или более камней, поставленных на ребро. Объем камер различен, сохранились нижние части размерами 15×12×16 см, 23×25×9 см, 36×37×46 см. Воздуходувные проходы устраивались с двух противоположных или сопряженных сторон между камнями либо над ними, керамические сопла примазывалось глиной. Со стороны фурмовых проходов к камере примыкали ямы, в которых, очевидно, помещались воздуходувные меха. Заполнение ям состояло из темно-серой супеси с включением древесных

углей и пятен прокаленной почвы, здесь же встречаются куски железных шлаков, фрагменты обожженной глины и вещи из культурного слоя.

Тип 3. Полуподземные горны с камерой кубической формы (рис. 4). Стенки вылеплены из глинистой почвы над плоским камнем на дне. Представление об этом типе металлургического объекта дает печь хорошей археологической сохранности, открытая на стоянке Итомиура (Мандрыка, Сенотрусова, 2013; Мандрыка, Сенотрусова, 2014). Она была устроена в яме округлой формы диаметром 50 см и глубиной не менее 35 см. На дно ямы был положен плоский камень размерами 30×24×5,5 см. Полость плавильной камеры создавалась забутовкой пространства между стенками ямы, обложенными берестой и каким-то кубовидным предметом (возможно, брусом или квадратной опалубкой из досок). Стенки формовались из суглинистой почвы. Камера с выраженными на дне углами, сохранившаяся высота 20–22 см, размеры ровного дна 24×24 см. В двух противоположных стенках в 8 см выше дна устраивались фурмовые проходы диаметром до 6 см. В них

Рис. 4. Горн с камерой кубической формы из суглинка. Стоянка Итомиура.
Раскопки П.О. Сенотрусовой 2013 г.

Fig. 4. Furnace with a cubic loam chamber. Itomiura site.
Excavations by P.O. Senotrusova of 2013.

вставлялись сопла. С восточной стороны печи отмечена яма размерами $0,7 \times 0,8$ м и глубиной до 24 см с неровным дном, заполненная красной прокаленной почвой с фрагментами древесного угля и мелкими кусками железного шлака. Верхняя часть печи лепилась из глины, она повторяла подземную часть горна, была кубовидной формы высотой не менее 20 см и с толщиной стенок 1–1,5 см.

Обсуждение результатов

Горны первого типа известны на многих памятниках Нижнего Приангарья: на поселении Проспихинская Шивера-I, ОАН о. Каменном-I, стоянке Усть-Кова I, Усть-Чадобец, Сергушкин-1, Пашина (Мандрыка и др., 2012, с. 41; Тимощенко, Быкова, Бочарова, 2013, с. 219; Харевиц и др., 2011, с. 483; Гладилин, 1985, с. 169; Герман, Леонтьев, 2013, с. 62; Стоянка..., 2016, с. 56–61). Подобные углубленные металлургические горны были выделены А.В. Гладилиным в отдельный тип (тип 1б) и датированы им на основании двух радиоуглеродных дат (таблица № 1), а также аналогий с горнами из Минусинской котловины и о. Соснового IV–II вв. н. э. При этом он считал, что наземной части эти горны не имели.

Новые данные показывают, что датировка сыродутных горнов I типа достаточно широка, от IV в. до н. э. до XX века (табл. 1). Датировки скифским временем вызывают сомнения, так как были получены в 1980-е годы еще не в аккредитованных лабораториях. В печах тесинского времени, судя по рисункам, представленным А.В. Гладилиным, дно камеры было глиняным, в печах раннего и развитого Средневековья дном камеры выступал плоский камень, а в печи Нового времени со стоянки Пашина дно камеры оставалось земляным. Изменяются в истории металлургии Приангарья и объемы камеры: в средневековых сыродутных горнах диаметр камеры не превышал 25 см, а в Новое время встречаются камеры диаметром до 40 см. Отмеченное в горне на стоянке Пашина незначительное грушевидное расширение камеры в придонной части (Стоянка..., 2016, с. 60) связано, очевидно, с деформацией стенки из-за ее непрочности (от наличия в земле рядом какой-то пустоты, например, кротовины или хода сгнившего корня дерева, в которую затек расплавленный металл (чугун), что задокументировали авторы раскопок (Стоянка..., 2016, рис. 65, с. 58)).

Таблица 1. Особенности устройства и радиоуглеродная датировка сыродутных горнов из памятников Нижней Ангары

Table 1. Structural features and radiocarbon dating of the catalan furnaces from the Lower Angara sites

№	памятник	Описание печи	дата	лаборатория	ссылка
1	Чадобец	Тигль-сосуд, воздух подавался через сопло	2230±100	(КРИЛ-251)	Гладилин, 1985, с. 168
2	Усть-Кова	Ямный горн, камера обмазана глиной	2450±50	(ГИН-252)	Гладилин, 1985, с. 168
3	Усть-Чадобец	Ямный горн с фурмой, камера в форме овала	2000±100	(КРИЛ-231)	Гладилин, 1985, с. 170
4	В.С. Пашина	Горн на каменном фундаменте в яме, камера цилиндрической формы, с двумя фурмовыми отверстиями	1250±50	(ГИН-1743)	Дроздов и др., 1978; Гладилин, Ермолаев, Леонтьев, 1986, с. 43; Гладилин, 1985, с. 171; Леонтьев, 1999, с. 13, 20; Дроздов, Леонтьев, Привалихин, 2005, с. 54; Леонтьев, Дроздов, 2005
5	Итомиура	Полуподземный горн, камера кубовидной формы, с двумя фурмовыми отверстиями	1660±70	(СОАН-8950)	Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 74
6	ПШ-IV Горн № 7	Полуподземный горн, камера кубической формы, часть стенок сделана из камня	975±35	(СОАН-8639)	Сенотрусова, Самородский, Мандрыка. 2016, с. 142
7	ПШ-IV Горн № 8	Полуподземный горн, камера кубической формы, стенки выложены из камней	680±30	(СОАН-8641)	Сенотрусова, Самородский, Мандрыка. 2016, с. 142
8	ПШ-IV Горн № 9	Полуподземный горн, камера цилиндрической формы, стенки обмазаны глиной	885±25	(СОАН-8640)	Сенотрусова, Самородский, Мандрыка. 2016, с. 142
9	Пашина Объект 9Б	Полуподземный горн, с камерой из глины, разрушен	984±100	(SPb-216)	Стоянка ..., 2016, с. 56
10	Пашина Объект 9А	Полуподземный горн, с камерой из глины, разрушен	2310±120	(SPb-219)	Стоянка ..., 2016, с. 56
11	Пашина Объект 12	Полуподземный горн, камера цилиндрическо-грушевидной формы из глины	135±20	(SPb-215)	Стоянка ..., 2016, с. 56

Горны второго типа найдены на стоянках Пашина, Берямба, Усть-Карабула, Отико II, Проспихинская Шивера-IV (Гладилин, 1985, с. 171; Леонтьев, Дроздов, 2005, с. 390; Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010, с. 510; Макаров, 2013, с. 134; Абдулов, Абдулов, Алтухов, 2013, с. 9; Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016). Горны этого типа были датированы А.В. Гладилиным второй половиной I тыс. н. э., он отмечал, что они могли использоваться вплоть до начала XX века (Гладилин, 1985, с. 171). Горны со стоянки Берямба отнесены авторами работ к Средним векам, точнее к VI–XII вв. (Гревцов, Лысенко,

Галухин, 2010, с. 509). Для двух горнов этого типа, № 7 и № 8 с Проспихинской Шиверы-IV, по углю из заполнения плавильных камер получены радиоуглеродные даты (см. таблицу 1). Их калибровка показывает время сооружения горна № 7 в рамках XI – середины XII вв., а горна № 8 – с конца XIII до начала XIV вв.

Горны третьего типа, как на стоянке Итомиура, открыты еще в устье р. Муры и остаются пока не изученными. Датировка их в интервале III–VI вв. н. э. строится на данных радиоуглеродного датирования (табл. 1) и типологического сопоставления с первыми двумя типами. Представленный тип печей сохраня-

ет строительный элемент печей первого типа (стенки из глины), но придает им новую кубовидную форму, которая станет характерной для горнов второго типа. Отсюда третий тип сыродутных горнов занимает как бы промежуточное положение между первым и вторым типами.

Среди всех известных и опубликованных металлургических объектов Нижнего Приангарья наземные теплотехнические сооружения для получения металлического железа из рудного неизвестны. Объекты, сложенные из камней на поверхности вокруг кострища, могли выступать кузнечными горнами. Сыродутные горны в обязательном порядке имели ямные основания. К индивидуальным особенностям горнов можно отнести форму камер, их устройство, присутствие плоских камней на дне плавильных камер, способы возведения наземных надстроек, использование органических материалов при их сооружении, расположение и количество фурмовых отверстий, наличие или отсутствие пригорновых ям и ряд других признаков. На их взаимном сочетании и выделяются отдельные таксоны.

В сопредельных Нижнему Приангарью районах Сибири теплотехнические металлургические объекты имеют несколько иной вид. В Томском Приобье получение железа из местных руд получает распространение только на рубеже I–II тыс. (Водясов, 2013, с. 128), при этом горны этого региона имели

глиняный купол, сооруженный над небольшой ямой. Диаметр основания сооружения составлял 20–50 см, высота не более 0,7 см (Водясов, 2012, с. 81). В Хакасско-Минусинской котловине в таштыкскую эпоху были широко распространены ямные горны разных размеров, чаще прямоугольной или овальной формы, с фурмой. Меха устанавливались на поверхности (Сунчугашев, 1979, с. 50). В Средневековье получают распространение горны с плавильной камерой прямоугольной формы, сложенные из плит песчаника, часто с пригорновой ямой (Сунчугашев, 1979, с. 99, 111). Датируются подобные сооружения VI–XII вв. В материалах Прибайкалья сыродутные горны также весьма далеки от нижнеангарских горнов (Харинский и др., 2013, с. 120; Харинский, Снопков, 2020). Истоки ангарской черной металлургии следует искать в памятниках хуннского круга культур, с распространением которых начинается широкое использование железа в южных районах Сибири (Мандрыка, 2012; Завьялов, Терехова, 2015).

Выводы

Таким образом, отмеченные сыродутные горны Нижней Ангары близки между собой и отражают развитие одной технологической традиции, появившейся в тесинское время с распространением памятников шилкинской культуры (Мандрыка, 2017). Доминирующим компонентом в ней выступали племена, подверженные влиянию хунну.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Отико II // Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. №2. С. 7–18.

Адамов А.А., Данилов П.Г. Археологические исследования стоянки Серезкино в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 471–474.

Амзараков П.Б., Ковалева О.В. Предварительные результаты исследования памятников стоянка Рожково и остров Сосновый в Кежемском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 483–487.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.

Васильевский Р.С., Аксенов М.П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1971. С. 135–201.

Водясов Е.В. Средневековые сыродутные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестник ТГУ. 2012. № 359. С. 79–83

Водясов Е.В. Начало освоения железорудных месторождений Обь-Томского междуречья // Вестник ТГУ. История. 2013. № 6 (26). С. 126–129.

Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Казакова Е.А., Дудко А.А. Исследование разновременной стоянки и неолитического могильника Усть-Зелинда-1 (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 435–439.

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин Новосибирск: Наука, 1985. С. 167–180.

Гладилин А.В., Ермолаев А.В., Леонтьев В.П. Природно-климатические условия эпохи железного века в Северном Приангарье // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири / Отв. ред. И. В. Асеев, Д. Я. Резун Новосибирск: Наука, 1986. С. 39–54.

Голубева Е.В. Теория и практика экспериментально-трассологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2016. 144 с.

Грецов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 509–514.

Дроздов Н.И., Королева В.И., Пашинов А.М., Привалихин В.И. Исследования в Северном Приангарье // АО 1977 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 226–227.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IV / Отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 50–57.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. К проблеме становления железной индустрии на Среднем Енисее (технологический аспект) // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 212–228.

Князева Е.В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 5. С. 108–116.

Князева Е.В., Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Оводов Н.Д. Поселение раннего железного века и средневековья Проспихинская Шивера IV на Ангаре: палеоэкономический аспект // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2011. С. 193–198.

Кондратов Н.М. Железоплавильные горны комплекса Проспихинская Шивера IV на Ангаре // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиски, открытия / Отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2011. С. 163–164.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 24 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. 1. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 390–393.

Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий / Отв. ред. Л.Л. Карнаухова. Красноярск: КККМ, 2013. С. 130–175.

Мандрыка П.В. О появлении железа в южной тайге Среднего Енисея // Российский археологический ежегодник. № 2 / Глав. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 400–411.

Мандрыка П.В. Культура гуннского времени в южной тайге долины Енисея // VIII Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». г. Чанчунь (Китай), 11–15 сентября 2017 г. Сборник тезисов и авторефератов / Отв. ред. Лин Юан. Чанчунь (Китай): Цзилиньский государственный университет, 2017. С. 217–227.

Мандрыка П.В., Князева Е.В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера I: функционально-трассологический анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 3. С. 155–162.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Производственная металлургическая площадка стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр.: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. Д. Дж. Андерсон и др. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 214–220.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 8. С. 63–81.

Мандрыка П.В., Титова Ю.А., Князева Е.В., Сенотрусова П.О. Поселение Проспихинская Шивера-I на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Вып. V. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2012. С. 31–42.

Окладников А.П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. / Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1937. Д. 222. Л. 16.

Окладников А.П. Отчет об исследованиях на Сосновом и Лесных островах на Ангаре летом 1952 г. / Архив ИИФиФ. 147 л.

Окладников А.П. Отчет о раскопках, осуществленных Ангарской археологической экспедицией на Лесном острове. 1953 г. / Архив ИИФиФ. 125 л.

Постнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Большая Пеленда // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 565–568.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 575–582.

Сенотрусова П.О. Результаты разведочных работ в нижнем течении р. Муры // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VI. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2013. С. 103–111.

Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 136–147.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулёв Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 гг.) / Тр. Богучанской археологической экспедиции Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 168 с.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.

Тимощенко А.А., Быкова М.В., Бочарова Е.Н. Новая металлургическая площадка в Северном Приангарье (по материалам ОАН о. Каменный (60 км I) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Ф.Е. Ажимов. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 218–221.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Томилова Е.А. Исследование стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 482–486.

Харинский А.В., Снопков С.В. Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–VIV вв. // Известие Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 65–93.

Харинский А.В., Снопков С.В., Казанский А.Ю., Матасова Г.Г., Кожевников Н.О., Аmano Т. Металлургический центр Курма-28 (Приольхонье) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 117–120.

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. Blacsmithing of the lower Angara region population in the Middle ages (on materials from Prospikhinskaya Shivera-IV complex) // Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia. Vol. 1 / Ed. by Ya. Murakami and Yu. Esin. Abakan; Ehime: Ehime University Press, 2015. P. 137–144.

Информация об авторах:

Мандрыка Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий сектором археологии, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); pmandryka@yandex.ru

Сенотрусова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); Polllina1987@gambler.ru

REFERENCES

Abdulov, T. A., Abdulov, A. T., Altuhov, V. V. 2013. In *Evrasiia v Kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiia, kul'tury (Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures)* 2, 7–18 (in Russian).

Adamov, A. A., Danilov, P. G. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 471–474. (in Russian).

Amzarakov, P. B., Kovaleva, O. V. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 483–487 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Tsybankov, A. A., Postnov, A. V., Slavinsky, V. S., Vybornov, A. V., Zol'nikov, I. D., Deev, E. V., Prisekailo, A. A., Markovsky G. I., Dudko, A. A. 2015. *Boguchanskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia: ocherk polevykh issledovaniy (2007-2012 gody) (Boguchansk Archaeological Expedition: Essay on Field Studies (2007–2012))*. Series: Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Bulletin of the Boguchansk Archaeological Expedition). 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vasil'evsky, R. S., Aksenov, M. P. 1971. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Field Study Materials of the Far Eastern Archaeological Expedition) 2*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 135–201 (in Russian).

Vodyasov, E. V. 2012. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University) 359*. 79–83 (in Russian).

Vodyasov, E. V. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia (Bulletin of the Tomsk State University: History) 26 (6)*. 126–129 (in Russian).

Garkusha, Yu. N., Grishin, A. E., Marchenko, Zh. V., Kazakova, E. A., Dudko, A. A. 2012. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 18. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 435–439 (in Russian).

German, P. V., Leont'ev, S. N. 2013. In *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii (Archaeological Studies of the Antiquities of the Lower Angara and Adjacent Territories)*. Krasnoyarsk: "KKKM" Publ., 57–72 (in Russian).

Gladilin, A. V. 1985. In Molodin, V. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v raionakh novostroek Sibiri (Archaeological Studies in the New Urban Development Areas of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 167–180 (in Russian).

Gladilin, A. V., Ermolaev, A. V., Leont'ev, V. P. 1986. In Aseev, I. V., Rezun, D. Ya (eds.). *Problemy okhrany i osvoeniia kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri (Issues of Protection and Development of the Cultural and Historical Landscapes of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 39–54 (in Russian).

Golubeva, E. V. 2016. *Teoriia i praktika eksperimental'no-trasologicheskikh issledovaniy nemetallichesкого instrumentariia rannego zheleznoogo veka – srednevekov'ia (na materialakh iuzhno-taevnoy zony Srednei Sibiri (Theory and Practice of Experimental Traceological Studies of Non-Metal Tools of the Early Iron Age – the Middle Ages (Based on Materials from the Southern Taiga Area of Central Siberia))*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University (in Russian).

Grevtsov, Yu. A., Lysenko, D. N., Galukhin, L. L. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 509–514 (in Russian).

Drozdov, N. I., Koroleva, V. I., Pashinov, A. M., Privalihin, V. I. 1978. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 g. (Archaeological Discoveries in 1977)*. Moscow: "Nauka" Publ., 226–227 (in Russian).

Drozdov, N. I., Leont'ev, V. P., Privalikhin, V. I. 2005. . In Drozdov, N. I. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of the Yenisei River Siberia) 4*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 50–57 (in Russian).

Zavyalov, V. I., Terekhova, N. N. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 238*. 318–328 (in Russian).

Knyazeva, E. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 10 (5)*, 108–116 (in Russian).

Knyazeva, E. V., Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O., Ovodov N. D. 2011. In Kharinskii, A. V. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)*. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 193–198 (in Russian).

Kondratov, N. M. 2011. In Drozdov, N. I. (ed.). *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii: problemy, poiski, otkrytiya* (Archaeology, Ethnography, Paleoecology of Northern Eurasia: Issues, Searches, Discoveries). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 163–164 (in Russian).

Leont'ev, V. P. 1999. *Zheleznyi vek Severnogo Priangar'ia* (Iron Age of the Northern Angara Region). Thesis of Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Leont'ev, V. P., Drozdov, N. I. 2005. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories). Vol. 11. Part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 390–393 (in Russian).

Makarov, N. P. 2013. In *Arkheologicheskie issledovaniia drevnosti Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* (Archaeological Studies of the Antiquities of the Lower Angara and Adjacent Territories). Krasnoyarsk: "KKKM" Publ., 130–175 (in Russian).

Mandryka P. V. 2012. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* (Russian Archaeological Yearbook) 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 400–411 (in Russian).

Mandryka, P. V. 2017. In Yuan', L. (ed.). *VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya»*. g. Chanchun' (Kitay), 11–15 sentyabrya 2017 g. *Sbornik tezisov i avtoreferatov (8th International Scientific Conference "Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China", Changchun (China), September 11–15, 2017. Collection of Abstracts and Summaries)*. Chanchun' (Kitay): Jilin State University, 217–227 (in Russian).

Mandryka, P. V., Knyazeva, E. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 10 (3), 115–162 (in Russian).

Mandryka, P. V., Senotrusova, P. O. 2013. In Anderson, D. J., et al. (eds.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies) 1. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 214–220 (in Russian).

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. 2014. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Irkutsk State University). Series: «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 8. 63–81 (in Russian).

Mandryka, P. V., Titova, Yu. A., Knyazeva, E. V., Senotrusova, P. O. 2012. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* (Antiquities of the Yenisei River Siberia) 5. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 103–111 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1937. *Predvaritel'nyi otchet o rabote Angarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1937 g.* (Preliminary report on the work of the Angara archaeological expedition in 1937) Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1937, dossier 222 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1952. *Otchet ob issledovaniyakh na Sosnovom i Lesnykh ostrovakh na Angare letom 1952 g.* (Report on Studies on Sosnovy and Lesnoy Islands on the Angara in the Summer of 1952.) Archive of the Institute of History, Philology and Philosophy (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1953. *Otchet o raskopkakh, osushchestvlennykh Angarskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei na Lesnom ostrove. 1953 g.* (Report on the Excavations by the Angarsk Archaeological Expedition on Lesnoy Island. 1953). Archive of the Institute of History, Philology and Philosophy (in Russian).

Postnov A. V. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories). Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 565–568 (in Russian).

Rybin, E. P., Kuban, A. A., Meshcherin, M. N., Frolov, Ya. V. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories). Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 575–582 (in Russian).

Senotrusova, P. O. 2013. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri* (Antiquities of the Yenisei River Siberia) 6. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 103–111 (in Russian).

Senotrusova, P. O., Samorodskii, P. N., Mandryka, P. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 15 (5), 136–147 (in Russian).

Grishin, A. E., Marchenko, Zh. V., Garkusha, Yu. N., Gurulev, D. A., Shnaider, S. V., Kulik, N. A., Vasiliev, S. K., Kerbs, E. A. 2016. *Stoianka Pashina v Severnom Priangar'e* (issledovaniia 2008–2009 gg.) (Pashin's Site in the Northern Angara Region (Studies of 2008–2009.)). Series: Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi

ekspeditsii (Bulletin Boguchansk Archaeological Expedition). 2. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 193–197 (in Russian).

Sunchugashev, Ya. I. 1979. Drevniaia metallurgiiia Khakasii. Epokha zheleza (*Ancient Metallurgy of Khakassia. Iron Age*). Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Timoshchenko, A. A., Bykova, M. V., Bocharova, E. N. 2013. In Kradin, N. N., Azhimov, F. E. (ed.). *Arkheologiia, etnologiia i antropologiia ATR. Mezhdistsiplinarnyi aspekt (Archaeology, Ethnology and Anthropology of the Asia-Pacific Region. Interdisciplinary Aspect)*. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 218–221 (in Russian).

Kharevich, V. M., Stasyuk, I. V., Akimova, E. V., Gorel'chenkova, O. A., Kuksa, E. N., Mahlaeva, Yu. M., Tomilova, E. A. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 482–486 (in Russian).

Kharinskii, A. V., Snopkov, S. V., Kazanskii, A. Yu., Matasova, G. G., Kozhevnikov, N. O., Amano, T. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 117–120 (in Russian).

Kharinskii, A. V., Snopkov, S. V. 2020. In *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii (Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies)* 16 (3). 65–93 (in Russian).

Senotrusova P.O., Mandryka P.V. 2015. In Murakami, Ya., Esin, Yu. (eds.). *Ancient Metallurgy of the Sayan-Altai and East Asia*. 1. Abakan; Ehime: Ehime University Press, 137–144 (in English).

About the Authors:

Mandryka Pavel V. Doctor of Historical Sciences, Head of the Archaeology Sector, Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; pmandryka@yandex.ru

Senotrusova Polina O. Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Polllina1987@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА И ПОДГОТОВКИ СЫРЬЯ ГОНЧАРАМИ БОЛГАРА: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2021 г. А.А. Куклина, О.Ю. Андрушкевич

Исследование вопросов технологии является одним из приоритетных направлений в изучении гончарства Волжской Булгарии. Петрография значительно дополняет результаты, полученные с помощью классических методов археологии. В ходе проведенных исследований петрографических шлифов керамики I группы Болгарского городища были получены данные относительно трех основных параметров: глинистое вещество, примеси (искусственные и природные) и поровое пространство. В процессе были определены некоторые закономерности использования гончарами Болгара различных видов исходного сырья. Исследование минеральных примесей позволило сделать некоторые выводы о его источниках. Различные виды поровых образований, зафиксированные в шлифах общebolгарской керамики, дают представление о технологии сушки и обжига изделий. В целом результаты петрографии подтверждают сделанные ранее наблюдения об использовании различных видов сырья и технологических приемов в среде гончаров, изготавливавших керамику I группы в Болгаре.

Ключевые слова: археология, петрография, Средневековье, Болгарское городище, керамика, гончарное производство, источники сырья, примеси, пористость.

SPECIFICS OF SELECTION AND PREPARATION OF RAW MATERIALS BY BOLGAR POTTERS: PETHROGRAPHIC ANALYSIS RESULTS

A.A. Kuklina, O.Yu. Andrushkevich

Technology issues are priority directions in the study of Volga Bulgaria pottery. Petrography significantly complements the results obtained using classical methods of archaeology. As results of the petrographic analyses of the I group of ceramics from Bolgar fortified settlement, data were obtained for the following three main parameters: clay matter, impurities (artificial and natural) and pore space. In the process, certain patterns were determined in terms of the use of various types of raw materials by Bolgar potters. A study of mineral impurities has allowed to draw conclusions about its sources. Various types of pore formations identified in thin sections of common Bolgar ceramics provide insight into the technology of drying and firing of the products. In general, petrography results confirm the earlier observations concerning the use of various types of raw materials and technological methods by the potters who crafted group I ceramics in Bolgar.

Keywords: archaeology, petrography, the Middle Ages, Bolgar fortified settlement, ceramics, pottery, raw material sources, impurities, porosity.

Гончарная керамика средневекового Болгара изучается и анализируется уже много лет. В ряде работ, посвященных этому предмету и ставших уже классическими, поднимались вопросы морфологии форм и технологии гончарного производства. Поскольку большую часть в керамическом комплексе Болгара, как и многих других памятников, составляет I группа керамики, выделенная Т.А. Хлебниковой, неудивительно, что именно эта категория находок стала объектом пристального внимания. Вопрос о неоднородности I группы керамики также поднимался, и на основании накопленных результатов предшествующих исследований была предложена методика выделения подгрупп общebolгарской керамики (Куклина, 2018, 2020). Поскольку эта методика разрабатывалась для того, чтобы можно было описывать большие объемы керамиче-

ского материала, она основана на тех признаках, которые видны невооруженным глазом (или с небольшим увеличением). В связи с этим возникла необходимость уточнения ряда технологических вопросов относительно особенностей исходного сырья и подготовки формовочных масс. Метод петрографии уже стал классическим для исследований такого рода. Масса публикаций, освещающих результаты изучения археологической керамики с применением петрографии, является тому доказательством (Внуков, 2006; Бахматова, Куклина, 2014; Кулькова, 2015; Герман, Кулькова, 2019).

Цель исследования заключалась в определении степени различия общebolгарской керамики по трем основным группам признаков: глинистому веществу (матриксу), природ-

ной и привнесенной примеси и поровому пространству.

Первая группа – глинистое вещество – характеризует свойства исходного глинистого сырья и отображает природную составляющую керамического изделия.

Вторая группа – примеси – характеризует все имеющиеся включения, определяется в шлифе в виде обломочного материала различной морфологии и генезиса, отображает как природную, так и искусственную (привнесённую гончаром) компоненту.

Третья группа характеризует поровое пространство и определяется в шлифе в виде пор и пустот разнообразных размеров и форм, отображает исключительно техногенную (возникшую в процессе изготовления гончарного изделия) составляющую.

Для этой цели были отобраны образцы 12 подгрупп общebolгарской керамики (1т, 2т, 3т, 4т, 5т, 1л, 2л, 3л, 4л, 5л, 6л, 7л) и общebolгарской керамики «восстановительного обжига» (с черным черепком) из объектов домонгольского и раннезолотоордынского времени с раскопа СХСII Болгарского городища – всего 126 шт., размером от 5×5 до 10×25 мм¹.

Первая группа признаков – глинистое вещество.

Изучение глин в петрографическом микроскопе уверенно диагностирует следующие параметры: цвет и интерференционную окраску (в параллельных и скрещенных николях), степень поляризации глинистого вещества (степень кристалличности), особенности микро- и макростроения (микротекстура, слоистость, однородность), наличие обломочной примеси. Остановимся подробно на каждом из перечисленных параметров.

Цвет. В целом для большинства исследуемых образцов в шлифах характерен коричневый цвет с многочисленными вариациями: от желтоватых, светло-коричневых тонов до красно-коричневого, бурого и тёмно-коричневого цвета. В незначительном количестве шлифов отмечаются оттенки серого цвета.

Цвет подавляющего большинства шлифов определяется присутствием в образцах минералов из группы гидроокислов железа. Именно эти минералы при обжиге дают характерные красно-коричневые цвета.

В шлифах единичных образцов (подгруппы 7л и «восстановительного обжига») глинистое вещество окрашено в тёмно-бурые, практически чёрные цвета, что делает его непрозрачным и существенно снижает возможности его микроскопического исследования.

Особенности строения. При анализе структуры глинистого вещества в исследованных шлифах каких-либо специфических особенностей для отдельных групп образцов выявлено не было. Большая группа исследованных шлифов содержит своеобразные сгустки и комки, которые легко обнаруживаются в первую очередь по разности цвета между ними и вмещающей матрицей. Нередко подобные образования имеют и отличный от вмещающей породы облик обломочной примеси: иную концентрацию, другой минеральный состав и размер обломков.

Для исключения неопределённости в терминологии предлагается использовать термин “сгустки” для природных включений и термин “комки” для искусственно введенных образований. Последние представляют собой кусочки перетёртой необожжённой глины, добавляемой гончаром в исходное тесто.

Достоверное разделение природных сгустков глины от антропогенных комков (перетёртой необожжённой сухой глины) возможно при наличии трёх основных факторов:

1. Границы образования: в подавляющем большинстве случаев для комков характерны резкие отчётливые границы, наблюдаемые даже при больших увеличениях, для сгустков более типичны расплывчатые, размытые, прерывистые очертания, нередко теряющиеся при значительном увеличении.

2. Наличие “пор облегания”. Большинство комковатых образований имеют либо прерывистую, либо полную оторочку поровым пространством. Толщина такой оторочки составляет десятые (иногда сотые) доли миллиметра и отчётливо наблюдается только в окрашенных шлифах (рис. 4: 4.)

3. Изменение в поляризации вещества. При наблюдении в скрещенных николях для комков характерно “усиление” отличия от вмещающей породы. В противовес этому сгустки часто пропадают или становятся практически не видны. Объяснение этому достаточно простое: природные сгустки, в силу геологических особенностей, не могут существенно отличаться по минеральному составу от вмещающей породы. При обжиге оптические характеристики минералов сгустка и основной массы гончарного теста меняются примерно одинаково. С другой стороны, искусственно привнесённые комки изначально могли иметь иной источник сырья с другим составом глинистых минералов. Поэтому при обжиге изменение степени поляризации

происходит по-разному, что приводит к усилению оптических различий в поляризованном свете.

Размер комков может изменяться в широких пределах от 0,2–1,0 мм до 10–15 мм, для сгустков характерны несколько большие размеры, от 2–3 до 20–25 мм.

Однородность глинистого вещества характеризуется отсутствием в основном матриксе шлифа внутренних микроструктурных несогласий. За достоверно устанавливаемое однородное глинистое вещество принимался такой матрикс, в котором не обнаруживалось видимых в микроскоп явных цветовых переходов, заметных различий в степени поляризации на соседних участках шлифа, очевидных переходов к различным микроструктурам (чешуйчатость, волокнистость и т. п.). В противоположность однородному глинистому веществу выделялось сгустковое. Достоверность выделения сгустков в глинистой матрице определялась наблюдением в поле всего шлифа одного крупного (не менее 3–4 мм) или множества мелких (1–2 мм) сгустков. По итогам исследования во всех шлифах выделено два типа глинистого вещества: однородное и сгустковое. При этом не обнаружено очевидной зависимости между образцами подгрупп «т» (изготовленных с помощью вытягивания на круге) и подгрупп «л» (изготовленных с помощью навыков скульптурной лепки и заглаженных с помощью вращения круга) и однородностью глинистого вещества. Наиболее однотипными по первичному сырью оказались подгруппы 2т, 1л, 3л, 4л, 6л и керамика восстановительного обжига, где фиксируется преимущественно сгустковая глина, и подгруппы 1т и 2л, где в основном зафиксировано однородное сырье. Отметим, что только для одной подгруппы – 5т – установлено использование исключительно сгусткового сырья. В остальных исследованных подгруппах – 3т, 4т, 5л, 7л – наблюдается и сгустковое, и однородное сырье – примерно в равных долях.

Вторая группа признаков – обломочная примесь.

По общему характеру обломочной примеси можно выделить следующие группы.

1. В шлифах доминирует равномерно распределённый обломочный материал алевритовой и тонкопсаммитовой размерности (пример – образец 7л № 3852, рис. 1: 1).

2. Для шлифов характерна обломочная примесь преимущественно тонкопсаммитовой размерности, распределение в матриксе

образца часто неравномерное (пример – образец 1л № 30.2, рис. 1: 2).

3. Незначительное содержание равномерно распределённого обломочного материала различных гранулометрических групп от тонкоалевритового до псаммитового (пример – образец 7л № 22.5, рис. 1: 3).

4. В шлифах отмечается небольшое количество алевритового материала и значительная примесь псаммитовых частиц различного размера, распределение неравномерное (пример – образец 2л 38.2, рис. 1: 4).

Диагностика обломков минералов и горных пород является достоверной тогда, когда определение проводится на зёрнах крупного размера (от 0,3–0,5 мм и больше). Наиболее часто встречающиеся минералы: основной плагиоклаз, кислый плагиоклаз, микроклин, мусковит, амфибол. Их общее количество не превышает в шлифах 2–5% и не является значимым для дальнейших выводов. Доминирующим минералом в составе обломочного материала исследованных шлифов является кварц. Он представлен зёрнами различных размеров: от алевритовых (0,01–0,05 мм) до крупнопсаммитовых (1,0–2,0 мм). По степени окатанности в алевритовой компоненте доминируют слабо окатанные, угловатые, иногда оскольчатые зёрна, в крупных разностях преобладают окатанные и хорошо окатанные зёрна.

По особенностям оптических характеристик можно выделить две разновидности кварца: зёрна с ясным равномерным погасанием (рис. 2: 1) и кварц с волнисто-облачным погасанием, так называемый давленный кварц (рис. 2: 2). Первый кварц заметно преобладает в большинстве исследованных шлифов.

Разделение привнесённой примеси по источникам сырья

Следующим вопросом, который рассматривался в ходе исследований шлифов, был вопрос о возможности идентификации источников сырья. Интересное направление дальнейших работ показало исследование крупной песчаной фракции (0,5–2,0 мм). В шлифах, в которых устанавливается “антропогенная” псаммитовая составляющая, наметилась следующая закономерность. Если минеральный состав алевритовой и мелкопсаммитовой примеси всех исследованных шлифов практически однороден, то крупные обломки минералов и горных пород, вероятнее всего, можно будет разделить на две группы. В составе обломков первой группы значительно преобладают хорошо окатанные кварцевые зёрна с чистым недавленным кварцем.

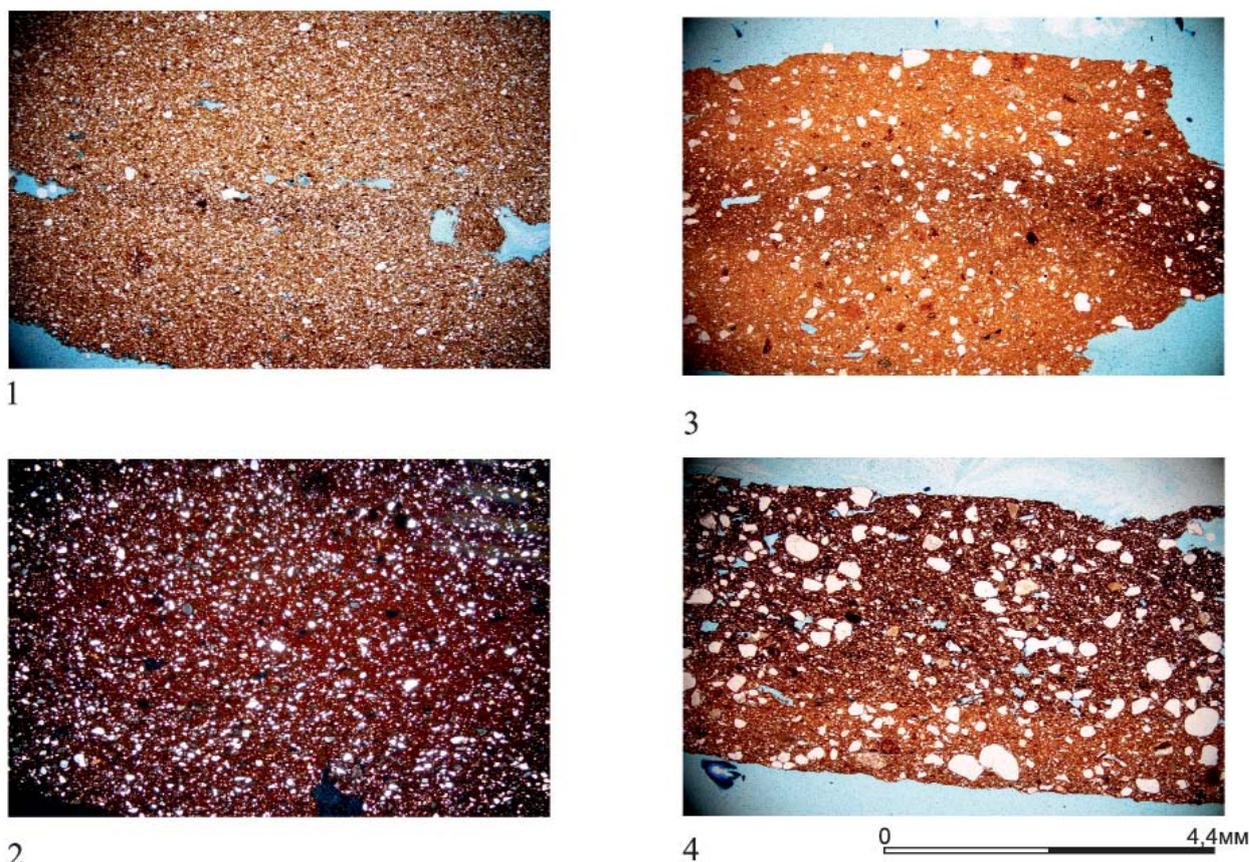

Рис. 1. Обломочная примесь в шлифах керамики I группы, Болгарское городище
Fig. 1. Fragmental admixture in the slides of group I ceramics, Bolgar fortified settlement

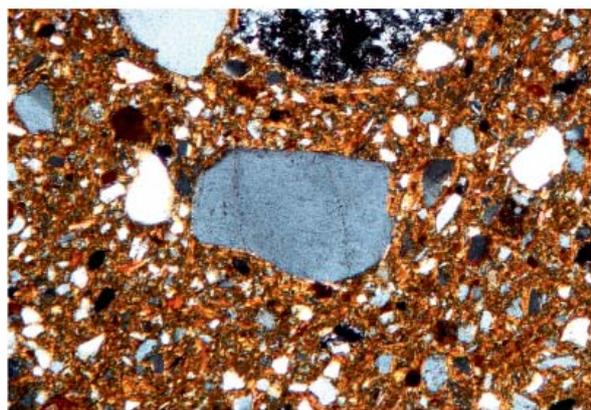
Вторая группа имеет псаммитовую примесь более сложного состава. Наряду с кварцем отмечается некоторое количество обломков горных пород кварц-халцедонового состава: яшма, кварцит, фтанит. Характерно, что оптический облик кварца также несколько меняется – появляются зёрна давленого кварца с волнисто-облачным погасанием. Кроме этого, морфология всех обломочных зёрен также меняется: уменьшается степень окатанности, появляется больше угловатых обломков. Данное наблюдение позволяет предположить, что гончарами использовалось как минимум два сырьевых источника песчаной примеси. Для первой группы, вероятно, брался самый доступный волжский песок. Вопрос о географической привязке второго источника остаётся неизученным. По минеральному составу обнаруживаемая в шлифах крупнопсаммитовая примесь наиболее близка к пескам и слабосцементированным песчаникам неогенового возраста, слагающим речные палеодолыны вблизи Монастырского оврага (Тетюшский район РТ). Подобные же геологические образования располагаются и на левом берегу Волги недалеко от Болгара.

Анализ совокупных факторов песчаной и алевритовой примеси в исследованных

шлифах не выявил очевидных закономерностей. Установлено, что песок добавлялся в глиняное тесто вне зависимости от природного обогащения последнего естественной алевритовой примесью. Следует отметить, что для всех подгрупп «л» (за исключением 3л) и для подгруппы 5т сочетание песчаной и алевритовой примеси очень разнообразно. В подгруппах 1т–4т отмечается более “спокойная” комбинация. Можно предположить, что в последнем случае технология подготовки теста следовала неким традициям, которые устанавливали определённые соотношения в исходной глине и добавляемой примеси. Из всего массива шлифов выделяются образцы подгруппы 3л, в которой (за исключением двух образцов) практически отсутствует искусственная примесь песка и алеврита.

Горные породы в составе обломочной части

Основными породами, уверенно определяемыми в составе обломочной примеси, является группа метаморфических пород кварц-халцедонового состава. Возможно, в шлифах присутствуют обломки и других пород, но малые размеры зёрен не позволяют уверенно и достоверно их определить. Большинство зёрен выделенных пород имеют схожую

1

2

0

0,5мм

Рис. 2. Разновидности кварца в шлифах керамики I группы, Болгарское городище
Fig. 2. Varieties of quartz in the slides of group I ceramics, Bolgar fortified settlement

размерность (0,1–0,3 мм, значительно реже до 1,0–1,5 мм) и степень окатанности от угловатых, слабоокатанных до среднеокатанных, редко хорошо окатанных. Яшма определяется по характерному соотношению тонко- и скрытокристаллического кварца и глинистого вещества (рис. 3: 1). Фтанит – кремнистая порода со значительным количеством углистых чёрных непрозрачных частиц (рис. 3: 2). Кремнистая порода кварц-халцедонового состава определяется по тонко- и скрытокристаллическому строению (рис. 3: 3). Кварцит с характерным мозаичным строением имеет преимущественно мелкокристаллическую структуру, в отдельных зёрнах наблюдаются отчётливые регенерационные каёмки кварца (рис. 3: 4; 3: 5). Помимо зёрен метаморфических пород кварц-халцедонового состава в значительно меньшем количестве отмечены обломки аргиллитов, как правило, хорошо окатанных (рис. 3: 6).

Третья группа признаков – поровое пространство

Для всех изученных шлифов характерно наличие различного по морфологии порового пространства. Общее количество пор в исследованных шлифах укладывается в следующие диапазоны: слабопористые образцы от 1–2 до 5–10 % от общей площади шлифа; образцы средней пористости от 10–12 до 15–20%, сильнопористые образцы от 20% до 30–35% пористости. Во всей изученной выборке только у единичных образцов суммарная пористость превышает 30–35% (например, образец подгруппы 4т № 23.2). Очевидно, что керамика с такими высокими показателями пористости не могла быть прочной и использоваться в быту. Вероятнее всего, подобные обломки

являются технологическим браком и должны исключаться из общего анализа.

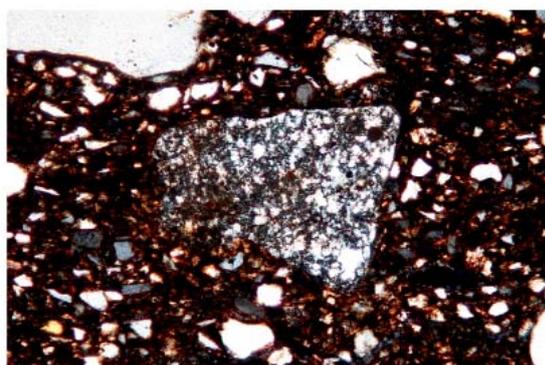
По морфологии все пустотные образования могут быть разделены на следующие группы.

1. Система мелких удлиненных пор: наблюдаются практически во всех шлифах, размер их варьирует от 0,1×0,5 до 0,5×1,5 мм, нередко подобные поры чётко ориентируются по удлинению параллельно краям фрагментов керамики, распределение по площади шлифа равномерное или участками (рис. 4: 1). Предполагаемая причина возникновения подобных пустот связывается с выпариванием воды и уменьшением объёма глиняного теста при сушке и обжиге.

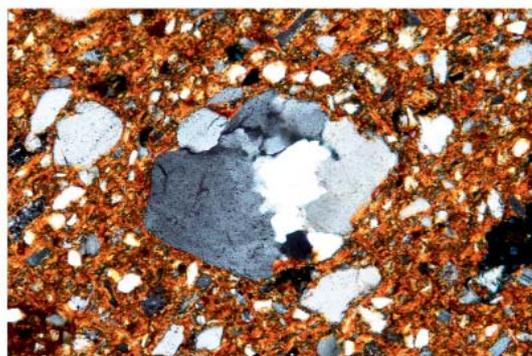
2. Изометричные поры различного размера: встречаются в шлифах значительно реже, имеют размер от 0,05×0,05 до 1,5×1,5 мм, хаотично распределены по площади шлифа, иногда тяготеют к центральным частям обломков (рис. 4: 2). Доминирующим фактором в образовании подобных пор является, видимо, закипание остаточной (после сушки) воды в процессе обжига.

3. Крупные поры: в единичном количестве отмечены во многих образцах, имеют неправильные, часто угловатые формы и размеры от 1,5×2,5 до 2,0×5,0 мм, хаотично распределены по площади шлифа (рис. 4: 3). Образуются, по мнению авторов, в момент формирования керамического изделия при “захвате” глиняным тестом пузырьков воздуха.

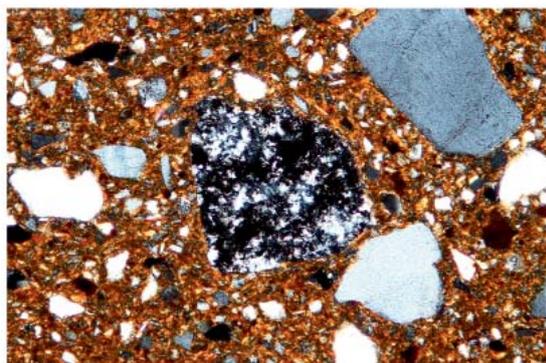
4. “Поры облегания”: предлагаемый авторами термин определяет поровое пространство, образующееся вокруг антропогенных (привнесённых искусственно) зёрен и включений. Фиксируются в шлифах тонкими (до 0,1 мм) прерывистыми или сплошными оторочками по периметру обломков, достоверно

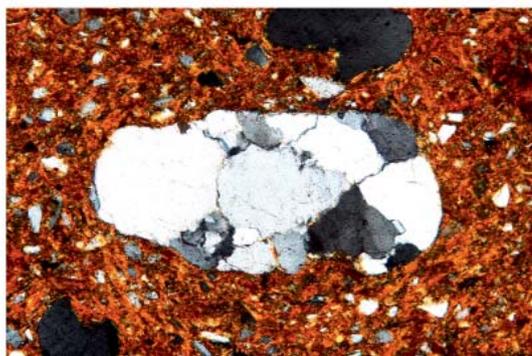
1

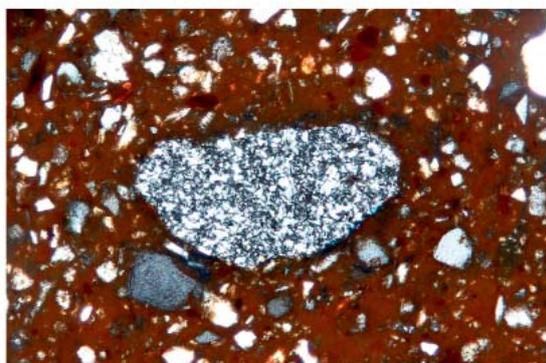
4

2

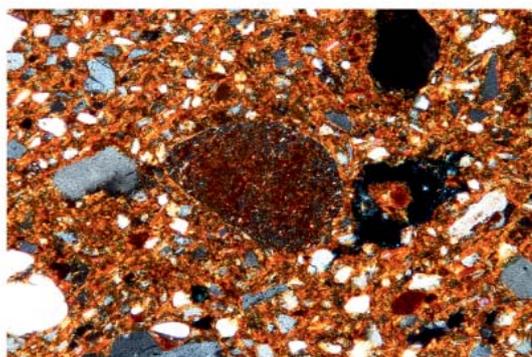

5

3

0 0,5мм

6

0 0,5мм

Рис. 3. Горные породы в составе обломочной части в шлифах керамики I группы, Болгарское городище
Fig. 3. Rocks in the shards and slides of group I ceramics, Bolgar fortified settlement

определяются во многих шлифах, особенно насыщенных псаммитовой примесью и комками шамота (рис. 4: 4). Формирование подобных пустот объясняется отсутствием адгезии глинистого вещества к вновь привнесённым компонентам и уменьшением объёма глиняного теста в процессе сушки и обжига.

5. “Чешуйчатые поры”: встречаются практически во всех шлифах ленточных подгрупп и в единичных шлифах тянутых подгрупп, образуют характерную систему мелких (около $0,005 \times 0,1$ мм) линзовидных “трещинок”, нередко ориентированных параллельно друг

другу или “обтекающих” различные обломки, распределены в шлифах участками (рис. 4: 5). Генезис остаётся невыясненным, возможно, образование подобных пустот объясняется уменьшением объёма некоторых глинистых минералов при дегидратации.

6. Внутренние поры: наблюдаются в единичных шлифах и приурочены исключительно к углефицированной органике и комкам глинистого вещества, характерны неправильные угловатые формы, размер варьирует от первых долей до $0,5-1,0$ мм (рис. 4: 6). Образование их предположительно связывается с

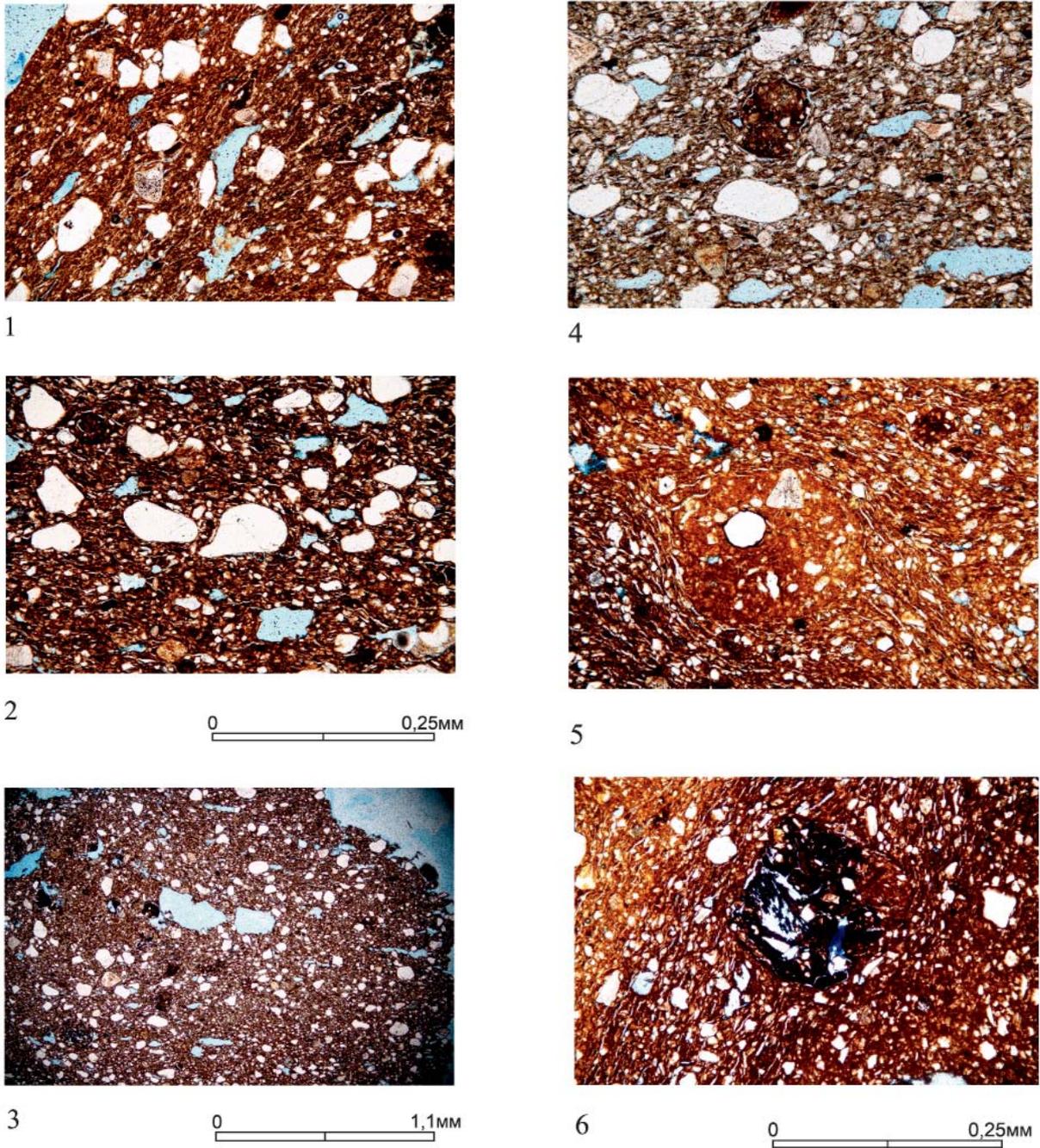

Рис. 4. Поровое пространство в шлифах керамики I группы, Болгарское городище
Fig. 4. Pore space in the slides of group I ceramics, Bolgar fortified settlement

выгоранием органической привнесённой (и/или случайно попавшей) примеси и неравномерным изменением объёма комков и основного глинистого вещества в процессе обжига.

Анализ и сравнение порового пространства позволяет ответить на многие вопросы, связанные с производственными процессами формирования, сушки и обжига керамического изделия.

Подводя итоги, стоит отметить, что петрографические исследования 126 шлифов I группы керамики Болгарского городища позволили сделать следующие выводы:

1. При изготовлении керамики использовалось минимум два сырьевых источника глины: первый снабжал гончаров однородным, второй – сгустковым глинистым материалом.

2. В качестве обязательной добавки в глиняное тесто практически во всей исследованной керамике обнаруживается сухая перетёртая глина.

3. Совместный анализ песчаной и алевритовой примеси позволяет предположить наличие некоторых технологических отличий

в использовании минеральных примесей в тянутых и ленточных подгруппах.

4. Поровое пространство является прямым индикатором технологии формирования гончарного изделия.

Примечание:

¹ Подготовка шлифов и их описание выполнены сотрудником Лаборатории пробоподготовки Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета О.Ю. Андрушкевичем.

ЛИТЕРАТУРА

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследования Болгарского городища 2011-2012 гг.) // Поволжская археология. 2014. №2(8). С. 230–255.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетея, 2006. 320 с.

Герман К.Э., Кулькова М.А. Новые петрографические исследования керамики сперринге с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21.

Куклина А.А. Неполиванная керамика Болгара с раскопов в юго-восточной части городища (по материалам раскопов ССХVI, ССХХI, ССХХIII 2016 г.) // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 185–192.

Куклина А.А. Новые исследования общеболгарской керамики: историко-культурный подход. // Поволжская археология. 2020. №2. С. 228–237.

Кулькова М.А. Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. 2015. №3 (12). С. 100–107.

Информация об авторах:

Куклина Анна Александровна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kuklinanna@mail.ru

Андрушкевич Олег Юрьевич, заведующий Лабораторией, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); gemmaol@bk.ru

REFERENCES

Bakhmatova, V. N., Kuklina, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 230–255 (in Russian).

Vnukov, S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Ch. 2: Petrografiia, khronologiiia, problemyi trgovli (Pontic Amphorae of the 1st Century B.C. – the 2nd Century A.D. Part 2: Petrography, Chronology, Trade Issues)*. Saint Petersburg: “Aleteia” Publ. (in Russian).

German, K. E., Kulkova, M. A. 2019. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Petrozavodsk State University)* 183 (6). 12–21 (in Russian).

Kulkova, M. A. 2015. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 12 (3), 100–107 (in Russian).

Kuklina, A. A. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 185–192 (in Russian).

Kuklina, A. A. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 228–237 (in Russian).

About the Authors:

Kuklina Anna A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Andrushkevich Oleg Yu. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gemmaol@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.130.140>**СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹**

© 2021 г. А.Р. Нуретдинова

Сфероконические сосуды – особая категория посуды полифункционального назначения, часто встречающаяся на средневековых поволжских памятниках археологии. В статье рассматриваются основные типы сфероконусов Царевского городища, хранящиеся в Археологическом музее Казанского федерального университета, Волгоградском областном краеведческом музее, Государственном Эрмитаже, а также форма из камня для изготовления конусообразных сосудов. Обзор этих изделий в контексте изучения сфероконических сосудов с других золотоордынских памятников позволяет установить особенности их бытования на нижневолжских памятниках.

Ключевые слова: археология, сфероконические сосуды, керамика, каменная форма, Золотая Орда, Царевское городище, XIV век, сотовый орнамент.

SPHERO-CONICAL VESSELS FROM TSAREVSKOYE SETTLEMENT²

A.R. Nuretdinova

Sphero-conical vessels are a special category of multifunctional tableware often discovered at medieval Volga archaeological sites. The paper examines the main types of sphero-conical vessels found at Tsarevskoye settlement, deposited in the Archaeological Museum of Kazan Federal University, Volgograd Regional Museum of Local Lore and the State Hermitage, as well as a stone mold for making cone-shaped vessels. A review of these items in the context of the study of sphero-conical vessels from other Golden Horde sites makes it possible to establish the peculiarities of their existence at Lower Volga sites.

Keywords: archaeological, sphero-conical vessels, pottery, stone mold, Golden Horde, Tsarevskoye settlement, 14th century, honeycomb ornament.

Сфероконические сосуды являются достаточно часто встречающимся археологическим материалом на территории Золотой Орды, что говорит об их доступности и широком использовании в быту и ремесле. В отечественной литературе много публикаций, посвященных сфероконусам как отдельных золотоордынских центров: Старый Орхей и Костешты (Абызова, 1982; Полевой, 1969), Белгород на Днестре (Кравченко, 1986), Азак (Масловский, 2006), Укек (Недашковский, 2000), Маджар (Ртвеладзе, 1974), Красноярское и Селитренное городища (Пигарев, 1994), так и в целом с территории Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1994, с. 141–142; Волков, 2004).

Настоящая статья представляет анализ находок сфероконических сосудов с территории Царевского городища (Сарай ал Джедид или Новый Сарай), основанного во второй половине 30-х годов XIV века и просуществовавшего до 1395 года. Руины города обна-

ружены в Волгоградской области на берегу реки Ахтубы, притока Волги.

Самые ранние находки сфероконических сосудов с территории Царевского городища хранятся в Государственном Эрмитаже. Они происходят из раскопок титулярного советника А.В. Терещенко, «известного своими занятиями по части истории и древностей, который и отправлен на место предположенных розысканий, с нужными наставлениями и пособиями» (Древние памятники..., 1843, с. 427), который по приказу министра внутренних дел Л.А. Перовского был направлен для изучения руин золотоордынского города. Работы проходили с 1843 г. по 1851 г. В результате был накоплен большой объем вещественных источников, в том числе керамические изделия. Особенно интересны нам находки сфероконических сосудов и каменной формы (рис. 1–3). Стоит отметить, что в массе своей сосуды хорошей сохранности, что может свидетельствовать о выборке более презент-

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-09-00240 «Царевское городище: изучение материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея».

² The study was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-09-00240 "Tsarevskoye settlement: study of excavation materials from 1961-1968 from the funds of the Archaeological Museum of Kazan Federal University and the State Historical Museum".

тативных форм для дальнейшего музейного хранения. Всего из собрания А.В. Терещенко был изучен 21 сосуд разной степени сохранности.

С 1959 г. начались стационарные раскопки Царевского городища Нижневолжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1964; Федоров-Давыдов и др., 1970). На сегодняшний день материалы раскопок хранятся в Государственном Историческом музее, Волгоградском областном краеведческом музее и Археологическом музее Казанского (Приволжского) федерального университета. Из последних двух научных центров было изучено 5 сосудов во фрагментах и обломках.

Таким образом, на сегодняшний день выборка сфероконических сосудов с Царевского городища составила 26 экземпляров. Условно их можно поделить на 2 блока: 1 – серые и желтые разных оттенков и 2 – красные.

Серые и желтые сфероконусы составляют большинство на памятнике – 22 экз.

Среди серых наиболее многочисленны сосуды темно-серые с массивной головкой с валиком и коническим дном, с «сотовым» или «семечковидным» орнаментом – подтип 2.1.3 по типологии средневолжских сфероконических сосудов (Нуретдинова, 2011, с. 155, рис. 3,3). Валик в основании головки является переходом шляпки в тулово (без горла). Они хорошо узнаваемы благодаря и форме, и броскому орнаменту.

Украшение сосудов «сотовым» («семечковидным») орнаментом появилось в предмонгольское время на Ближнем Востоке, в частности в иорданском Аджлуна (Nicolle, 2016, p. 167), в Иране X–XII вв. (Fehervari, 2000, p. 210, № 275), а затем стало очень популярным на территории Золотой Орды: в Костештах и Старом Орхее (Кравченко, 1986, с. 61, рис. 24, 1–5; Полевой, 1969, с. 135), Болгаре, Старокуйбышевском городище (Нуретдинова, 2011, с. 155), Укеке (Недашковский, 2000, с. 100, рис. 26, 1), Красном Яре и Селитренном городище (Пигарев, 1994, с. 212–213, рис. 1, 9,12), Азаке (Масловский, 2006, с. 418, рис. 44, 1–3), Маджаре (Ртвеладзе, 1974, с. 280–284), Сарайчике (Самашев, Кузнецова, 2008, с. 138). Следует отметить, что ранее в Египте сосуды с «сотовым» орнаментом рассматривались как фатимидско-сельджукские (Скэнлон, 1981, с. 287, рис. 4), современные исследователи относят их к мамлюкскому

периоду (Monchamp, 2016, p. 203; Whitcomb, 2016, p. 181).

Можно выделить несколько вариантов орнамента:

Вариант 1 – сосуды, тулово которых украшено вытянутыми «овалами» или «арками», пространство между ними, как правило, было заполнено т. н. «сотовым», «семечковидным», «кольчужным» штампом, сами «овалы» также могли быть заполнены этим орнаментом (рис. 1: 4, 6, 8; 2: 4–6; 3: 4, 6; 4: 2, 5). Размеры: высота (H) варьирует от 10,5 до 14 см, диаметр тулова (D) – 9,1–10,3 см, толщина дна (Т) – 2,7–3,5 см, высота шляпки (hшл) – 2,6–3 см, диаметр шляпки (dшл) – 3,8–4,1 см, диаметр отверстия (dotв) – 0,6–0,7 см, толщина стенки (t) – 1,9–2,2 см. Количество «арок» варьирует от 7 до 9. Особо следует отметить сосуд с чередующимися 8 маленькими и 8 большими овалами (рис. 2: 4). Интересен факт наличия на некоторых экземплярах штампованных цветков на плечиках, количество которых один (табл. 1: 4, 7, 8) или три (табл. 1: 2). Каково назначение этих цветков на сегодняшний день неясно и требует дальнейшего изучения. Возможно, это пометка о содержимом или месте изготовления. Схожие штампованные узоры на плечиках сфероконусов известны также на Селитренном городище (Нуретдинова, 2018, с. 17, рис. 2, 1), в Костешках и Старом Орхее (Абызова, 1982, с. 172, рис. 1, 5, 7).

Аналогии данным сосудам встречены среди материалов Старого Орхее и Костешт (Абызова, 1982, рис. 1, 7); Маджара (Ртвеладзе, 1974, с. 281, рис. 1, 10), Хорезма (Волков, 2004, с. 159, № 1), Ферганской области (Нуретдинова, 2018, с. 31, рис. 8, 38,41).

Всего с Царевского городища происходит 11 экз., из них 8 – из раскопок А.В. Терещенко (ГЭ), 2 – в фондах Археологического музея КФУ, 1 – в фондах Волгоградского областного краеведческого музея (табл. 1).

Вариант 2 (5 экз.; табл. 2) – сосуды, тулово которых украшено резными линиями, пространство между которыми заполнено «сотовым» орнаментом. Как правило, это были вертикальные двойные линии (рис. 1: 7; 4: 4), но могли быть и более сложные зигзагообразные и пересекающиеся двойные линии (рис. 2: 3). Размеры: H – 12–13,8 см, D – 9,3–9,7 см (Т – 3–4 см, hшл – 2,5–3 см, dшл – 4,2–4,8 см, dotв – 0,7–0,9 см. На одном из сосудов (рис. 1: 2) имеется оттиснутая надпись на арабском «ас Салих», что в переводе – «Благочестивый» (Михальченко, 1974, с. 48).

Таблица 1. Сфероконусы с «сотовым» орнаментом. Вариант 1
Table 1. Spheroconus with a "honeycomb" ornament. Variant 1

№ п/п	Место хранения, Шифр	Размеры, см	Иллюстрация	Примечание
1	ГЭ, Сар-316	H=11,8, D=10,3, t=2,2, hшл=3,1, dшл=4,1, dotв=0,7	Рис. 1,4	9 арок; высота неполная
2	ГЭ, Сар-385	H=14, D=9,3, T=2,7, hшл=3, dшл=4	Рис. 1,6	8 арок; штампованный 3 цветка на плечиках; след от подставки на дне?
3	ГЭ, Сар-387	H=14,5, D=10,7, T=3, hшл=3,2, dшл=4,1, dotв=0,7	Рис. 1,8	8 арок
4	ГЭ, Сар-602	H=14, D=9,4, T=3,5, hшл=3, dшл=4, dotв=0,7	Рис. 2,4	8 больших и 8 малых арок; штампованный цветок на плечиках
5	ГЭ, Сар-603	H=13,5, D=9,1, T=3,5, hшл=3, dшл=4,1, dotв=0,6	Рис. 2,5	9 арок, растительный орнамент
6	ГЭ, Сар-604	H=13,2, D=9,1, T=2,7, hшл=2,6, dшл=3,8, dotв=0,6	Рис. 2,6	7 арок
7	ГЭ, Сар-608	H=8,5, D=9,5	Рис. 3,4	8 арок; штампованный цветок на плечиках; шляпка отбита
8	ГЭ, Сар-610	H=10,5, D=9,2, t=1,55, hшл=2,8, dшл=3,8, dotв=0,6	Рис. 3,6	7 арок; штампованный цветок на плечиках
9	АМ КФУ, АКУ-356/18	4,5x5,2x1,9	Рис. 4,2	Цг-1966г., Р. 2, яма 6, № 1768
10	АМ КФУ, АКУ-356/46	7x5,15x2,2	Рис. 4,3	Цг-1966 г., Р. 2
11	ВОКМ	-	Рис. 4,5	Цг-1962 г., подъемный материал, № 41

Таблица 2. Сфероконусы с «сотовым» орнаментом. Вариант 2
Table 2. Spheroconus with a "honeycomb" ornament. Variant 2

№ п/п	Шифр	Размеры, см	Иллюстрация	Примечание
1	Сар-304	H=12,2, D=9,6	Рис. 1,2	имеется надпись
2	Сар-315	H=13,8, D=9,3, T=3, hшл=3, dшл=4,2, dotв=0,7см	-	3 цветка на плечиках
3	Сар-386	H=12, D=9,4, T=4, hшл=2,8, dшл=4,2 см	Рис. 1,7	коричневая глазурь
4	Сар-601	H=12,8, D=9,7, T=3,6, hшл=2,5, dшл=4,8, dotв=0,9	Рис. 2,3	
5	ВОКМ	-	Рис. 4,4	Цг-64 г., Р. IV, шт. 3, уч. 34, № 28

Ближайшие аналогии найдены в материалах Старого Орхья и Костешт (Абызова, 1982, рис. 1,6; Полевой, 1969, с. 135, табл. XXVIII, 2), Белгорода на Днестре (Кравченко, 1986, рис. 24, 2–5,6), золотоордынских памятников Северной Добруджи (Румыния) (Stănică, Szmoniewski, 2016, с. 337, fig. 15; fig. 19), Маджара (Ртвеладзе, 1974, с. 281, рис. 1,9), Красноярского городища (Пигарев, 1994, с. 213, рис. 1,9), Укека (Недашковский, 2000, с. 100, рис. 26, 3,8; Виноградов, 1922, с. 111, табл. №6, 81), Болгара (Виноградов, 1922, с. 111, табл. № 6,79–80), Баальбека (Vezzoli, 2016, p. 223, fig. 6,1), Бания са (Изра-

иль) (Sharvit, 2007, p. 105–106), Египта (Виноградов, 1922, с. 111, табл. № 6, 82).

Всего 5 сосудов имеют подобный орнамент, из которых 1 хранится в фондах Волгоградского областного краеведческого музея, остальные – в фондах Государственного Эрмитажа (табл. 2).

Вариант 3 (1 экз.) – сосуд серого цвета, тулово которого украшено подтреугольными фигурами из «сотового» орнамента (рис. 3: 1), происходит из коллекции А.В. Терещенко. Размеры: H – 11,8 см, D – 9 см, T – 1,8 см, hшл – 3 см, dшл – 4,2 см. Шляпка частично отбита. Подобные сосуды встречены среди мате-

Рис. 1. Сфероконические сосуды из раскопок А.В. Терещенко, Государственный Эрмитаж.
 Фото из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации
Fig. 1. Sphero-conical vessels from the excavations of A. V. Tereshchenko, State Hermitage.
 Photo from the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation

риалов Селитренного городища (Пигарев, 1994, с. 213, рис. 1,12), Укека, Болгара (Виноградов, 1922, с. 111, табл. № 6, 77), Белгорода на Днестре (Кравченко, 1986, рис. 24, 1; Полевой, 1969, с. 135, табл. XXVIII,1), золотоордынских памятников Северной Добруджи (Румыния) (Mănușu-Adameșteanu, 1984, с. 723, pl. 8, 5, 6), Бания'са (Израиль) (Shavit, 2007, р. 105–106), Хорезма (Волков, 2004, с. 159, № 2), Баальбека (Vezzoli, 2016, р. 223, fig. 6,2), Египта (Виноградов, 1922, с. 111, табл. № 6, 77), в коллекции Л.О. Сиклера из Среднего Поволжья (Нуретдинова, 2018, с. 95, рис. 43,8).

Остальные серые и желтые сфероконические сосуды представлены единично.

Один фрагмент сосуда (рис. 2: 2; Сар-479) серого цвета, эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом, со ступенчатым оформлением верхней части и штампованным орнаментом на тулове схож со сфероконусами подтипа 2.I.13 по типологии средневожских сфероконических сосудов (Нуретдинова, 2011, рис. 3,13). Размеры: 10,5×7,7×0,9 см. Ближайшие аналогии можно встретить среди материалов Болгара (Нуретдинова, 2011, с. 155) и Укека (Недашковский, 2000, рис. 26).

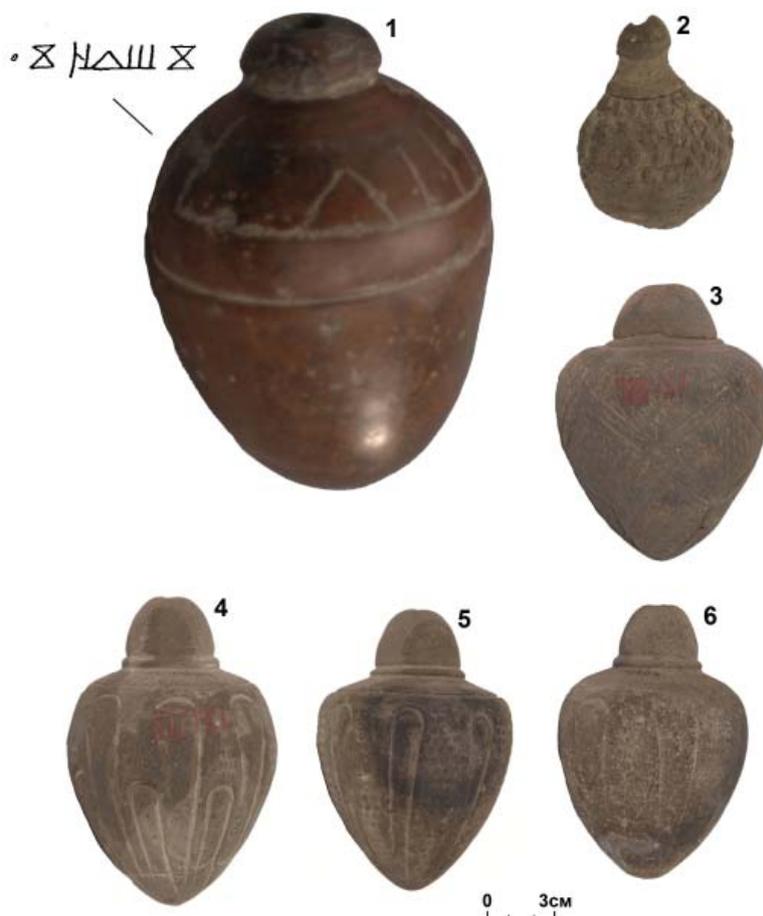

Рис. 2. Сфероконические сосуды из раскопок А.В. Терещенко, Государственный Эрмитаж.
 Фото из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации
Fig. 2. Sphero-conical vessels from the excavations of A.V. Tereshchenko, State Hermitage.
 Photo from the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation

Следующий сосуд из раскопок А.В. Терещенко серо-желтого цвета эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом, с шайбообразной головкой и уплощенным дном (рис. 1, 5; Сар-384). Размеры: Н – 14,8 см, D – 10,7 см, Т – 4,5 см, дшл – 2,8 см. Данные сосуды легко узнаваемы по богатому, выполненному штампом орнаменту по всей поверхности тулова и характеру завершения сосуда (уплощенное дно). Основные орнаментальные мотивы таких сфероконусов: гроздь винограда, миндалевидные розетки, геометрические фигуры (треугольники, звездочки, капли). Могли дополнительно инкрустироваться стеклом или поливными вставками. В нашем случае сосуд украшен каплями и овальными медальонами с несколькими выпуклыми точками. Похожие сосуды найдены в Болгаре (Нуретдинова, 2011, с. 156–157; Виноградов, 1922, с. 111, табл. № 6, 72), Азаке (Масловский, 2006, с. 418, рис. 44, 12–13), в Ани и Двине (Джанполадян, 1982, рис. 2; 3; 5; 14; 15), Туркестане (Городцов, 1926, с. 156, рис. 4), Семиреченской области (Виноградов,

1922, с. 111, табл. № 6, 692), а также в Государственном Эрмитаже (сосуд куплен в Константинополе) (Ленц, 1904, с. 0102, табл. VII).

В эрмитажной коллекции имеется сосуд серо-желтого цвета эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом, со ступенчатым оформлением верхней части и штампованным растительным орнаментом (рис. 3: 2; Сар-606). Размеры: Н – 13 см, D – 9,2 см, Т – 1 см, hшл – 1,8 см, дшл – 3,2 см. На поверхности сфероконуса в придонной части наблюдаются следы копоти. На плечиках имеется пять «семечек» или «капель». Среди памятников на территории Румынии имеются экземпляры, которые сочетают в себе «сотый» и подобный штампованный растительный орнамент. Однако в нашем случае мы имеем группу из 5 «семечек» или «капель». Сосуды с таким орнаментом найдены среди материалов Белгорода на Днестре (Кравченко, 1986, с. 62, рис. 24, 12), Маджара (Волков, 2004, с. 159, № 6), Исакача (Румыния) (Stănică, Szmoniewski, 2016, fig. 8).

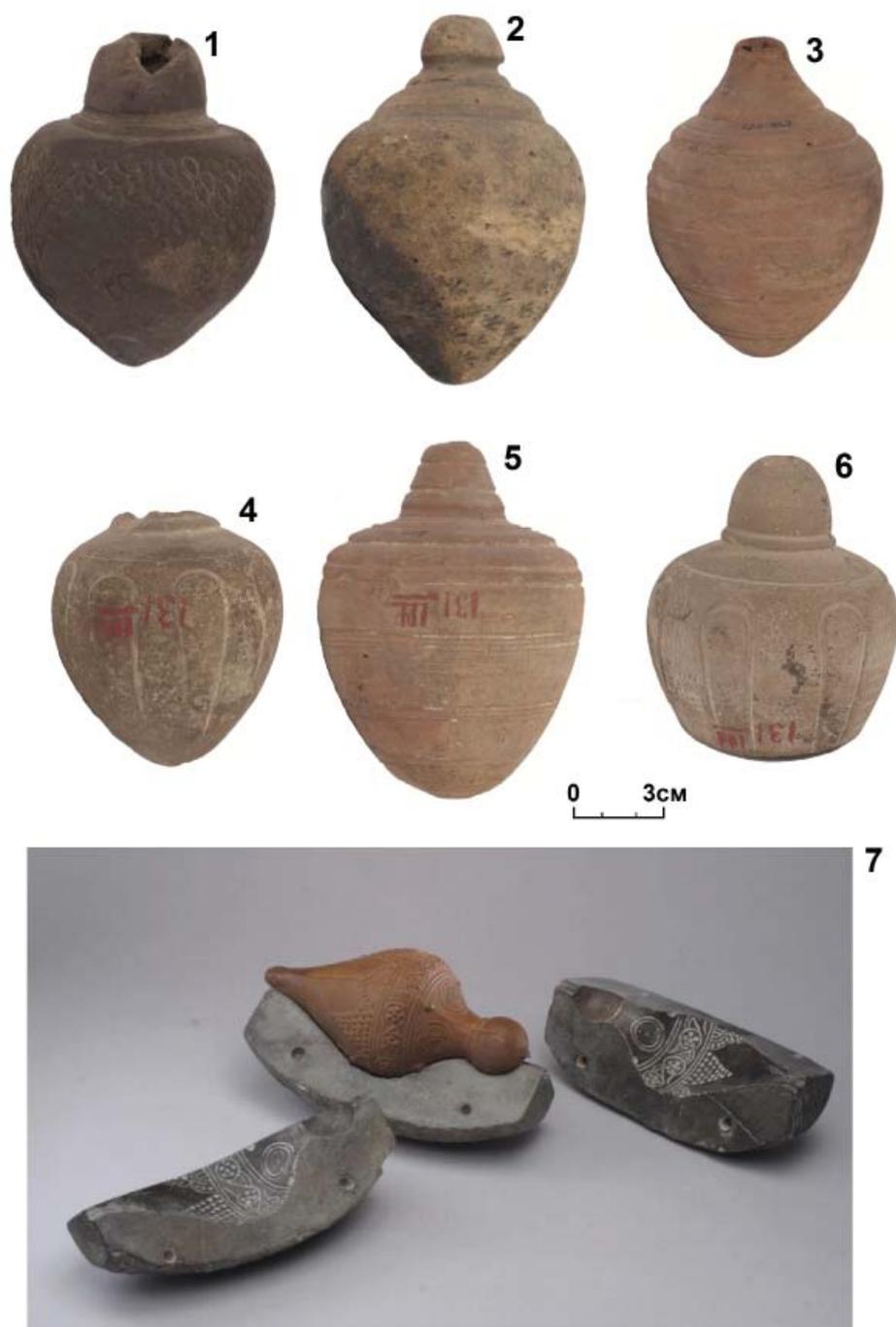

Рис. 3. Сфороконические сосуды из раскопок А.В. Терещенко, Государственный Эрмитаж.

Фото из Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации

Fig. 3. Sphero-conical vessels from the excavations of A. V. Tereshchenko, State Hermitage.

Photo from the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation

Любопытен сосуд желтого цвета эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом (рис. 1: 1), верхняя часть тулова украшена сиренами – фигурами с женскими головами и туловищем птиц. Сосуд происходит из раскопок А.В. Терещенко и хранится в Государственном Эрмитаже (Сар-303). Размеры: Н – 14,8 см, D – 10,7 см. Сфороконические сосуды с антропоморфными изображениями редки (Fehervari, 2000, p. 209, № 272). Нам известен лишь один сосуд с личинами в Саратовском

областном музее краеведения (Кротков, 1926, № 29; Михальченко, 1974, с. 47, рис. 1,2) и обломок сосуда с рельефным изображением всадника из Болгара в фондах ГИМ (Трубникова, 1940, с. 138). Оба сосуда происходят из старых поступлений и не имеют контекста.

В материалах раскопа 2-1964 г. Царевского городища (шт. 2, кв. 135) имеется обломок сфороконуса желтого цвета с нечетким штампованным орнаментом (рис. 4: 1). Фрагмент хранится в Археологическом музее КФУ

Таблица 3. Сфероконусы красноглиняные с резными горизонтальными линиями
 Table 3. Red clay sphericonuses with carved horizontal lines

№ п/п	Шифр	Размеры, см	Иллюстрация	Примечание
1	Сар-607	H=12,1, D=9, T=2, дшл=2,2, dotв=0,6	Рис. 3,3	
2	Сар-609	H=12,6, D=9,3, T=3, дшл=2,7, dotв=0,6	Рис. 3,5	

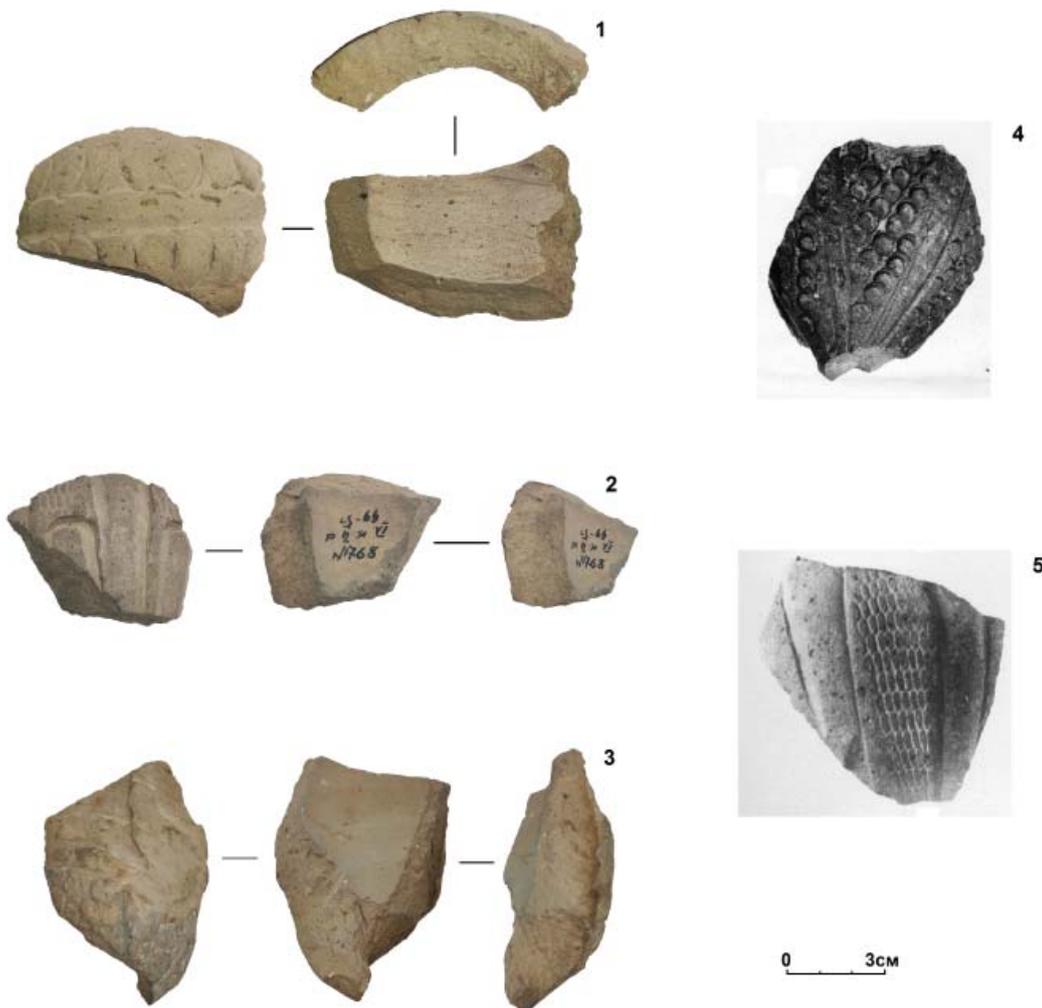

Рис. 4. Сфероконические сосуды из раскопок Г.А. Федорова-Давыдова: 1-3 – Археологический музей КФУ (фото автора), 4-5 – Волгоградский областной краеведческий музей (по: Федоров-Давыдов, 1964, рис. 83; Федоров-Давыдов, 1962, рис. 90)

Fig. 4. Sphero-conical vessels from the excavations of G.A. Fedorov-Davydov: 1-3 – Archaeological Museum of the KFU (photo by the author); 4-5 – Volgograd Regional Museum of Local Lore (after: Fedorov-Davydov, 1964, fig. 83; Fedorov-Davydov, 1962, fig. 90).

(АКУ-354/881). Размеры: 7,75×5,1×1,8 см. С внутренней стороны сфероконус был покрыт ангобом белого цвета.

Малочисленны на памятнике сфероконусы красного цвета – всего 4 экз. Все они хранятся в собрании Государственного Эрмитажа.

Двумя экземплярами представлены сосуды из красножгущейся глины сфероконической формы, с невыразительной шейкой (табл. 3). Они украшены парными резными горизон-

тальными линиями по всей поверхности. Размеры: H – 12,1–12,6 см, D – 9–9,3 см, T – 2–3 см, дшл – 2,2–2,7 см, dotв – 0,6 см. Аналогичные сосуды имеются в материалах Маджара (Волков, 2004, с. 159, № 8), Красноярского городища (Пигарев, 1994, с. 213, рис. 1,13).

Особо выделяется среди красных экземпляров крупный сосуд с залощенной поверхностью (Сар-388; рис. 2: 1). Размеры: H – 20,5 см, D – 13,5 см. В верхней части тулова

имеется надпись. На Билярском городище найдено 13 экземпляров красных сосудов с округлым дном и больших размеров (толщина стенок не менее 3 см) во фрагментах (Нуретдинова, 2011, с. 154). Похожие сосуды известны на Самосдельском городище (Зиливинская и др., 2006, с. 33, рис. 7,1) и в городах Грузии (Valiulina, 2016, 267; Валиулина, 2005, с. 161).

Последний рассматриваемый сфероконус – красного цвета, со шляпковидной головкой и коническим дном (Сар-306, рис. 1: 3), поверхность которого украшена резными горизонтальными линиями и штампованным орнаментом (цветы, круги и т. д.). Размеры: Н – 15 см, D – 11 см.

Особое внимание обращает на себя каменная разъемная форма для изготовления конусообразного сосудика, состоящая из 4 деталей. Ее размеры: 15,6×8 см. Она происходит из раскопок А.В. Терещенко и хранится в Государственном Эрмитаже (Инв. № САР-2, № в Госкаталоге: 5019627). Находки каменных форм для таких сосудов единичны: кроме царевского экземпляра нам известны находки из Софии (Станчева, 1961), Баальбека (Wulzinger et al., 1935, s. 77), Биляра (Джанполадян, 1958, с. 202). Из-за отсутствия находок сосудов, изготовленных в подобных формах, до сих пор нельзя точно сказать, из какого материала делали сосуды – металла, стекла или глины. Одно из последних исследований по изучению каменных форм было произведено болгарским археологом Дияном Йосифовым, который провел ряд экспериментов с помощью специально изготовленных каменных форм (Йосифов, 2015). В качестве материала для изготовления сосудов в формах

была выбрана глина. Исследователь доказал возможность выполнения керамических сосудов в подобных формах. Однако было отмечено, что из-за маленького диаметра отверстия в таких калыпах возможно было делать только тонкостенные экземпляры, которые уступали в прочности обычным сфероконусам, сформованным на гончарном круге. Более вероятно версия изготовления в таких формах стеклянных изделий. В настоящее время известно о находках 16 таких сосудов, из них к золотоордынскому периоду относятся 5 (Алпаткина, 2011). По форме к нашей находке наиболее близок сфероконус из цветного стекла, который происходит из Гургана (Иран) и датируется XII–XIII вв. (Ettinghausen, 1965, plate XLVII, B).

На сегодняшний день нет свидетельств производства сфероконических сосудов на Царевском городище. Это, скорее всего, связано с тем, что памятник мало изучен – менее 1 % от площади. Таким образом, дальнейшие исследования могут привести к новым открытиям. Однако уже можно констатировать, что находки сфероконусов, как на Царевском городище, так и в целом на нижневолжских памятниках, малочисленнее по сравнению со Средней Волгой. При этом в отличие от Болгара самой популярной формой на территории Нижней Волги были сосуды темно-серого цвета с массивной головкой с валиком и коническим дном, с «сотовым» или «семечковидным» орнаментом. На данном этапе невозможно определить функциональное назначение царевских сфероконических сосудов из-за того, что большая часть не имеет контекста находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е.Н. К вопросу о сфероконусах из Старого Орхоя и Костешт // Археологические исследования в Молдавии в 1977-1978 гг. / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 171–174.
- Алпаткина Т.Г. Место стеклянных сфероконусов из Золотой Орды в общей классификации этого вида ремесленных изделий // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 238–244.
- Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
- Виноградов З.З. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием // Казанский музейный вестник. 1922. №2. С. 75–119.
- Волков И.В. Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: сб. научных докладов и сообщений. Ч. 1 / Под ред. С.И. Валиулиной. Казань: КГУ, 2004. С. 145–149.
- Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. №1. С. 201–213.
- Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: АН АрмССР, 1982. 50 с.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в астраханской области в 2000-2004 гг. // РА. 2006. №4. С. 24–35.

Йосифов Д. За технологичните особености на каменните калъпи от София // Изследвания по българска средновековна археология / Отг. ред. П. Георгиев. Велико Търново: Фабер, 2007. С. 396–404.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 186 с.

Кротков А.А. Сфероконические сосуды из Археологического Отдела Саратовского Государственного Областного музея // Труды Нижне-Волжского областного научного общества. Саратов, 1926. Вып. 35, ч. 1. С. 51–66.

Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского востока // ЗВОРАО. Т. 15, Вып. 4. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904.. С. 101–115.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 417–420.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды из старых собраний (XIX – начало XX вв.) музеев России. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 108 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F_1521378007/Sferokonusy_elektr.izdanie.pdf (дата обращения: 31.05.2021).

Нуретдинова А.Р. Типология сферо-конических сосудов Волжской Булгарии // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2011. С. 150-160.

Пигарев Е.М. Сфероконические сосуды из фондов Астраханского краеведческого музея-заповедника // Древности Волго-донских степей Вып. 4. / Ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1994. С. 210–215.

Полевой Л.Л. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.: по материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешны. Кишинев: АН МолдССР, 1969. 211 С. 135–136.

Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. №4. С. 280–284.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с

Скэнлон Дж.Т. Заметка о фатимидско-сельджукской торговле // Мусульманский мир / Отв. ред. В.В. Наумкин, М.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1981. С. 282–291.

Станчева М. Каменни калъпи за сфероконуси от София // Археология. 1961. № 1. С. 22–27.

Древние памятники, отрываемые в Царевском уезде Саратовской губернии // ЖМВД. Спб., 1843. Ч. II. С. 426–430.

Трубникова Н.В. Обломок сфероконического сосуда из Булгар // Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ. Вып. XI / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Изд-во ГИМ, 1940. С. 137–139.

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столицы Золотой Орды / Архив ВОКМ. Д. 12.

Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках на Царевском городище /Сарай-Берке/ в 1964 г. / Архив ВОКМ. Д. 17.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959 – 1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С. Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

Fehervari G. Ceramics of the Islamic World in the Tareg Rajab Museum. I.B. Tauris. London, New York, 2000. 399 p.

Ettinghausen R. The uses of sphero-conical vessels in the Muslim East // Journal of Near Eastern Studies, 1965. V. XXIV, № 3. P. 218–229.

Mănușu-Adameșteanu Gh. Din nou despre vasele sferoconice în lumina descoperirilor din nordul Dobrogei // Peuce: rapoarte, cataloage, studii și note de istorie și arheologie. 1984. Peuce IX (seria istorie). P. 363–374, 716–723.

Monchamp J. Sphero-conical Vessels from the Ayyubid Wall in Cairo: A Typology (11th–15th c.) // Journal of Islamic Archaeology. 2016. Vol. 3, № 2. P. 195–207.

Nicolle D. Medieval Islamic Fire Grenades: Further Evidence from a Military Context // *Journal of Islamic Archaeology*. 2016. Vol. 3, № 2. P. 163–177.

Sharvit J. The sphero-conical vessels // *IAA Report. Paneas*. Vol. II. Small finds and other studies. 2007. № 38. P. 101–112.

Stănică A.-D., Szmoniewski B.S. The sphero-conical vessels from Lower Danube in the light of new discoveries from Isaccea, county Tulcea, Romania // *Sprawozdania Archeologiczne*. 2016. № 68. P. 327–344.

Valiulina S. Medieval workshop of an alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation) // *Pamatky Archeologicke*. 2016. Vol. 107. P. 237–278.

Vezzoli V. Sphero-conical Vessels from Baalbek: A Diverse and Challenging Collection // *Journal of Islamic Archaeology*. 2016. Vol. 3, № 2. P. 209–231.

Whitcomb D. A Note on “Grenades” as Fire-starter Flasks // *Journal of Islamic Archaeology*. 2016. Vol. 3, № 2. P. 179–186.

Wulzinger K., Wittek P., Sarre F. Tongranaten oder Handbrandgeschosse // *Das islamische Milet*. Berlin; Leipzig, 1935. S. 76–78.

Информация об авторе:

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель музейных предметов Археологического музея, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); alsu.nuretdinova@rambler.ru

REFERENCES

Abyzova, E. N. 1982. In Byrnya, P. P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1977-1978 gg. (Archaeological Studies in Moldavia in 1977–1978)*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).

Alpatkina, T. G. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 4. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 238–244 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Vinogradov, Z. Z. 1922. In *Kazanskii museinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* 2. 75–119 (in Russian).

Volkov, I. V. 2004. In Valiulina, S. I. (ed.). *125 let obshchestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskoi universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya Volgo-Ural'skogo regiona. Arkheologicheskie issledovaniya: sb. nauchnykh dokladov i soobshcheniy (The 125th Anniversary of the Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University. Issues of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region. Archaeological Studies: Collection of Scientific Works and Reports)* 1. Kazan: Kazan State University, 145–149 (in Russian).

Dzhanpoladyan, R. M. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 201–213 (in Russian).

Dzhanpoladyan, R. M. 1982. *Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani (Spheroconical Vessels from Dvin and Ani)*. Erevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 24–35 (in Russian).

Iosifov, D. 2007. In Georgiev, P. (ed.). *Izledvaniia po srednovekovna arkheologiya (Studies on Bulgarian Medieval Archaeology)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ., 396–404 (in Russian).

Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovi Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.) (Medieval Belgorod on the Dniester (Late 13th – 14th cc.))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Krotov, A. A. 1926. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo oblastnogo nauchnogo obshchestva (Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society)* 35 (1), 51–66 (in Russian).

Lents, E. O. 1904. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. 15 (4). Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 101–115 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 417–420 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

Nuretdinova, A. P. *Sferokonicheskie sosudy iz starykh sobraniy (XIX – nachalo XX vv.) muzeev Rossii (Spheroconical Vessels from Old Collections (19th–early 20th cc.) of Russian Museums)*. Kazan: Kazan (Vorga

Region) Federal University Available at: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F_1521378007/Sferokonusy_elektr..izdanie.pdf (accessed: 31.05.2021) (in Russian).

Nuretdinova, A. R. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 11. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 150–160 (in Russian).

Pigarev, E. M. 1994. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 4. Volgograd: "Peremena" Publ., 210–215 (in Russian).

Polevoi, L. L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v. (Urban Pottery of the Prut-Dniester Region in the 14th c.)* Kishinev: Academy of Sciences of the Moldova SSR (in Russian).

Ptveladze, E. V. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 280–284 (in Russian).

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika (na kazakhskom, ruskom i angliyskom yazykakh) (Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English).

Skalon, J. T. 1989. In Naumkin, V. V., Piotrovsky, M. B. (eds.). *Musul'manskii mir (Muslim World)*. Moscow: "Nauka" Publ., 282–291 (in Russian).

Stancheva, M. 1961. In *Arkheologiia (Archaeology)* (1), 22–27 (in Bulgarian).

1843. *Drevnie pamiatniki, otkryvaemye v Tsarevskom uezde Saratovskoi gubernii (Ancient Monuments Discovered in the Tsarevsky District of Saratov Governorate)* In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* (2). Saint Petersburg, 426–430 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1940. In Eding, D. N. (ed.). *Sbornik statei po arkheologii SSSR (Collection of articles in the USSR Archaeology)*. Series: *Proceedings of the State Historical Museum* 11. Moscow: State Historical Museum, 137–139 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. *Nauchnyi otchet o raskopkakh 1962 g. na gorodishche Sarai-Berke – stolitsy Zolotoi Ordy (Scientific Report on the Excavations of 1962 at Saray-Berke Settlement – the Capital of the Golden Horde)* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 12 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. *Nauchnyi otchet o raskopkakh na Tsarevskom gorodishche /Sarai-Berke/ v 1964 g. (Scientific Report on the Excavations at Tsarevskoye Settlement / Saray-Berke / in 1964.)* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 17 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 248–271 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 68–171 (in Russian).

Feherwari, G. 2000. *Ceramics of the Islamic World in the Tareg Rajab Museum. I.B. Tauris*. London, New York (in English).

Ettinghausen, R. 1965. In *Journal of Near Eastern Studies*. V. XXIV, № 3. 218–229 (in English).

Mănuclu-Adameşteanu, Gh. 1984. In *Peuce: rapoarte, cataloage, studiişi note de istorieşi arheologie. Peuce IX (seria istorie)*, 363–374, 716–723 (in Romanian).

Monchamp, J. 2016. In *Journal of Islamic Archaeology*. 3 (2). 195–207 (in English).

Nicolle, D. 2016. In *Journal of Islamic Archaeology*. 3 (2). 163–177 (in English).

Sharvit, J. 2007. In *IAA Report. Paneas*. Vol. II. Small finds and other studies. (38). P. 101–112.

Stănică, A.-D., Szmoniewski, B. S. 2016. In *Sprawozdania Archeologiczne*. (68), 327–344 (in English).

Valiulina, S. 2016. In *Pamatky Archeologicke*. (107), 237–278 (in English).

Vezzoli, V. 2016. In *Journal of Islamic Archaeology*. 3 (2). 209–231 (in English).

Whitcomb, D. 2016. In *Journal of Islamic Archaeology*. 3 (2). 179–186 (in English).

Wulzinger, K., Wittek, P., Sarre, F. 1935. In *Das islamische Milet*. Berlin; Leipzig, 76–78 (in German).

About the Author:

Nuretdinova Alsou R., Chief Curator of Museum Items of the Archaeological Museum, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 902.64

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.141.148>

СТЕКЛЯННЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ XIII–XIV ВВ.

© 2021 г. Н.П. Курьшова

Стеклянные подвески, происходящие из погребений кочевников XIII–XIV вв. являются массовой категорией находок. Было рассмотрено 63 экземпляра. Основой систематизации подвески стали такие признаки, как технология изготовления и орнаментации, форма, размер и цвет. Подвески как элемент археологического комплекса является важной частью реконструкции костюма. На территории Нижнего Поволжья встречаются погребения хорошей сохранности, в ряде которых выявляется определенный порядок в расположении подвесок, реконструируется способ их ношения. Подвески украшали женский головной убор, становились центром ожерелья и использовались в виде оберегов, служили украшением кошелька или сумочки. Для мужского ордынского костюма характерно использование крупных синих или орнаментированных подвесок в качестве креплений ремешков для предметов вооружения, и украшения кошелька.

Ключевые слова: археология, стеклянные подвески, типология, средневековые кочевники, Золотая Орда, украшения.

GLASS PENDANTS FROM THE BURIALS OF NOMADS OF THE 13TH–14TH CENTURIES

N. P. Kuryshova

Glass pendants originating from the nomad burials of the 13th–14th centuries form a most numerous category of the finds. A total of 63 items have been studied. The basis for the systematization of the beads is such features as the manufacturing technology, as well as the ornamentation, shape, size and color. Pendants, as a part of the archaeological complex, are an important element of the reconstruction of the costume. The territory of the Lower Volga region features well-preserved burials, in a number of which a certain order in the arrangement of pendants has been traced, and the method of wearing is being reconstructed. Pendants decorated a woman's headdress, formed the center of a necklace, were used in the form of amulets, and also served as a decoration for a purse or bag. The men's costume of the Horde is characterized by the use of large blue or ornamented pendants as retainers for weapon straps, and purse decoration.

Keywords: archaeology, medieval nomads, the Golden Horde, glass pendants, adornments.

Во второй половине XIII–XIV вв. Волго-Донские степи являлись политическим, экономическим и культурным центром государства Золотая Орда. Именно здесь находились обширные кочевые владения золотоордынских ханов, а также улусы их родственников и ближайшего аристократического окружения. Именно здесь уже в середине XIII в. началось строительство новых торгово-ремесленных центров. В 30–40-х годах XIV в. в результате ширококомасштабной градостроительной деятельности ханов Узбека и Джанибека в бассейнах Волги и Ахтубы в небывало короткие сроки сформировались зоны сплошной оседлости, некоторые из которых тянулись вдоль берегов рек на десятки километров. Строительство целого ряда крупных городов, а также множества относительно небольших поселков оказало заметное влияние на повседневную жизнь местного кочевого населения и явилось одной из причин, обусловивших определенное своеобразие кочевни-

ческих памятников Волго-Донского региона (Мыськов Е.П., 2015). За этот период в зоне Волго-Донских степей концентрируются и многочисленны погребальные памятники монголо- и тюркоязычных кочевников, в которых стеклянные бусы и подвески становятся массовой категорией находок. По современному административно-территориальному делению этот регион совпадает с территорией Волгоградской области, южными районами Воронежской и Саратовской областей, восточными районами Ростовской области, а также северными районами Астраханской области и северной частью Калмыкии. С юга Волго-Донской регион ограничен рекой Сал, с севера – верховьями реки Медведицы, его восточная граница проходит по линии соляных озер (Эльтон, Боткуль, Баскунчак), а западная – по устью реки Хопер, включая Большую излучину Дона. Объектом исследования послужили подвески из раскопок мавзолеев и грунтовых могильников, подкур-

ганных захоронений XIII–XIV вв. территории Волго-Донских степей.

Согласно морфологии описания украшений, подвеска – украшение, подвешивающееся к чему-либо. Так, например, серьги в виде «знака вопроса» могли быть дополнены бусиной-привеской, которая в других случаях является отдельной категорией украшений, здесь же становится избыточным элементом. **Избыточные** элементы – это те, которые так же, как и дополнительные, присоединяются к основе, но в отличие от них представляют собой самостоятельные, законченные вещи (Щапова, 2007, с. 15). Входя в состав украшения, избыточные элементы утрачивают свою самостоятельность и играют роль конструктивных элементов, подчиненных основе. Чаще всего избыточными элементами являются бусины и привески, в составе другого украшения они описываются по соответствующим словарям-классификаторам и в данном исследовании не учитываются.

Здесь же речь пойдет о категории стеклянных подвесок, которые ими являются по своему основному назначению. Это бусины, которые в силу своего размера или особенности формы должны были носиться как отдельные украшения. Учет размеров продолжает схему, предложенную ранее исследователями: где крупными считаются бусы высотой (расстояние между отверстиями) или диаметром больше 10 мм (Валиулина, 1956, с. 86). Как и бусы обычных размеров, мы разделяем подвески по технологии их изготовления и орнаментации. Подвески рассмотрены по типологии, разработанной М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1988, с. 181). Все изученные подвески относятся к одной технологической группе – «изготовление путем навивки стеклянной массы» – и разделяются на две подгруппы: монохромные и орнаментированные. Первая подгруппа делится на отделы и типы по продольному и поперечному сечениям. Вторая подгруппа подразделяется на разряды по способу орнаментации, на отделы по форме поперечного сечения, на типы по форме в продольном сечении.

Группа I. Одноцветные, изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Подгруппа А. Неорнаментированные.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Зонные (рис. 1: 1; 2: 1–5, 12). Подвески из непрозрачного и полупрозрачного стекла зеленого, синего и белого цветов. Размеры: 11, 15, 3. Найдено 17 экз. Аналогии

встречаются в Новгороде в слоях XII–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 166), в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), в домонгольских памятниках Средней Азии, Херсонесе, в Болгаре (Полубояринова, 2006), в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., в золотоордынских городах Поволжья и изредка в поздних мордовских могильниках. (Бусятская, 1976, с. 40).

Тип 2. Боченкообразные (рис. 1: 2) из полупрозрачного, темно-синего стекла. Размер 19, 18, 3. Найден 1 экз. Аналогии: подобной формы, но черные, голубые и желтые встречаются в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), в Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 176), в Кара-Коруме (Левашова, 1965, с. 300–301), средневековых слоях Херсонеса и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 39). В Болгаре известна подвеска коричневого цвета (Полубояринова, 1988, с. 182).

Подгруппа Б. Орнаментированные.

Разряд I. Пятнистые, орнамент в виде 3–6 пятен.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Шарообразные (рис. 1: 3–4; 2: 6–7, 13) подвески из черного непрозрачного стекла, с белыми пятнами; бирюзового цвета с темно-синими пятнами; черного или темно-синего цвета с желтыми пятнами. Размеры: 15, 16, 4 (11 экз.). Аналогии встречаются в курганах северо-западной и северо-восточной Руси XI–XIII вв. (Фехнер, 1959, рис. 6, 13), в Болгаре в слоях XII–XIII вв. (Полубояринова, 1988, с. 182), в могильниках Северного Кавказа, в раннесредневековых памятниках Средней Азии, в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., в поздне-средневековых мордовских могильниках, памятниках Хорезма XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Разряд II. Подвески с глазчатым узором.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Шарообразные, зонные и эллипсоидные черные, украшенные плоскими реснитчатыми бело-красными глазками (рис. 1: 5; 2: 14–16) (8 экз.). У более крупных экземпляров вокруг отверстий для нити – рельефный валик из бирюзового стекла. Размеры: 35, 29, 4; 40, 30, 4 (рис. 1: 6; 2: 17). Найдено 3 экз. Такие подвески встречены на Селитренном и Царевском городищах (Бусятская, 1976, с. 44), в Болгаре и на городище Шехрлик (Полубояринова, 1988, с. 185).

Тип 2. Цилиндрические. Подвески из непрозрачного черного или бирюзового стекла, украшенные плоскими реснитчатыми бело-красными глазками. Размеры: 35, 12,

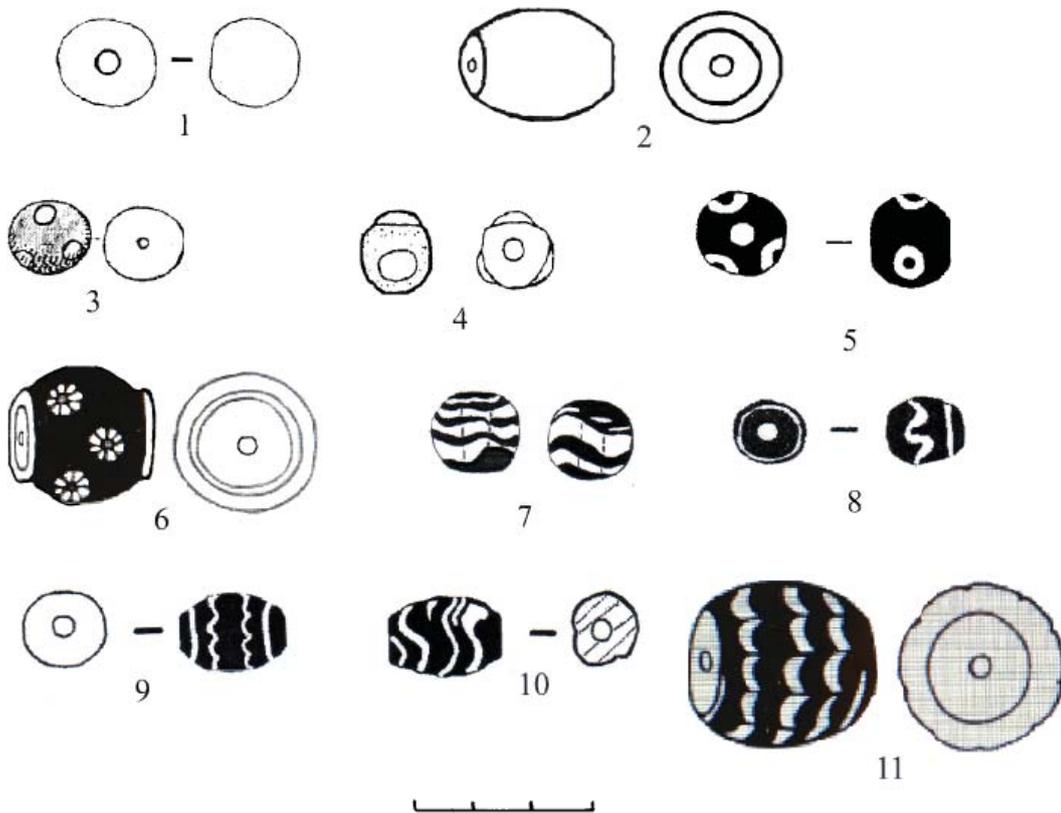

Рис. 1. Стекланные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв.
Fig. 1. Glass pendants from the burials of nomads of the XIII–XIV centuries

4 (рис. 2: 18). Найден 1 экз. Такие подвески встречаются на Селитренном и Царевском городищах (Бусятская, 1976, с. 44), в Болгаре и на городище Шехрлик (Полубояринова, 1988, с. 185).

Разряд III. Подвески со спиральной или спирально-волнистой орнаментацией. Орнамент в виде одной или нескольких волнистых линий.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Шарообразные (рис. 1: 7–8; 2: 8–10) бусины-подвески из непрозрачного темно-синего или черного стекла, украшенные желтыми или белыми прямыми или волнистыми линиями. Размеры: 15, 15, 3. Найдено 8 экз. Аналогии: бусы черного цвета встречаются в позднесредневековых памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 2. Боченкообразные (рис. 1: 9–10; 2: 19–20). Подвески из черного или темно-синего непрозрачного стекла, орнаментированы желтыми, белыми, красными нитями. Размеры: 17, 15, 3. Найдено 14 экз. Изредка встречаются красные или зеленые бусины, орнаментированные белыми полосами (рис. 1: 11; 2: 21–22), более крупного размера: 24, 24, 4; 30, 24, 3. Аналогии: встречаются в русских

курганах XIII–XIV вв. (Фехнер, 1959, рис. 6, 24), в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. (Щапова, 1956, с. 176), в мордовских могильниках (Алихова, 1948, с. 224), в Болгаре в слоях XII–XIII вв. (Полубояринова, 1988, с. 182), в золотоордынских памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Доля крупных бусин-подвесок в общем количестве бус из погребений весьма невелика, в связи с этим интересна их локализация в погребениях.

Подвески встречаются чаще в женских погребениях, погребениях детей и подростков с женским инвентарем. В подавляющем большинстве женских захоронений бусины-подвески располагались у черепа, шейных позвонков, или среди ребер. Судя по расположению подвесок в женских могилах, их обычно носили на шее, либо как самостоятельный единственный подвес, либо в составе «ожерелья-символа» (Каримова, 2013, с. 35), при этом в большинстве захоронений количество бус слишком мало для того, чтобы составить полноценное ожерелье в современном понимании. Изредка одиночные подвески находят у тазовых костей и у голеней, тип этих подвесок в некоторых погребениях локализуется

Рис. 2. Стекланные подвески из погребений кочевников XIII–XIV вв.

Fig. 2. Glass pendants from the burials of nomads of the XIII–XIV centuries

в районе головы. Можно предположить, что они являлись украшением головного убора, поскольку известно, что не всегда головной убор в погребении располагался у головы, иногда его размещали в ногах (Каримова, 2013, с. 50).

В детских погребениях подвески находятся в районе груди или среди шейных позвонков,

иногда среди низки мелких бусин, но чаще в 1–2 экземплярах.

В мужских погребениях преобладают единичные крупные бусины-подвески диаметром от 15 мм и более из темного непрозрачного стекла, большинство из которых украшено белыми глазками или желтыми волнами. Расположение подвесок в мужских могилах

Таблица 1. Локализация подвесок в погребениях XIII–XIV вв.
Table 1. Localization of pendants from the burials of nomads of the XIII–XIV centuries.

Могильник (курган, погребение)	Пол	Возраст	Локализация в погребении
Абганерово III, 14/1;	ж		На шее, рядом с жемчугом
Абганерово III, 7/1	ж	подросток	У шеи
Аткарск, 16/1	ж	подросток	В районе шеи, в составе низки бус
Аткарск, 8	ж		Среди шейных позвонков
Архара II, 14/1, синяя			На шее
Бахтияровка, 6/1	ж		За черепом
Бахтияровка, 28/1	ж		У шеи
Бахтияровка, 50/1	ж	средний возр.	В углу ямы
Бахтияровка, 69/1	ж		У шеи
Бахтияровка, 72/1	ж		Возле голени
Бахтияровка, 110/1	ж		У шеи
Бахтияровка, 112/1	ж		У черепа
Веселый II, 1/1	ж	молодая	В районе шеи, в составе «ожерелья»
Венгеловка, 7/1	ж		Возле колен
Глазуновский, 5/1	ж		У шеи
Козинка I, 6/1	ж		У шейных позвонков
Колобовка II, 4/1; полосат	ж		На груди, с россыпью бус
Ленинск, 42/1	ж		В углу ямы
Маляевка, 7/1	ж	30-35	Возле головы
Машевка, 12/1	ж		На груди.
Нагавский I, 1/1	ж		В районе черепа
Нижняя Добринка, 1/2	ж	взрослая	В районе головы
Олень-Колодезь, 9/1	ж	взрослая	В области шеи, с россыпью бус
Первомайский I, 11/1	ж		В районе головы
Пугачев, 1/1	ж		Под шейными позвонками . В составе «ожерелья»
Свинуха, 17/1	ж	молодая	За черепом
Свинуха, 18/1	ж	молодая	У черепа
Семенкин, 18/1,	ж		На груди, в составе «ожерелья»
Семенкин, 28/1	ж		На груди, в составе «ожерелья»
Семенкин, 40/1	ж		На груди, в составе «ожерелья»
Скатовка, 7/1	ж		На груди, в составе «ожерелья»
Скатовка, 11/1	ж		Среди шейных позвонков
Солодовка, 8/2,	ж		У черепа, на головном уборе
Столетовская группа	ж	30	На груди. в составе «ожерелья»
Суслы, 40/1;	ж	средних лет	Среди ребер
Усть-Курдюм, 6/1	ж		В районе грудной клетки. В составе «ожерелья»
Харинка, 2/1;	ж		У шеи. В составе «ожерелья»
Царев, 33/1,	ж		В районе черепа.
Штрасбург, 1/1 полос	ж	30	У прав руки.
Элистинский, 24	ж		На груди у шейных позвонков. В составе «ожерелья»
Бахтияровка 47/1	м		у ног, рядом кресало
Бахтияровка 52/1	м		у черепа,
Бахтияровка 76/1	м		в районе шеи
Быково III, 11/1	м		у ног, рядом кресало
Быково IV, 3/1	м		в области бедер
Высокая Гора 2/1	м	35-40	у таза
Гува, 3/1	м		У бедер, рядом кресало
Маячный I, 109	м		У таза, рядом кресало
Олень-Колодезь, 7/1	м	взрослый	0,2 м южнее наконечника копья
Покровск 4/1	м	взрослый	возле конечностей, рядом кресало
Салюк, 1	м		в районе бедер

Салюк, 9	м		у черепа
Царев 10/1	м		в углу ямы
Шебалино, 2/5	м		у ног, рядом кресало
Царев 1/1	м		У шеи, и у ног, (рядом кресало)
Царев 37/1	м		у ног, рядом кресало
Козинка I, к 4	м		на животе
Абганерово III, 5/1		детский	в области шейных позвонков
Бахтияровка, мавзолей/5		детский	в области грудной клетки
Ленинск, 39/1,		детский	у шеи
Маляевка, 3/1;		детский	в С-3 углу погребения
Салюк 24		детский	у шеи
Солодовка II, 8/1		детский	у шеи

различно – у бедер, у черепа, у таза, однако в каждом третьем мужском погребении они располагались рядом с железными кресалами и, вероятно, являлись украшениями кисетов или кошельков, в которых эти кресала носили. Либо же подвески являлись своеобразными крепежами-ворворками к ремешкам оружия. Практически во всех мужских погребениях с подвесками были обнаружены предметы вооружения.

В результате исследования мы видим, что подвески не являлись обязательным атрибутом костюма (статистически погребения с бусами составляют лишь 20% от общего числа изученных кочевнических погребений) (Мыськов, с. 172). Становясь украшением костюма, они сочетали в себе утилитарные функции и играли роль амулетов: в истории известны примеры, когда в кочевом обществе бусы использовались мужчинами в качестве подвесок-амулетов к оружию (221, Мошеева, с. 26). Но чаще всего подвески встречаются в погребениях детей (до 7/8 лет) и женщин фертильного возраста. Видимо, это связано с тем, что пристальный взгляд «дурного глаза» всегда считался особенно вредным для женщин и детей (Жуковская, 2002). Причем

использование бус в качестве оберега детьми и женщинами (прежде всего это касается глазчатых бус) характерно и для современной культуры Востока (Мошеева, 2008, с. 28–29, Сазонова, 1970, с. 131).

На основании типологии подвесок можно говорить о том, что подавляющее большинство типов монохромных и орнаментированных стеклянных подвесок из золотоордынских погребений находят прямые аналогии в средневековых памятниках Средней Азии (Бусятская, 1976, с. 43, 66; Галкин, 1984, с. 216–217, 220; Щапова, 1984, с. 224). Достаточно интересны в этом отношении материалы стеклодельной мастерской третьей четверти XIV в., исследованной на Селитренном городище. Здесь обнаружено большое количество различных стеклянных украшений, в том числе и подвески различных типов, некоторые из них представлены как в материалах золотоордынских погребений, так и на средневековых поселениях Хорезма (Галкин, 1984, с. 216). Вследствие широкого ареала распространения подвески фактически становятся частью интернациональной бижутерии и дают представление о моде и цветовых предпочтениях эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.* Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1948. С. 212–258.
- Бусятская Н.Н.* Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
- Галкин Л.Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 213–221.
- Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М.: Наука, 2002. 310 с.
- Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани. 2013. 212 с.
- Левашова В.П.* Бусы из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука. 1965. С. 297–307.

Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 307–332.

Монгайт А.Л. Старая Рязань / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4. / МИА. № 49. М.: АН СССР, 1955. 228 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Мошеева О.Н. Глазчатые бусы // РА. 2008. № 4. С. 23–33.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 57–72.

Сазонова М.В. Украшения узбеков Хорезма // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник музея этнографии. Т. XXVI. Л.: 1970. С.113-142.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII веков / Труды ГИМ. Вып. 33 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия. 1959. С. 149–224.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55 / Отв. ред. А.В. Арциховский и Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1956. С. 164–179.

Щапова Ю.Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 222–225.

Щапова Ю.Л., Лухтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология древностей. Вып 4: морфология украшений. М.: КДУ, 2007. 102 с.

Информация об авторе:

Курьшова Наталья Павловна, аспирант, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); snejka15@yandex.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1948. In Gotie, Yu. V., Tsyganov, N. F., Kotkov, Yu. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik. (Archaeological Collection of Papers)*. 1. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 212–258 (in Russian).

Busiatskaia, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh’ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73–107 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 213–221 (in Russian).

Zhukovskaya, N. L. 2002. *Kochevniki Mongolii. Kul’tura. Traditsii. Simvolika (Nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbolism)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Karimova, R. R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuna kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiia i sociokul’turnaia interpretatsiia) Elements of dressing and costume accessories of Golden Horde nomads (typology, social and cultural interpretation)*. Series: *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Levashova, V. P. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ., 297–307 (in Russian).

L’vova, Z. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 307–332 (in Russian).

Mongait, A. L. 1955. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies on the Archaeology of Old Russian Towns)* 4. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 49. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mys’kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

Mosheeva, O. N. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 23–33 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 57–72 (in Russian).

Sazonova, M. V. 1970. In Kislyakov, N. A. (ed.) *Traditsionnaia kul'tura narodov Perednei i Srednei Azii (Traditional Culture of the Peoples of Western and Central Asia)*. Series: Sbornik Muzeia Antropologii i Etnografii. T. XXVI (Anthropology and Ethnography Museum Collection) 26. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 113–142 (in Russian).

Fekhner, M. V. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Essays on History of the Russian Village of 10th—13th Centuries)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 33. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 149–224 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1956. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–179 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 222–225 (in Russian).

Shchapova, Yu. L., Likhter, Yu. A., Saracheva, T. G., Stolyarova, E. K. 2007. *Morfologiia drevnostei (Morphology of Antiquities)* 4. Moscow: "KDU" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kuryshova Natalya P. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; snejka15@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

УДК 903.2 /094 «4/14»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.149.159>

ГОРОД МАДЖАР В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА¹

© 2021 г. С.Г. Бочаров, Ю.Д. Обухов

В статье рассмотрены археологические свидетельства торговых связей главного золотоордынского центра на Северном Кавказе города Маджар с городами Византии. Эти связи проиллюстрированы на примере двух категорий находок византийского происхождения, зафиксированных на территории города Золотой Орды. Первая категория находок – поливная керамика. На Маджарском городище обнаружены образцы пяти групп керамики, изготовленные в различных производственных центрах Византийской империи. Наибольший интерес представляют находки поливных сосудов второй группы, являющейся хроноиндикатором для периода середины – третьей четверти XIII в. Дальнейшее картографирование находок сосудов этой группы на площади городища сделает возможным выявление наиболее раннего участка городской территории, на котором появляются первые строения и с которого начинается рост городских кварталов. Вторая категория – находка византийской монеты Андроника II и Михаила IX константинопольской чеканки.

Ключевые слова: археология, Византийская империя, Золотая Орда, золотоордынский город Маджар, Маджарское городище, керамология, поливная керамика византийского производства, византийская монета, торговые связи.

MADZHAR IN THE CONTEXT OF RELATIONS OF THE BYZANTINE EMPIRE AND THE GOLDEN HORDE. ARCHAEOLOGICAL EVIDENCES²

S. G. Bocharov, Yu. D. Obukhov

The article illustrated the archaeological evidence of trade links between the town Madzhar - main Golden Horde's center in the North Caucasus Region with cities of Byzantium. These connections demonstrated by the examples of two categories of finds of Byzantine origin from the territory of this town of the Golden Horde. The first category is Glazed Pottery. Five groups of ceramics made in various centers of the Byzantine Empire fixed on Madzhar pottery complex. Main interest attracts the second group of Bizantium Glazed Pottery, which is a chronological indicator for the period from the middle to the third quarter of the 13th century. Further mapping of the points were deposit the vessels of this group in the area of the medieval town will make possible to identify the earliest part of the urban area, whith first buildings and from begins the growth of urban quarters. The second category is Byzantine coin of Andronicus II and Michael IX.

Keywords: Byzantine Empire, Golden Horde, Golden Horde's town of Madzhar, Madzhar's archaeological site, ceramology, Byzantine Glazed Pottery, Byzantine coin, trade activities.

В 2015–2017 гг. археологическая экспедиция «Каффа» (под руководством С.Г. Бочарова) проводила исследования на Маджарском городище (рис. 1). Работы велись под эгидой Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в рамках выполнения Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2021 гг.)». Маджарское городище является остатками золотоордынского

города Маджар и расположено у современного города Будённовск Ставропольского края (рис. 2). В ходе исследований было получено представление о стратиграфии в различных частях городища, проведен статистический анализ наполнения культурных слоев 1300–1395 гг. массовыми археологическими материалами, обнаружены остатки кирпичных зданий и сооружений, культурные напластования и массовые находки изучены методами естественных наук. В настоящее время ведет-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-39-90023 «Золотоордынский город Маджар и его возможная округа – Верхний Маджар и Нижний Маджар, входившие в систему Маджарской агломерации».

² The work was carried out within the framework of the RFBR project No. 20-39-90023 “The Golden Horde City of Madzhar and its Possible Surroundings - Upper Madzhar and Lower Madzhar, Part of the Madzhar Agglomeration System”

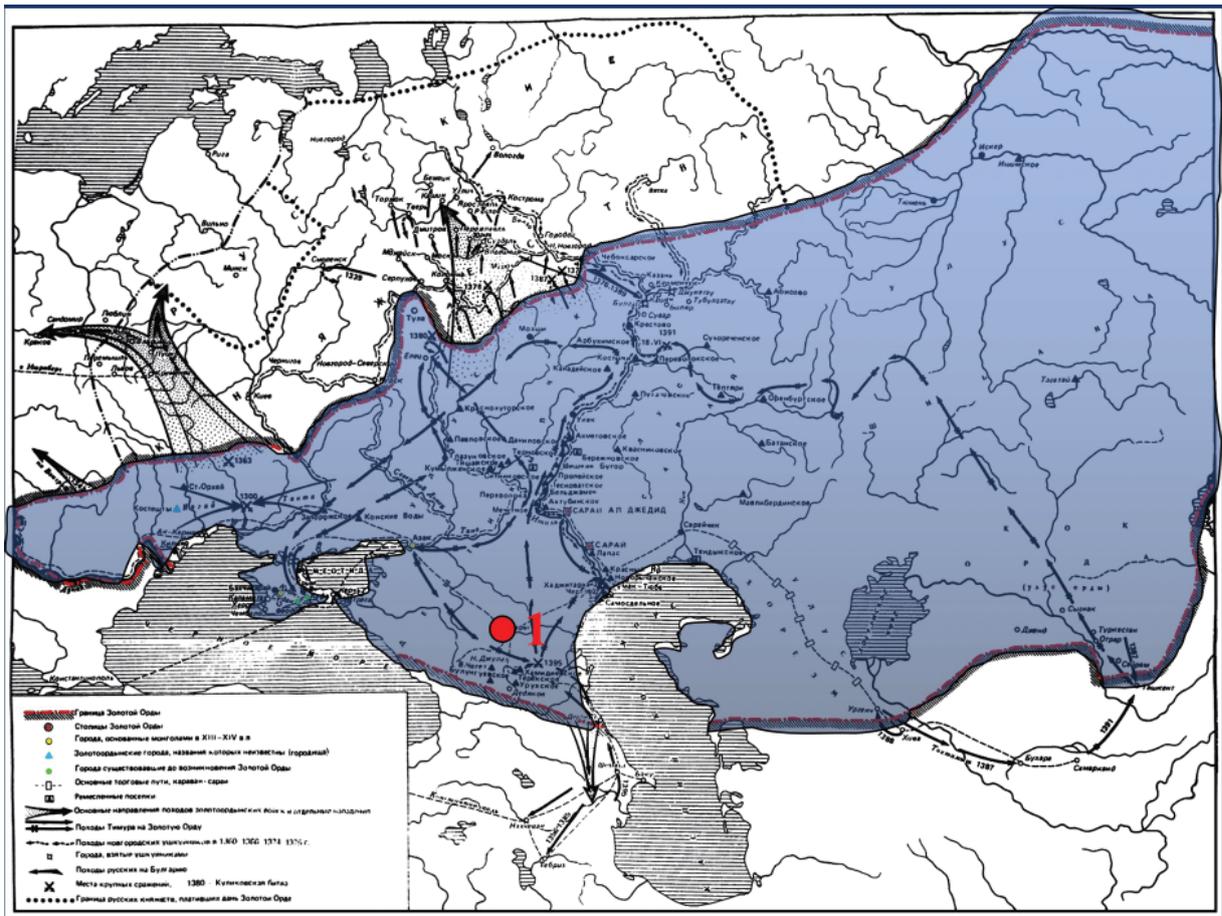

Рис. 1. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). 1 – Маджарское городище
 Fig. 1. Map of Golden Horde State (after: Egorov, 1985, map 2). 1 – Medieval town Madzhar

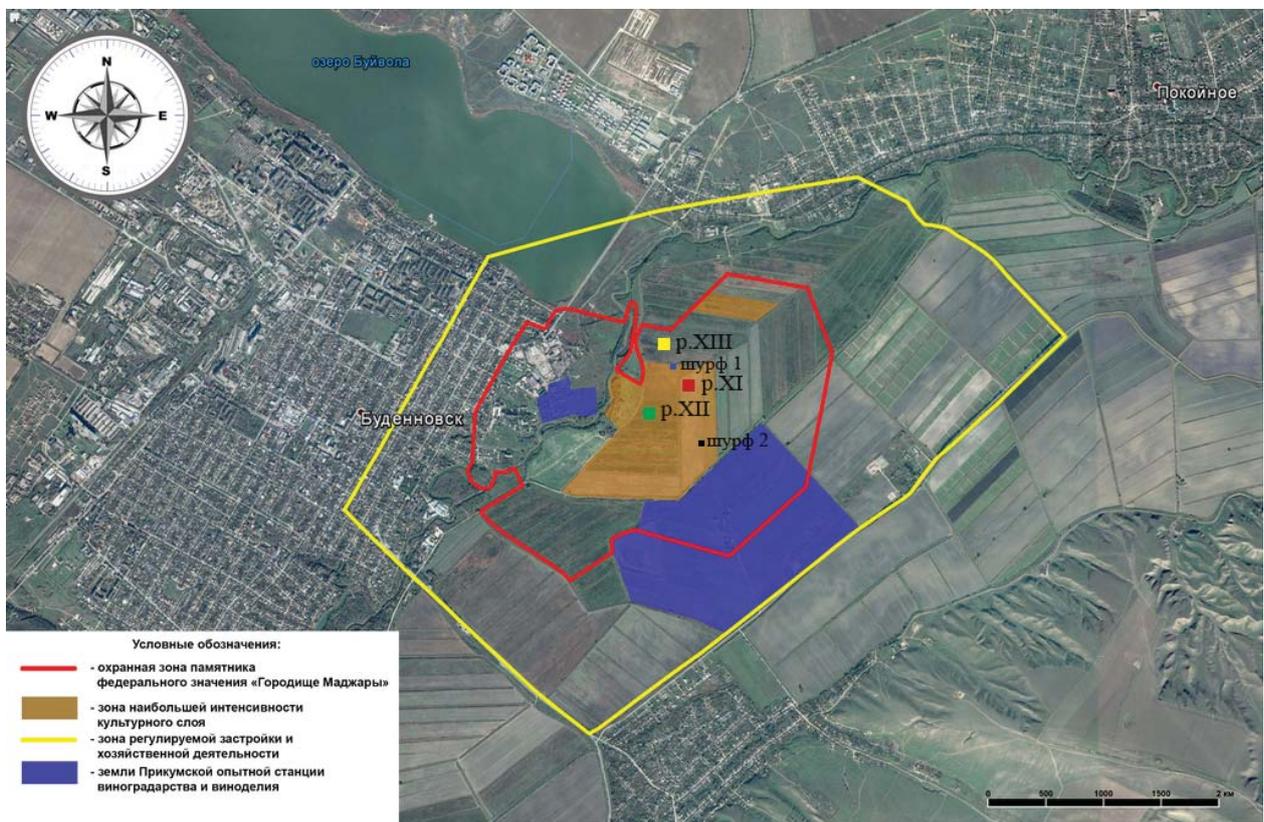

Рис. 2. План Маджарского городища с нанесением раскопов и шурфов, исследованных археологической экспедицией «Каффа»
 Fig. 2. Map of Medieval town Madzhar with marks of areas of excavations “Caffa” archaeological expedition

Рис. 3. Маджарское городище. Византийская керамика 2 группы
Fig. 3. Medieval town Madzhar. 2 group of Byzantium glazed pottery

ся работа по написанию итоговой монографии по работам экспедиции на Маджарском городище, некоторые результаты этих исследований нашли отражение в публикациях (Бочаров, 2020; Бочаров, Ситдииков, 2016; Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018а, 2018б; Бочаров, Обухов, 2018; Бочаров, Яворская, 2019, 2020; Яворская, 2018; Яворская, Бочаров, 2020; Бабенко, Сергеев, 2019).

В целом экспедиция выполнила те задачи, которые ставились до начала работ на Маджарском городище. Единственная недостижимая цель, требующая продолжения дальнейших исследований, – выявление первого, самого раннего участка городской территории, на котором город зарождается и

с которого начинает своё пространственное развитие в середине – третьей четверти XIII в.

Для определения этого раннего участка городской территории проводится поиск хроноиндикаторов среди сборов подъемного материала на Маджарском городище, проводившихся Ю.Д. Обуховым и находящихся на хранении в фондах формирующегося Маджарского археологического музея. Настоящая статья посвящена публикации поливной керамики и монеты византийского происхождения из сборов на памятнике. Поливная керамика византийского происхождения выделена в этой маджарской коллекции И.В. Волковым, и восемь фрагментов сосудов из нее опубликованы (Волков, 2007; 2016, с. 214, рис. 78, 79:

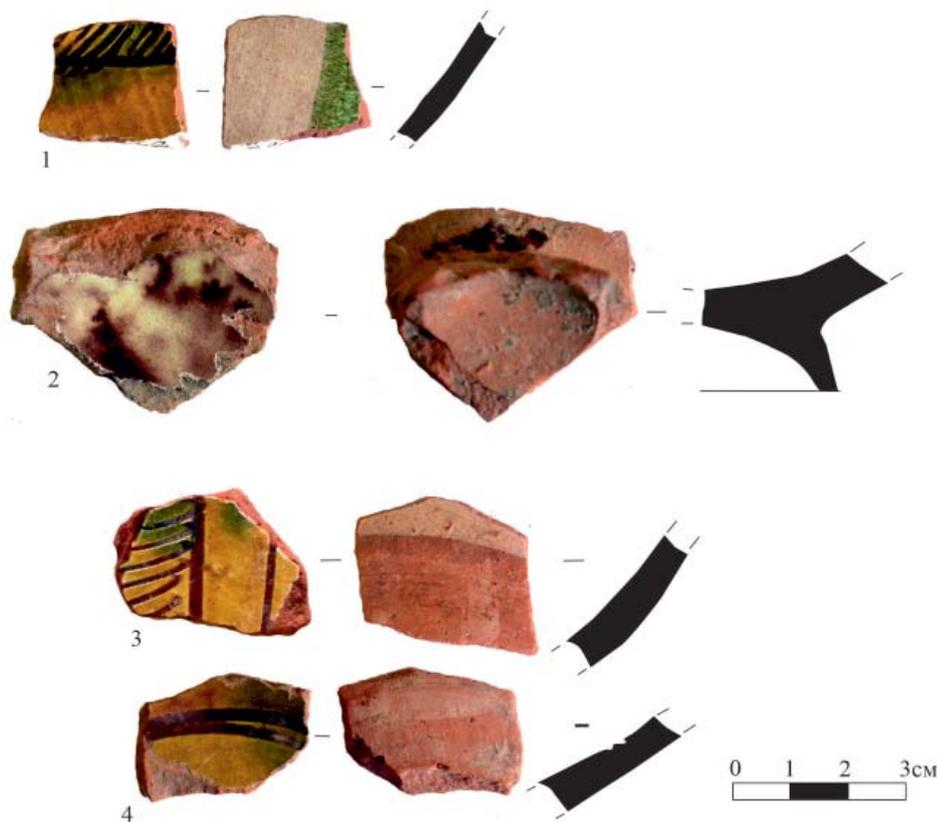

Рис. 4. Маджарское городище. Византийская керамика 3 группы
 Fig. 4. Medieval town Madzhar. 3 group of Byzantium glazed pottery

1, 2). Византийские монеты, происходящие с Маджарского городища, ранее не публиковались, за исключением одного спорного случая. Впервые о находке такой монеты без её атрибуции сообщает Е.И. Крупнов «Экспедиция собрала на городище интересный подъёмный материал... Среди монет одна оказалась поздневизантийской» (Крупнов, 1957, с. 172). Это упоминание включает в свой свод находок византийских монет В.В. Кропоткин (Кропоткин, 1962, с. 23–24). Однако в следующей работе В.В. Кропоткин пересматривает свою точку зрения и исключает маджарскую находку из перечня византийских монет XIII–XIV вв., происходящих их регионов Северного Кавказа и Закавказья (Кропоткин, 1966, с. 187).

В общем керамическом комплексе, характерном для городов Золотой Орды, представлены шесть основных групп византийской поливной керамики (Бочаров, Масловский, 2012, с. 24; Bocharov, Maslovskiy, 2011, p. 270). В подъемном материале с территории Маджарского городища обнаружены образцы пяти групп византийской поливной керамики и на настоящий момент не встречены экземпляры сосудов только первой группы.

Вторая группа керамики византийского производства представлена тремя донцами (рис. 3: 1, 7, 8) и пятью фрагментами стенок (рис. 3: 2–6) красноглиняных чаш. Формовочная масса ярко-красного цвета с большим количеством мелких слюдяных чешуек. Полива жёлтого насыщенного, иногда оранжевого цвета (рис. 3: 7). По форме это чаши на кольцевом поддоне с выделенным бортиком, имеющим разную профилировку. Орнаментация – роспись одиночными волнистыми линиями с внутренней и внешней стороны стенок (рис. 3: 3) или концентрические окружности в центре поддонов (рис. 3: 1, 8) и под бортиком (рис. 3: 4, 5), редко пучки дугообразных и волнистых линий ближе к донной части (рис. 3: 6). Эта группа керамики поступала достаточно активно в Северное Причерноморье в середине – третьей четверти XIII в. и к концу века её поступление полностью прекращается (Бочаров, Масловский, 2012, с. 26). Именно эта группа поливной керамики является надежным хроноиндикатором для третьей четверти XIII в. (Волков, 2005, с. 138; Масловский, 2006, с. 280; Бочаров, 2017, с. 424), и ее находки, возможно, свидетельствуют о зарождении города именно в этот период.

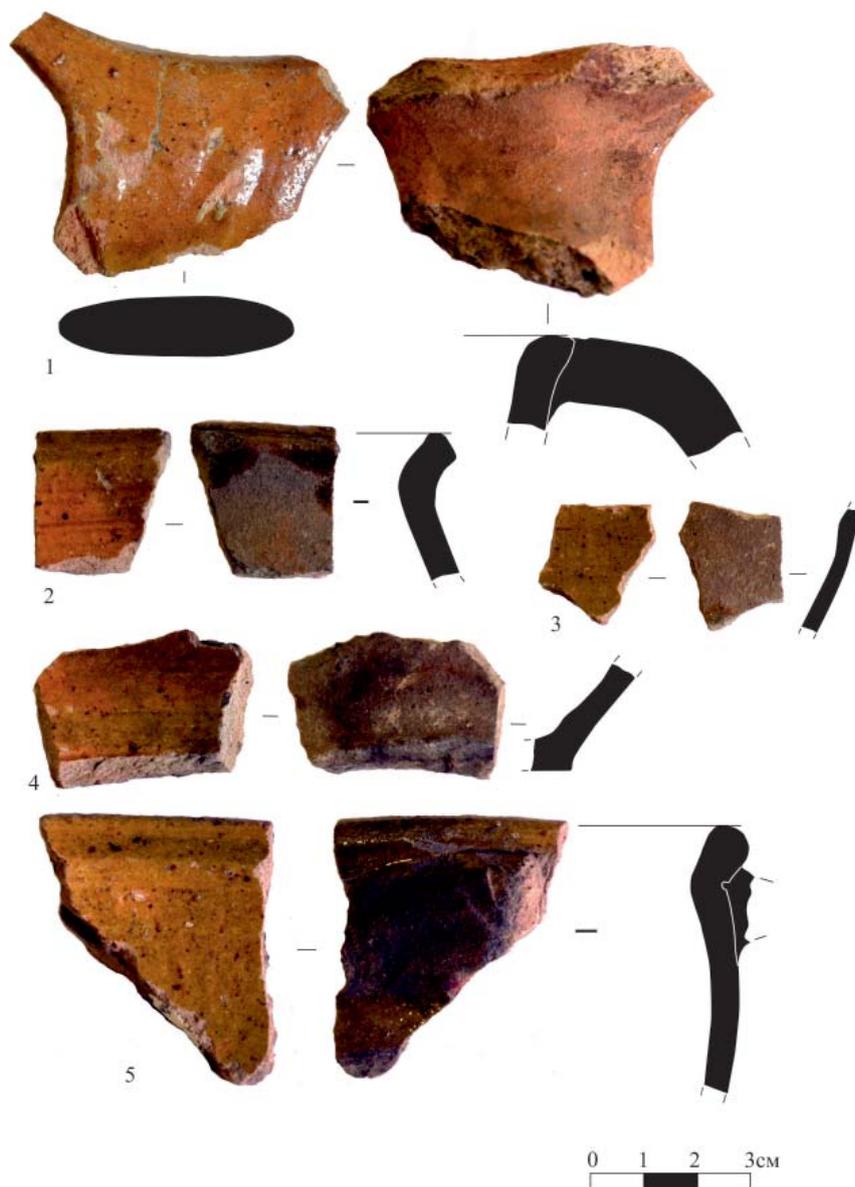

Рис. 5. Маджарское городище. Византийская керамика 4 группы
Fig. 5. Medieval town Madzhar. 4 group of Byzantium glazed pottery

Третья группа византийской поливной керамики представлена одним донцем (рис. 4: 2) и тремя фрагментами стенок красноглиняных чаш (рис. 4: 1, 3, 4), фрагменты четырех сосудов этой группы были опубликованы И.В. Волковым (2016, рис. 78: 5, 6; рис. 79: 1, 2). Формовочная масса содержит примесь мельчайших слюдяных чешуек и частиц коричневого цвета (от 0,5 до 2–3 мм). Присутствуют продольные поры от выгоревших органических волокон. Цвет черепка от светло-коричневого до оранжевого. Преимущественно встречаются сосуды с крошащей ярко-жёлтой глазурью (рис. 4: 1, 3, 4), редко наносится светло-зелёная глазурь (рис. 4: 1). Встречаются два варианта декора: в технике сграффито, когда основной рисунок нанесён более широким резцом, а детали орнамен-

та заполняются тонкими врезными линиями (рис. 4: 1, 3, 4), и росписью пятнами марганца (рис. 4: 2) (Бочаров, Масловский 2012: с. 26–30; Bocharov, Maslovskiy, Iudin, 2016, p. 235). Начало импорта этой группы керамики в Северное Причерноморье начинается в конце третьей четверти XIII в. и заканчивается в середине XIV в. К концу первой четверти XIV в. она почти полностью вытесняет с городских рынков другую византийскую поливную керамику (Бочаров, Масловский, 2012, с. 30), сосуды византийского производства третьей группы с росписью марганцем являются хорошим хроноиндикатором для периода 1290–1325 гг. (Бочаров, Масловский, 2016, с. 35; Bocharov, Maslovskiy, 2018, p. 24).

Четвертая группа представлена пятью фрагментами (рис. 5) светлоглиняной кухон-

Рис. 6. Маджарское городище.
Византийская керамика 5 группы.
Fig. 6. Medieval town Madzhar.
5 group of Byzantium glazed pottery

ной керамики. Три фрагмента горшков (рис. 5: 1, 2, 4), один фрагмент тонкостенного сосуда (кубка?) (рис. 5: 3) и один фрагмент кувшина (рис. 5: 5). Глина малой пластичности с примесью пластинчатых частиц коричневого цвета. В формовочную массу добавлена мелкая дресва с преобладанием кварца. Черепок в изломе имеет светло-бежевую окраску. Полива желтого цвета наносилась непосредственно на поверхность черепка (Bocharov, Maslovskiy, Iudin, 2018, p. 122). Эта группа имеет широкую датировку в пределах первой – третьей четверти XIV в., при этом основной пик ее поступления в города Золотой Орды приходится на первую треть XIV в. (Бочаров, Масловский, 2012, с. 32).

Пятая группа представлена одним фрагментом ручки (рис. 6: 1) и двумя фрагментами стенок красноглиняных кувшинов (рис. 6: 2, 3), четыре фрагмента от кувшинов этой группы, происходящих с Маджарского городища, введены в научный оборот И.В. Волковым (2016, рис. 78: 1–4). Формовочная масса не содержит заметных не глинистых примесей. Черепок в изломе кирпично-красного цвета. Сосуды покрыты глазурью с двух сторон, на

внутренней стороне она наносилась непосредственно по черепку без ангоба. Внешняя сторона кувшинов покрыта сложным орнаментом с сочетанием элементов, выполненных в технике сграффито и технике резерва (рис. 6). Группа выделена на памятниках Северного Причерноморья М.Г. Крамаровским (1996, с. 102–103). Датируется пятая группа византийской керамики концом XIII – концом 40-х гг. XIV в. (Бочаров, Масловский, 2012, с. 33).

Шестая группа керамики представлена четырьмя фрагментами красноглиняных чаш (рис. 7: 1–4). Это тонкостенные сосуды из глины с естественной примесью мелкой дресвы, черепок в изломе темно-красного цвета. Поверхность чаш покрыта глазурью с обеих сторон почти полностью. Орнаментация выполнена в технике резерва с выскабливанием отдельных элементов, иногда в сочетании с тонкими врезными линиями. Археологические свидетельства работы мастерских по изготовлению сосудов этой группы зафиксированы в Константинополе (Waksman, Erhan, Eskalen, 2009, p. 459). Такие чаши связывают с последним массовым производством поливной керамики в палеологовской Византии

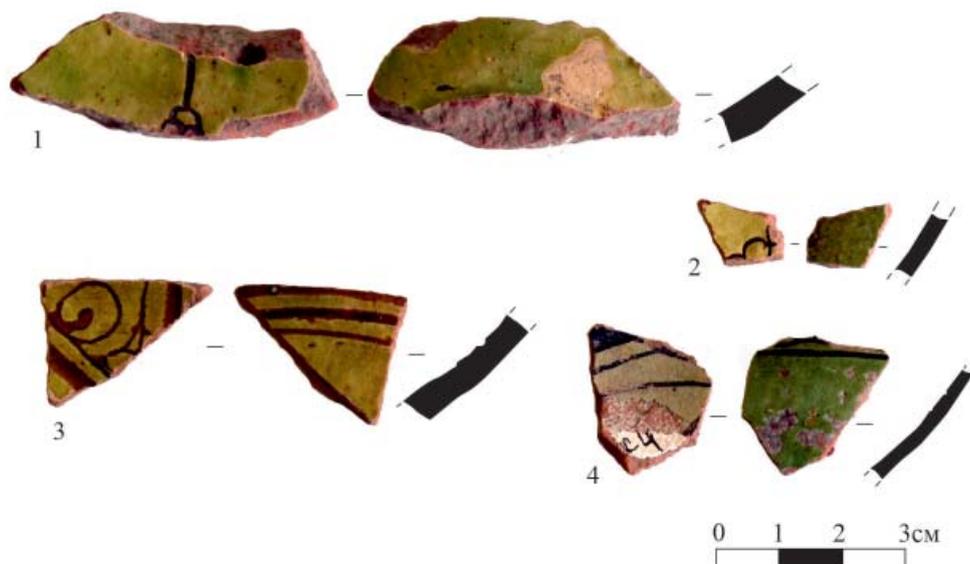

Рис. 7. Маджарское городище. Византийская керамика 6 группы
Fig. 7. Medieval town Madzhar. 6 group of Byzantium glazed pottery

Рис. 8. Маджарское городище. Медная монета. Византийская империя, Константинополь.
 Императоры Андроник II и Михаил IX, 1295–1320 гг
Fig. 8. Medieval town Madzhar. Copper coin. Byzantine Empire, Constantinople.
 Andronicus II and Michael IX, 1295–1320.

(François, 2005, p. 202; 2017, p. 82–84). Дата бытования этой группы византийской керамики в городах и поселениях Северного Причерноморья приходится на вторую половину XIV в., преимущественно на 60–80 гг. этого века (Бочаров, 2005, с. 308; Бочаров, Масловский, 2012, с. 33).

В связи с отсутствием паспортизированных находок византийских монет с территории Маджарского городища мы считаем важным опубликовать медную византийскую монету совместного правления императоров Андроника II и Михаила IX (1295–1320 гг.) (рис. 8), зафиксированную в слое пашни в центральной части Маджарского городища.

Несмотря на то, что находки византийских монет конца XIII – начала XIV вв. на территории Золотой Орды очень редки, медные номи-

налы, аналогичные публикуемому, встречены в двух золотоордынских городах. Одна из монет императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов найдена на Болгарском городище (Гончаров, 2003, с. 240). Вторая происходит из археологических раскопок 2013 г. на Увекском городище и зафиксирована в слое XIV в. (Петров, Кубанкин, 2015, с. 63, таб. 2).

Основной массив византийских товаров (в том числе и керамика) доставлялся морем в города и порты Северного Причерноморья и через них затем поступал в земли Золотой Орды (Еманов, 1995, с. 55). На Маджарское городище продукция Византийских мастеров доставлялась и южным путем, проходившим исключительно по суше. Информацию о маршруте этого южного пути приводит в своих путевых заметках Ибн Баттута, основны-

ваясь на рассказе купца из Южной Испании, встреченного им в 1334 г. на рынке Маджара: «На базаре этого города я увидел Еврея, который приветствовал меня и заговорил со мною по-арабски. Я спросил его, из какой он страны, и он сообщил, что он из земли Андалузской (Испании), что он прибыл оттуда сушей, а не ездил морем, и приехал через Константинополь Великий, через Румские земли и страну Черкесов... Торговцы странствующие, которые знакомы с этим делом, подтвердили правильность его слов» (Тизенгаузен, 1884, с. 288).

В заключение отметим, что наличие на памятнике византийской керамики второй

группы свидетельствует о возможном зарождении города Маджар в середине – третьей четверти XIII в. Локализация и картографирование участков городской территории с преобладанием в подъемном материале второй группы византийской поливной керамики в комплексе с византийскими амфорами позволит определить наиболее перспективные места для археологических раскопок. Целью этих дальнейших археологических исследований будет выявление первого, самого раннего участка городской территории, на котором золотоордынский город зарождается и с которого начинается своё пространственное развитие в середине – третьей четверти XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. №4(30). С. 161–170 doi: 10.24852/ра2019.4.30.161.170

Бочаров С.Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 306–323.

Бочаров С.Г. Первые результаты междисциплинарных археологических исследований золотоордынского города Маджар (Ставропольский край) // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Тезисы международной конференции (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.). / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2020. С. 28.

Бочаров С.Г. Селение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII – XIV вв.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 409–447.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская Поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.). // Поволжская археология. 2012. №1. С. 20–36.

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда). // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов / Археология Евразийских степей. Вып. 23. / Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. С. 20–38.

Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. (Нижняя Волга и Северный Кавказ) // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 192–197.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 125–133 doi:10.24852/ра2018.2.24.125.133

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404–406.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31–38.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: Результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. №4(30). С. 184–199 doi: 10.24852/ра2019.4.30.184.199

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Кожевенное производство золотоордынского города Маджар (Северный Кавказ) по результатам археологических и археозоологических исследований // Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете

археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 242–252.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 122–159.

Волков И.В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X – XVIII вв. Отв. ред. С.Г. Бочаров. Тезисы докладов II Международной научной конференции (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль. Ялта: Изд. дом Вендеревских, 2007. С. 33–42.

Волков И.В. Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 139–222.

Гончаров Е.Ю. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. Вып. 36. Москва, Казань: Gumanitaria, 2003. С. 239–242.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 225 с.

Крамаровский М.Г. Три группы поливной керамики из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. Сборник научных трудов, посвященный XIX Международному конгрессу византинистов. СПб.: ГЭ, 1996. С. 96–116.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР / САИ. Вып. Е4–4. М.: АН СССР, 1962. 64 с.

Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет. Поправки к работе В. В. Кропоткина «Клады византийских монет на территории СССР» // Византийский временник. 1966. Т XXVI. С. 166–189.

Крупнов Е.И. Первые итоги изучения восточного Предкавказья // СА. 1957. № 2. С. 154–174.

Масловский А.Н. О Времени возникновения Азака. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей заповедник, 2006. С. 257–295.

Петров П.Н., Кубанкин Д.А. Раскопки на Увекском городище в 2013 г. Нумизматический аспект // НЗО. 2015. №5. С. 61–66.

Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Арабские источники. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1884. 559 с.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 68–73.

Яворская Л.В., Бочаров С.Г. Кожевенное производство в средневековом городе: опыт атрибуции // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Том 4. № 3. С. 190–199. DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-3-190-199

Bocharov S., Maslovskiy A. The byzantine glazed pottery in northern Black Sea region (end XIII–XIV centuries). // Atti di IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo. A cura di S. Gelichi. Venezia: All’Insegna del Giglio, 2011. P. 255–266.

Bocharov S., Maslovskiy A. Pottery decorated with splashes of brown (manganese) color in Bizantium, Northern Black Sea Region and Eastern Europe in 13th – 14th centuries // 12th Congress On Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts. Athens: National Center of Scientifics Research, 2018. P. 24.

Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. Changes in ornamentation on glazed vessels as a trend in style // Atti delle Secondo convegno tematico delle AIECM3 «In&Around. Pottery&Community» / A cura di M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi. Faenza: All’Insegna del Giglio, 2016. P. 233 – 236.

Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. The Impact Ceramic Imports on Ceramic Manufacturing in the Cities of the North-Eastern Black Sea Region in the late of XIII – XIV centuries // XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings. Vol. 2. / Ed. F. Yenisehirlioglu. Ankara: Dumat Ofset, 2018. P. 117–125.

François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l’Époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 195–208.

François V. La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du musée du Louvre. Paris: Louvre éditions, Somogy éditions d’art, 2017. 373 p.

Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Les ateliers de céramiques de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2008 // *Anatolia Antiqua*. 2010. XVII. P.457-467.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Обухов Юрий Дмитриевич, младший научный сотрудник Научного отдела, аспирант Кафедры Всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); obuxova_t@inbox.ru

REFERENCES

Bocharov, S. G., Sergeev, A. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 161–170. doi: 10.24852/pa2019.4.30.161.170 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 306–323 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2020. In Mandryka, P.V. (ed.). *Mezhdisciplinarnye arkheologicheskie issledovaniia drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii (Krasnojarsk, 20-22 oktjabrja 2020 g.). Interdisciplinary archaeological research of the ancient cultural of the Yenisei Siberia and adjacent territories (Report of the International Scientific Conference (Krasnojarsk, October, 20-21, 2020).* Krasnojarsk: Siberian Federal University, 28 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2017a. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 409–447 (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskiy, A. N. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 20–36 (in Russian).

Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Major Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes). 10. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost” Publ. House, 20–38 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2016. In *Kol Materialy V Mezhdunarodnoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference)*. Elista: Kalmyk State University, 192–197 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 125–133. doi:10.24852/pa2018.2.24.125.133 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages – XXX Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Karachaevs: Karachay-Cherkess State University Publ., 404–406 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018b. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 31–38 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 184–199. doi: 10.24852/pa2019.4.30.184.199 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. 2020. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2020. Velikaia Step' v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniia (17–18 sentiabria 2020 goda). (Great Steppe in the Light of Archaeological and Interdisciplinary Studies: Margulan Readings – 2020 (September 17–18, 2020))*. 1. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan Publ. 242–252 (in Russian).

Volkov, I. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 122–159 (in Russian).

Volkov, I. V. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th –18th Centuries)*. Yalta: “Izdatel'skii dom Vederevskikh” Publ., 33–42 (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 139–221 (in Russian).

Goncharov, E. Yu. 2003. In *Drevnosti (Antiquities)* 36, 239–242 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Emanov, A. G. 1995. *Sever i Iug v istorii kommertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: "Rutra" Publ. (in Russian).

Kramarovskiy, M. G. 1996. In *Vizantiia i vizantiiskie traditsii (Byzantium and Byzantine Traditions)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 96–116 (in Russian).

Kropotkin, V. V. 1962. *Klady vazantiiskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Byzantine Coins in the Territory of the USSR)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4-4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kropotkin, V. V. 1966. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (26). 166–189 (in Russian).

Krupnov, E. I. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 154–174 (in Russian).

Maslovskiy, A. N. 2002. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 257–295 (in Russian).

Petrov, P. N., Kubankin, D. A. 2015. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5, 61–66 (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 68–73 (in Russian).

Yavorskaya, L. V., Bocharov, S.G. 2020. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* 4(3). 190–199 DOI:10.31806/2542-1158-2020-4-3-190-199 (in Russian).

Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2011. In S. Gelichi. (A cura di). *Atti di IX Congresso Internazionale sulla ceramica Medievale nel Mediterraneo*. Venezia: All'Insegna del Giglio, 255–266 (in English).

Bocharov, S., Maslovskiy, A. 2018. In *12th Congress On Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics*. Abstracts. Athens: National Center of Scientifics Research. 24 (in English).

Bocharov, S., Maslovskiy, A., Iudin, N. 2016. In M. Ferri, C. Moine, L. Sabbionesi (A cura di) *Atti delle Secondo convegno tematico delle AIECM3 «In&Around. Pottery&Community»*. Faenza: All'Insegna del Giglio, 233–236 (in English).

Bocharov, S., Maslovskiy, A., Iudin, N. 2018. In F. Yenisehirlioglu (ed.). *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings*. Vol. 2. Ankara: Dumat Ofset, 2018. P. 117–125 (in English).

François, V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 195–208 (in French).

François V. 2017. *La vaisselle de terre à Byzance. Catalogue des collections du musée du Louvre*. Paris: Louvre éditions, Somogy éditions d'art (in French).

Waksman, S. Y., Erhan, N., Eskalen, S. 2010. In *Anatolia Antiqua*. XVII. 457-467 (in French).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory "Digital Technologies on History and Archaeology"; Associated professor, Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Obukhov Yuri D. Junior researcher of the Scientific Department, Post-graduate student of the Department of World History, Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СТЕКЛЯННЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МАДЖАР

© 2021 г. Н.П. Курьшова

Данной работой вводится в научный оборот коллекция украшений из стекла в количестве 153 предметов, происходящая с памятника эпохи Золотой Орды – города Маджар (Буденновский район, Ставропольский край). В исследовании использованы типологические принципы, предложенные М.Д. Полубояриновой. Типологизация вещей показала, что на городище в большом количестве встречаются монохромные бусы с широкими аналогиями и датировками XI–XVI вв. Важное место среди монохромных занимают бусы бирюзового цвета, распространенные более всего в золотоордынских городах Поволжья (середина XIII–XIV вв.). В этих же городах широко распространились и производились пятнистые, глазчатые и полосатые бусы, также занимающие важное место в исследуемой коллекции. Подвески из Маджарской коллекции находят аналогии в кочевнических погребениях золотоордынского времени, встречаются на памятниках Средней Азии. Изучаемая коллекция стеклянных украшений из Маджара демонстрирует прямую связь с ремесленными мастерскими золотоордынских городов Поволжья, традиции которых формировались преимущественно под влиянием хорезмийских и иранских, хотя прослеживается влияние домонгольского стеклодельного ремесла Волжской Булгарии и Руси.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, стеклянные бусы, типология, Маджары, стеклоделие.

GLASS JEWELRY FROM THE GOLDEN HORDE CITY OF MAJAR

N. P. Kuryshova

This paper introduces into scientific discourse a collection of 153 glass jewelry items. They take their origin from the Madjar archaeological site of the Golden Horde period (presently – Budyonovsky district in Stavropol Krai). The study uses typological principles introduced by M.D. Poluboyarinova. A classification of the items demonstrated that large quantities of monochrome beads having numerous counterparts and dated the 11th-16th centuries are discovered at this archaeological site. An important place among the monochrome beads is occupied by turquoise-colored beads, which were most common in the Golden Horde cities of the Volga region (mid-13th-14th centuries). Spotted, eyed and striped beads were also widespread and produced in the same cities. These types of items also form a significant part of the studied collection. It has been found that the pendants from the Madjar collection have counterparts in nomadic Golden Horde burials and are discovered on the sites of Central Asia. The studied collection of glass jewelry from Madjar demonstrates a direct correlation with craft workshops of the Golden Horde cities of the Volga region, whose traditions were formed with the predominant influence of Khorezm and Iranian ones, although the influence of pre-Mongolian glasswork of Volga Bulgaria and Rus has been traced.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, glass beads, typology, the Madjar, glassmaking.

В настоящее время в научной литературе постепенно возрастает интерес к археологическому стеклу и особенно к стеклу золотоордынского периода. Государство Золотая Орда (Улус Джучи) существовало немногим более двух столетий, а отдельные города не более четверти века, однако за это недолгое время была создана яркая и пестрая материальная культура, достигнут высокий уровень ремесел, в которые, кроме степных завоевателей, свой вклад внесли самые разные народы Евразии – болгары, русские, мордва, переселенцы из Средней Азии, Крыма. Изготовление стеклянных изделий являлось одним из сложных и высокотехнологичных направлений ремесла, выявление его особенностей

дает возможность оценить уровень развития технологий, мастерства ремесленников, а также возможные торговые связи золотоордынских городов.

За XX век при археологических исследованиях нижеволжских городов Золотой Орды было собрано большое количество стеклянных изделий, почти все они изучены и опубликованы (Бусятская Н.Н., 1976; Галкин Л.Л., 1984; Щапова Ю.Л., 1984; Полубояринова М.Д., 1988; Валиулина С.И., 2005). Городу Маджару на Северном Кавказе в этом плане не повезло, археологические экспедиции проводились редко и без четкого плана (Обухов Ю.Д., 2016), практически никогда не публиковался анализ отдельных категорий

находок и стеклянных изделий в частности. Редкие публикации с кратким представлением результатов археологических исследований не дают полноценного знания о функционировании города и его ремесел. До настоящего момента стеклянные изделия с городища Маджары специально не рассматривались, и представленные ниже материалы впервые вводятся в научный оборот. Существует небольшая, но очень показательная коллекция изделий из стекла, собранная преимущественно как подъемный материал, на городище в разные годы. Выражаю благодарность Обухову Юрию Дмитриевичу за возможность работы с формирующимся фондом Маджарского археологического музея.

В данной работе исследуются исключительно украшения из стекла – бусы и подвески, численность которых в коллекции 153 экземпляра. Все изделия рассмотрены по типологии, разработанной М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1988, с. 150). В основу классификации бус положено понятие типа как устойчивого ряда признаков. Технологические особенности изготовления стеклянных бус определяют группы (техника навивки стеклянной массы на металлический стержень; бусы из тянутых трубочек; и проч.), которые, в свою очередь, разделяются на две подгруппы: монохромные и орнаментированные. Первая подгруппа делится на отделы и типы по морфологическому признаку – продольному и поперечному сечениям. Вторая подгруппа подразделяется на разряды по способу орнаментации, а далее на отделы по форме поперечного сечения и на типы по форме в продольном сечении. Внутри вида бусы разделяются по размеру. Учитываются два размера – высота (расстояние между отверстиями) и наибольший диаметр. Третья цифра обозначает диаметр канала бусины.

Все рассматриваемые изделия из Маджара, как бусы, так и подвески, относятся к одной технологической группе, т. к. все они выполнены способом навивки.

Группа I. Одноцветные, изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Подгруппа А. Неорнаментированные.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 1: 1; 2: 1) бусы из коричневого, синего и белого глухого стекла. Размеры: 4–4–2; 6–6–2. Найдено 9 экз. Аналогии встречаются в домонгольских памятниках Средней Азии, мордовских могильниках XII–XIV вв. (Алихова, 1948, табл. III, рис. 46).

Белые бусы подобных форм известны в Кара-Коруме (Левашова, 1966, с. 300, рис. 160, 1).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 2; 2: 3–6) бусы из непрозрачного и полупрозрачного стекла зеленого, синего и белого, желтого цветов. Размеры: 6–9–3 и 11–15–3. Найдено 15 экз. Аналогии встречаются в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), в домонгольских памятниках Средней Азии, в Новгороде в слоях XII–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 166), в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., изредка в поздних мордовских могильниках, золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40), в Биляре (Валиулина, 2005, рис. 28; 43, 48).

Тип 3. Бочонковидные (рис. 1: 3; 2: 7) из полупрозрачного желтого и темно-синего стекла. Размеры 7–6–2. Найдено 3 экз. Аналогии: бусы подобной формы черные, голубые и желтые встречаются в Саркеле (Львова, 1959, с. 327), Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 176), Кара-Коруме (Левашова, 1965, с. 300, 301), в средневековых слоях Херсонеса и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 39).

Тип 4. Кольцевидные (рис. 1: 4–5; 2: 8–9) бусы из непрозрачного или полупрозрачного стекла зеленого, желтого или коричневого цвета. Размеры: 3–5–1; 2–8–5. Найдено 19 экз. Аналогии: зеленые, желтые, красные, белые бусы встречаются в домонгольских слоях Афрасиаба, средневековых слоях Херсонеса, курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 39) и в Кара-Коруме (Левашова, 1965, с. 303), в Биляре (Валиулина, 2005, рис. 28; 11, 13, 39).

Тип 6. Усеченно-биконические (рис. 1: 6; 2: 10–11) бусы из полупрозрачного темно-синего стекла, непрозрачного стекла бирюзового и зеленого цветов. Размеры: 5–8–2; 4–9–3; 5–7–3; 4–8–3. Найдено 4 экз. Аналогии: черные, синие, желтые, голубые бусы известны в позднесредневековых слоях Херсонеса, в гдовских курганах, золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40), мордовских могильниках XIII–XIV вв. (Алихова, 1959, с. 178, табл. 69, рис. 5).

Тип 7. Бусины подцилиндрической формы (рис. 1: 7; 2: 12) в виде навитых друг на друга колец, из непрозрачного голубого, коричневого и полупрозрачного зеленого стекла. Размеры: 7–4–1; 4–6–1; 5–9–1. Найдено 4 экз. Аналогии: бусы голубого цвета встречаются в славянских могильниках (Арциховский, 1930,

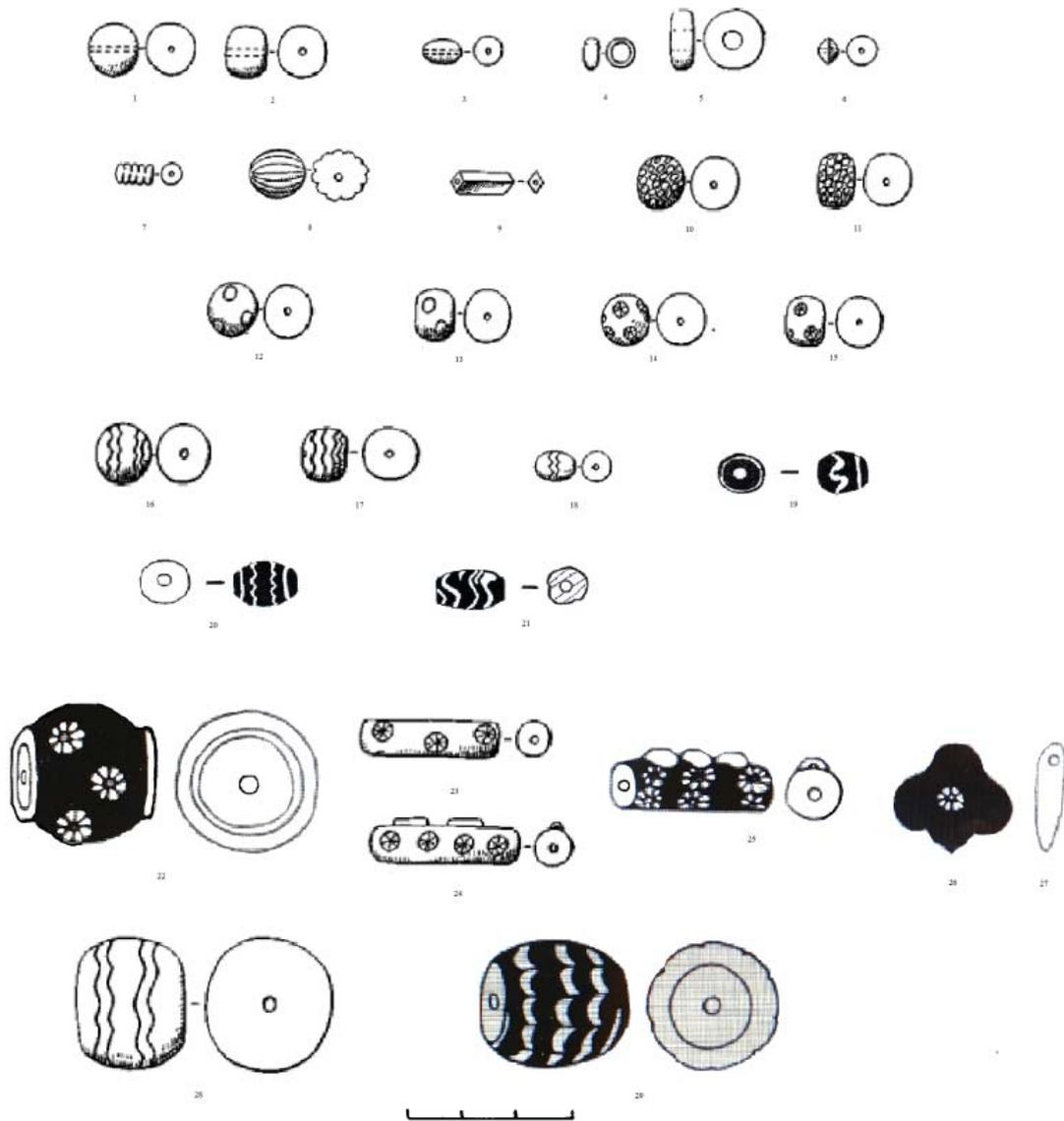

Рис. 1. Стекланные украшения Маджара

Fig. 1. Jewelry of glasswork from the Golden Horde city of Madjar

с. 140; Шапова, 1972, с. 75), в Биляре (Валиулина, 2005, рис. 28; 14).

Тип 8. Округло-ребристые (рис. 1: 8; 2: 13). Шаровидные или зонные бусины из непрозрачного стекла бирюзового цвета, дополнительно «расчесаны» металлическим инструментом для получения ребристой формы. Размеры 6–9–3 и 11–15–3. Найдено 5 экз. Для периода XIII–XIV вв. круглоробристые бусы из голубого стекла наиболее характерны для среднеазиатских памятников, встречаются в Кара-Коруме (Бусятская, 1976, с. 41), в позднечечевических погребениях (Федоров-Давыдов, 1966, с. 72).

Отдел II. Граненые.

Тип 1. Четырехгранные. Призматические бусы из непрозрачного бирюзового и полупрозрачного черного, голубого и зеленого стекла (рис. 1: 9; 2: 14–16). Размеры 7–6–2; 14–8–3.

Найдено 12 экз. Аналогии: золотоордынские города Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40).

Подгруппа Б. Орнаментированные.

Разряд I. Орнаментированные крошкой разноцветного стекла.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 1: 10; 2: 17) бусы из непрозрачного черного стекла, орнаментированы крошкой разноцветного стекла: зеленой, желтой, красной, голубой, коричневой. Размеры: 9–9–3; 13–13–3. Найдено 4 экз. Аналогии встречаются в Саркеле в слоях конца XI – начала XII вв. (Львова, 1959, с. 329), в мордовских могильниках XIII–XIV вв. (Алихова, 1948, с. 224), в позднечечевических курганах Нижнего Поволжья (Г.А. Федоров-Давыдов, 1966, с. 72), в памятниках Северного Кавказа, средневековых слоях Херсонеса, в Болгаре в слоях XII – начала

Рис. 2. Стекланные бусы Маджара
Fig. 2. Glass from the Golden Horde city of Madjar

XIII вв., в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., в городах Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 11; 2: 18–19) бусы из непрозрачного черного стекла, орнаментированные цветной стеклянной крошкой. Размеры: 9–13–3. Найдено 7 экз. Аналогии: территория и время бытования аналогичны типу 1, кроме того, зонные бусы, орнаментированные крошкой разноцветного стекла, известны в курганах вятичей (Арциховский, 1930, с. 29).

Разряд II. Пятнистые. Орнамент в виде 3–6 пятен.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 1: 12; 2: 20–21) бусы из черного непрозрачного стекла, с белыми глазками; бирюзового цвета с темно-синими глазками; черного или темно-синего цвета с желтыми глазками. Размеры: 15–16–4; 11–2–3; 8–9–3. Найдено 11 экз. Аналогии встречаются в курганах северо-западной и северо-восточной Руси XI–XIII вв. (Фехнер, 1959, рис. 6, 13), в Болгаре в слоях XII–XIII вв. (Валиулина, 2005, с. 93), в могильниках Северного Кавказа, в позднесредневековых мордовских могильниках, памятниках Хорез-

ма XIII–XIV вв., золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 41).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 13; 2: 22) бусы из непрозрачного черного или темно-синего стекла с орнаментом в виде 3–6 пятен белого, желтого или зеленого цвета. Размеры: 5–7–2; 9–11–2; 15–18–4. Найдено 4 экз. Аналогии: территория распространения и время бытования аналогичны типу 1.

Разряд III. Глазчатые. Орнаментированы плоскими глазками с ресничками.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные бусины (рис. 1: 14; 2: 23–24) из черного, желтого и бирюзового непрозрачного стекла с темно-красными глазками с белыми ресничками. Размеры: 5–5–1; 6–7–2; 10–10–3. Найдено 5 экз. Аналогии встречаются в славянских могильниках X–XI вв. (Щапова, 1956, с. 177–178), в Саркеле (Львова, 1959, с. 332), в мордовских могильниках XII–XIV вв. (Алихова, 1959, табл. 69, 2), в позднекочевнических курганах Поволжья (Федоров-Давыдов, 1966, с. 73), в позднесредневековых городах Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 15; 2: 25–28) бусины из черного, голубого и желтого непрозрачного стекла с темно-красными, с белыми ресничками, глазками. Размеры: 9–11–5; 10–12–5. Найдено 13 экз. Территория распространения и время существования аналогичны типу 1.

Разряд IV. Полосатые. Орнамент в виде одной или нескольких волнистых линий.

Отдел А. Круглые.

Тип 1. Шаровидные (рис. 1: 16; 2: 29–30) бусины из непрозрачного темно-синего или черного стекла, украшенные желтыми прямыми или волнистыми линиями. Размеры: 10–10–3; 12–12–3. Найдено 4 экз. Аналогии: бусы черного цвета встречаются в позднесредневековых памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 2. Зонные (рис. 1: 17; 2: 31–34) бусы из черного непрозрачного стекла с желтыми или белыми линиями. Размеры: 14–17–5. Найдено 12 экз. Аналогии: встречаются в русских курганах XIII–XIV вв. (Фехнер, 1959, рис. 6, 24), в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. (Щапова, 1956, с. 176), в мордовских могильниках (Алихова, 1948, с. 224), в Биляре (Валиулина, 2005, рис. 29, 36–37), в золотоордынских памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Тип 3. Бочонковидные (рис. 1: 18–21; 2: 35–36) бусы из черного непрозрачного стекла орнаментированы желтыми, белыми, красными нитями. Изредка встречаются красные или зеленые бусины. Размеры: 13–12–3; 16–11–3; 8–6–2; 10–8–3. Найдено: 7 экз. Аналогии: территория распространения аналогична типу 2.

Среди материала, собранного на городище Маджары, выделяется небольшая группа стеклянных украшений – подвески. В эту категорию входят, во-первых, бусины, которые в силу своего размера или особенности формы должны были носиться как отдельные украшения (на шнурке на шее, в косе или в качестве центральной бусины ожерелья). Во-вторых, кулоны – вытянутые вертикально подвески различной формы, у которых имеется ушко или отверстие, куда пропускается нить или шнурок (Полубояринова, 1988, с. 181). Всего подвесок найдено 20 экземпляров. Как и бусы обычных размеров, мы разделяем подвески по принципам технологии и орнаментации.

Группа I. Одноцветные, изготовленные путем навивки на твердый стержень размягченной стеклянной массы.

Подгруппа А. Неорнаментированные.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Фигурные. (рис. 3: 8–9) Каплевидные и каплевидно-уплощенные подвески из непрозрачного стекла бирюзового цвета. Размеры: 25 мм, 12 мм. Найдено 3 экз. Аналогичные подвески встречаются на Увекском городище.

Подгруппа Б. Орнаментированные.

Разряд II. Подвески с глазчатым узором.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Шарообразная, бирюзовая, украшенная плоскими реснитчатыми бело-красными глазками, вокруг отверстий для нити – рельефный валик из желтого стекла (рис. 1: 22; 3: 1) (1 экз.). Размеры: 40–30–4. Аналогичные подвески встречены на Селитренном и Царевском городищах (Бусятская, 1976, с. 44), в Болгаре и на городище Шехрлик (Полубояринова, 1988, с. 185).

Тип 2. Цилиндрические.

Вид 1. Одинарные. Подвеска из непрозрачного черного стекла, орнаментирована плоскими реснитчатыми бело-красными глазками (рис. 1: 23; 3: 2). Размеры: 25–10–4. Найдено 1 экз.

Вид 2. Двойные цилиндрические подвески из черного или бирюзового стекла с 3 верхними бусинами, украшены плоскими реснитча-

Рис. 3. Стекланные подвески Маджара

Fig. 3. Glass pendants from the Golden Horde city of Madjar

тыми бело-красными глазками, с бирюзовой сердцевинкой (рис. 1: 24–25; 3: 3–4). Размеры: 30–10–4. Найдено 5 экз. Аналогии для обоих видов встречаются в Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 185), на Селитренном, Царевском и Увекском городищах, в развалинах Старого Мерва и в мордовских могильниках. (Бусятская, 1976, с. 44).

Отдел II. Плоские. Фигурные трехчастные подвески-кулоны (канал проходит в верхней части привески). Изготовлены из черного или красного стекла, орнаментированы одним реснитчатым красно-белым глазком (рис. 1: 26; 3: 5–7). Размеры: 28–30, 20, 4. Найдено 3 экз. Аналогии найдены в Хорезме, в Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 185), в золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42).

Разряд III. Подвески со спиральной или спирально-волнистой орнаментацией.

Орнамент в виде одной или нескольких волнистых линий.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Зонные подвески из черного непрозрачного стекла, орнаментированы белыми, красно-белыми, зелено-красными нитями. На некоторых хорошо заметны одно- и разнонаправленные «расчесы», которые делались для получения зигзага (рис. 1: 27–28; 3: 10–14). Размеры: 24–24–4; 35–34–4. Найдено 7 экз. Аналогии: встречаются в Болгаре в слоях XII–XIII вв. (Полубояринова, 1988, с. 182), в золотоордынских памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 42), в кочевнических погребениях Нижнего Поволжья XIII–XIV вв. (Мыськов, 2015, с. 172).

Рис. 4. Диаграмма. Соотношение монохромных и орнаментированных бус
Fig. 4. Graph. The ratio of monochrome and ornamented beads

Разряд IV. Подвески с орнаментацией накладными нитями, образующими различные (не спиральные) узоры.

Отдел I. Круглые.

Тип 1. Цилиндрическая подвеска из непрозрачного черного стекла орнаментирована жгутом, свитым из синего прозрачного и белого непрозрачного стекла (рис. 3: 15). Размеры: 10–5–3. Найден 1 экз. Аналогичные подвески встречаются на Увекском городище.

Как видно из данной типологии, на Маджарском городище в большом количестве (54%) найдены бусы монохромные: белого, синего, голубого (бирюзового), зеленого, коричневого стекла. Формы бус в основном простые – шаровидные, зонные, бочонковидные, кольцевидные. Аналогичные бусы встречены как в среднеазиатских и славянских памятниках XI–XIII вв., так и в памятниках монгольского времени (XIII–XIV вв.). Среди последних они представлены в позднерусских курганах, в Новгороде и на территории городов Золотой Орды.

На долю орнаментированных (пятнистых, глазчатых и полосатых) приходится 46% от общего количества бус. Аналогии пятнистым широко известны в памятниках XI–XIII вв. на территории Волжской Булгарии, Средней Азии, в небольшом количестве они встречаются на территории древней Руси. В XIII–XIV вв. основной территорией распространения пятнистых бус становятся золотоордынские города Поволжья. Вместе с тем пятнистые бусы продолжали использоваться на поселениях позднего Средневековья: по большей части в городах Средней Азии и изредка – в русских памятниках.

Аналогии глазчатым бусам известны в памятниках I–XI вв., они получают распространение у многих народов, в том числе и в Восточной Европе. В XIII–XIV вв. ареал глазчатых бус сужается, они встречаются преимущественно в Средней Азии и в золотоордынских городах.

Бусы с орнаментом в виде волнистой линии, часто многократно повторенной в виде спирали, идущей от одного конца отверстия к другому, имеют аналогии в домонгольских памятниках Руси, монгольских памятниках Хорезма и золотоордынских городах Поволжья. На Селитренном городище была раскопана мастерская по изготовлению стеклянных украшений, в первую очередь орнаментированных бус (Галкин, 1984, с. 43). Находки с Маджарского городища имеют среди таких бус прямые аналогии. Подобные же типы бус в XIII–XIV вв. известны главным образом в памятниках Средней Азии и в северных районах Руси, где продолжало существовать местное производство изделий из стекла.

Стеклянные подвески с Маджара имеют аналогии преимущественно из позднекочевнических курганов Поволжья и из мордовских могильников, находившихся под непосредственным влиянием золотоордынской культуры, и среди подвесок из среднеазиатских памятников XII–XIV вв. с многовековыми традициями изготовления подобных украшений. Среди материалов славянских памятников аналогии золотоордынским подвескам неизвестны. Подвески, близкие подвескам второй группы – двойные цилиндрические (отдел 1, тип 2), встречаются в Индии, в памятниках начала нашей эры, в Иране, где они

датируются XI–XII вв. и позднее (Бусятская, с. 40). Высказано мнение, что внутри таких подвесок могли хранить бумажные амулеты с изречениями из Корана, призванные предохранять от несчастий (Каримова, 2013, с. 37).

Коллекция стеклянных изделий из Маджара является частью интернациональной бижу-

терии Евразии XIII–XIV вв. Эти украшения находят аналогии преимущественно в золотоордынских памятниках Поволжья, где они, по-видимому, и изготавливались. Традиции изготовления этой группы изделий восходят к ремеслу средневекового Хорезма, а также домонгольских Волжской Булгарии и Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Вып. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1948. С. 212–258.

Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 169–184.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 222 с.

Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.

Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 213–221.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. 212 с.

Левашова В.П. Бусы из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука. 1965. С. 297–307.

Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 307–332.

Монгайт А.Л. Старая Рязань / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4. / МИА. № 49. М.: АН СССР, 1955. 228 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Обухов Ю.Д. Историография археологического изучения городища Маджары // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд. Калмыцкого университета, 2016. С. 249–254.

Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 57–72.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 33 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия. 1959. С. 149–224.

Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55 / Отв. ред. А.В. Арциховский и Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1956. С. 164–179.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. 216 с.

Щапова Ю.Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 222–224.

Информация об авторе:

Курьшова Наталья Павловна, аспирант, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); snejka15@yandex.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1948. In Gotie, Yu. V., Tsyganov, N. F., Kotkov, Yu. A. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik. (Archaeological Collection of Papers. 1.* Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 169–184 (in Russian).

Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Burial Mounds of the Viatichi)*. Moscow: “RANION” Publ. (in Russian).

Busiatskaia, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73–107 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 213–221 (in Russian).

Karimova, R. R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuna kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sociokul'turnaia interpretatsiia) Elements of dressing and costume accessories of Golden Horde nomads (typology, social and cultural interpretation)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Levashova, V. P. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ., 297–307 (in Russian).

L'vova, Z. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 75. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 307–332 (in Russian).

Mongait, A. L. 1955. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies on the Archaeology of Old Russian Towns)* 4. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 49. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: “RANKhiGS” Publ. (in Russian).

Obukhov, Yu. D. 2016. In Koltsov, P. M. (ed.). *Materialy V Mezhdunarodnoi Nizhnevolzhskoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference)*. Elista: Kalmyk State University, 249–254 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 151–219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 57–72 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fekhner, M. V. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 33. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 149–173 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1956. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* 1. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–179 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1972. *Steklo Kievskoi Rusi (Glass of Kievan Rus)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 222–224 (in Russian).

About the Author:

Kuryshova Natalya P. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; snejka15@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

БЕРЕСТЯНОЙ КОЛЧАН КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКА XIII–XIV ВВ.

© 2021 г. В.Ю. Макласов, П.М. Кольцов

Колчан, как часть саадачного набора, был неотъемлемым спутником кочевника на протяжении всей жизни. В данной статье рассматриваются один тип берестяных колчанов XIII–XIV вв. с археологических памятников Клин и Адрык. С целью выявления внешнего облика, проводятся параллели с изобразительными источниками и колчанами других регионов. Помимо этого, анализируются современные публикации по данной тематике, что дает возможность шире взглянуть на использование разнообразных техник изготовления берестяных колчанов. В исследовании произведена графическая реконструкция.

Ключевые слова: археология, береста, колчан, саадак, Золотая Орда, погребение, источники.

THE BIRCH BARK QUIVER AS AN INTEGRAL PART OF THE ARMS OF A 13TH-14TH CENTURY NOMAD

V.Yu. Maklasov, P.M. Koltsov

The quiver, as part of the saadak set, was an essential companion of a nomad throughout his life. This article focuses on a particular type of birch bark quivers of the 13th-14th centuries from Klin and Adryk archaeological sites. In order to identify the external appearance, parallels are drawn with pictorial sources and quivers from other regions. In addition, modern publications on this topic are analyzed, which makes it possible to take a broader look at the use of various techniques for making birch bark quivers. The study included a graphic reconstruction.

Keywords: archaeology, birch bark, quiver, saadak, Golden Horde, burial, sources.

В XIII в. мир познакомился с невероятной военной мощью монголов, превративших небольшое государство с помощью клинка, лука и стрел в огромную империю. На протяжении всей жизни кочевников сопровождало оружие, будь то война или мирная жизнь. После смерти воина в загробный мир его зачастую сопровождал боевой конь, вооружение и иной погребальный инвентарь. Сегодня исследователи имеют возможность изучать наступательное вооружение не только по письменным и изобразительным источникам, но и по археологическим находкам. Сохранность погребального инвентаря зачастую очень плохая, особенно это касается органики. Часто на месте предмета остается только тлен, а в отдельных случаях, украшения из металла и кости, по которым возможно установить только наличие предмета. Следующая проблема, это интерпретация найденного артефакта, поскольку зачастую он сильно деградировал или же полностью разрушился. В этом случае исследователю предстоит провести реконструкцию археологического предмета по сохранившимся фрагментам, найти ближайшие аналогии и при этом не исказить его внешний облик, чтобы случайным образом не ввести в научный оборот «новый» тип колча-

нов. Данное опасение не случайное, поскольку Н.В. Малиновская (Малиновская, 1974, с.134), Ю.С. Худяков (Худяков, 1981, с. 127, 131) и А.Ф. Медведев (Медведев, 1966, с.18), на основании направления стрел в колчанах разделили их на два типа, с карманом и без него. На наш взгляд исследователи, выделяя особый тип колчанов без кармана, опирались только на один признак – направление стрелы, при этом упуская такой важный момент как древесный тлен, который присутствует при расчистке предмета в погребении, но не всегда фиксируется исследователем в отчете. Следующий момент, это наличие парных отверстий в местах крепления деревянных планок как декоративных, так и конструктивных, указывающих на крепление в этих местах карманов. Сказанное выше подвергает сомнению выделение колчанов без кармана, более подробные аргументы будут приведены ниже. Само рассуждение о направлении расположения стрел в колчане может быть объяснено символически погребального обряда.

Для создания цельного образа средневекового монгольского мужчины, воина, постараемся проанализировать такую часть саадачного набора как берестяной колчан, используя при этом различные источники. Цель иссле-

дования заключается в изучении колчанов с двух памятников - Клин курган 1 погребение 1 и Адрык курган 5 погребение 1. Для реализации поставленной задачи был использован сравнительно-аналитический метод, который позволил выявить общие черты присущие одному типу берестяных колчанов.

С раннего детства кочевники воспитывали своих детей превосходными лучниками¹. На всей протяжённости жизни навык стрельбы из лука совершенствовался как в простой стрельбе, так и в охоте². Стоит отметить, что европейские и китайские современники, характеризуя описывая их вооружение, указывают на приоритет лука, нежели др. оружия³. Плано Карпини в своей рукописи «История Монголов, именуемых нами Татарами» в главе 6 параграф 2 «Об оружии»⁴ описывал также отмечал, что должен иметь из вооружения каждый монгольский воин. Гильом Рубрук в книге «Путешествие в восточные страны» описывал тоже самое, дополнительно упомянув, что кочевники сами изготавливают себе лук и стрелы⁵. Затрагивая описывая эту часть жизни монголов, нельзя не отметить упомянуть, что женщины и девушки не отставали от мужчин в вопросе стрельбы из лука⁶.

На сегодняшний день достаточно много исследователей интересуются вопросом саадачного комплекта, как в целом, так и отдельных элементов. Самыми знаковыми можно назвать работы М.В. Горелика (Горелик, 2011, с. 43), Е.П. Мыськова, Н.В. Малиновской, Ю.С. Худякова.

В своей монографии «Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой орды» Е.П. Мысков (Мысков, 2015, с. 132) выделяет довольно большую группу берестяных колчанов с геометрическим орнаментом приводя в пример монгольских лучников с миниатюр Джамии ат-Таварих, считая, что продольные чёрные полосы являются орнаментом. Это отчасти верно, но они являются декоративными деревянными планками, таким примером может послужить колчан из скального захоронения в Монголии (рис 1.2). Стоит отметить, что вариация украшения берестяных колчанов различна, это прослеживается на миниатюрах Джамии ат-Таварих от простого колчана (рис 1.1) до сложного, колчана с костяными накладками (рис 1.3). Такие колчаны изображены не только на арабских миниатюрах, но и на нескольких кубачинских рельефах изображающих всадников. Выделив основное оружие, стоит отметить, что наличие лука подразумевает саадачный комплект: лук, пояс,

налуч, стрелы и колчан. Предметом рассмотрения станет один из типов колчанов, которые чаще встречаются на территории волгодонских степей.

На всех изобразительных источниках мы наблюдаем одну разновидность колчана: с «карманом», и декорированного деревянными декоративными планками, как с геометрическим орнаментом, так и без него. При этом множество археологических памятников говорят о большей вариативности декорирования колчанов: раскрашивание, тиснение, украшение берестяными накладками и разные их комбинации. Рассмотрим более подробно колчаны с геометрическим орнаментом на примере двух колчанов с памятников Клин курган 1 погребение 1 и Адрык курган 5 погребение 1.

Памятник археологии Адрык расположен в Октябрьском районе Республике Калмыкия, на территории фермы №2 совхоза «Иджил», в 11 км к северо-западу от п. Барун, в 9 км к юго-западу от п. Джангар. Работы проводились Е.В. Цуцкиным в 1978 г. (Цуцкин, 1979). Берестяной колчан деформирован грунтом. Его размеры: длина 61 см, в нижней части 20 см, ширина в верхней части 11,5 см, геометрический орнамент в верхней и нижней части, просматриваются парные отверстия в местах крепления деревянных планок.

Памятник археологии Клин I расположен в Ульяновской области, Николаевского р-на, в 2,2 км от посёлка Клин. Работы проводились В.В. Тихоновым в 2017 г.⁷ «Захоронение располагалось внутри разобранного сруба непосредственно под условным центром кургана. На уровне погребённой почвы пятно могилы не имело чётких очертаний, поскольку было разбито поздним перекопом 1 (яма опоры триангуляции). На этом горизонте читались выкиды из этой ямы и из других ям опор. Подобная ситуация наблюдалась до глубины более 2 м от R0. Далее заполнение не отличалось от сыпучего песчаного материкового грунта, и стенки ямы также не прослеживались. Контуры гроба зафиксированы на глубине 297–295 см, а дно на отметках в пределах 330 см от R0 практически по центру кургана. Само захоронение изначально было совершено в деревянном ящике с крышкой (гроб) трапециевидной формы, обшитый узкими железными крепежными пластинами. Оно было ориентировано с северо-востока на юго-запад, широкой торцевой стороной ящика на северо-восток. Его длина 1,95 м, ширина до 0,61 м. У более узкой стороны с юго-запа-

Рис. 1. : 1. – Фрагмент миниатюры альбом Диез 70, стр. 20: «Монгольская тронная сцена», Государственная библиотека Берлина – Прусская культурная собственность, Германия; 2. – Колчан из скального захоронения, найденного в долине Техтин аймака Баян-Улгий в 2016; 3. – Фрагмент миниатюры альбом Диез 70, стр. 7, № 1 «Осада Багдада монголами», Государственная библиотека Берлина – Прусская культурная собственность, Германия.

Fig. 1.: 1. – Fragment of miniature, Diez 70 album, page 20: “Mongol Throne Scene”, State Library of Berlin – Prussian Cultural Property, Germany; 2. – Quiver from a rock burial discovered in the Tekhtin valley of the Bayan-Olgii aimag in 2016; 3. – Fragment of miniature, Diez 70 album, page 7, No. 1 “Siege of Baghdad by the Mongols”, State Library of Berlin – Prussian Cultural Property, Germany.

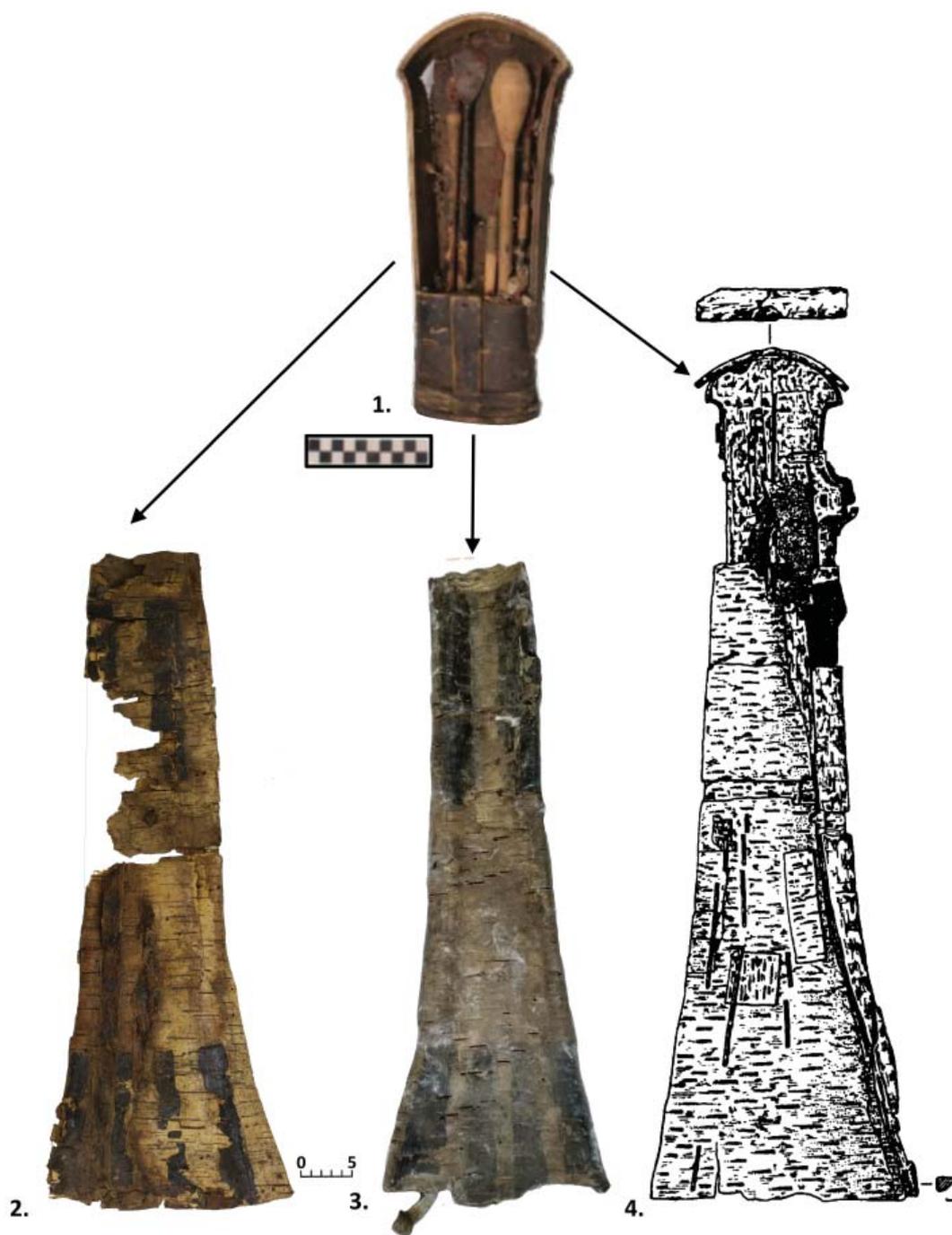

Рис. 2: 1. – «Карман-манжета» колчана из скального захоронения, найденного в долине Текхтин аймака Баян-Улгий в 2016 г.; 2 – Берестяной колчан из курганного могильника Клин-1. Курган 1. Погребение 1. Ульяновская область. Николаевский район. Раскопки В.В. Тихонова; 3. – Берестяной колчан из курганного могильника Адрык. Курган 5. Погребение 1; 4. – Колчан из кургана № 3 у села Каирка. Каланчакского района Херсонской области. Раскопки А.И. Куйбышева.

Fig. 2.: 1. – “Pocket cuff” of a quiver from a rock burial discovered in the Tekhtin valley of the Bayan-Olgii aimag in 2016; 2 – Birch bark quiver from Klin-1 burial mound. Barrow 1. Burial 1. Ulyanovsk Oblast. Nikolayevsky District. Excavations by V.V. Tikhonov; 3 – Birch bark quiver from Adryk burial mound. Barrow 5. Burial 1; 4. – Quiver from barrow No. 3 near Kairka village, Kalanchak District, Kherson Oblast. Excavations by A.I. Kuibyshev.

Рис. 3: 1. – Расположение деревянных планок на берестяном колчане из курганного могильника Адрык. Курган 5. Погребение 1. 1978; 2а – Расположение деревянных планок на берестяном колчане из курганного могильника Клин-1. Курган 1. Погребение 1. Ульяновская область. Николаевский район. Раскопки В.В. Тихонова; 2б – Сохранившиеся фрагменты деревянных планок на берестяном колчане из курганного могильника Клин-1. Курган 1. Погребение 1. Ульяновская область. Николаевский район. Раскопки В.В. Тихонова; 3 – Графическая реконструкция колчана.

Fig. 3: 1. – Arrangement of wooden planks on a birch bark quiver from Adryk burial mound. Barrow 5. Burial 1. 1978; 2а – Arrangement of wooden planks on a birch bark quiver from Klin-1 burial mound. Barrow 1. Burial 1. Ulyanovsk Oblast. Nikolayevsky District. Excavations by V.V. Tikhonov; 2б – Preserved fragments of wooden planks on a birch bark quiver from Klin-1 burial mound. Barrow 1. Burial 1. Ulyanovsk Oblast. Nikolayevsky District. Excavations by V.V. Tikhonov; 3 – Graphic reconstruction of a quiver.

да, за пределами гроба, располагалось седло. С северо-восточной стороны фиксировалась часть носилок с крупным куском кожи, сохранившимся во фрагментах. (Тихонов, 2019. С. 24).

При расчистке гроба обнаружен берестяной колчан. Он располагался по центру ящика основанием к узкой торцевой стенке. Часть колчана располагалась под чехлом лука. Обнаруженный в погребении колчан был сплюснут грунтом, его максимальные размеры составляют 66 см в длину, 21 см в широкой части и 12 см в узкой. Изначальная форма колчана восстанавливается как эллиптическо-цилиндрическая с расширением у дна и возможным небольшим расширением к устью. Колчан состоит, из нескольких слоев плотной бересты. Днище - деревянное. С лицевой части колчана параллельно располагались две деревянные планки с железными заклепками, расположенными на расстоянии 3,5–4,0 см друг от друга, проходящие вдоль всей длины колчана. На поверхности сохранились следы обмазки черного цвета, вероятно, смолы, игравшей роль гидроизоляции или декоративную. Вдоль кромки противоположного края колчана фиксируется ряд сквозных парных отверстий: 6 пар отверстий по боковой части колчана, 3 пары параллельно первому ряду ближе к середине изделия, 1 пара расположена ближе к днищу. По линии деревянной планки отмечены клепки. На поверхности колчана по центру и рядом с ним обнаружено два фрагмента кожаного ремня» (Тихонов, 2019, с. 24).

Из материалов отчета следует, что берестяной колчан сохранился в трёх фрагментах, размерами: 23×34 см, 11×18 см и 11×14 см., был свёрнут из двух листов бересты толщиной от 1,5–2 мм, украшался интересующим нас геометрическим орнаментом и деревянными планками, зафиксированными к бересте с помощью металлических заклёпок через каждые 4,5 см (рис. 3: 26). Отметим вариативность крепления планок, они в отличие от колчана из Адрык не пришивались, о чем свидетельствуют парные отверстия, а приклепывались.

Итак, на рассмотренных нами колчанах присутствуют следы от декоративных планок и геометрический орнамент (рис 2: 2; 3). «Карманы» на изделиях не сохранились, но их наличие подразумевается остатками

тлена. Ярким примером сказанному могут послужить колчаны из скального захоронения, найденные в долине Техтин аймака Баян-Улгий Монголия (Галдан, 2016, с. 329), Белореченского кургана 1 Краснодарского края (Горелик, 2011, с. 43) и у села Каирка Херсонская область Украина (рис. 2: 4) (Толочко, 2003, с. 187), а также сохранившиеся кожаные манжеты в 2 погребениях (Бережновский I, 49/1; Быково III, 28/1) на территории волгодонских степей (Мыськов, 2015, с. 132).

Учитывая вышеописанные колчаны из погребений Клин I и Адрык, а также изобразительные источники, можно сказать, что изделия такого типа были широко распространены на всей территории Монгольской империи. Итогом нашего исследования стала графическая реконструкция на основе археологического и изобразительного материала. (рис. 3: 3).

Подводя итоги сказанному выше, можно отметить, что многие исследователи упускают такие моменты как значимость парных отверстий, предназначенных для крепления декоративных деревянных планок, которые задают узнаваемый на миниатюрах декор. Еще один важный момент — это остатки тлена на месте кармана колчана дающий нам понимание, к какому типу он относится. Дополняя исследуемые колчаны несохранившимися деталями, мы получаем узнаваемый по источникам предмет лучника. Например, колчаны из Белореченского кургана 1 и у села Каирка кургана 3, показывают наличие деревянных карманов, а Бережновский I и Быково III наличие кожаных карманов. Причем оба материала плохо сохраняются в грунте и в большинстве случаев мы можем только догадываться об их существовании. Следует обратить внимание на массовое сходство колчанов, от простых до сложных и подчеркнуть схожесть геометрических орнаментов, декорирование деревянными планками, а в случае с костяными накладками одинаковые сюжеты, это заставляет нас задуматься о существовании обособленных центров производства. Также Остается открытым вопрос - откуда импортируется береста, моржовый зуб, слоновий бивень и другие материалы, отсутствующие в исследуемых нами регионах (Яворская, 2018, с. 211). Однако это особая проблема и требует отдельного исследования.

Примечания:

¹«В 4-5 лет [им] дают держать маленький лук и короткие стрелы, вместе с которыми они и растут» (Золотая орда в источниках, 2009, с. 57)

«...они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их,

когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им делается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы....» (Карпини, 1957, с. 36).

²«Их обычай – стрельба из лука и охота» Сюй Тин (Золотая орда в источниках, 2009, с. 37)

³«Если перейти к самому главному из них [видов вооружения] то лук со стрелами будет на первом месте? А сабля на следующем после них. (Золотая орда в источниках, 2009, с. 63).

⁴«Оружие же все по меньшей мере должны! иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия.» (Карпини, 1957, с. 50).

⁵«Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки.....» (Рубрук 1957, с. 101)

«Отсюда, как я полагаю, Татары сами имеют немного оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири (pelliceas).» (Рубрук, 1957, с. 186).

⁶«Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки» (Карпини, 1957, с. 36).

⁷ Выражаем благодарность Тихонову Валерию Викторовичу за предоставленный материал.

ЛИТЕРАТУРА

Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой// Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. № 1 (№ 2). С. 39–63.

Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники / Пер. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. 336 с.

Карпини, Джюванни дель Плано. История монгалов, именуемых нами татарами // Путешествие в Восточные страны / Пер. А. И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. С. 22–83.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 154 с.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Рубрук де Гильом Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. / Пер. А. И. Малеина. М.: Географгиз, 1957. С. 84–194.

Тихонов В.В., Волков В.В., Глазков А.Н., Павленко Ю.А. Исследование кургана Клин 1 в Ульяновской области // Археологические открытия – 2017 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–329.

Тихонов В.В. Отчет об археологических раскопках в 2017 году кургана 1 курганного могильника Клин-1 в Николаевском районе Ульяновской области.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 159 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 115–132.

Цуцкин Е.В. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции КНИИИФЭ и КГУ в 1978 г. / Архив ИА РАН. Р-1 9827

Яворская Л.В. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 3. Т. 23. С. 206–217.

Галдан Г., Батдалай Б., Амартүвшин Ч. Умард, Төв, Баруун Бусийн зарим нутгуудад археологийн мэдээ шалгасан тухай // Монголын археологи-2016 / Гл. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2017. С. 327–334.

Информация об авторах:

Макласов Вадим Юрьевич, студент кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); vadim.maklasov@mail.ru

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); petr.koltsov52@mail.ru

REFERENCES

Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul' tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)* 2 (1), 110–125 (in Russian).

Khapachevsky, R. P. (ed.). *Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde Sources) 3. Kitaiskie i mongol'skie istochniki (Chinese and Mongolian Sources)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Plano Carpini. 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ., 22–83 (in Russian).

Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

William of Rubruk. 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ., 84–194 (in Russian).

Tikhonov, V. V., Volkov, V. V., Glazkov, A. N., Pavlenko, Ya. A. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 327–329 (in Russian).

Tikhonov, V. V. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 2017 godu kurgana I kurgannogo mogil'nika Klin-1 v Nikolaevskom raione Ul'ianovskoi oblasti (Report on Archaeological Excavations in 2017 at Barrow I of Klin-1 Burial Ground in the Nikolaevsky District of Ulyanovsk Oblast)* (in Russian).

Tolochko, P. P. 2003. *Kochevye narody stepei i Kievskaiia Rus (Nomadic Peoples of the Steppes and Kievan Rus)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1981. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Voennoe delo drevnikh pelemen Sibiri i Tsentral'noi Azii (Military Art of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 115–132 (in Russian).

Tsutskin, E. V. 1978. *Otchet o rabote Kalmycko-Astrahanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii KNIIFFE i KGU v 1978 g. (Report on the Activities of the Kalmyk-Astrakhan Archaeological Expedition of Kalmyk Research Institute of History, Philosophy and Ethnography and Kalmyk State University in 1978)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R.1, no 9827 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4, Istoriiia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations) 3 (23)*. 206–217 (in Russian).

Galdan, G., Batdalay, B., Amartyvshin, Ch. 2016. In Chuluun, S. (ed.). *Mongolyn arkheologi-2016 (Mongol Archaeology-2016)*. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tygkh, 172–176 (in Mongolian).

About the Authors:

Maklasov Vadim Yu. Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; vadim.maklasov@mail.ru

Koltsov Petr M. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; petrkoltsov52@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.177.182>**ПЕРЕРАБОТКА ЗЕРНА В ЗОЛОТООРДЫНСКОМ ГОРОДЕ МАДЖАР¹**

© 2021 г. Ю.Д. Обухов

В статье предлагается на обсуждение тематика переработки зерна и развитие мукомольного производства в городах Золотой Орды. Рассматривается потребность в результатах этого производства среди кочевого населения, путешествующих купцов, послов и миссионеров. Следы переработки зерна приводятся как на примере археологических исследований города Маджар и материалов, полученных при археологических работах в городе Азаке, так и на основании средневековых письменных источников.

Ключевые слова: археология, Маджар, Азак, Золотая Орда, жёрнов, мука, сухари, мукомольное производство.

GRAIN PROCESSING IN THE GOLDEN HORDE CITY OF MADZHAR²

Yu. D. Obukhov

The article proposes to discuss the issue of grain processing and the development of flour milling in the cities of the Golden Horde. Using the example of the archaeological research of the city of Madzhar and the materials obtained during the archaeological work in the city of Azak, as well as drawing on medieval sources, the need for this production among the nomadic population, traveling merchants, ambassadors and missionaries is also considered.

Keywords: archaeology, Madzhar, Azak, Golden Horde, millstone, flour, crackers, flour milling.

К середине XIII в. территория Северного Кавказа находилась под властью Золотой Орды. Местом для административного центра этого региона было выбрано Прикумье, имеющее благоприятные природные условия как для развития кочевого скотоводства, так и для оседлого земледелия, а также обилие сырьевых ресурсов для питания человека и различных ремесел. Регион обладал достаточными водными ресурсами: река Кума с ближайшими притоками – реками Томузловкой и Буйволой. В пойме реки Кумы имелось много плодородной земли для развития сельского хозяйства; по обеим сторонам долины простирались обширные степные пространства, пригодные для развития коневодства и скотоводства. Все это и стало основой для возведения в середине XIII столетия на берегах реки Кумы и её притока р. Буйволы центра Золотой Орды на Северном Кавказе – города Маджар.

Наивысшего расцвета Маджар достиг, как, впрочем, и само государство Золотая Орда, при ханах Узбеке и Джанибеке (1318–1357 гг.). Однако после смерти последнего начался стремительный распад государства, междоусобицы правителей, изменение направления караванных путей обусловили

постепенное запустение города и, как следствие, его сельскохозяйственной округи.

Письменные источники XIV в. и археологические данные свидетельствуют о возделывании здесь разнообразных сельскохозяйственных культур. В записках арабского путешественника Ибн-Баттуты, посетившего Маджары летом 1334 г., в пору его расцвета, говорится о Маджаре как о «большом, одном из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» (Тизенгаузен, 1884, с. 287).

Во время производства археологических работ и сбора подъёмного материала на территории городища Маджары находят жернова из вязкого, твердого песчаника, как для ручного помола зерна (рис. 1), не превышающие полуметра в диаметре, так и крупные – более метра – приводимые в движение живую силу для выработки большого объёма муки.

В разное время автором после плантажной вспашки на городище были найдены и сохраняются в формирующемся фонде Маджарского археологического музея два крупных фрагментированных верхних жёрнова (бегуна) как тщательной (рис. 2) отделки, так и весьма посредственной (рис. 3), но объединённых

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-39-90023 «Золотоордынский город Маджар и его возможная округа – Верхний Маджар и Нижний Маджар, входившие в систему Маджарской агломерации».

² The work was carried out within the framework of the RFBR project No. 20-39-90023 “The Golden Horde City of Madjar and its Possible Districts - Upper Madjar and Lower Madjar, Part of the Madjar Agglomeration System”

Рис. 1. Ручной жёрнов. Городище Маджары. Сборы Ю.Обухова
Fig. 1. Manual millstone. Madjary Settlement. Collected by Yu. Obukhov

Рис. 2. Большой жернов «Бегун» тщательной отделки, приводимый в движение живую силою.
 Городище Маджары. Сборы Ю. Обухова
Fig. 2. Large “Runner” millstone, of thorough finish, set in motion by living force.
 Madjary Settlement. Collected by Yu. Obukhov

общими признаками, а именно расположенными в верхней части тремя технологическими глухими отверстиями, в виде колена выходящими в боковую поверхность жернова для крепления рычагов либо продевания верёвок. О находке таких же жерновов при археологическом исследовании на Маджарском городище в 1907 г. писал в своём отчете В.А. Городцов.

Исследуя городище и прилегающие окрестности с целью определения мест раскопок, Городцов опрашивал жителей близлежащих сёл и города Святого Креста о находках древних предметов, найденных на Маджаре, а также осматривал и фиксировал эти находки,

среди которых в том числе были и жернова. В своём отчете Василий Алексеевич приводит описание семи больших жерновов, размеры которых были от 1 аршина 4 вершков до 1 аршина 12½ вершков, а также одного большого, еще не отделанного жернового камня. Во время производства археологических работ им также обнаружены, помимо фрагментов маленьких жерновков, «...круглый каменный каток правильной цилиндрической формы; длина его достигала 1 аршина 6 вершков, а диаметр – 6 вершков» для обмолота зерна и «большой жернов, диаметр его равнялся 1¼ аршина, а толщина приблизительно 1½ вершка¹» (Городцов, 1911, с. 176–182).

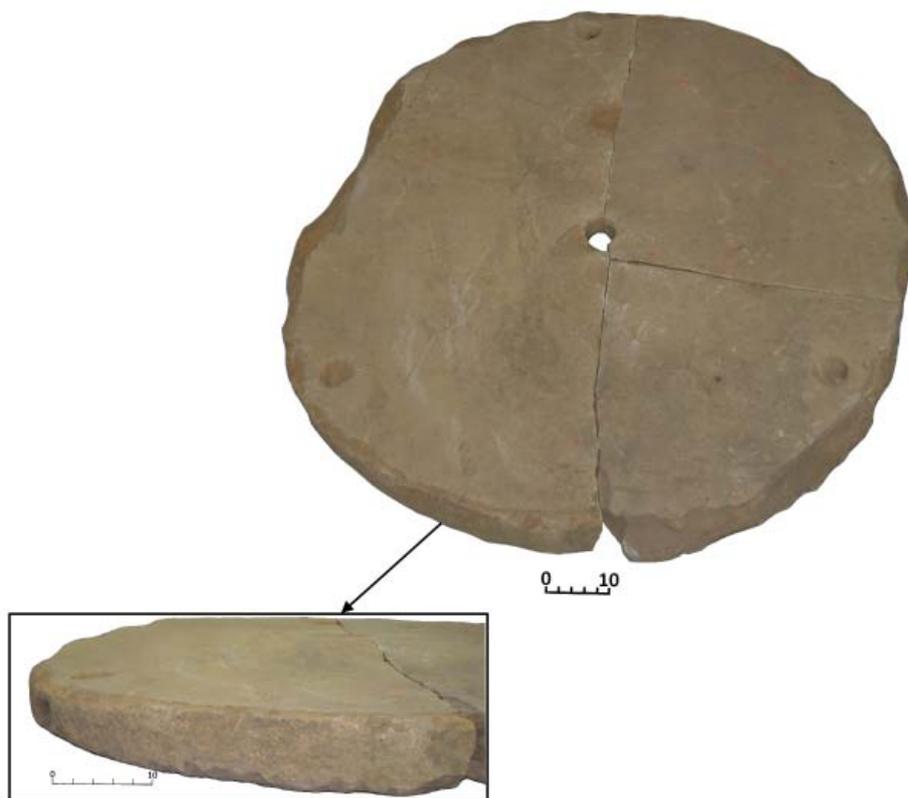

Рис. 3. Большой жернов «Бегун» посредственной отделки, приводимый в движение живую силою.

Городище Маджары. Сборы Ю. Обухова

Fig. 3. Large “Runner” millstone of mediocre finish, set in motion by living force.

Madjary Settlement. Collected by Yu. Obukhov

Всё это служит свидетельством переработки в Маджаре зерна как в домашних условиях, так и существования мукомолен для «промышленного» производства муки, которое требовало достаточного количества зерна, производимого, вероятно, в сельскохозяйственной округе, хотя полностью исключать импорт мы тоже не можем. Все жернова приводились в движение живой силой. Нижний жёрнов (постав) устанавливался стационарно и был, вероятно, массивен (рис. 4). На сегодняшний день, на городище не обнаружен ни один целый экземпляр. Самыми массовыми находками являются подвижные, производящие непосредственное перемалывание, верхние жернова (бегуны) и их фрагменты.

Находки ручных жерновов, а также их производство отмечены на золотоордынских памятниках Поволжья (Пигарев, 2009. с. 65; Недашковский, 2009. с. 95).

В то же время крупные жернова встречаются не на всех золотоордынских памятниках, и их находки могут свидетельствовать о наличии мукомольного производства в данных городских центрах, обусловленного необходимостью большого производства муки.

Большому городу требовалось и большое количество производимой сельскохозяйственной продукции, в том числе зерновых культур и производимой из них муки. В пробах с территории торгово-ремесленного квартала городища Маджары выделены семена проса двух видов, мягкой пшеницы и ячменя (Бабенко, Сергеев, 2019, с. 166–167). И если зерновые культуры производились в сельской округе либо были предметом импорта, то производимые из них мука и крупы были результатом переработки непосредственно на месте, то есть в городе, как для индивидуальных нужд, так и для продажи, поскольку большие мельничные комплексы подразумевают большее производство муки, выходящее за рамки индивидуального домашнего потребления. Слабая изученность Маджар не позволяет на сегодняшний день говорить о наличии в городе каких-либо других мельниц, приводимых в движение энергией альтернативной живой силе, например, ветряных мельниц башенного типа с поворотным шатром, какие были в Азаке (Минаев, 2018, с. 128–129).

Очевидно, что потребность в муке была вызвана не только спросом проживающего в городе населения, а также кочевников, в пита-

Рис. 4. Вероятный «Постав» большого жёрнова. Село Прасковья Будённовский муниципальный округ 2019 г.
Fig. 4. Probable “foundation” of a large millstone. Praskoveya village of the Budennovsky municipal district, 2019

нии которых растительная пища, мука и крупы занимали определённое место (Пигарев, 2009, с. 63), но и другой категории потребителей.

Знакомясь со средневековыми источниками середины XIII–XV в., мы находим подтверждения потребности в муке, крупах и сухарях (хлебе) также передвигающихся по территории Золотой Орды путешественников и купцов.

О необходимости брать с собой в дальний путь сухари упоминал Вильгельм де Рубрук: «По совету купцов, я привёз с собою из Константинополя, в качестве подарков главным начальникам, плодов, мускатного вина и вкусных сухарей (*biscoctum*)» (Рубрук, 1911, с. 68). О количестве сухарей, взятых с собой Рубруком, мы можем судить по его свидетельствам о раздаче их в качестве подарков и их наличию, когда другие запасы были уже на исходе: «Он спросил, что несём мы его господину. Мы взяли бутылку вина, наполнили корзину сухарями и блюдо яблоками и другими фруктами... В пищу нам давали только коровье молоко, очень кислое и вонючее. Вино было у нас уже на исходе... Если бы у нас не было сухарей, которые мы имели, и милости божией, мы, наверное, умерли бы от голода» (Рубрук, 1911, с. 82, 84).

Необходимость в больших запасах сухарей (хлеба) была обусловлена для европейских путешественников в середине XIII в. отсут-

ствием возможности их приобретения в Золотой Орде. Об этом свидетельствует Плано Карпини: «Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого кроме мяса...» (Карпини, 1911, с. 14). Его сведения об отсутствии хлеба подтверждает и марокканский путешественник Абу-Абдаллах Мухаммед Ибн-Батута: «Тюрки эти не едят ни хлеба, ни плотной пищи, а готовят еду из какого-то (водящегося) у них (проса)» (Тизенгаузен, 1884, с. 283).

С развитием торговли и транспортных коммуникаций, вероятно, меняется спрос и предложение на различные товары, в том числе и продовольствие.

Итальянский купец Франческо Бальдуччи Пеголотти, совершив путешествие в восточные страны, написал труд «Руководство по торговле», в котором, в частности, указывал: «Путешествуя из Таны в Джинтархан, нужно иметь провизии на 25 дней, то есть муку и солёную рыбу, так как мяса вы найдёте в изобилии на всём пути» (Аталиков, 2010, с. 10).

Другой итальянский путешественник Иосафат Барбаро, описывая запас продовольствия татарских отрядов, уходящих от основной орды на весьма продолжительное время в степь, даёт нам представление об использовании кочевниками в своём рационе муки: «каждый татарин, ..., имеет при себе мешок

из козлиной кожи, наполненный мукою, замешанною на меду, наподобие теста, и деревянную чашку. Тесто, выше мною описанное, размешивают небольшим количеством воды и таким образом приготавливают себе похлёбку, которой и питаются в пути» (Барбаро, 1836, с. 17).

Ещё один источник, который представляет интерес в рамках рассматриваемой темы, – это сведения посла Венецианской республики Амвросия Контарини о проделанном им пути из Астрахани в Москву: «...дорога из Цитрахани до Москвы лежит ... через степь, то всякий путешественник и должен запастись нужными припасами на всё время пути своего ... сами татары мало об этом заботятся, ... они вообще питаются одним лошадиным мясом и молоком и даже не едят хлеба, коего употребление известно только купцам, бывшим в России. По этой причине для нас крайне было затруднительно продовольствовать себя в дороге пищею. Весь наш запас состоял из небольшого количества сарачинского пшена, смешанного с кислым молоком и высушенного потом на солнце. Это кушанье называется на татарском языке тур (thur). Оно твёрдо, несколько кисловато, по уверению татар, очень питательно. Сверх означенного пшена имели мы у себя небольшой запас чесноку, луку и хорошей пшеничной муки, а также несколько сухарей, которые я добыл с большим трудом» (Контарини, 1836, с. 91–92).

Примечание:

¹ Аршин = 0,711 м.; Вершок = 4,4 см

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко А.Н., Сергеев А.Ю. Археоботанические исследования городища Маджары // Поволжская археология. 2019. №4(30). С. 161–170 doi: 10.24852/ра2019.4.30.161.170

Барбаро И. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб.: Типография III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 5–66. С. 17

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 г. Т. III / Под ред. графини Уваровой. М., 1911. С. 162–208.

Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб.: Типография III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, С. 91–92.

Минаев А.В. Переработка зерна в Азаке в XIV в. // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 127–140.

Недашковский Л.Ф. Хозяйство населения Золотой Орды // РА. 2009. №1 С. 91–98.

Пигарев Е.М «К вопросу о земледелии на нижней Волге в золотоордынский период»// Астраханские краеведческие чтения. Вып. I. / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2009. С. 62–65.

Необходимо отметить, что муку и крупы использовали все и европейские, и восточные путешественники, а также кочевники. В то время как в сухарях (хлебе) имели потребность преимущественно европейцы и русские. Маджар, как и Азак, был центром международной транзитной торговли, куда прибывали и где формировались караваны как с востока, так и с запада, и естественно стоял вопрос об обеспечении этих караванов мукой, крупами и сухарями в достаточном количестве. С такой задачей могли справиться ремесленники, занимающиеся мукомольным производством, отвечающим потребностям рынка. Продукцию мукомолов-мельников, возможно, использовала и другая категория ремесленников, специализирующаяся на выпечке хлеба и изготовлении сухарей специально для продажи странствующим. С изменением внутривосточной ситуации в государстве менялся и жизненный уклад проживающего населения, влияющий, в том числе, и на производственные процессы, в этом случае наличие мукомольного производства может иметь признак датирующего фактора.

Данный вопрос в исследовании Золотой Орды ранее не обсуждался и имеет перспективу развития также в отношении других городов Золотой Орды, в том числе и её столичных центров, в которых такие производства пока не обнаружены.

Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.

Франческо Пеголотти. Руководство по торговле // Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков. Вып. III. / сост. В. Аталиков. Нальчик. Из-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 10–11.

Информация об авторе:

Обухов Юрий Дмитриевич, младший научный сотрудник научного отдела, аспирант кафедры всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); obukhova_t@inbox.ru

REFERENCES

Babenko, A. N., Sergeev, A. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 161–170. doi: 10.24852/pa2019.4.30.161.170 (in Russian).

Barbaro, I. 1836. In Semenov, V. (ed.). *Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii (Library of Works by Foreign Writers about Russia)*. Saint Petersburg: Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 5–66 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1909. In Uvarova, P. S. (ed.). *Trudy XIV arkheologicheskogo s"ezda v Chernigove (Proceedings of the Fourteenth Archaeological Congress in Chernigov, 1909)*. Moscow, 162–208 (in Russian).

Kontarini, A. 1836. In Semenov, V. (ed.). *Biblioteka inostrannykh pisatelei o Rossii (Library of Works by Foreign Writers about Russia)*. Saint Petersburg: Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 91–92 (in Russian).

Minaev, A. V. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 127–140 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 91–98 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2009. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* I. Astrakhan: "Sorokin R.V." Publ., 62–65 (in Russian).

Plano Carpini. 1911. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Saint Petersburg (in Russian).

Tiesenhause, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Francesco Balducci Pegolotti. 2010. In Atalikov, V. (comp.). *Kavkaz. Evropeyskie dnevniki XIII–XVIII vekov (Caucasus. European Diaries of 13th – 18th Centuries)*. Nalchik: "M. & V. Kotlyarov" Publ., 10–11 (in Russian).

About the Author:

Obukhov Yuri D. Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; obukhova_t@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

МУСУЛЬМАНСКИЕ КАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ XIV ВЕКА ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

© 2021 г. А.П. Минаев, Н.И. Юдин

Целью работы является свести воедино все найденные в ходе раскопок золотоордынского Азака каменные мусульманские надгробия XIV века. На настоящее время изучению городских и сельских некрополей золотоордынских городов, в том числе и Азака, посвящено большое количество публикаций. В работах, помимо описания погребального обряда, много сказано и надмогильных сооружениях. Однако основное внимание в исследованиях уделено описанию эпиграфических надписей на надгробиях. Архитектурное оформление надгробных памятников часто остается вне поля зрения исследователей. В данной работе уделено внимание как эпиграфиям, так и стилистическим особенностям оформления надгробных стел. Нами отмечено, что в оформлении надгробий из Азака отчетливо прослеживается влияние традиций малоазийского региона в эпоху сельджуков. Но в отличие от находок из Турции, надгробия Азака и крымских городов менее орнаментированы и схематично оформлены. Исследование каменных памятников, в том числе надгробий, позволяет выявить культурные, экономические, религиозные процессы, протекавшие в Азаке, а также определить истоки тех или иных художественных традиций разных регионов Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Азак, эпиграфика, надгробие, сульс, рельеф, арка, лампада, свеча, михраб.

MUSLIM STONE GRAVESTONES OF THE 14TH CENTURY FROM THE GOLDEN HORDE CITY OF AZAK

A. P. Minaev, N. I. Iudin

The purpose of the work is to combine all stone Muslim gravestones of the 14th century found during the excavations of the Golden Horde city of Azak. A significant number of publications covers studies of urban and rural necropolises of the Golden Horde cities, including Azak. The publications, in addition to the description of the funerary rite, contain details of the graveside structures. However, the studies are mainly focused on the description of epigraphic inscriptions on gravestones. Their architectural design often falls out of the researchers' field of interest. In this work, attention is paid to both the epigraphy and the stylistic features of gravestone design. As noted by the authors, the design of Azak gravestones clearly traces the influence of Asia Minor region's traditions of the Seljuk period. But unlike the finds from Turkey, the gravestones of Azak and the Crimean cities are less ornamented and schematically decorated. The study of stone monuments, including gravestones, allows to identify the cultural, economic and religious processes that took place in Azak, as well as to determine the origins of certain artistic traditions of different regions of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Azak, epigraphics, gravestone, thuluth, relief, arch, lantern, candle, mihrab.

Среди большого количества археологического материала, найденного в процессе раскопок золотоордынского Азака, особое место занимают надмогильные сооружения из городских некрополей. Они представляют огромный интерес для изучения духовной жизни горожан, позволяют выявить особенности религиозных воззрений, обычаев и традиций, миграционных процессов, протекавших в Золотой Орде. Азак, являясь крупнейшим торговым и административным центром Нижнего Подонья, имел обширные хозяйственные и культурные связи, как с другими золотоордынскими центрами, так и с отдалёнными регионами Евразии (Испания, Италия, Центральная Азия, Китай).

Истории изучения лапидарных памятников Золотой Орды посвящено большое количество исследований (Якобсон, 1973; Мухаметшин, 2008; Айбабина, 2001; Усеинов, 2019, с. 89–95). В работах были выделены региональные особенности погребальных комплексов для регионов Золотой Орды. На территории Волжской Болгарии было выявлено более 400 целых или фрагментированных каменных надгробий и выделено 4 региональных округа, каждый из которых имел художественные особенности (Мухаметшин, 2008, с. 23–24). Болгарские надгробия имеют четко выраженную форму с определенным каноническим текстом и широким использованием растительного орнамента. Камни имели форму

плоской вертикальной стелы с прямоугольными, треугольными или полукруглыми навершиями. На лицевой стороне стелы рельефно выделена арка самой разнообразной формы (стрельчатая, полукруглая или килевидная), наносилась богатая растительная орнаментация с использованием розеток, плетенок, бордюров. Стелы устанавливались у изголовья погребенного, лицевой стороной на восток. Нижняя часть камня, вкапываемая в землю, не обрабатывалась. Эпитафии наносились рельефным или врезным почерком куфи, насх или сульс. Отличительными особенностями болгарских надгробий являются обязательное наличие коранической формулы в верхней части стелы, ниже идут слова, связанные с обрядом захоронения, далее идут имя, титул, родословная погребенного и благожелательная формула. Как обязательный элемент, на большей части надгробий присутствует кораническая формула «Он живой» / *الحي هو*. Широкое распространение получило нанесение в тимпане розеток самой разнообразной формы. На настоящий момент болгарские надгробные памятники являются наиболее изученными, существуют работы с подробной их классификацией и датировкой (Мухаметшин, 2008).

В золотоордынских могильниках Нижнего Поволжья большая часть захоронений не имеет надмогильных сооружений. Только небольшое количество погребений (около 13%) имели надгробия (Васильев, 2007, с. 72). Связано это с отсутствием в низовьях Волги местного камня, а небольшое количество обнаруженных надгробных камней, по всей видимости, были привезены из других регионов Золотой Орды (Пигарев, Тимофеев, 2018, с. 70). В Астраханском музее хранятся два каменных надгробия – одно из них найдено на городище Хаджи-Тархан, другое на городище Мошаик (Пигарев, Тимофеев, с. 68–71). Обе стелы плоские, вертикальные, плита из Хаджи-Тархана с плоским навершием, вторая плита из Мошаика – с пятилопастной аркой и треугольным навершием. Эпиграфические надписи выполнены арабскими буквами почерком рельефным сульс с помощью выборки фона в низком рельефе. Текст на камне из Хаджи-Тархана нанесен в основном поле и по периметру плиты с коранической формулой «Каждый смертен» и годом смерти умершего, на камне из Мошаика сохранилось только имя погребенной. Плита из Хаджи-Тархана имеет прямые аналогии с надмогильными сооружениями из некрополей средневекового Южного

Дагестана XI–XIII вв. (например, из кладбища села Татиль Табасаранского района) (Шихсаидов, 1984, с. 33–39). Плита из Мошаика по внешнему оформлению более близка к старокрымским или маджарским надгробиям. Это подтверждается формой арки – многолопастные навершия, стилизованные под изображение цветка, не встречаются на болгарских и дагестанских надгробиях.

Исследованию погребальных золотоордынских комплексов на территории Северного Кавказа посвящено немало работ (Волков, 2018, с. 38–42; Шихсаидов, 1984). К настоящему времени наиболее изучены надмогильные памятники средневекового Дагестана, исследованиям которых посвящено большое количество работ (Шихсаидов, 1984; Маммаев, 2019, с. 704–722). Внешне дагестанские надгробия представляют собой плоские прямоугольные или сужающиеся к низу стелы с плоским, закругленным или треугольным верхом. Многие памятники богато орнаментированы, с преобладанием растительных мотивов в виде пальметт, побегов и трилистников, на некоторых памятниках нанесены стилизованные антропоморфные фигуры. Большинство надгробных камней содержат кораническую формулу, имя и дату смерти умершего, титул и родословную, а также благожелательную формулу («Да простит его Аллах» и др.).

Найденные на территории золотоордынского Маджара надгробия ближе к крымским и малоазийским памятникам, чем к дагестанским камням. Маджарские стелы, как правило, плоские прямоугольные, без сужения к низу, с пяти- или семилопастной аркой. В арках могла изображаться пальметта с расходящимися растительными побегами. Преобладают эпиграфические надписи, выполненные рельефным сульсом, в то время как на камнях из горного и степного Дагестана были широко распространены шрифты сульс, насх и куфи (в том числе процветший). К сожалению, надмогильные памятники Маджара исследованы значительно меньше, чем из поселений Дагестана. Связано это с меньшей изученностью маджарского некрополя XIII–XIV вв., а также с тем, что надгробия с территории городских и сельских средневековых некрополей Дагестана сохранились значительно лучше.

Мусульманские эпиграфические памятники Крыма упоминали в своих работах исследователи с конца XVIII века, отмечая их варварское разграбление и уничтожение (Усеинов, 2019, с. 87). В 1925–1927 гг. в Старом Крыму

проводилась Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму под руководством И.Н. Бороздина. В ходе экспедиции было собрано большое количество (более 200) лапидарных памятников, относящихся ко времени Золотой Орды и раннего Крымского ханства. Большая часть собранного материала была утрачена во время репрессий 1930–1940-х гг. и в период Великой Отечественной войны, а исследование крымско-татарской материальной культуры надолго приостановлено. Вновь интерес к истории средневековой татарской культуры появился с конца 1970-х гг., когда была образована Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (под руководством М.Г. Крамаровского), продолжающаяся и в наши дни. В настоящий момент экспедицией выявлено около 200 целых или фрагментированных лапидарных памятников, большая часть из которых содержит надписи. Всего за время проведения экспедиций И.Н. Бороздина и М.Г. Крамаровского было собрано более 380 каменных памятников, из которых около 280 камней составляют надмогильные конструкции (Усеинов, 2019, с. 88).

В ходе экспедиций 1920-х гг. в Крыму местным этнографом и археологом О.-Н. Акчокраклы было выделено 2 основных типа надгробных стел. Первый тип – это плоские камни со стрельчатым или килевидным навершием, второй – круглые или восьмигранные тумбы с фигурным навершием. По утверждению автора, первый тип памятников принадлежал исключительно женщинам, второй тип – только мужчинам (Акчокраклы, 1929, с. 152–153). М.А. Усеинов в своей исследовательской работе по изучению мусульманских эпиграфических памятников Старого Крыма выделил пять основных типов надгробий – восьмигранные или цилиндрические тумбы, плоские стелы со стрельчатым верхом, саркофаги (двурогие или безрогие) и составные (Усеинов, 2019, с. 90). Надписи на памятниках выполнены на арабском языке почерком рельефный сульс золотоордынской трактовки, небольшое количество надписей выполнено на чагатайском наречии. Внешнее оформление крымских надгробий очень многообразно. Наиболее высокохудожественные образцы происходят из крупных городских центров – Солхата, Чуфут-Кале, Салачика, Бахчи-Сарая. На периферийных степных и горных золотоордынских могильниках встречены довольно грубые изделия, большей частью без орнамента и эпиграфий. Наибольший интерес представляют каменные надгробия из Солхата –

столичного центра золотоордынского Крыма, плоские стелы в основном прямоугольной формы, с полукруглой или килевидной аркой. Особую разновидность представляют стелы с пяти- или семилепестковой вершиной (имитация розетки). На большей части надгробий орнамент выполнен в низком рельефе с выборкой фона. Орнамент предельно схематичен, с проработкой по контуру. Распространенные мотивы орнамента – розетки, растительные побеги, пальметты, шестиконечные звезды, сложные геометрические плетенки, сельджукская цепь («узел счастья»). Разнообразие форм и орнаментации зависело не только от мусульманских канонов, но и от художественных традиций местных мастеров-камнерезов и вкусов самих заказчиков (Айбабина, 2016, с. 532). Одним из наиболее распространенных орнаментальных элементов на крымских каменных надгробиях является стилизованное изображение свечи или лампы. Изображение лампы или свечей нанесено в верхней половине плоской стелы или тумбы, на большинстве надгробий без выборки фона, лишь на некоторых богато оформленных камнях изображения выполнены в низком рельефе. Лампады с шаровидным или вытянутым туловом, коническими горлом и поддоном подвешены на двух цепях, крепящихся на пальметте. Иногда на тулове лампы могла наноситься цветочная розетка. На некоторых камнях по бокам от лампы симметрично располагались две высокие свечи на конических или биконических подсвечниках. Иногда на центральной части надгробия вместо лампы наносилось изображение высокой горящей свечи на высоком подсвечнике. Изображение свечей в подсвечниках и подвешенных на цепочках горящих лампадах на каменных надгробиях широко распространено на сельджукских лапидарных памятниках Малой Азии (Усеинов, 2019, с. 93). Согласно представлениям сельджукского культа, зажженная лампада символизировала свет веры, данный Всевышним, а две свечи в подсвечниках – это свет знаний Корна и Сунны пророка Мухаммеда (Усеинов, 2019, с. 93). Сельджукское влияние на каменную резьбу золотоордынского Крыма уже неоднократно отмечали исследователи (Айбабина, 2016, с. 512), что выражено не только в форме надгробий, но и в орнаментальных мотивах. Аналогии крымским надмогильным памятникам встречены в городах Малой Азии (Ахлат, Сивас, Кастамону, Изник и др.) (Усенинов, 2019, с. 93). Сельджукские традиции оформления надгробий были пере-

няты мастерами Крыма в процессе их расселения в Юго-Восточном Крыму со второй половины XIII века. Отличие от сельджукских образцов состояло лишь в упрощении орнаментации и в эпиграфическом оформлении надгробий. Лампы на анатолийских образцах богато орнаментированы, горло и поддон часто украшены пышным растительным и сложным геометрическим орнаментом, на тулове лампы могла помещаться кораническая формула. Надписи на сельджукских лапидарных памятниках соблюдают большинство канонов восточной каллиграфии, все элементы букв присутствуют, включая такие специфические как фэтха и кэсра. Крымские мастера, перенявшие традиции от сельджукских камнерезов, значительно упростили стилистику оформления надгробий. Сельджукское влияние на каменную монументальную архитектуру продолжалось до 30-х гг. XV века, когда ослабло влияние Солхата как золотоордынского столичного центра.

Археологическое исследование золотоордынского Азака началось еще в 1870 году, когда П.И. Хицунов провел первые археологические раскопки на территории памятника. Им же были проведены раскопки ограбленного кургана на восточной окраине Азова, где была выявлена «небольшая тщательно отесанная, по всей вероятности, надгробная, плита из твердого песчаника, украшенная изсеченными на ней изображениями, с одной стороны, звезды среди вписанного в круг шестиугольника, а с другой стороны – стоящего на пьедестале обелиска» (Волков, 2008, с. 495). Судя по такому краткому описанию, плита являлась частью золотоордынского надгробия. На это косвенно указывает шестиугольник со звездой, вписанный в круг, который, по всей вероятности, являлся гексаграммой («звездой Давида»), изображение которой часто наносилось на фасады порталов и надгробные стелы. Изображение гексаграммы распространено в символике многих народов Востока и связано с обращением к Богу (Айбабина, 2016, с. 530). Стоящий на пьедестале обелиск мог нести изображение свечи на высоком подсвечнике – мотив, часто распространенный на надгробных стелах в Крыму, Северном Кавказе и Малой Азии. Исходя из сравнений с другими аналогичными лапидарными памятниками Крыма и Малой Азии, можно сказать, что каменная плита являлась самой первой находкой каменного золотоордынского надгробия XIV века, найденная в Азове. К сожалению, данное надгробие до наших дней не сохра-

нилось. Не удалось пока установить и точное местоположение исследованного в 1870 году кургана.

Со времени проведения П.И. Хицуновым археологических раскопок в конце XIX века каких-либо полноценных археологических исследований могильников на территории Азака не проводилось. Исследование золотоордынского Азака вплоть до конца 1970-х гг. носило эпизодический характер, когда во время проведения земляных работ в строительных котлованах доследовались закрытые комплексы XIV века (хозяйственные ямы, жилые и производственные сооружения). Полноценное изучение могильников Азака относится к началу 1980-х гг. К этому же времени относится и выявление каменных золотоордынских надгробий. На данный момент найдено 13 фрагментов каменных надгробий (с учетом утерянного надгробия, найденного в 1870 г.) (рис. 1). Почти все надгробия изготовлены из местного материала (песчаник или ракушечник). Материалом для изготовлений надгробий могли служить вторично использованные строительные блоки. Некоторые надгробия искусно вытесаны и орнаментированы, другие же выполнены предельно схематично. Орнаментальные мотивы и эпиграфика, встреченные на камнях, ведут свои истоки из мастерских камнерезов столичных и периферийных центров ордынского Крыма. Форма камней, оформление арки в виде многолопастной розетки, изображения свечей и лампад указывают на сильное влияние сельджукской традиции, которую к XIV веку переняли крымские мастера. На найденных азовских надгробиях присутствует особая стилистика нанесения эпиграфических надписей, которая характерна только для Крыма, а именно (за одним исключением) отсутствие обязательной для болгарских и дагестанских надгробий коранической формулы («Он живой...» и др.) в начале текста. Текст на сохранившихся фрагментах начинается с указания даты смерти погребенного. Текст на камнях выполнен почерком сульс, который получил почти полное распространение на могильных стелах только в Крымском улусе.

В 1984 году в Азовский музей была передана часть надгробной плиты, найденная местными жителями при проведении земляных работ на участке по ул. Севастопольская, 84 (Волков, 2018, с. 379–384). Фрагмент надгробия был выявлен в могильнике, расположенном на западной окраинной части золотоордынского Азака (№ 35 по А.Н. Масловскому)

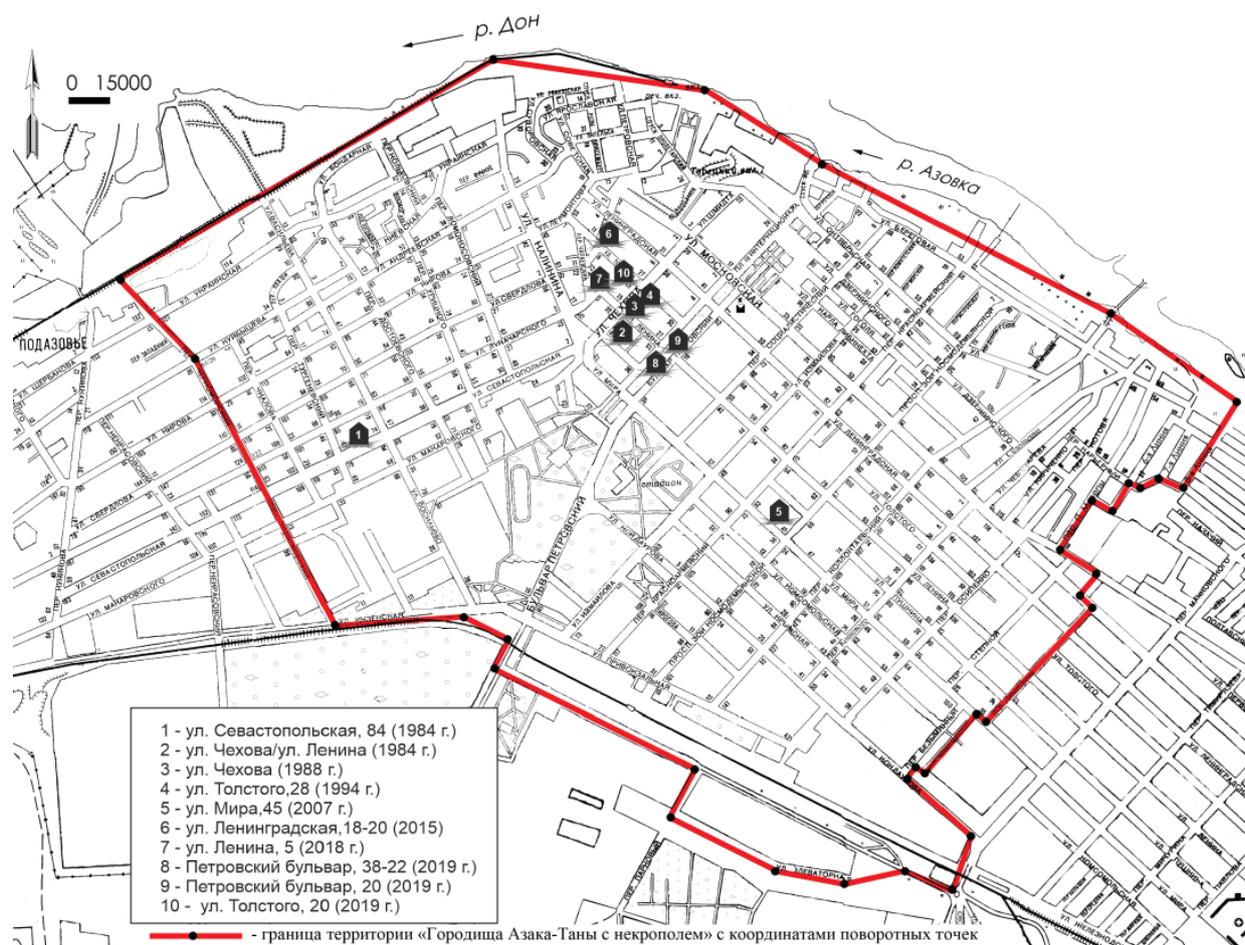

Рис. 1. Карта Азова с местоположением раскопок с находками каменных надгробий

Fig. 1. Map of Azov with the location of the excavations with gravestones finds

(Масловский, 2018, с. 348). Плоская вертикальная стела (рис. 5: 3) с треугольной вершиной, размерами $21 \times 14,7 \times 3,5$ см, изготовлена из низкокачественного мрамора, со следами воздействия огня, нижняя часть обломана. На обеих сторонах плиты нанесен растительный орнамент и эпиграфические надписи. Растительный орнамент выполнен в верхней части надгробия, на треугольных вершинах, в виде небольших пальметт – на одной стороне трехлепестковой, на противоположной – пятилепестковой, внутри которых нанесены каплевидные прорезы. От пальметт в нижней части расходятся побеги с раздваивающимися краями. Орнамент выполнен с помощью выборки фона в низком рельефе. Основное поле плиты с каждой стороны разбито на два прямоугольника, внутри которых на обеих сторонах помещены строки арабскими буквами почерком насх. Надпись в переводе гласит следующее: «Написано в месяце джумада первом года семьдесят шестого и семисотого...» (в переводе И.В. Волкова). Дата на надгробии соответствует 8 октября – 7 ноября 1374 г. Небольшой размер надгробия может указывать на то, что оно предназначалось умершему ребенку,

а не взрослому человеку. Такая практика была широко распространена на средневековых могильниках горного Кавказа (в частности, Дагестана), где детские надгробия аналогичны погребениям взрослых или старых людей (Маммаев, 2019, с. 706). Детские надгробия из Дагестана могли быть пышно украшены растительным орнаментом, с помещением коранической формулы, имени и даты смерти умершего.

В 1988 году при проведении спасательных археологических раскопок в центральной части Азака по ул. Ленина в одном из погребений был найден фрагмент каменного надгробия (рис. 1) (Волков, 2018, с. 379). Раскоп располагался в западной части центрального городского могильника XIV в. (№ 3 по А.Н. Масловскому) (Масловский, 2018, с. 322). Надгробие интересно тем, что изготовлено из вторично использованного строительного блока из желто-серого ракушечника, размерами $29,8 \times 21,4 \times 10,5$ см (рис. 2: 1). Стороны блока тщательно обтесаны, нижний край камня обломан. На одной из сторон надгробия в центральной части схематично нанесено изображение горящей лампы с округлым

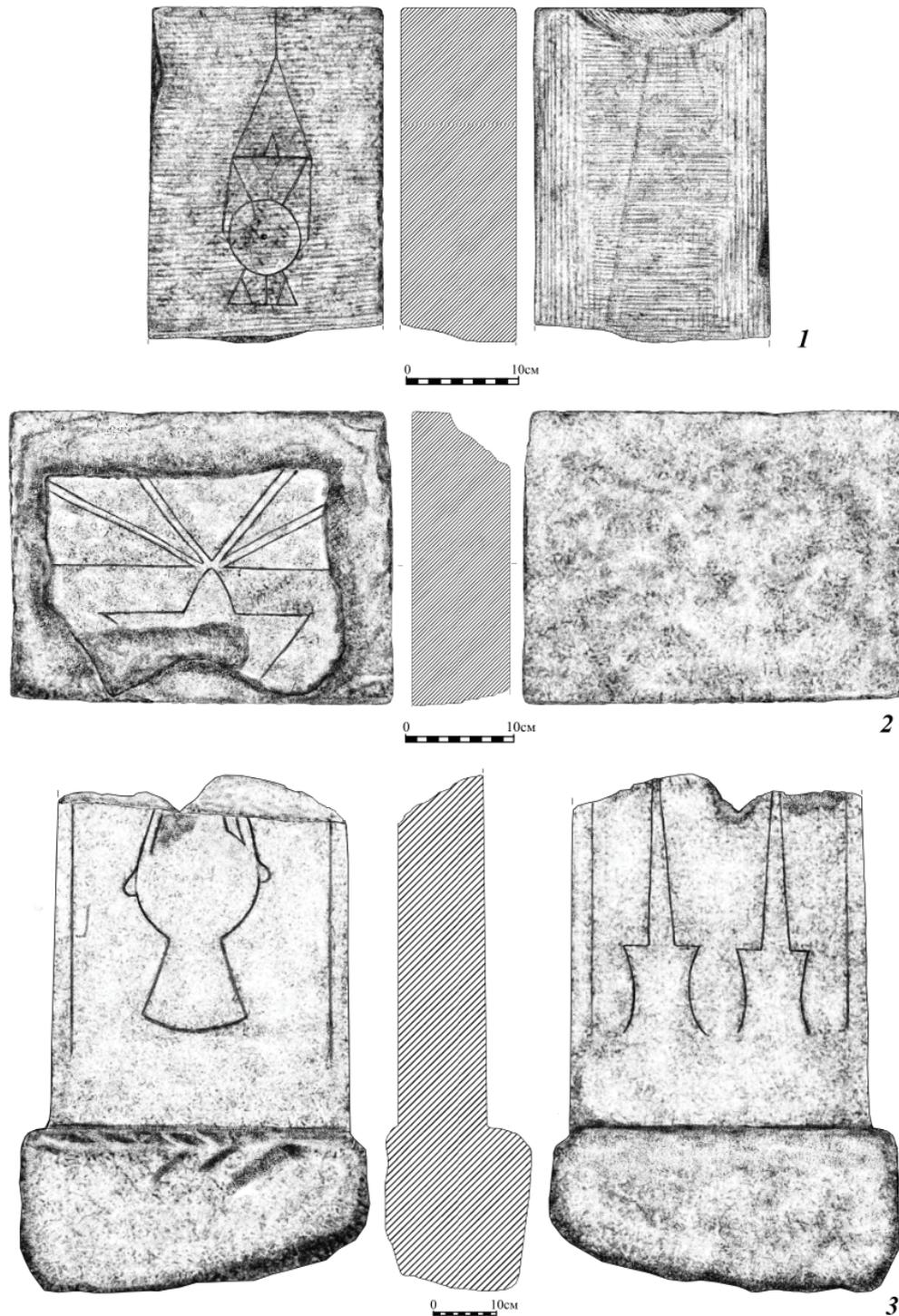

Рис. 2. Каменные надгробия из Азака: 1 – раскоп по ул. Чехова/Ленина (1988 г.), 2 – раскоп по ул. Ленинградская, 18–20/Щорса, 7 (2015 г.), 3 – раскоп по ул. Ленина, 5 (2018 г.).

Fig. 2. Stone-made gravestones from the city of Azak: 1 – excavation on the Chekhova/Lenina st. (1988), 2 – excavation on the Leningradskaya st., 18–20 / Schorsa st., 7 (2015), 3 – excavation on the Lenina st., 5 (2018).

туловом, коническим поддоном и горлом. Лампа подвешена на двух цепях, прикрепленных к центральной части тулова. Лампада помещена в михраб с полукруглой аркой. Обратная сторона камня не содержит орнамента. Мотив горящей лампы, помещенной в михраб, распространен на городских и сельских могильниках Крыма и Малой Азии

и трактуется как свет веры, который дан Всевышним.

На раскопе по ул. Чехова в 1988 году в строительном котловане был найден фрагмент каменного надгробия, изготовленного из желто-серого ракушечника, размерами 42,5×35,0×8,0 см (рис. 3: 1) (Гудименко, Перевозчиков, 1989, с. 14). Исследованный

участок располагался в восточной окраинной части центрального городского могильника XIV в. (№ 3 по А.Н. Масловскому) (Масловский, 2018, с. 322). Вертикальная стела прямоугольной формы, вершина в форме пятилопастной арки с килевидным навершием (имитация розетки). Орнамент выполнен с помощью выборки фона в низком рельефе. На одной стороне плиты внутри арки нанесена трехлепестковая пальметта с расходящимися в стороны раздваивающимися по краям растительными побегам. Основное поле плиты занимает простой геометрический орнамент в виде ромбовидных фигур, схематично имитирующих шестилепестковые розетки. На оборотной стороне плиты в арке нанесены две шестиконечные гексаграммы, вписанные одна в другую. В верхней части основного поля плиты нанесено изображение «сельджукской цепи» с вписанными внутри шестиугольными фигурами. В центральной части основного поля нанесено изображение двух гексаграмм, вписанных одна в другую. Изображение гексаграммы и «сельджукской цепи» – распространенный мотив орнамента, встречающийся на стелах из могильников Крыма и Анатолии. Орнамент на данном надгробии выполнен предельно схематично, что может указывать на изготовление его не анатолийскими, а крымскими камнерезами.

На раскопе по ул. Толстого, 28, в 1994 году были найдены 3 фрагмента каменного надгробия (Гудименко, 1997, с. 76). Могильник располагался на восточной окраине центрального городского могильника Азака (№ 3 по А.Н. Масловскому) (Масловский, 2018, с. 325). Вертикальная стела прямоугольной в плане формы, размерами 33,7×32,1×9,0 см, изготовлена из желто-серого ракушечника, с трехлопастной аркой, половина арки и нижняя часть стелы утрачены (рис. 3: 2). На одной стороне плиты нанесено изображение горячей лампы, подвешенной на двух цепях, с коническим горлом и округлым (?) туловом, помещенной в михраб со стрельчатой аркой. Свет лампы изображен тонкими расходящимися от центра горла линиями. Изображение нижней части лампы утрачено. На оборотной стороне плиты нанесена эпитафия арабскими буквами почерком рельефный сульс, выполненная с помощью выборки фона в низком рельефе. Большая часть текста утрачена, сохранившаяся часть надписи помещена в прямоугольную рамку. По сохранившимся буквам удалось восстановить часть текста: «Он живой...» / *إنه حي ع* (в переводе Н.И.

Юдина) и букву *ع*, вероятно являющуюся началом другого слова. Отметим некоторые любопытные факты, относящиеся к найденному надгробию. Данная начальная кораническая формула как обязательный элемент присутствует на надгробных стелах из Болгара и имеет следующее продолжение: «...который не умирает, все живущее умрет» (Мухаметшин, 2008, с. 26). На крымских и северокавказских надгробиях надпись обычно начинается либо с фразы «Это могила покойного (покойной)...» и далее следует имя, либо с даты смерти умершего. Стилистические особенности оформления данного памятника (форма надгробия, эпитафика и изображенная на одной из сторон горящая лампада) указывают на то, что надгробие изготовлено крымскими мастерами под влиянием сельджукской традиции.

Еще одно надгробие было найдено в 2007 году на раскопе по ул. Мира, 45. Исследованный участок занимал один из городских могильников в южной части Азака (№ 13 по А.Н. Масловскому) (Масловский, 2018, с. 338). Фрагмент надгробия, найденный в хозяйственной яме № 3 XIV в., размерами 20,1×21,3×10,1 см, изготовлен из светло-желтого ракушечника (Масловский, 2010, с. 198). Большая часть камня утрачена, сохранился только край надгробия с ровно обтесанной гранью (рис. 3: 3). Обе стороны надгробия по внешнему краю оформлены в виде невысокого бордюра, внутреннее поле разделено бордюром на три части (возможно и более). Орнаментирована только одна из сторон в виде эпитафической надписи арабскими буквами почерком рельефным сульс, выполненной с помощью выборки фона в низком рельефе. Большая часть надписи, к сожалению, утрачена, удалось восстановить только небольшую ее часть в одном из прямоугольников – это цифры 10 и 5 (в переводе Н.И. Юдина). По всей вероятности, сохранившиеся цифры могут указывать на дату смерти погребенного.

В 2015 году на раскопе по ул. Ленинградская, 18-20/Щорса, 7, при исследовании могильника XVII–XVIII вв. было найдено два каменных надгробия (Кравченко, 2018, с. 125). Одно из них датируется периодом турецкого Азова (XVII–XVIII вв.), другое же относится ко времени существования золотоордынского Азака. Камень прямоугольной формы размерами 35,5×27,6×9,1 см, с плоской вершиной, изготовлен из светло-желтого ракушечника (рис. 2: 2). Надгробие, вероятно, изготовлено

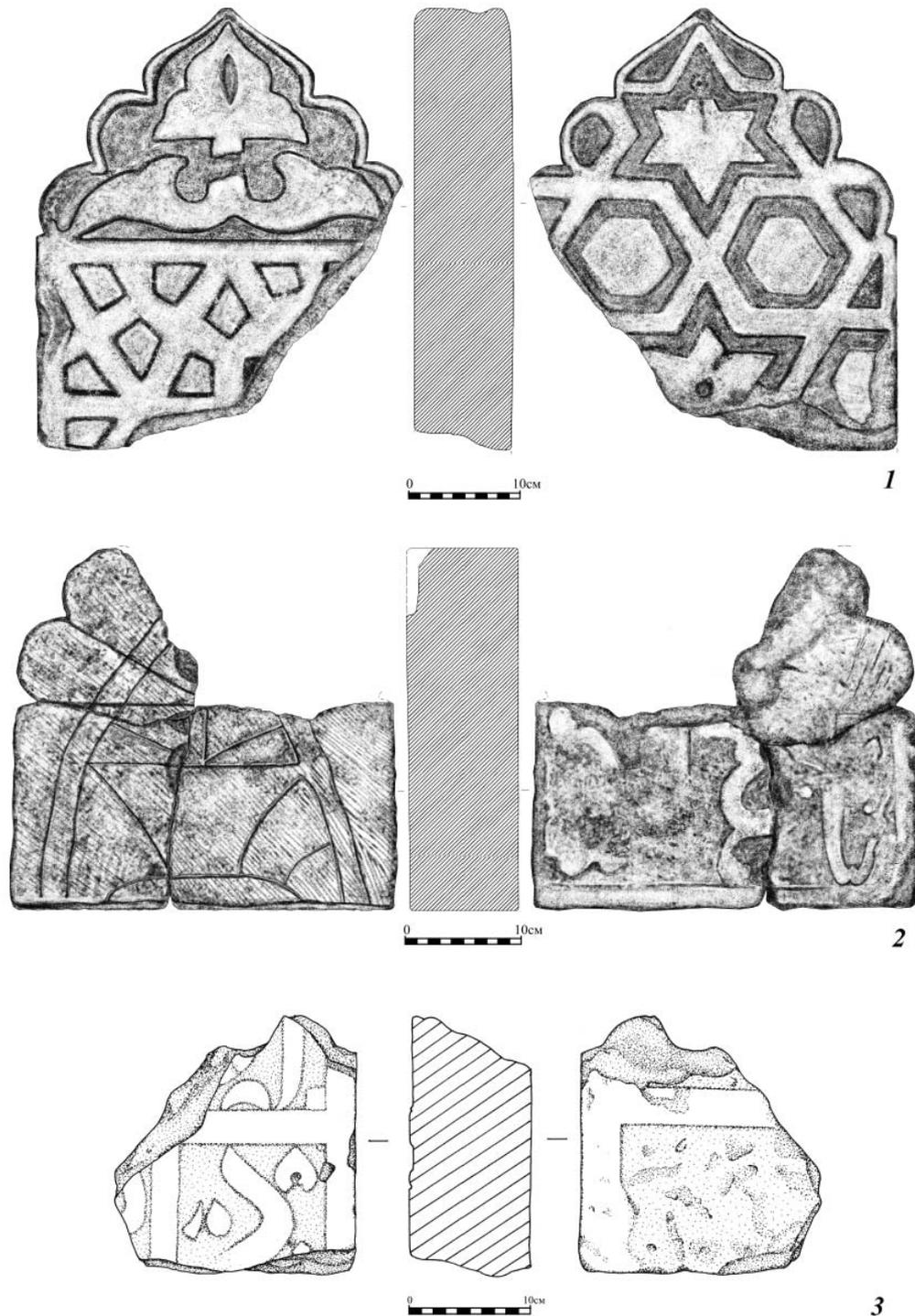

Рис. 3. Каменные надгробия из Азака: 1 – раскоп по ул. Чехова (1988 г.), 2 – раскоп по ул. Толстого, 28 (1994 г.), 3 – раскоп по ул. Мира, 45А (2007 г.).

Fig. 3. Stone-made gravestones from the city of Azak: 1 – excavation on the Chekhova st., (1988), 2 – excavation on the Tolstogo st., 28 (1994), 3 – excavation g on the Mira st., 45A (2007).

из вторично использованного строительного каменного блока, грани сильно повреждены, однако можно проследить, что плита имела ступенчатую форму. Обе стороны камня тщательно обтесаны. Орнамент нанесен только на одну сторону плиты в виде схематичного изображения горящей лампы, выполненного тонкими врезными линиями. Сохранилась только верхняя часть лампы. Горло лампы

конической формы, от пламени треугольной в плане формы расходятся в разные стороны лучи в виде тонких линий. Лучи лампы вырезаны, вероятно, с помощью двузубого резца. Надгробия с изображением горящей лампы ранее встречались на городских могилах Азака. Этот камень интересен тем, что орнамент на нем нанесен предельно схематично, без детальной проработки. На стеле

отсутствуют цепь, к которой была подвешена лампа, и михраб, в который она помещалась.

В 2018 году на раскопе по ул. Ленина, 5, было найдено 2 фрагмента каменных надгробий XIV в. Исследованный участок занимал северную часть центрального городского могильника Азака (№ 3 по А.Н. Масловскому). Первое надгробие (рис. 2: 3) было найдено в заполнении ордынской хозяйственной ямы XIV в. Вертикальная стела прямоугольной формы изготовлена из желто-серого ракушечника, верхняя часть утрачена. Высота сохранившейся части 83,0 см, ширина – 46,8 см, толщина – 14,1 см. Основание плиты, вкапываемое в землю, прямоугольной формы толщиной 16,9 см. Стела тщательно обработана, с ровными гранями. На обе стороны плиты нанесен врезной орнамент тонкими глубокими линиями. На одной стороне нанесено изображение двух высоких симметрично поставленных свечей в высоких биконических поддонах. На обратной стороне в центральной части поля нанесено схематичное изображение подвешенной на двух цепях лампы с коническим поддоном и округлым туловом. На обеих сторонах плиты по краю прочерчены тонкие врезные линии в виде бордюра. Второй фрагмент надгробия XIV века происходил из переотложенного культурного слоя XVII–XVIII вв., изготовлен из желто-серого ракушечника (рис. 4: 1). От стелы сохранилось только навершие размерами 18,0×14,2×11,2 см в виде пятилопастной (?) арки, от которой сохранилось только 2 лопасти и небольшая часть третьей лопасти. Плита тщательно обтесана, грани ровные, со следами воздействия огня. По внешнему краю плиты на обеих сторонах нанесен невысокий бордюр с помощью выборки фона. Стилизованный орнамент в виде растительных побегов и фрагмента пальметты выполнен на обеих сторонах камня с помощью выборки фона в невысоком рельефе.

На раскопе I по Петровскому бульвару, 38–22, в 2019 году в заполнении современной водопроводной траншеи был найден фрагмент каменного надгробия XIV в. Камень происходил из поврежденного траншеей крупного каменного наземного сооружения – вероятно, мечети, вокруг которой располагался грунтовый могильник. Вместе с фрагментом надгробия было найдено 3 крупных каменных блока – возможно, деталь портала. Надгробие изготовлено из светло-желтого обработанного ракушечника, вероятно, имело прямоугольную форму с пятилопастной аркой. От камня

сохранилась вершина в виде трехлопастной арки с треугольным навершием размерами 29,5×7,0×9,0 см (рис. 5: 2). На обеих сторонах арки нанесен схематичный орнамент тонкими врезными, расходящимися от центра линиями. Судя по аналогиям старокрымских каменных надгробий, линии могут символизировать лучи, исходящие от подвешенной горящей лампы.

На раскопе I по Петровскому бульвару, 20, в заполнении ордынской землянки XIV века (жилище 14) был найден фрагмент каменного надгробия размерами 41,0×39,0×12,0 см, изготовленного из желто-серого ракушечника (рис. 4: 2). Вертикальная стела прямоугольной формы с трехлопастной аркой и килевидной вершиной, нижняя часть камня утрачена. На обе стороны плиты нанесен орнамент с помощью выборки фона в низком рельефе. На одной стороне изображена подвешенная на двух цепях горящая лампа с коническим горлом и округлым туловом, помещенная в михраб со стрельчатой аркой. На тулове лампы сохранились пятна красной краски. На противоположной стороне стелы в арке нанесены расходящиеся от центра врезные линии. В основном поле плиты нанесен геометрический орнамент в виде узла сложного плетения с ломаными широкими полосами. Геометрические плетенки, выстроенные из прямых перекрещенных под разными углами линий, стилизованные под изображение «звезды Давида», широко распространены как в ордынском Крыму, так и в других регионах средневекового Востока (Айбабина, 2016, с. 530). Найденное надгробие, вероятно, первоначально было установлено в погребении центрального городского могильника, располагавшемся в непосредственной близости от раскопа, и, судя по найденному керамическому материалу в заполнении землянки, может датироваться не позднее второй половины XIV века.

На раскопе по ул. Толстого, 20, в 2019 году было найдено два фрагмента каменных надгробий XIV века. Оба фрагмента происходят из центрального городского могильника Азака (№ 3 по А.Н. Масловскому), изготовлены из светло-желтого ракушечника, с тщательно обтесанными и зашлифованными сторонами. От первого надгробия сохранился небольшой фрагмент размерами 25,5×7,3×14,0 см. Плита сильно повреждена и выщерблена, орнамент утрачен, сохранилась только одна грань камня (рис. 4: 3). Особый интерес представляет второе надгробие. Вертикальная стела прямо-

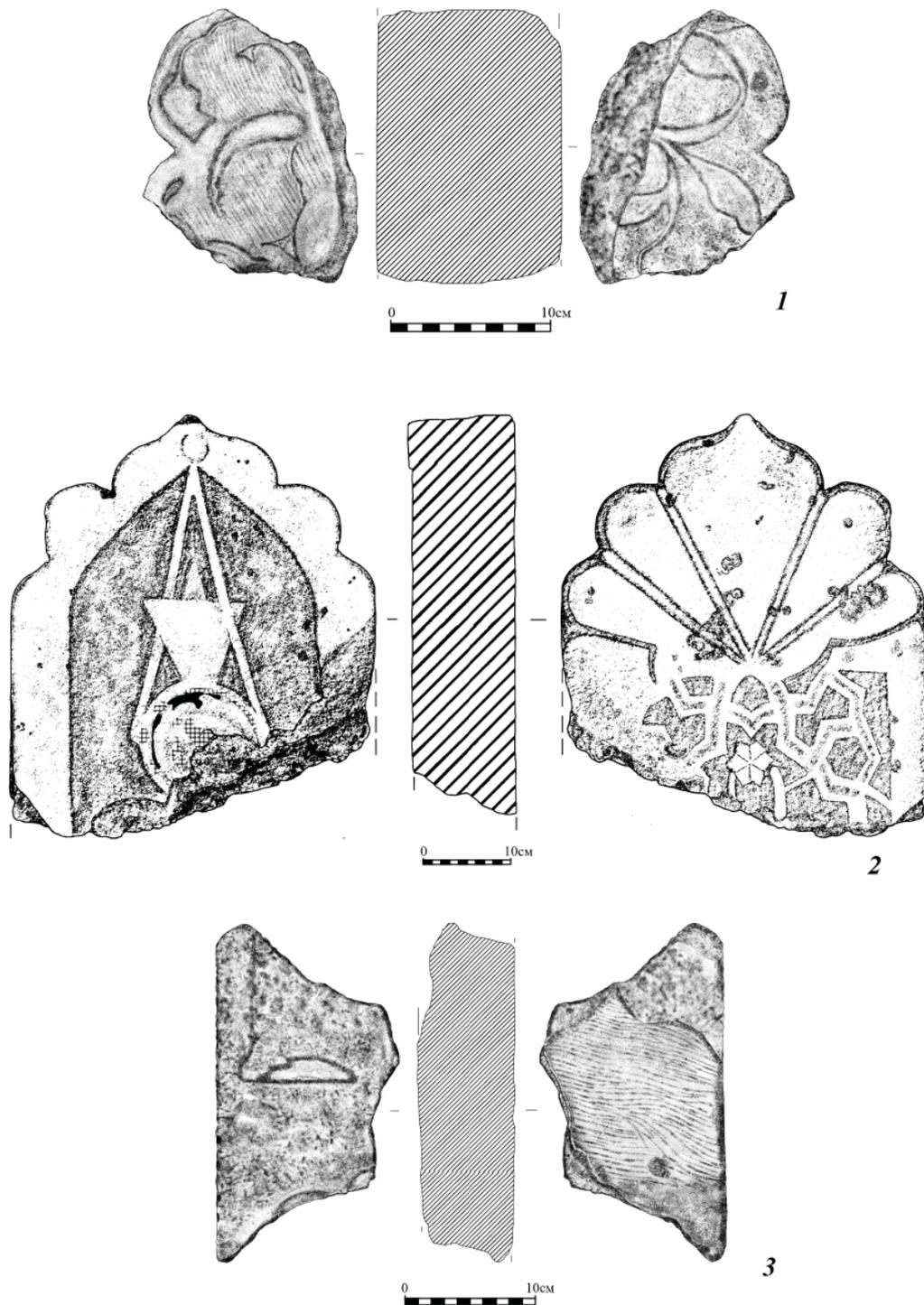

Рис. 4. Каменные надгробия из Азака: 1 – раскоп по ул. Ленина, 5 (2018 г.), 2 – раскоп по Петровскому бульвару, 20 (2019 г.), 3 – Раскоп по ул. Толстого, 20 (2020 г.)

Fig. 4. Stone-made gravestones from the city of Azak: 1 – excavation on the Lenina st., 5 (2018), 2 – excavation on the Petrovski boulevard, 20 (2019), 3 – excavation on the Tolstogo st., 20 (2020)

угольной формы, размерами 74,0×37,2×7,1 см, с пятилопастной аркой и треугольной вершиной (рис. 5: 1). На одной стороне плиты нанесено изображение горячей лампы с округлым туловом, коническим горлом и поддоном, подвешенной на стилизованно показанной пальметте. Орнамент выполнен глубокими четкими врезными линиями. На

тулове лампы изображена восьмилепестковая розетка с овальными листками, вершины которых соединены дуговидными линиями таким образом, что создается образ шестилепестковой розетки с треугольными листками. Обращает внимание нарушение пропорций размеров лампы, которая в несколько раз больше подвешенных к ней цепей. Вероятно, мастер-

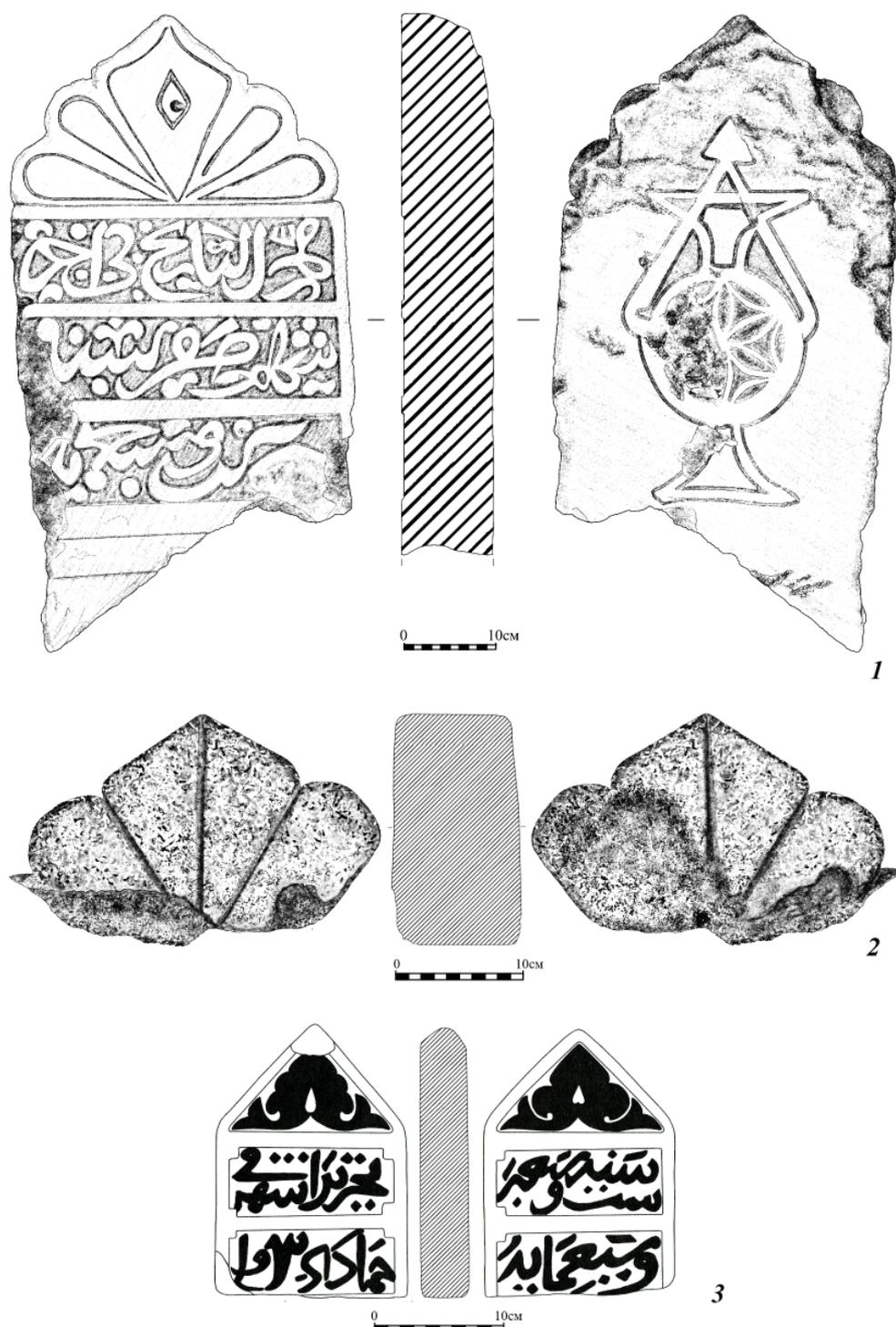

Рис. 5. Каменные надгробия из Азака: 1 – раскоп по ул. Толстого, 20 (2020 г.), 2 – раскоп по Петровскому бульвару, 38–22 (2019 г.), 3 – Севастопольская, 84. Сборы (1984 г.)

Fig. 5. Stone-made gravestones from the city of Azak: 1 – excavation on the Tolstogo st., 20 (2020), 2 – excavation on the Petrovski boulevard, 38–22 (2019), 3 – excavation on the Sevastopolskaya st., 84. Artefactual remains gathering (1984).

камнерез при составлении композиции первоначально вырезал изображение лампы, а уже в дальнейшем подвешенных цепей, которые не вместились в размеры камня, оказавшиеся значительно короче, чем должны быть (по аналогиям со старокрымских надгробий). На лицевой стороне стелы в арке глубокими врезными линиями нанесена пятилепестко-

вая розетка, где четыре листка – овальные, а пятый, самый верхний – в виде ромбовидной фигуры с килевидным верхом, внутри вписан ромб. Основное поле плиты разделено на три прямоугольника невысокими бордюрами. По контуру плиты вырезан невысокий бортик. В каждом прямоугольнике нанесены эпиграфические надписи арабскими буквами

почерком рельефной сульс с помощью выборки фона в низком рельефе. Текст состоит из трех строк: محمد مات وخمسون وخمسة سبعمائة سنة ع ورشد, далее следует слово ورشد, которое, вероятнее всего, следует переводить как «пастырь» или «наставник» (перевод Н.И. Юдина). Текст в переводе на русский гласит: «В день первый месяца Сафара года семьсот и пятьдесят пятого умер Мохаммед...» (перевод Н.И. Юдина). Трудность в переводе последнего слова связана с утратой части строки на надгробии. Дата первого числа Сафара 755 года хиджры соответствует 4 марта 1354 г. Уникальность найденной стелы состоит в том, что, помимо богатого орнаментального декора, это первое надгробие, найденное при раскопках золотоордынского Азака, на котором почти полностью сохранилась эпитафия с указанием имени, даты смерти и, вероятно, рода деятельности умершего.

Изучение каменного архитектурного декора, в том числе и каменных надгробий, позволяет определить различные аспекты жизни

средневекового восточного города, каким являлся золотоордынский Азак. Исследование орнаментальных и эпитафических мотивов помогает выявить миграционные связи Азака с остальными центрами Золотой Орды и их влияние на культуру самого города. Архитектурное оформление и орнаментальные мотивы азацких надгробных памятников указывают на преобладающее влияние камнерезной культовой архитектуры Крыма и Малой Азии. Но в отличие от богато орнаментированных малоазийских памятников, азацкие надгробия в большинстве оформлены схематично, без проработки мельчайших деталей, что указывает на тесную связь с художниками-камнерезами из золотоордынского Крыма, которые, переняв сельджукские традиции еще в XIII веке, заметно их упростили. Орнаментальные сюжеты и эпитафия, характерные для других центров Золотой Орды (таких как Болгар и среднеазиатские городские центры), в Азаке не получили столь широкого распространения.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001. 280 с.
- Айбабина Е.А.* Мусульманская каменная резьба Крыма // МИРАС–НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и в Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х томах. Т. 1. / сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. С. 510–543.
- Акчокраклы О.* Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ) / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 5–17.
- Акчокраклы О.* Старо-Крымские надписи XIII–XV вв. (По раскопкам 1928 г.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ) / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 152–159.
- Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.
- Волков И.В.* Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей заповедник, 2008. С. 478–496.
- Волков И.В.* Заметки по мусульманской эпитафике в Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Вып. 30. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей заповедник, 2018. С. 379–398.
- Волков И.В.* Эпитафика Маджара // Археология Евразийских степей. 2018. №5. С. 38–42.
- Гудименко И.В. Перевозчиков В.И.* Работы I Азовского археологического отряда в 1988 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Вып. 9. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей заповедник, 1989. С. 14–16.
- Гудименко И.В.* Спасательные археологические раскопки в городе Азове и Азовском районе // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 73–77.
- Кравченко С.А.* Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Вып. 30. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2018. С. 122–178.
- Маммаев М.М.* Надмогильные памятники детских погребений XIV–XV вв. из с. Кубачи: особенности декоративной отделки // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 704–722.

Масловский А.Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007-2008 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2010. С. 182–242.

Масловский А.Н. Топография городских могильников золотоордынского Азака и их влияние на общегородскую планировку // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситди-ков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 641–656.

Масловский А.Н. Могильники Азака. История изучения и задачи будущих исследований // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015-2016 гг. Вып. 30. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2018. С. 318–357.

Мухаметишин Д.Г. Татарские эпитафические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 131 с.

Пигарёв Е.М., Тимофеев А.А. Мусульманские надгробия эпохи Золотой Орды (из фондов Астраханского музея-заповедника) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Вып. X / Ред. А.А. Курапов, Е.И. Герасимиди, А.Н. Алиева. Астрахань: Изд-во Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 68–71.

Усеинов Д.А. Мусульманские эпитафические памятники Старого Крыма (XIII–XIV вв.) // Золотоордынское наследие: Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 87–95.

Шихсаидов А.Р. Эпитафические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 463 с.

Якобсон А.Л. Крым в Средние века. М.: Наука, 1973. 170 с.

H. Kamil Bicici. Patterned Lamp and Candlestick Gravestones in Iznik Museum // Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Ankara, 2012. Volume 7/3. S. 637–661.

Информация об авторах:

Минаев Александр Павлович, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); alexminaev1987@gmail.com

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); aniarcheologist@gmail.com

REFERENCES

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV–XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th–18th Centuries)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Aibabina, E. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923–1929 godah: v 3–kh tomah (MIRAS–NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923–1929: in 3 volumes)*. 1. Kazan: “Aster Plyus” Publ., 510–543 (in Russian).

Akchokrakly, O. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 1(58). Simferopol. 152–159 (in Russian).

Akchokrakly, O. 1929. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 3(60). Simferopol. 152–159 (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House (in Russian).

Volkov, I. V. 2008. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 478–496 (in Russian).

Volkov, I. V. 2018. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 379–398 (in Russian).

Volkov, I. V. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5. 38–42 (in Russian).

Gudimenko, I. V. Perevozchikov, V. I. 1989. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 9. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 14–16 (in Russian).

Gudimenko, I. V. 1997. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 14. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 73–77 (in Russian).

Kravchenko, S. A. 2018. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 122–178 (in Russian).

Mammaev, M. M. 2019. In *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* 15 (4), 704–722 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2010. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 182–242 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 641–656 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2018. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 30. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 318–357 (in Russian).

Muhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye variant (Tatar epigraphic sites. Regional features and ethnocultural versions)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes) 6. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Pigarev, E. M., Timofeev, A. A. 2018. In Kurapov A.A., Gerasimidi, E. I., Alieva, A. N. (eds.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* X. Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 68–71 (in Russian).

Useinov, D. A. 2019. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi foruma “Pax Tatarica: genesis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoi Ordy”, Kazan, 26 - 28 iunია 2019 g (Heritage of the Golden Horde: Proceedings of the International Scientific Forum “Pax Tatarica: Genesis and Legacy of the Golden Horde Statehood”, Kazan, June 26-28, 2019.)* 3. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 87–95 (in Russian).

Shihsaidov, A. R., 1984. *Epigraficheskie pamiatniki Dagestana X-XVII vv. kak istoricheskii istochnik (Epigraphic Monuments of Dagestan of the 10th–17th Centuries as a Historical Source)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1973. *Krym v Srednie veka (Crimea in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

H. Kamil Bicici. 2012. In *Turkish Studies – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. 7(3). Ankara, 637–661 (in English).

About the Authors:

Minaev Alexander P. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; vallet-dre@mail.ru

Iudin Nikita I. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; niarchaeologist@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

НЕ ИСЛАМСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА КЫРК-АЗИЗЛЕР

© 2021 г. М.Ю. Меньшиков, А.А. Волошинов

На северной окраине г. Бахчисарай расположен известный по письменным источникам и исследованиям начала XX в. могильник Кырк-Азизлер. На протяжении всего периода изучения древностей Крыма считалось, что данный некрополь являлся исключительно мусульманским элитным кладбищем XIV–XIX вв. Однако в ходе охранных археологических работ 2018 г. под руководством авторов статьи стало понятно, что данный памятник является более комплексным и представление о нем, как об исключительно исламском могильнике не верно. Помимо выявленного неизвестного ранее поселения, синхронного ранним мусульманским погребениям, были обнаружены средневековые захоронения с погребальным обрядом, несоответствующим исламской традиции. Данная работа посвящена немусульманским могилам, открытым на территории мусульманского кладбища.

Ключевые слова: археология, Крым, мусульманский некрополь, Орда, погребальный обряд, язычество.

NON-ISLAMIC BURIALS IN THE TERRITORY OF KYRK-AZIZLER MUSLIM BURIAL GROUND

M. Yu. Menshikov, A. A. Voloshinov

Kyrk-Azizler burial ground is located on the northern outskirts of the city of Bakhchisaray. This necropolis is well known from written sources and the studies of the early twentieth century. Throughout the whole period of studying the Crimean antiquities, the necropolis was considered an exclusively Muslim elite cemetery of the 14th-19th centuries. However, during rescue archaeological work at the necropolis in 2018, carried out under the leadership of the authors of the article, it became clear that the site is more complex, and the idea of it being an exclusively Islamic burial ground is not true. A previously unknown settlement, similar to early Muslim burials, was discovered in the territory of the archaeological site along with medieval burials with a funeral rite which does not correspond to the Islamic tradition. The work is dedicated to non-Muslim graves discovered in the territory of a Muslim cemetery.

Ключевые слова: archaeology, Crimea, Muslim necropolis, Horde, funerary rite, pagandom.

В 2018 г. в рамках спасательных археологических работ, предшествующих строительству трассы «Таврида», был исследован выявленный объект археологического наследия «Могильник «Кырк-Азизлер» (Сорок святых)» (рис. 1–3). До начала работ 2018 г. памятник считался исключительно мусульманским некрополем, местом упокоения исламской элиты поселения Эски-Юрт.

Первые археологические исследования некрополя были осуществлены в 1924 г. А.С. Башкировым и У.А. Боданинским, когда на территории памятника было обнаружено тридцать склепов и более тысячи надгробий, раскопано три погребения в грунтовых могилах и погребальная камера мавзолея-дюрбе. Исследователи выделили пять типов надгробий с эпитафиями первой половины XIV – начала XV в., а наиболее выразительные надгробия были перевезены в Бахчисарайский музей (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 295–311). В 2017 году под руководством В.П. Кирилко и Е.М. Пигарева на данном могиль-

нике было исследовано 37 погребений. Ими было высказано предположение о том, что на могильнике выделяются два разных по времени участка некрополя (Кирилко, Пигарев, 2017, с. 60), что не подтвердилось нашими работами 2018 года. В процессе раскопок 2018 г. было выявлено еще несколько этапов более раннего освоения территории памятника, включая поселение, синхронное периоду основания мусульманской части могильника и прекратившее свое существование в середине XIV в. (Меньшиков, Волошинов, Гинькут, Лесная, 2019, с. 87–93).

В ходе исследований некрополя в 2018 г. было изучено 111 могил. Среди них выделяются погребения, отличающиеся от общего массива исламских захоронений. Два погребения относятся к доисламскому периоду существования некрополя, третье – синхронно существованию могильника, но не является мусульманским.

Наиболее раннее захоронение на могильнике было выявлено у северо-восточной

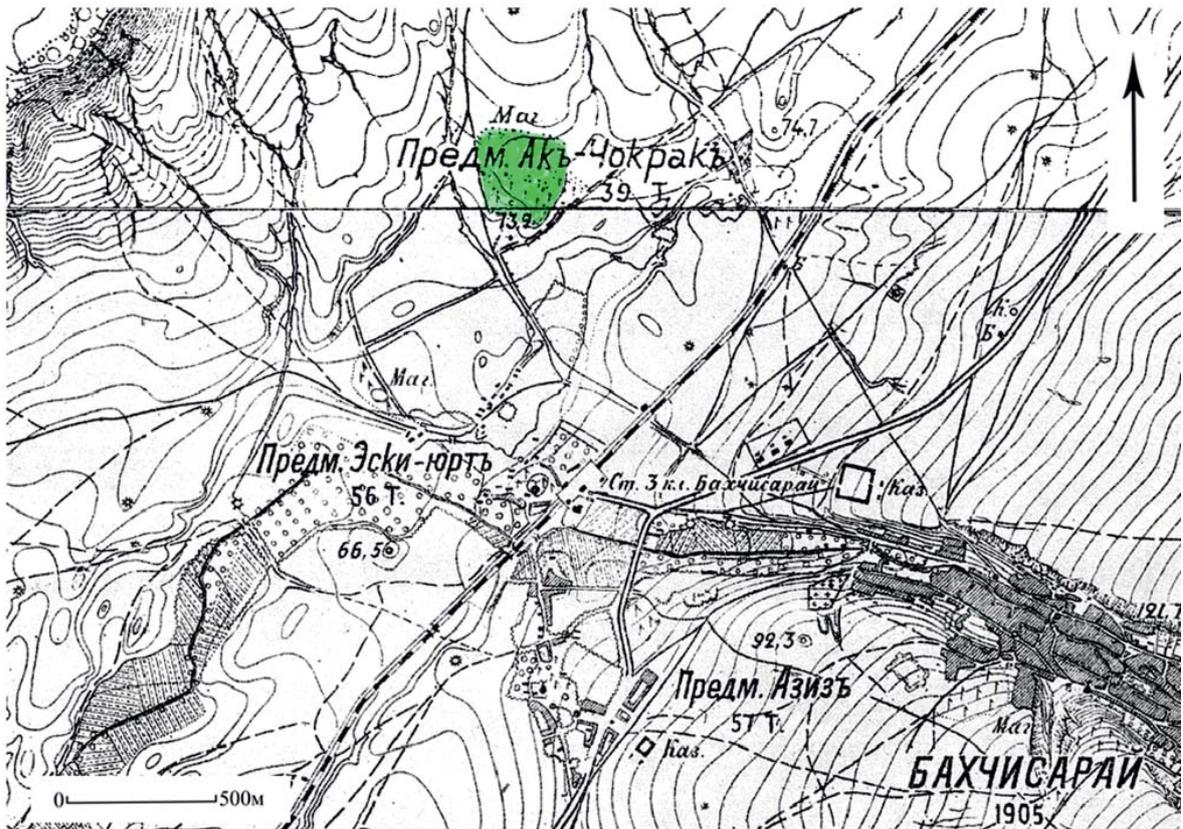

Рис. 1. Карта Крыма и г. Бахчисарай. Место расположения Археологического комплекса Кырк-Азизлер на современной карте и на топографической карте-верстовке 1890 г.
Fig. 1. Map of Crimea and Bakhchisarai. Location of the Kyrk-Azizler archaeological complex on a contemporary map and a topographic scaled map of 1890

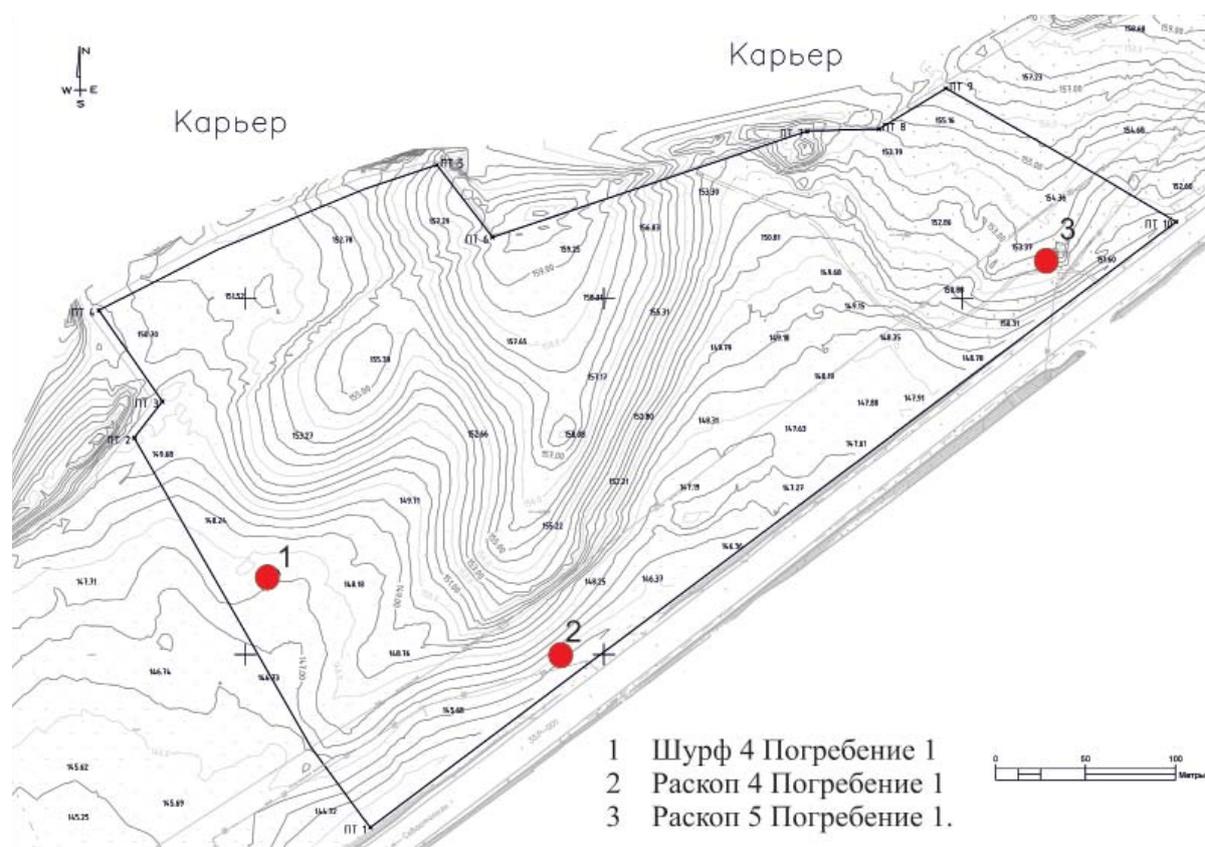

Рис. 2. Границы Археологического комплекса Кырк-Азизлер в 2018 г.

На плане обозначены места расположения немусульманских погребений, исследованных в 2018 г.

Fig. 2. Boundaries of the Kyrk-Azizler archaeological complex in 2018.

The plan marks the locations of non-Muslim burials studied in 2018.

границы памятника, в северо-восточной части Раскопа 5 (рис. 2–3).

Погребение 1. Принадлежит мужчине возрастом 25–35 лет¹. Расположено в центральной, наиболее высокой части холма, обозначенного на топографических картах 60-х гг. XX в. высотой 154,3 м. Он находится в 40–50 м к северо-востоку от мусульманской части могильника Кырк-Азизлер, в урочище Ак-Каш (Кырклар, Кырк-Баирлар).

Вершина холма повреждена многократными перекопами, связанными с устройством карьера и прокладкой коммуникаций (кабель связи, водовод, электрические опоры). В нескольких метрах к юго-западу от погребения 1 был открыт ряд погребений, выкопанных в плитчатом мергеле и совершенных по мусульманскому обряду.

Погребение располагалось очень близко к современной поверхности (рис. 4), дно могильной ямы прослежено на глубине до 30 см от уровня материка. Темное, гумусированное заполнение могилы позволяет предположить, что погребение первоначально было впущено в земляную курганную насыпь, которая была спланирована не позднее 70–80-х годов XX в.

Из всей совокупности признаков погребального комплекса, которые позволяют говорить о хронологии, социальной и этнической принадлежности, в данном случае мы имеем лишь неполный комплект погребального инвентаря, ориентировку могильной ямы и положение тела.

Могильная яма ориентирована по оси ЮЗ–СВ, конструктивно относится к простым ямам (рис. 5).

Овальная в плане погребальная яма длиной 2,6 м, шириной 0,66 м, углублена в дно раскопа (материк) на 0,05–0,3 м. Нижняя часть могилы вырублена в плотном плитчатом мергеле, верхняя в светлом суглинке. Погребение прорезало более древнюю подтрапециевидную могильную яму, ориентированную по оси З–В, вычищенную или ограбленную в древности. Ее длина 1,3 м, ширина 0,44–0,52 м, глубина относительно уровня материка 0,05–0,07 м.

Могильную яму погребения 1 по оси СЗ–ЮВ пересекает современная траншея водовода, в ее заполнении найдены отдельные фрагменты железных труб, а также часть смещенных костных останков и погребального инвентаря.

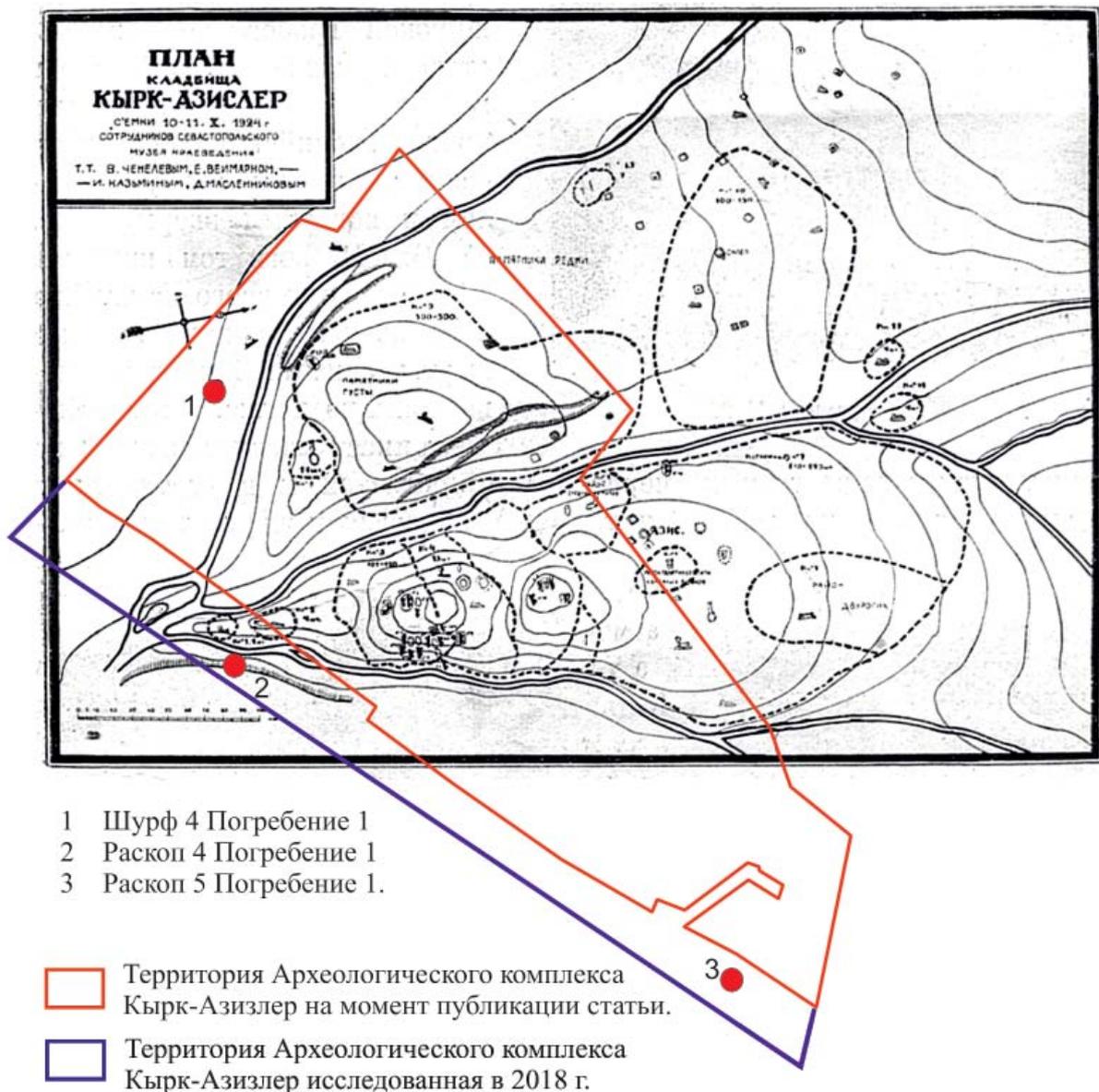

Рис. 3. Глазомерный план могильника «Кырк-Азизлер». Съёмка В. Чепелева, 1924 г. с посадкой современных границ памятника и обозначением расположения немусульманских погребений, исследованных в 2018 г.

Fig. 3. Approximate plan of Kyrk-Azizler burial ground. Photography by V. Chepelev, 1924, with plotting of the contemporary boundaries of the site and indication of non-Muslim burials studied in 2018

Положение тела. Погребенный расположен головой на юго-запад, лицевая часть черепа развернута к юго-востоку (рис. 5). Ноги вытянуты прямо, сближены в стопах, развернутых вправо, к юго-восточной продольной стенке. Так же *in situ* сохранились несколько позвонков и ребер. Общая длина скелета составляет 1,7 м. Общее положение сохранившихся останков дает основание предположить, что тело погребенного было уложено на правый бок.

Инвентарь (рис. 6). Среди костных человеческих останков найдены фрагменты костяной накладкой лука (рис. 6: 1). У ребер была обнаружена железная деталь двусоставных удилов (рис. 6: 2). В заполнении траншеи найден

фрагмент железного клинка сабли (рис. 6: 3). Слева от левой бедренной кости – железное кольцо (пряжка?) (рис. 6: 4).

Роговая или костяная накладдка на лук. Фрагмент прямой в плане накладдки, сохранившаяся часть имеет длину около 80 мм, ширину до 16 мм. Сечение накладдки дуговидное. С внутренней стороны сделаны насечки для более надежного крепления при наклеивании на поверхность. Можно предположить, что сохранившийся фрагмент является тыльной центральной накладдкой на кибить.

Удила следует отнести к типу Г II по типологии Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 17–18). Подобные предметы из-за своей простоты и универсальности имеют чрезвычай-

Рис. 4. Фото пятна заполнения ям на материковом грунте. 1 – пятно первоначального подкурганного погребения; 2 – пятно средневекового кочевнического впускного погребения; 3 – пятно перекопа канавы под железную трубу XX в. Вид с юго-востока. Фотограф – Меньшиков М.Ю.

Fig. 4. Photo of the pit filling outlines on continental ground. 1 – Original ground burial outlines; 2 – Medieval nomadic inlet burial outlines; 3 – Outlines of a cross-ditch for a 20th century iron pipe. View from the southeast.

Photographer – M.Yu. Menshikov.

чайно широкую дату в пределах первой половины II тыс. н. э.

Фрагмент железного клинка сабли. Сохранившийся фрагмент клинка имеет ширину до 35 мм. С одной стороны слом лезвия имеет треугольное сечение, а на другом конце сохранившейся части – овальное. Судя по сечениям сломов, сохранившийся фрагмент располагался близко к окончанию клинка и представляет собой участок перехода однолезвийной центральной части клинка к двулезвийному окончанию. К большому сожалению, по сохранившемуся фрагменту сложно судить об изгибе клинка и, следовательно, о его датировке.

Железное кольцо (пряжка?). Внешний диаметр кольца около 25 мм. Сечение округлое, диаметром 3–5 мм. Подобные кольца нередко встречаются в поздних кочевнических погребениях как детали портупей, в том числе для ношения саадака.

Фрагментированное состояние лезвия клинка и деталей лука, обнаруженных в погребении, не позволяет говорить об узких датировках бытования этих предметов. Два

других предмета имеют достаточно длительный период существования.

Погребальный обряд. Наличие фрагмента удила в узкой яме вместе со скелетом человека при отсутствии фрагментов костей лошади позволяет предположить, что туша или чучело коня не были захоронены вместе со скелетом человека. Общая ориентировка погребенного при данном наборе сопровождающих предметов дает возможность отнести погребение к кругу половецких древностей. Хотя общее положение тела с доворотом лицевой части черепа на юг может говорить о раннем исламском влиянии. Следует отметить отсутствие в непосредственной близости от погребения мусульманских могил. Ближайшие грунтовые погребения расположены на расстоянии около 15 м от данного. Учитывая их высокую плотность на других участках, это говорит о том, что курган в этом месте был замечен и сохранялся на протяжении всего периода функционирования кладбища. Подобная ситуация не является уникальной и известна и на других средневековых мусульманских могильниках Крыма: средневековый могильник Живопис-

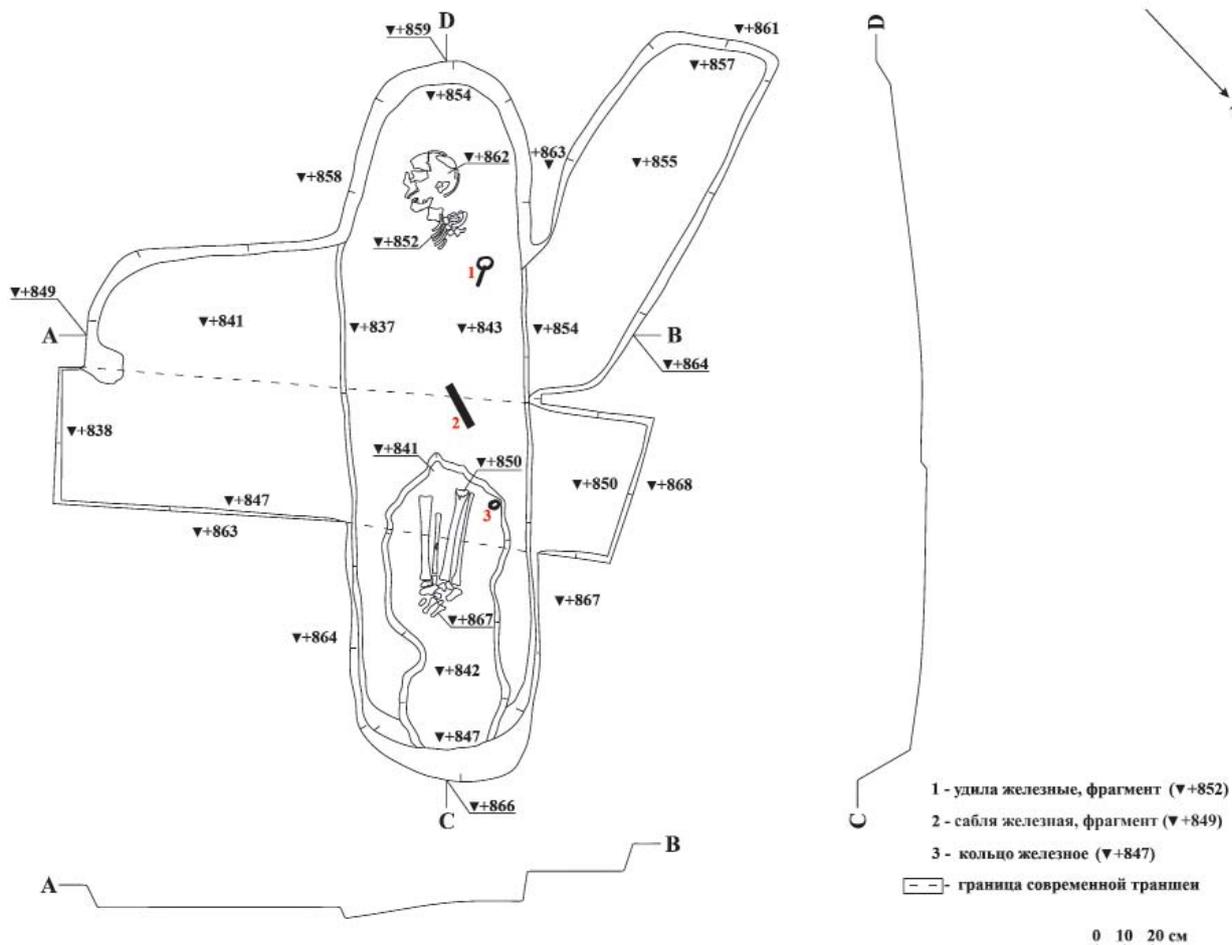

Рис. 5. План погребения 1 раскоп 5. Чертежник – Резниченко И.А.

Fig. 5. Plan of burial 1, excavation 5. Drawn by I.A. Reznichenko.

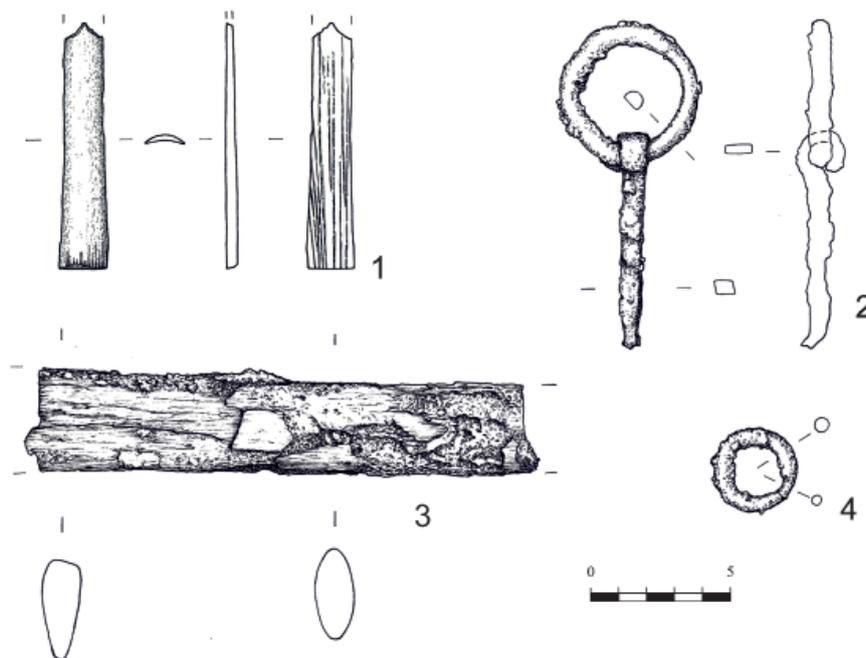

Рис. 6. Находки погребение 1 раскоп 5. 1 – накладка на лук, рог, фрагмент; 2 – удила, железо, фрагмент; 3 – клинок сабли, железо, фрагмент; 4 – кольцо португейное, железо. Художник – Якубовская И.В.

Fig. 6. Finds, burial 1, excavation 5. 1 – bow overlay, horn, fragment; 2 – bit, iron, fragment; 3 – saber blade, iron, fragment; 4 – belt ring, iron. Artist – I.V. Yakubovskaya.

ное 1, исследованный в том же году, также сформирован возле древнего кургана (Меньшиков, Юнкин, 2019, с. 163–164).

Более детальный анализ погребального обряда в данном случае не представляется возможным, так как при раскопках 2018 г. удалось исследовать лишь самое дно погребения. Возможные варианты поперечного профиля ямы – наличие уступов или подбоя – на этом уровне не прослежены.

Датировка. По инвентарю погребение 1 предварительно следует датировать концом XII – началом XIV вв.

Погребение 1 в шурфе 4. Еще одно погребение, предшествующее мусульманскому периоду, было выявлено у юго-западной подошвы холма, на котором располагается основной участок могильника. Оно имеет северо-западную ориентировку (рис. 7–8). Стратиграфия шурфа позволила получить данные об относительной хронологии выявленных в нем погребений.

Верхний горизонт мощностью до 40 см состоял из слоя перепаханных во второй половине XX в. мусорных отложений, включающих материалы середины XX в. Ниже прослежен пакет слоев делювиальных отложений мощностью до 40 см, представленных светло-коричневым, светло-серым суглинками и прослойками белого мергелистого щебня. Ниже выявлена погребенная почва – слой темно-серого суглинка мощностью до 20–35 см. Под слоем погребенной почвы был прослежен слой светло-коричневого материкового суглинка, который перекрывал материк – выход мергеля. В пределах шурфа было выявлено две могилы, пятна которых уходили в борта шурфа. Погребение 1 было впущено в погребенную почву и перекрыто этой же перемещенной почвой сверху. Ориентировка пятна могильной ямы не соответствовала ориентировке мусульманских погребений могильника. Погребение 2 также было впущено в погребенную почву, но границы могильной ямы читались сразу под слоем делювиальных отложений. Ориентировка этого погребения полностью соотносилась с общей исламской традицией, представленной в основном на могильнике.

Было принято решение доследовать погребение 1, для чего к шурфу была выполнена прирезка, которая позволила исследовать погребение целиком.

Могильная яма. Могила была выявлена под северо-восточным бортом шурфа.

Пятно могильной ямы прослежено на глубине около 1 м ниже уровня современной дневной поверхности. Заполнение могильной ямы представлено слоем перемешанного серого и светло-коричневых суглинков с включениями белокаменной крошки.

Погребение было совершено в подпрямоугольной яме со скругленными углами 80×210 см. Яма вытянута по оси ССЗ–ЮЮВ. Отклонение к западу от оси север – юг составляет около 32 градусов. На глубине около 100–110 см от верха могильной ямы вдоль боковых стенок и в районе ног выявлена ступенька шириной до 20 см. На ступеньке на этом уровне лежали камни размером до 30 см, которые, вероятно, фиксировали органическое перекрытие могильной ямы. В изголовье прослежен неглубокий подбой.

Дно могильной ямы прослежено на 40 см ниже уровня ступеньки в могиле. Дно ямы имеет плавное понижение к северу.

Могильная яма погребения 1 была перекрыта слоем погребенной почвы, что позволяет предположить более раннюю дату погребения относительно основного массива погребений мусульманского некрополя. Кроме того, необычной являлась и ориентировка могилы, вытянутой по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток.

Инвентарь погребения представлен четырьмя предметами (рис. 9). В районе пояса погребенного были расположены кремневый отщеп (рис. 9: 1), бронзовая (рис. 9: 2) и железная пряжки (рис. 9: 3). Вдоль правой бедренной кости лежал сильно корродированный железный нож (рис. 9: 4). Форма ножа характерная для ордынских памятников: при переходе на черешок лезвие имеет хорошо выраженные уступы, обух лезвия имеет горбатую спинку, которая плавно опускается к кончику, лезвие вогнутое. Длина сохранившейся части лезвия около 17 см (лезвие сохранилось почти полностью). Длина сохранившейся части обломанного черешка около 1,5 см.

Невыразительный инвентарь, к сожалению, не позволяет установить узкую датировку погребения. Подобные находки широко распространены в погребениях первой половины II тыс. н. э. Однако наличие исключительно бытовых простых предметов, расположение их в порядке ношения при отсутствии дополнительных подношений, таких как конское снаряжение, чучело коня и отсутствие других устойчивых маркеров кочевнических воинских погребений Крыма X – нач. XIII вв., позволяет высказать предположение,

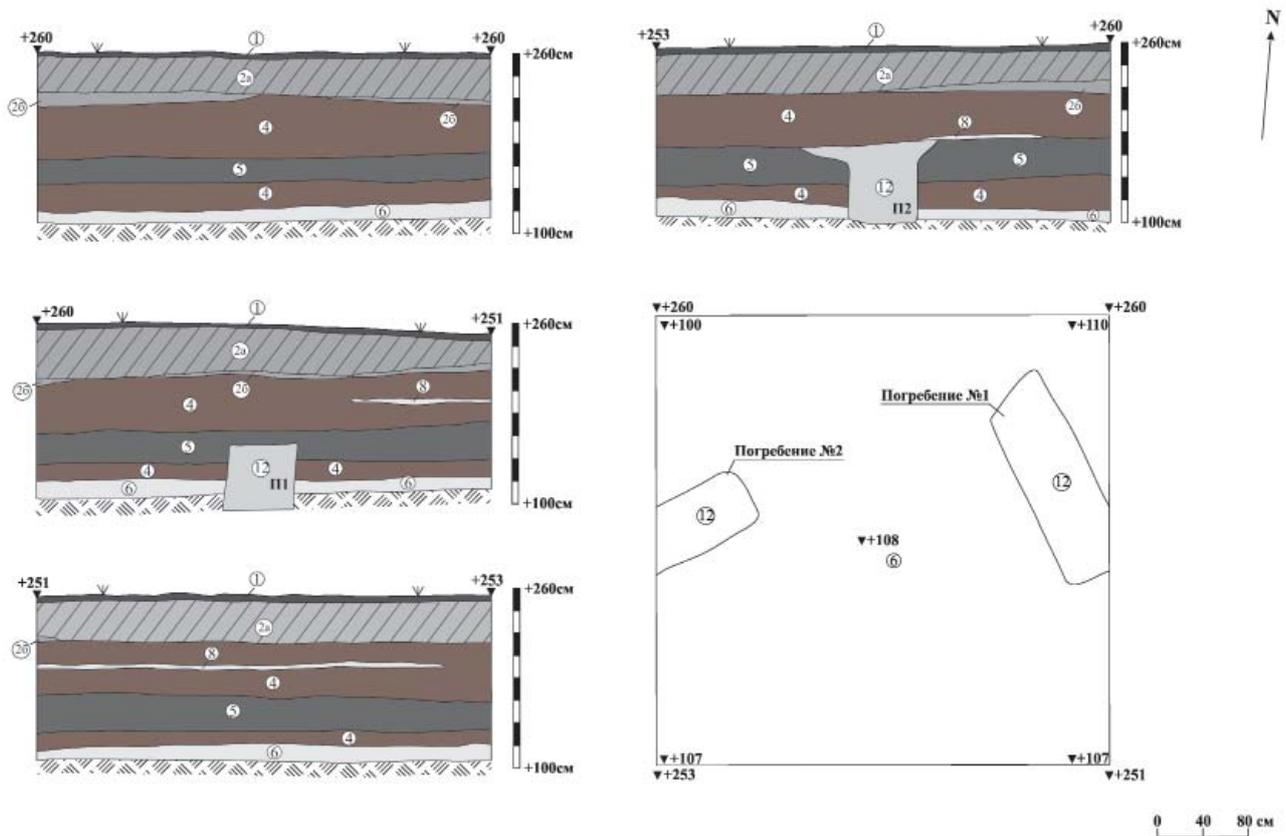

Рис. 7. Шурф 4. План и стратиграфия. Чертеж. На чертеже цифрами обозначены: 4 – светло-коричневый стерильный суглинок (делювий); 5 – погребенная почва; 8 – белокаменная крошка (выброс из могильной ямы Погребения 2); 12 – заполнение могильных ям. Чертежник – Резниченко И.А.

Fig. 7. Shaft 4. Plan and stratigraphy. Drawing. The following is indicated by numbers on the drawing: 4 – light brown sterile loam (deluvium); 5 – buried soil; 8 – white stone chips (excavated material from the grave pit of Burial 2); 12 – filling material of the grave pits. Drawn by I.A. Reznichenko.

что это погребение может относиться к периоду становления золотоордынской государственности на Крымском полуострове, то есть ко второй половине XIII – XIV вв.

Положение тела. Несмотря на то, что костные останки погребенного сохранились очень плохо, мы можем уверенно говорить о положении тела (рис. 8). На дне могильной ямы прослежены фрагменты двух бедренных костей, левой плечевой и фрагменты нижней челюсти с зубами. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на северо-северо-запад лицом вверх. Ориентировка погребенного является одним из ключевых моментов к пониманию датировки и определению принадлежности погребения. Обряд погребения имеет ряд сходных черт с погребальными традициями, выявленными в ходе исследования монгольских погребения в Азии. Впервые кочевнические погребения с северной ориентировкой в своей монографии выделил Г.А. Фёдоров-Давыдов (1966, с. 159). Однако при этом он писал, что на момент выхода его книги в Восточной Европе нельзя было выделить пласт собственно монголь-

ских погребений (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 157). За прошедшее с момента публикации книги Г.А. Фёдорова-Давыдова время количество исследованных кочевнических погребальных памятников значительно возросло. Подобное расположение тела встречается в погребениях, которые в Азии связывают именно с монгольским населением в XIII в. (Харинский и др. 2011, с. 199). Аналогичная ориентировка прослеживается в погребениях монгольских воинов конца XIII – начала XIV вв., обнаруженных в Азербайджане (Кириченко, 2013, с. 106). К.Т. Акматов, описывая в своей диссертации погребения средневековых монголов Тянь-Шаня, также обращает внимание на северную ориентировку погребений с сезонными отклонениями (Акматов, 2017, с. 32–33). При этом он отмечает, что инвентарь подобных погребений соответствует полу погребенного и включает разнообразные бытовые предметы, принадлежавшие ему при жизни.

Пять из шести могильных ям курганного могильника Бельмерский-III, который был исследован Е.А. Халиковой в 1961 г, вытяну-

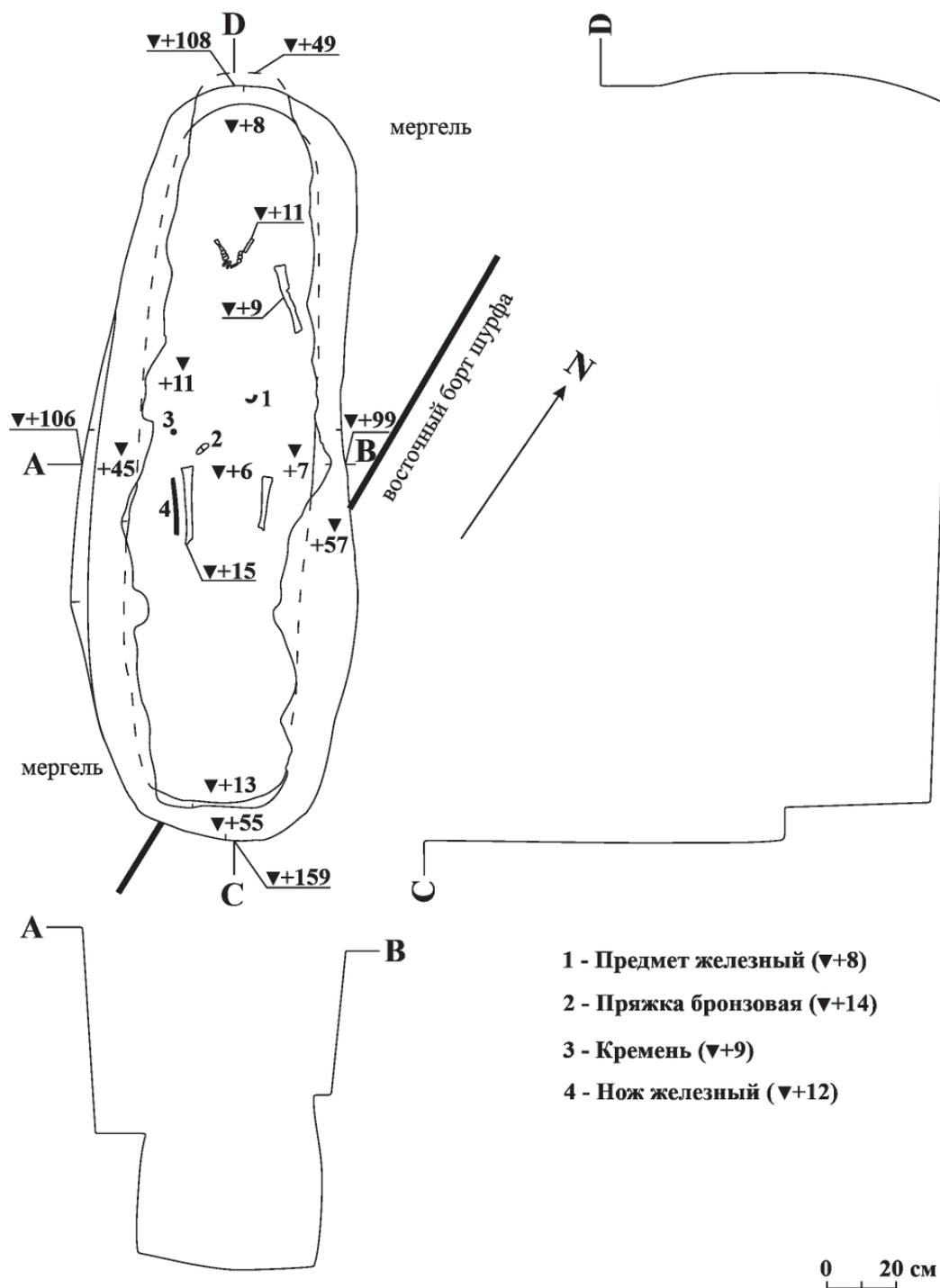

Рис. 8. Шурф 4. План погребения 1. Чертежник – Резниченко И.А.
 Fig. 8. Shaft 4. Plan of burial 1. Drawn by I.A. Reznichenko.

ты по оси ССВ–ЮЮЗ, в одном случае могила была ориентирована СЗ–ЮВ. Во всех случаях, где удалось проследить кости человека, скелет был ориентирован головой на северо-северо-восток (Гарустович, Иванов, 2014, с. 170).

Ряд авторов, описывая форму погребальной ямы монгольских погребений с северной ориентировкой, указывают на то, что яма может быть как простой грунтовой, так и с

дощатым или каменным перекрытием (Акматов, 2017, с 34). В приведенных выше погребениях курганного могильника Бельмерский-III в двух могильных ямах прослежены ступеньки для опоры перекрытия могилы. В одном случае в могиле были прослежены заплечики по длинным сторонам ямы, аналогичные тем, что были выявлены в погребении 1 шурфа 4 могильника Кырк-Азизлер, в другом случае ступенька была лишь вдоль одного борта

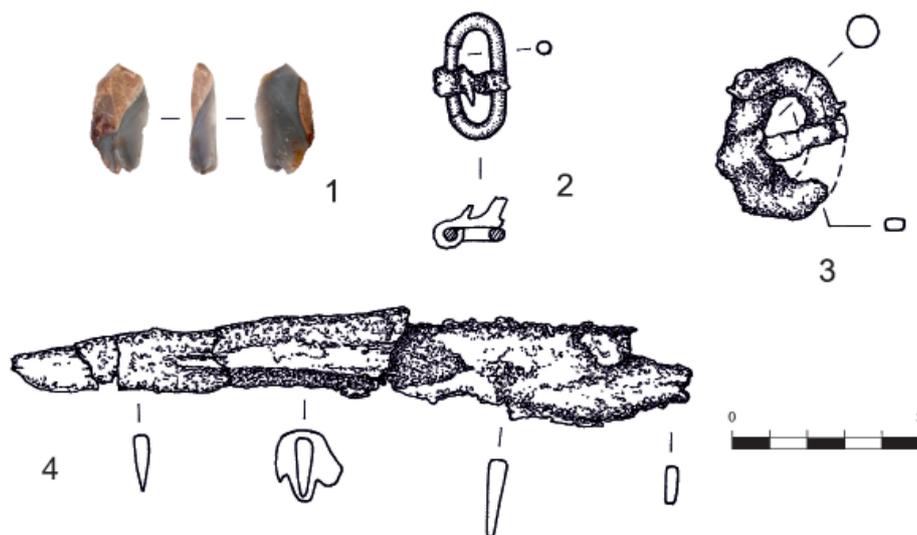

Рис. 9. Находки погребение 1 шурф 4. 1 – Отщеп кремневый; 2 – Пряжка бронзовая с железным язычком; 3 – Пряжка. Железо; 4 – Нож. Железо. Художник Якубовская И.В.

Fig. 9. Finds: burial 1, pit 4. 1 – flint flake; 2 – Bronze buckle with an iron tongue; 3 – Buckle. Iron; 4 – Knife. Iron. Artist I.V. Yakubovskaya

(Гарустович, Иванов, 2014, с. 170). Во всех случаях подобные ступеньки использовались для формирования перекрытия нижней части ямы, где лежало тело.

Курганная насыпь. Над погребенными монголами Тянь-Шаня XIII–XIV вв. нередко формировались курганы, которые представляли собой каменные или каменно-земляные насыпи овальной формы (Акматов, 2017, с. 31). При этом автор отмечает, что изредка встречаются и земляные насыпи (Акматов, 2017, с. 38). В материалах, посвященных результатам исследования Бельмерского-III могильника, указывается на наличие невысоких (0,3–0,4 м) земляных курганных насыпей (Гарустович, Иванов, 2014, с. 160–170). Над погребением 1 шурфа 4 могильника Кырк-Азизлер также могла быть сооружена невысокая земляная насыпь, в пользу этого говорит наличие погребенной почвы, перекрывающей уровень, с которого впущена могильная яма, однако судить о форме насыпи невозможно. Вероятно, уже в мусульманский период некрополя Кырк-Азизлер намогильный холм не был значительно выражен на поверхности.

Ключевым отличием погребения на Кырк-Азизлере от монгольских захоронений, исследованных в ойкумене, является отсутствие заупокойной пищи, которая часто сопровождает погребенного (Акматов, 2017, с. 34–35). Это может иметь два объяснения: учитывая сохранность органики в погребении, мы вполне можем допустить, что подобное подношение могло не сохраниться или же в данном погребении сопроводительная погребальная

пища не входила в обязательную часть обряда.

При этом надо учитывать, что Тянь-Шань является западной границей распространения чисто монгольских традиций (Акматов, 2017, с. 39). По мере продвижения на запад традиции могли модифицироваться и испытывать влияние других народов, которые были интегрированы в монгольскую империю Чингисхана и его наследников.

Описывая этнокультурные признаки монгольских погребений, К.Т. Акматов обращает внимание на неоднородность обряда, исключение составляет лишь ориентировка погребенного на север с вариантами сезонных отклонений. Данный признак является устойчивым и прослежен во всех погребениях, признанных авторами монгольскими (Акматов, 2017, с. 34; Кириченко, 2013, с. 106; Харинский и др., 2011, с. 199; Ахмедов, 2009, с. 163; и мн. др.).

Датировка погребения. На значительной территории Золотой Орды существует немало аналогичных погребений, которые близки обнаруженному в Крыму как по обряду, так и по инвентарю. В разделе, посвященном захоронениям Бельмерского-III курганного могильника, которые были исследованы Е.А. Халиковой в 1961 г. (Гарустович, Иванов, 2014, с. 174), приводятся различные точки зрения на датировку данной группы могил. В ходе анализа вещевого комплекса, который по своей сути близок набору предметов из погребения 1 шурфа 4 могильника Кырк-Азизлер, авторы уточняют предложенную ранее широ-

кую датировку XIII–XIV вв. и сужают ее до второй половины XIV в. К сожалению, в погребении 1 из шурфа 4 могильника Кырк-Азизлер нет предметов, которые позволили бы строить предположения о столь узкой дате. Но общее сходство погребального комплекса из Крыма с погребениями, исследованными Е.А. Халиковой в 1961 г., позволяет отнести погребение Кырк-Азизлера к группе монгольских погребальных комплексов середины XIII–XIV вв.

Стратиграфия шурфа позволяет нам уверенно говорить об относительной верхней дате исследованной могилы. Погребение 1 предшествовало появлению мусульманской части некрополя «Кырк-Азизлер» и активному освоению данной территории в золотоордынский период. Как уже было отмечено выше, погребение 1 впущено в слой погребенной почвы и перекрыто аналогичным слоем мощностью до 15 см. Погребение 2 также впущено в слой погребенной почвы, но с уровня древней дневной поверхности, над которой прослеживаются только балластные отложения (рис. 7). Данный мусульманский некрополь относится к поселению, известному как Эски-Юрт. Становление Эски-Юрта как крупного золотоордынского населенного пункта, где ислам стал ведущей религией, происходит в XIII–XV в., о чем говорят результаты раскопок С.В. Карлова и С.Г. Бочарова, а также клады и отдельные находки монет (Белый, Волошинов, Карлов, 2005, с. 183–189; Бочаров, 2016; Карлов, 2006, с. 183; 2012, с. 35–77; Ломакин, 2018, с. 748; Чореф, 2008, с. 149). Принято считать, что наиболее раннее мусульманское надгробие (Бахчисарайские, 1850, с. 528), вывезенное У. Боданинским с территории могильника Кырк-Азизлер в Ханский дворец, относится к 1316 году, хоть в этом и есть определенные сомнения (Иванов, 1989, с. 26, 30; Ломакин, 2018, с. 754). На сегодняшний день мы можем уверенно говорить о том, что территория, которую занимает некрополь Кырк-Азизлер, стала мусульманским кладбищем уже к концу третьей четверти XIV в. (Башкиров, Боданинский, 1925, с. 306–311; Иванов, 1989, с. 26–31). Таким образом, верхняя дата совершения немусульманского погребения под невысокой курганной насыпью на этой территории может быть определена либо около 1370 года, либо, если ранняя датировка древнейшего мусульманского надгробия подтвердится, возможно, даже самое начало XIV в. Безусловно, можно предполагать параллельное существование

двух могильников, но учитывая близость ядра мусульманского некрополя, это сосуществование вряд ли могло быть долгим.

Что касается нижней даты совершения погребения, то она должна относиться к домусульманскому периоду присутствия монголов в данном регионе, то есть не ранее середины XIII в.

Третье погребение, которое не вписывается в обычные рамки мусульманских захоронений, было выявлено в восточной части могильника, в пределах раскопа 4 (рис. 10).

Погребение 1. Раскоп 4.

Погребение принадлежит мужчине возрастом 40–45 лет, выявлено на глубине около 50 см от современной дневной поверхности в процессе снятия пахоты и делювиальных отложений на территории с перемещенным средневековым культурным слоем. Могила была впущена в переотложенный культурный слой поселения, которое существовало на данном участке до середины XIV в. и какое-то время было синхронно мусульманскому некрополю. После прекращения существования этого участка поселения грунтовый могильник продолжил функционировать. Обнаруженное погребение находится на значительном удалении от основной площади, которую занимает некрополь. До ближайших мусульманских могил 13–20 м (рис. 3). Если предположить, а это вполне возможно, что с момента совершения погребения рельеф и сеть основных дорог в зоне исследования не изменились к началу XX в, когда были выполнены первые подробные топопланы территории кладбища (рис. 2), то получается, что погребение было выполнено через дорогу от кладбища.

Могильная яма имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянута по оси, близкой к СВ–ЮЗ, отклонение от оси север – юг около 50 градусов. Заполнение аналогично окружающему переотложенному культурному слою. Границы ямы читаются из-под слоя современной распашки. Костные останки погребенного перекрыты тонкой сплошной доской.

Положение тела и рук. Скелет расположен вытянуто на спине головой на северо-восток. Лицевая часть черепа погребенного незначительно повернута вправо. Ноги вытянуты, пяточные кости обеих ног расположены плотно друг к другу, ступни вытянуты параллельно и тоже плотно притянуты. Тело, вероятно, было обмотано тканью. Левая рука вдоль тела, правая слегка согнута, кисть расположена на тазовых костях.

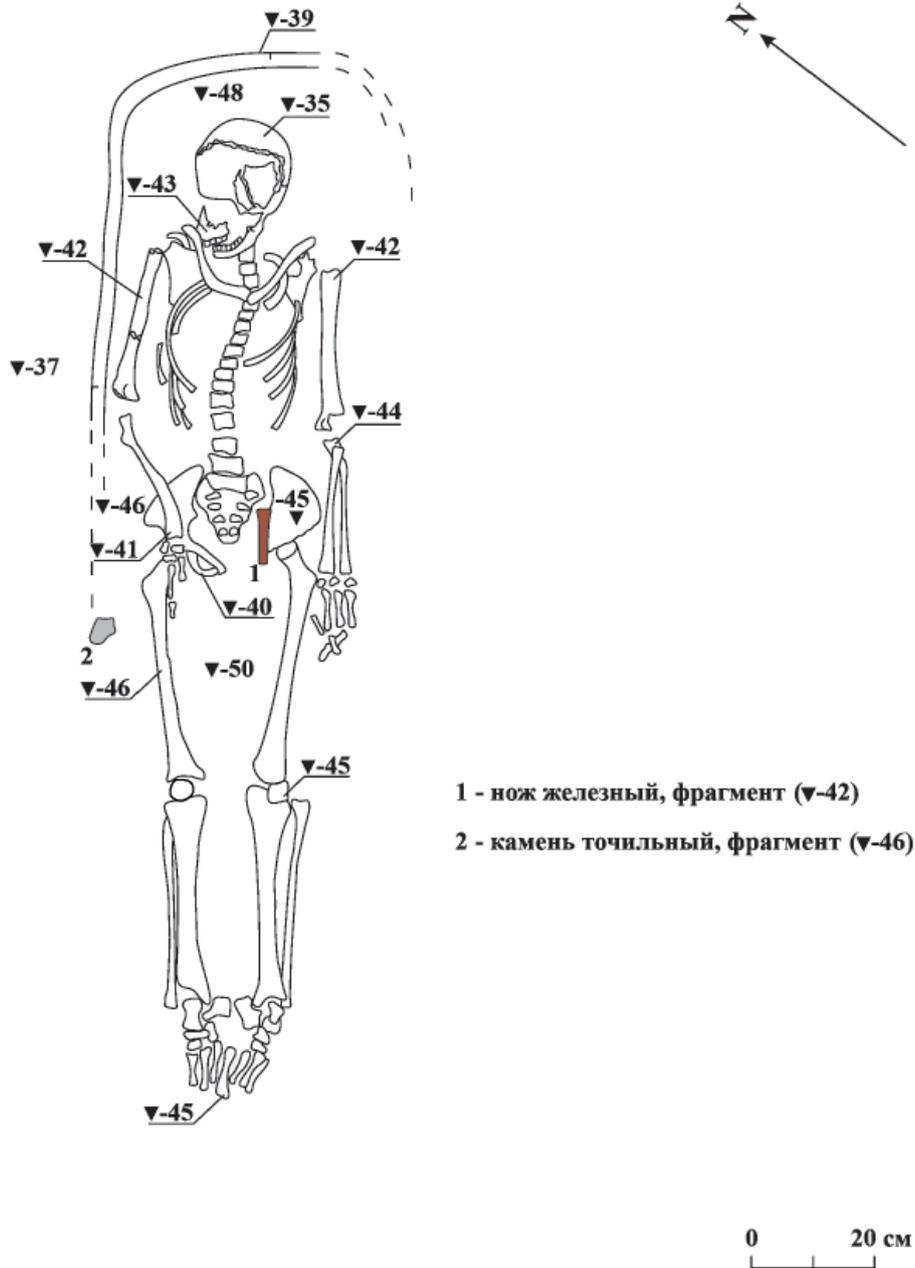

Рис. 10. План погребения 1 раскоп 4. Чертежник Резниченко И.А.

Fig. 10. Plan of burial 1, excavation 4. Drawn by I.A. Reznichenko

В мусульманских некрополях нередко ситуация, когда одна рука вытянута вдоль тела, а другая чуть согнута в локте и положена на таз. Чаще всего вдоль тела вытянута правая рука, а левая согнута. Такое положение руки имеют в 116 из 148 погребений Рождественского V могильника (Старостин, 2009, с. 72). Подобное положение рук, наряду с другими вариантами, встречено и в захоронении 1 могильника Вакуровский бугор II (Недашковский, 2011, с. 104). Можно предположить, что данный нюанс связан с процессом пеленания и позволяет более удобно доворачивать тело погребенного в могиле в сторону киблы. В нашем случае руки уложены противоположным образом. Такое положение рук встречается

ся как в мусульманских некрополях (Недашковский, 2011, с. 105), так и в подкурганых захоронениях золотоордынского времени (Недашковский, 2011, с. 232–233).

Инвентарь представлен железным ножом (рис. 11: 1), обнаруженным слева от крестца на тазовых костях. Нож плохо сохранился. Вероятно, нож имел черешковое, не пластинчатое крепление рукояти – сохранилось лишь самое начало ее металлической основы. Лезвие клинка сохранилось примерно на 2/3 своей длины, длина сохранившейся части лезвия около 9 см. Нож имеет прямой обух до примерно одной трети своей длины, после чего плавное вогнутое понижение к кончику острия. Лезвийная часть вогнута в

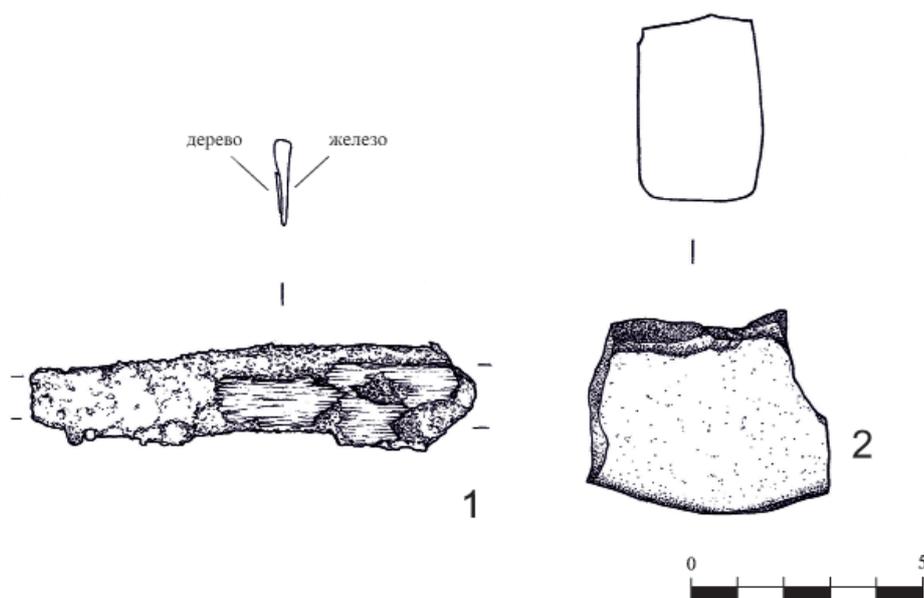

Рис. 11. Находки погребения 1 раскопа 4. 1 – нож, железо, фрагмент; 2 – оселок, камень, фрагмент.
Художник – Якубовская И.В.

Fig. 11. Finds from burial 1, excavation 4. 1 – knife, iron, fragment; 2 – strickle, stone, fragment.
Artist – I.V. Yakubovskaya

начале клинка, после чего плавно поднимается к острию. Такую форму лезвия можно назвать «ятаганной». Подобные формы ножей на поселении Кырк-Азизлер не встречены. Справа от тазовых костей был обнаружен фрагмент каменного оселка (рис. 11: 2).

Датировка погребения. Погребение впущено в переотложенный культурный слой поселения, который содержал находки XIV вв., в том числе и наконечник стрелы-срезня, выпадение которого в слой можно связывать с прекращением бытования поселения. Поэтому следует говорить лишь о ранней возможной дате захоронения – не ранее середины XIV в. Несмотря на то, что государственной религией Золотой Орды был к этому моменту ислам и форма погребального обряда была устоявшейся, в Орде в это время вполне сохранялись еще пережитки доисламских верований и обрядов как среди степного, удаленного от городов населения (Фёдоров-Давыдов, 1998, с. 31–37), так и среди населения крупных городов (Масловский, 2017, с. 1991–1995). Но вполне возможны и иные объяснения столь ярко выраженного отличия погребального обряда погребения раскопа 4 от остальных погребений могильника.

Заключение.

Относительная хронология погребений, выявленных на территории могильника Кырк-Азизлер, позволяет нам предположить следующие этапы формирования некрополя на данной территории в Средние века:

Погребение 1 раскопа 5 является впускным в курган погребением половецкого периода. Предварительно его можно датировать кон. XII – нач. XIV вв.

Погребение 1 шурфа 4. Относится к периоду, предваряющему формирование мусульманского некрополя на территории Кырк-Азизлер, и может быть предварительно датировано XIII – первой половиной XIV вв.

Существование мусульманского некрополя Кырк-Азизлер – возможно, первая четверть XIV – XIX вв.

Погребение 1 раскопа 4. Не ранее середины XIV в.

Что касается особенностей обряда, отчасти определяющих этническую и религиозную составляющую погребений, выявленных на территории могильника Кырк-Азизлер, то есть вероятность, что двое из трех погребенных не в мусульманской традиции, выявленных в ходе исследования некрополя, могут быть отнесены к группе людей, исповедующих форму религии, традиционную для монголов-язычников. Погребение тела человека с ориентировкой, близкой к северу, наличие перекрывающей доски и инвентаря позволяет говорить о сходстве погребения 1 раскопа 4 и погребения 1 шурфа 4. При этом стратиграфия объективно показывает, что в период между совершением этих двух захоронений на Кырк-Азизлере хоронили по устойчивому мусульманскому обряду, хотя иногда и с небольшими нарушениями канонов.

Третий, наиболее ранний из рассмотренных здесь погребенных, похоронен с обрядом, характерным для язычников-тюрок.

На основании полученных данных можно говорить о том, что относительная хронология приведенных погребений и исламской части могильника дает возможность сделать два предварительных ключевых вывода, которые, безусловно, требуют дальнейшей проверки в ходе раскопок памятника:

1. Территория, на которой находится мусульманский могильник Кырк-Азизлер, использовалась для совершения захоронений еще в домусульманский период существования Эски-юрта. Местное население после

принятия ислама продолжило традицию погребений на выделенной под могильник территории.

2. Несмотря на жесткую исламизацию Орды при хане Узбеке, на территории Крыма продолжали сохраняться архаичные традиции, отражение которых мы видим в погребальных обрядах на некрополе, который традиционно всегда определялся как кладбище исламской элиты Эски-Юрта, а позднее и г. Бахчисарая.

Информация, полученная в ходе исследования трех публикуемых погребальных комплексов значительно расширяет представления о могильнике Кырк-Азизлер, который ранее считался исключительно мусульманским.

Примечание:

¹ Здесь и далее все антропологические данные предоставлены д.и.н. М.В. Добровольской.

ЛИТЕРАТУРА

Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время. Дисс... канд. истор. наук. Новосибирск, 2017. 236 с

Ахмедов С.А. Погребения монгольских воинов из Мингечаура и защитный вал Абага-хана как неизученный аспект истории войн Золотой Орды и государства Ильханов. Золотоордынская цивилизация. Вып. 2 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 162–169

Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 2. Одесса, 1850. С. 429–578.

Баширов А.С., Боданинский У.А. Памятники Крымско-Татарской старины старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 295–311.

Белый А.В., Волошинов А.А., Карлов С.В. Поливная керамика золотоордынского времени из Эски-Юрта // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 183–189.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических разведках на территории Бахчисарайского района (долина Ашлама-Дере и местность Эски-Юрт) в 2015 году. Симферополь / Архив ГБУ РК БИКАМЗ. 2016.

Иванов А.А. Надписи из Эски-Юрта // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 24–31.

Карлов С.В. Археологические исследования средневекового поселения Эски-Юрт в г. Бахчисарае // АДУ 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя. 2006. С. 182–184.

Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2012. С. 35–77.

Кирилко В.П., Пигарев Е.М. Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2017 г // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 59–60.

Кириченко Д.А. Воины Золотой Орды в Азербайджане по данным антропологии // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 106–111.

Ломакин Д.А. "Старая ставка" крымских ханов: отечественная историография об Эски-юрте // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 741–765.

Масловский А.Н. Язычество в золотоордынском Азаке. археологические данные о веротерпимости // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 191–195.

Меньшиков М.Ю., Волошинов А.А., Гинькут Н.В., Лесная Е.С. Керамический комплекс золотоордынского поселения Кырк-Азизлер. Предварительный обзор // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Т. 2. / Отв. ред. А.Д. Васильев. М.: Пробел-2000, 2019. С. 87–93.

Меньшиков М.Ю., Юнкин Ж.А. Исследования позднесредневекового мусульманского могильника Живописное 1 в Симферопольском районе Республики Крым в 2018 г. // Крым – Таврида. Археологи-

ческие исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2. / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 161–171.

Недашковский Л.Ф. Грунтовые могильники округа городища Шареный бугор // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин / Археология евразийских степей. Вып. 13. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. 2011. С. 104–114.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Исторический архив. 1998. №1. С. 28–39.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Монгольские погребения XIII–XIV вв. из Прибайкалья: общие и локальные черты // Труды III (XIX). Всероссийского археологического съезда. Т. I. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород–Старая Русса: ИИМК РАН. 2011. С. 198–199.

Чореф М.М. К истории Эски-Юрта // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. I. / Ред.-сост. В.В. Хапаев, М.М. Чореф. Симферополь, 2008. С. 145–153.

Информация об авторах:

Меньшиков Максим Юрьевич, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); maxim-menshikov@yandex

Волошинов Алексей Александрович, специалист отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); voloshinov-alexs@yandex.ru

REFERENCES

Akmatov, K. T. 2017. *Vooruzhenie i konskoe snariazhenie kochevnikov Tian'-Shania v mongol'skoe vremia (Armament and Horse Equipment of Tian Shan's Nomads in Mongolian Period)* Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Akhmedov, S. A. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 2. Kazan: "Fan" Publ., 162–169 (in Russian).

In 1850. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei (Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities)* 2. Odessa, 429–578 (in Russian).

Bashkirov, A. S., Bodaninskii, U. A. 1925. In *Novyi Vostok (New East)* 8–9. 336–349 (in Russian).

Belyi, A. V., Voloshinov, A. A., Karlov, S. V. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 183–189 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2016. *Otchet ob akheologicheskikh razvedkakh na territorii Bahchisaraiskogo raiona (dolina Ashlama-Dere i mestnost' Eski-Yurt) v 2015 godu. (Report on Archaeological Exploration in the Bakhchisarai District (Ashlama-Dere Valley and Eski-Yurt Area) in 2015.)*. Simferopol. Archive of the Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve (in Russian).

Ivanov, A. A. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th-16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 24–31 (in Russian).

Karlov, S. V. 2006. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2013 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2013)*. Kiev; Zaporizhia, 181–184 (in Russian).

Karlov, S. V. 2012. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch, 35–77 (in Russian).

Kirilko, V. P., Pigarev, E.M. 2018. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 8. 59–60 (in Russian).

Kirpichenko, D. A. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 3, 106–111 (in Russian).

Lomakin, D. A. 2018. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (4). 741–765 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2017. In Kraдин, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between*

the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 191–195 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Voloshinov, A. A., Gin'kut, N. V., Lesnaya, E. S. 2019 In Vasil'ev, A. D. (ed.). *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. 2. Moscow: "Probel-2000" Publ., 87–93 (in Russian).

Men'shikov, M. Yu., Yunkin, Zh. A. 2019. In Vnukov, S. Yu., Sharov, O. V. (eds.). *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg. (Crimea–Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017–2018)*. 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 161–171 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 13. Kazan: "Foliant" Publ., Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 104–114 (in Russian).

Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1998. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 1. 28–39 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Kharinsky, A. V., Kovychev, E. V., Kradin, N. N. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX). Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th). All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)*. 1. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 198–199 (in Russian).

Choref, M. M. 2008. In Khapaev, V. V., Choref, M. M. (eds.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 1. Simferopol (in Russian).

About the Authors:

Menshikov Maksim Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; maxim-menshikov@yandex

Voloshinov Aleksei A. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; voloshinov-alexs@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.213.239>**ХРАМЫ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО XIV-XV ВВ.¹**

© 2021 г. С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц

Генуэзская крепость Чембало (1345–1475 гг.), размещалась на горе Кастрон и имела сложную городскую и фортификационную планировку. В западной части города к 80–90-м гг. XIV в. сформировался латинский квартал, над которым возвышался замок св. Николая. В систему застройки латинского квартала входила церковь («храм №1»), которую исследователи (1999–2003 гг.) априорно стали именовать «храмом св. Николая». Однако западный мыс горы Кастрон носит имя св. Георгия. Это может служить основанием для предположения, что данный храм был посвящён св. Георгию – патрону города Генуи. Экспедицией Эрмитажа изучено четыре церковных постройки XIV–XV вв. (храмы №№ 2–5). Всем храмам присущи общие черты и функции. Их конструкции сложены из бута на известковом растворе. В кладках углов, дверных и оконных проёмов использованы споллии, выполненные из нуммулитового известняка. В храме № 5 в качестве строительного материала применены не только архитектурные детали, но фрагменты надгробий и посвяtitельных надписей из армянского храма XIV–XVII в. Ни на одном из храмов XIV–XV вв. не выявлены следы перекрытия с применением византийской кровельной черепицы – керамид и калиптеров. Черепичное покрытие («татарка») использовано только в конце XVIII в. при восстановлении храмов № 1 и № 5. Православные храмы (№ 2–5) возводились с использованием византийского фута (0,318 м). Церковные комплексы использовались на протяжении полутора-двух столетий в качестве квартальных городских часовен. В среднем на некрополях при каждой из церквей выявлено не менее 75 погребённых. Только в одном храме (№ 1) удалось *in situ* выявить следы полихромной стенной росписи.

Ключевые слова: археология, генуэзская крепость Чембало, храмы №№ 1–5, консульский замок св. Николая, мыс св. Георгия.

CEMBALO FORTRESS CHURCHES, 14TH-15TH CENTURIES²**S.B. Adaksina, V.L. Myts**

The Genoese fortress Cembalo (1345–1475) located on Kastron mountain had a complex urban and fortification horizontal stratigraphy. Latin Quarter had formed in the western part of the city by the 1380s–1390s. St. Nicholas castle towered over the Quarter. The buildings of the Latin Quarter included a church (“temple No. 1”), a priori referred to by researchers (1999–2003) as “the temple of St. Nicholas”.

However, the western cape of the seaside Kastron mountain is named after St. George. This may be a reason to assume that the temple was dedicated to St. George – the patron of the city of Genoa. The Hermitage expedition examined four church buildings of the 14th–15th centuries (temples No. 2–5). All the temples have common features and functions. Their structures are made of rubble and lime mortar. Nummulite limestone spoliations were used in the masonry of the corners, door and window openings. Temple No. 5 features building material in the form of not only architectural details, but also fragments of gravestones and dedicatory inscriptions from an Armenian temple of the 14th-17th centuries. None of the 14th–15th century temples showed traces of overlapping with the use of Byzantine roofing tiles – ceramides and calipters. Tiled covering (“tatarka”) was only used at the end of the 18th century during the restoration of temples No. 1 and No. 5. Orthodox temples (No. 2–5) were erected using the Byzantine foot units equal to 0.318 m. The temple complexes were used for one and a half to two centuries as city quarter chapels. On average, at least 75 buried people were found at the necropolises at each of the churches. *In situ* traces of polychromatic murals were found in only one temple (No. 1).

Keywords: archaeology, Genoese fortress Cembalo, temples Nos 1–5, consular St. Nicholas castle, St. George Cape.

¹ В качестве основы данной статьи авторами использован доклад «Православные храмы генуэзской крепости Чембало» прочитанный на конференции, проходившей в Государственном Эрмитаже 13.10.2015 г. и посвящённый памяти А.В.Банк.

² As the basis for the paper, the authors used the report “Orthodox Churches of the Genoese Fortress Cembalo” read at a conference held in the State Hermitage on October 13, 2015, dedicated to the memory of A.V. Bank.

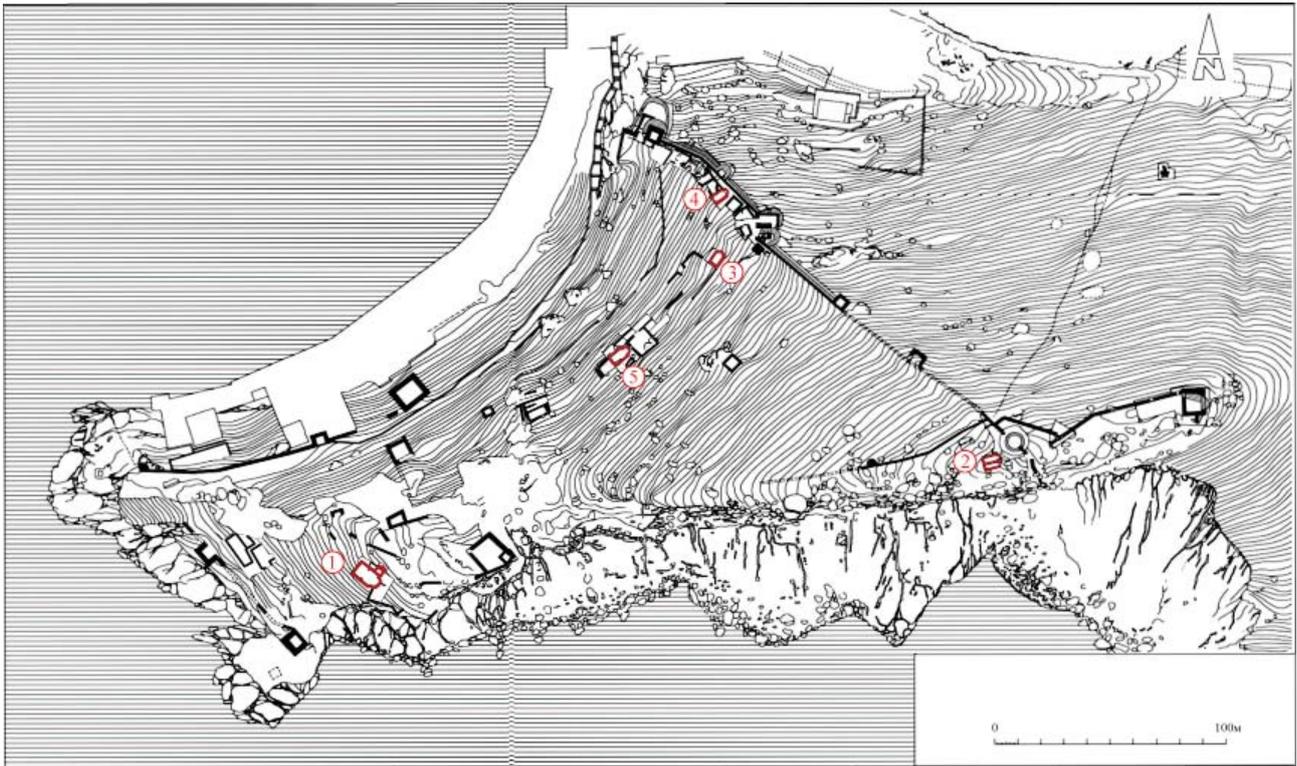

Рис. 1. План крепости Чембало XIV–XV вв.: 1–5 – храмы, исследованные на территории крепости
Fig. 1. Plan of the 14th–15th century Chembalo fortress: 1–5 – temples studied in the territory of the fortress

С изучения церкви, получившей условный № 1, в 1991 г. были начаты археологические раскопки на территории крепости Чембало (рис. 1: 1). Эти работы проводились экспедицией Херсонесского государственного заповедника (Н.А. Алексеенко) при участии Института археологии Российской академии наук (А.В. Сазанов). Затем, после длительного перерыва, исследования возобновились в 1999 г. объединённой экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н.А. Алексеенко) и Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина (С.В. Дьячков). Работы на данном памятнике продолжались до 2003 г. (Алексеенко, Гинькут, Дьячков, 1999–2003).

В ходе раскопок постройка была полностью открыта с внутренней и частично с внешней стороны. Не исследованными до настоящего времени остаются юго-восточный и юго-западный периметр объекта. Церковь примыкает с запада к консульскому замку Св. Николая, возведённому генуэзцами в 1386–1388 гг. (Balard, 1978, p. 157; Мыц, 2009, с. 107), и предположительно с конца XIV в. входила в комплекс его строений. Во время раскопок в самом здании церкви и за его пределами было открыто 24 погребальных сооружения, содержащих останки нескольких десятков погребённых.

По мнению исследователей, храм построен в конце XIV в., и до османского завоевания он входил в комплекс строений «консульского замка» (Алексеенко, 2004, с. 110–111; Алексеенко, Дьячков, 2004, р. 4–5; Гинькут, 2001, с. 53–60; Гинькут, 2001а, с. 15–17; Дьячков, 2001, с. 93–94). После 1475 г., когда крепость перешла к османам, церковь подверглась дополнительной перестройке: для вымостки пола использовались уже в качестве спойлий архитектурные детали из зданий более раннего времени (Дьячков, 2004, с. 251; 2019, с. 774, рис. 5). Среди обнаруженных 167 плит особый интерес представляли фрагменты четырёх восьмигранных колонн и обломки плиты из нуммулитового известняка от обрамления оконного проёма шириной 0,55 м. Архитрав был украшен рельефными изображениями двух одинаковых, зеркально расположенных гербов. На них помещён герб Генуи – крест и стоящий на задних лапах лев в короне. Предположительно, геральдическая символика принадлежит лигурийскому клану Газано (Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 28–36; Дьячков, 2004, с. 248, рис. 3; Дьячков, 2019, с. 775–776, рис. 6)¹.

К сожалению, исследователи, вводя в научный оборот обмерный план церкви № 1 (Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 31; 12, рис. 1), неоднократно издавали чертёж в предельно

упрощённом виде (Дьячков, 2019, с. 772–780, рис. 4). Это не только не позволяло получить реальное представление о здании, но и искажало информацию об архитектонике открытого раскопками здания.

Судя по опубликованному плану храма, все кладки строения между собой перевязаны. Визуальный осмотр указывал, что пилястры примыкали с внутренней стороны к продольным стенам наоса без перевязки кладок. Без перевязки кладок к основному объёму примыкает также и могила № 2. Примыкающие с северо-востока к зданию церкви кладки (помещения 1 и 2) представляют собой разновременные сооружения, в то время как на опубликованных рисунках они представлены единовременными строениями, перевязанными со стенами храма (Столяренко, 2010, с. 290–301, рис. 2).

Согласно плану, предлагаемому С.В. Дьячковым и Н.А. Алексеенко, толщина апсиды по направлению к плечам увеличивается, тогда как в действительности на всём протяжении она была постоянной, а алтарное полукружие и снаружи имело циркульное очертание. Ошибочным является и вывод авторов, что храм состоял из трёх частей – алтаря, наоса и притвора (Дьячков, Алексеенко, 2002, с. 31; Дьячков, 2004, с. 247, 250), в то время как данная церковь притвора не имела (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 36–37; Мыц, 2009, с. 107–108).

На протяжении всех лет изучения Чембало совместной экспедицией Херсонесского музея и Харьковского университета С.В. Дьячков и Н.А. Алексеенко неизменно использовали схематичный план крепости, составленный в 1955 г. студентами-практикантами под руководством архитектора института «КрымНИИпроект» (Симферополь) Б.В. Кондрацкого (1914–1999). Это в значительной степени искажало реальную картину топографии памятника, расположенного на скальной возвышенности. Взгляд исследователей на историю и архитектуру храма не претерпел изменений вплоть до 2015 г., когда из печати вышла статья «Археологической экспедиции Чембало 15 лет» (Алексеенко, Гинькут, Дьячков, Столяренко, 2015, с. 150–162). Поэтому в ходе работ на западном склоне г. Кастрон в 2018 г. экспедицией Эрмитажа была произведена инструментальная съёмка участка крепости Чембало и церкви, выполнены заново архитектурные обмеры храма (рис. 1: 1; 2)².

Храм № 1. Обмерами 2018 г. установлено, что внешние размеры храма составляли

13,14×7,42–7,54 м, а внутренние 11,73×6,02 м (рис. 2). Здание церкви сужается к юго-востоку на 0,12 м. Толщина стен строения различна: северо-западной – 0,64–0,68 м; юго-западной и северо-восточной – 0,75–0,77 м, апсиды – 0,74–0,75 м. Размеры прямоугольного наоса составляют 8,57×6,02 м. Ширина апсиды – 4,53 м, глубина – 2,97 м, радиус – 1,48 м, т. е. апсида имеет не полукруглый, а подковообразный абрис, ширина плеч – 0,74 м.

Проведённые работы также дали возможность установить уровень пола средневекового строения и некоторые особенности его конструкции. Покрытие пола на момент раскопок частично состояло из прямоугольных плит (блоков-сполий) нуммулитового известняка. Данное мощение было установлено реставраторами Херсонесского музея после окончания раскопок в 2003 г.

С северо-восточной стороны наоса и в апсиде пол имел ступенчатый характер, т. к. здесь довольно высоко (до 0,40–0,60 м) выступала скальная поверхность. Уровень пола в предалтарной части церкви (на расстоянии примерно в 4,40 м от апсиды) возвышался как минимум в виде трёх (?) ступеней. Ступенчатое возвышение поднималось над остальным уровнем пола церкви примерно на 0,96 м.

Вдоль внутренней поверхности северо-восточной стены, вероятно, были устроены скамьи в виде двух ступеней. На это указывает не только уровень повышения скалы, но и расположенный горизонтально след известкового натёка, сохранившегося от верхней ступеньки.

Расчистка стен храма позволила определить, что две стены были установлены на массивных цокольных кладках. Например, северо-западная стена, шириной 0,65–0,68 м, поставлена на кладку шириной 0,92–1,06 м, а юго-западная стена, шириной 0,75 м, имела основание шириной 0,80 м.

Стены храма сложены в основном из бутового камня юрского известняка на прочном песчано-известковом растворе. Лицевые поверхности камня специально обколоты, что придавало стене ровную поверхность. Кладки возведены тщательно с затиркой швов «под мастерок». Поверхность стен дополнительно покрывалась слоем белой известковой штукатурки. У юго-восточного угла плеча апсиды *in situ* сохранились фрагменты фресковой росписи (красная и голубая краски). В кладке углов и торцов стен, а также и в самой кладке несущих стен храма в большом количестве вторично использованы тщательно обрабо-

таные блоки нуммулитового известняка. Происхождение многочисленных споллий в кладках данного храма, как и на других архитектурно-археологических объектах Чембало, остаётся невыясненным.

Два пилона прямоугольной формы установлены примерно в центре боковых стен: расстояние от северо-западной стены составляет 3,88–3,95 м, а от плеч храма – 3,85 м и 4,06 м. Размеры пилонов: установленного у кладки 2 составляет 0,56–0,58×0,91 м, а пилона, примыкающего к кладке 4, – 0,62–0,64×0,80 м. Разница в их размерах не превышает 0,11 м. Расстояние между пилонами – 4,90 м.

Вход в храм не читается на уровне сохранившейся высоты северо-западной стены. Наиболее вероятно, он располагался у левого плеча в юго-восточной части строения. Здесь между торцами кладок 4 и 1 имеется проём шириной 2,10 м. Судя по наличию в этом проёме стены (кладка 4б) шириной 0,50 м и протяжённостью 1,36 м (с обеих сторон её ограничивают кладки 5 и 6), здесь находился первоначальный вход в церковь, который затем неоднократно перестраивался. На частые перестройки указывают кладки 8, 9, 11 и 14. Кладки 8 и 10 имеют одинаковую толщину – 0,80–0,84 м. По всей видимости, они служили несущими стенами первоначальной колокольни (?) церкви. Её внутренние размеры составляли 2,18×2,12 м, а внешние – 3,80×2,90 м.

Вероятно, первоначальный вход в колокольню и в храм находился с северо-запада (исследователи храма обозначили данное строение как «помещение 1») (рис. 2). Впоследствии северо-западный проход (он размещался между кладками 4 и 10, его ширина составляла 1,38 м) был закрыт при устройстве гробницы («помещение 2») (рис. 2). Гробница примыкает к северо-западной стене храма и сформирована тремя кладками (11, 12, 13), сложенными на белом известковом растворе. Внутренние размеры гробницы составляют 2,13×1,07 м. Толщина кладки 12 достигает 0,35 м, кладки 13 – 0,41 м, кладки 11 – 0,45 м. После создания гробницы вход перенесли на юго-восток, устроив его в кладке 8.

На протяжении последующего времени функционирования церкви использовался проход, ведущий с юго-восточного направления. Сохранившиеся здесь кладки 6, 8 и 14 образовывали ступени. На это указывает современный уровень их залегания.

Необычной является ориентация церкви на юго-восток (130°), а не на восток или северо-восток, как это традиционно бывает в католических и православных храмах средневекового Крыма. Причиной данного несоответствия, очевидно, является то, что строение возводилось на крутом скальном склоне, нивелировочная подрубка которого потребовала бы значительных затрат.

Здание церкви установлено на высоте около 45 м над уровнем моря. Уклон скалы здесь составляет 20–30°. С юго-запада к апсиде церкви примыкала стена, ограждавшая террасированную площадку и предохранявшая от случайных падений. С севера и северо-запада (в ходе раскопок 1999–2003 гг.) примыкание крепостных стен к храму не выявлено, и поэтому система обороны на данном участке замка Св. Николая остаётся невыясненной. Следовательно, говорить утвердительно о том, что церковь входила в комплекс оборонительных строений консульского замка Св. Николая, пока преждевременно.

В ходе исследований 2018 г. каких-либо материалов, уточняющих время строительства храма № 1, не выявлено. Единственное, что можно сказать, так это то, что апсида церкви возведена на более ранней стене – кладке 17, к которой с юго-запада примыкает заградительная кладка 18 (рис. 2). О наличии на данном участке более ранней застройки также свидетельствует частично перекрытая апсидой кладка 15 и следующая за ней кладка 16. При этом кладки 16 и 17 идут параллельно (расстояние между ними составляет около 3,0 м), что может указывать на единовременность их строительства и принадлежность к одному более раннему зданию.

Правомерность наименования «храма № 1» церковью Св. Николая вызывает сомнения. Заметим, что сам западный мыс горы Кастрон, где находится данное культовое строение, называется мысом Св. Георгия. Это может служить основанием для предположения, что храм № 1 был посвящён не св. Николаю, а возведён во имя св. Георгия – патрона города Генуи.

В 2004 г. во время раскопок в восточном углу двора барбакана главных крепостных ворот Чембало (рис. 1; 3; 4) было обнаружено углубление (0,48×0,38×0,25 м), заполненное обломками штукатурки с росписью и деструктурированным известковым раствором (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, рис. 59–60; Степанов, Стапанова, 2005, с. 70–73, рис. 132). В результате полевых реставрационных работ

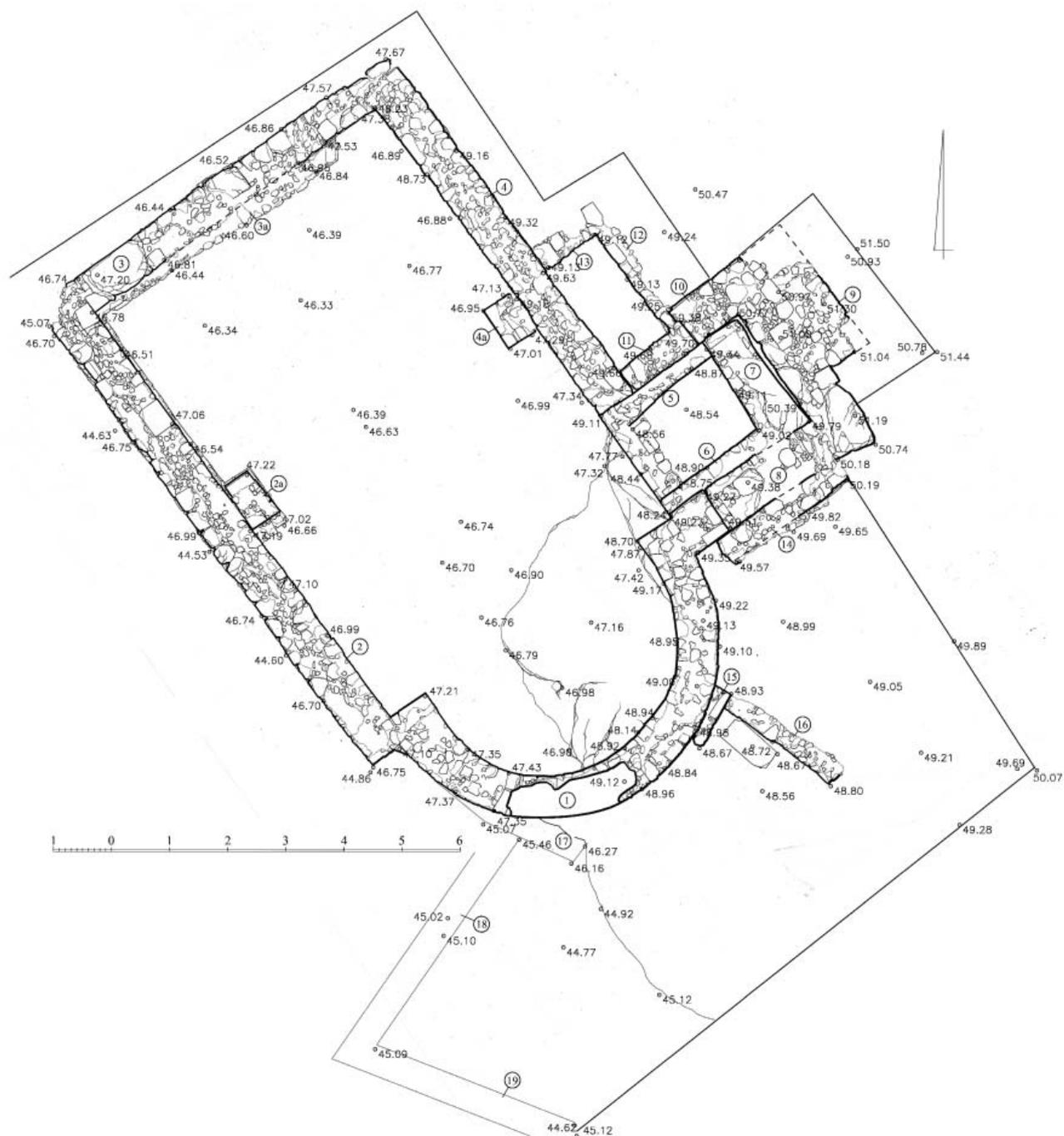

Рис. 2. План храма №1 в латинском квартале крепости Чембало (мыс. Св. Георгия).
Обмерный чертёж 2018 г. архитектора А.В. Мыца
Fig. 2. Plan of temple No. 1 in the Latin quarter of Cembalo fortress (Cape St. George).
Dimensional drawing of 2018 by architect A.V. Myts

удалось собрать фрагмент фрески размером 0,85×0,80 м. В завершённом виде оказалось, что фреска имеет форму стрельчатой арки с шириной в основании 0,97 м и высотой 1,10 м с поясным изображением Богоматери с Младенцем (рис. 5).

По заключению авторов реставрации, «стилевые особенности фрески отличаются тонкостью и изяществом; живопись лёгкая и детализирована с одной стороны, а с другой

— полна торжественной монументальности. Гармоничность композиционного построения, вытянутые пропорции фигур, динамика изогнутых линий, точно выверенный рисунок, мягкая цветовая гамма — всё это говорит об особенностях традиционной греческой живописи. По стилю фреска близка к произведениям палеологовского времени» (Степанов, Степанова, 2006, с. 167–168). По своим

Рис. 3. Раскоп №2 – 2004 г. Барбакан главных крепостных ворот. Общий вид с юга и сверху
Fig. 3. Excavation No. 2 – 2004. Barbican of the main fortress gate. General southern and top view

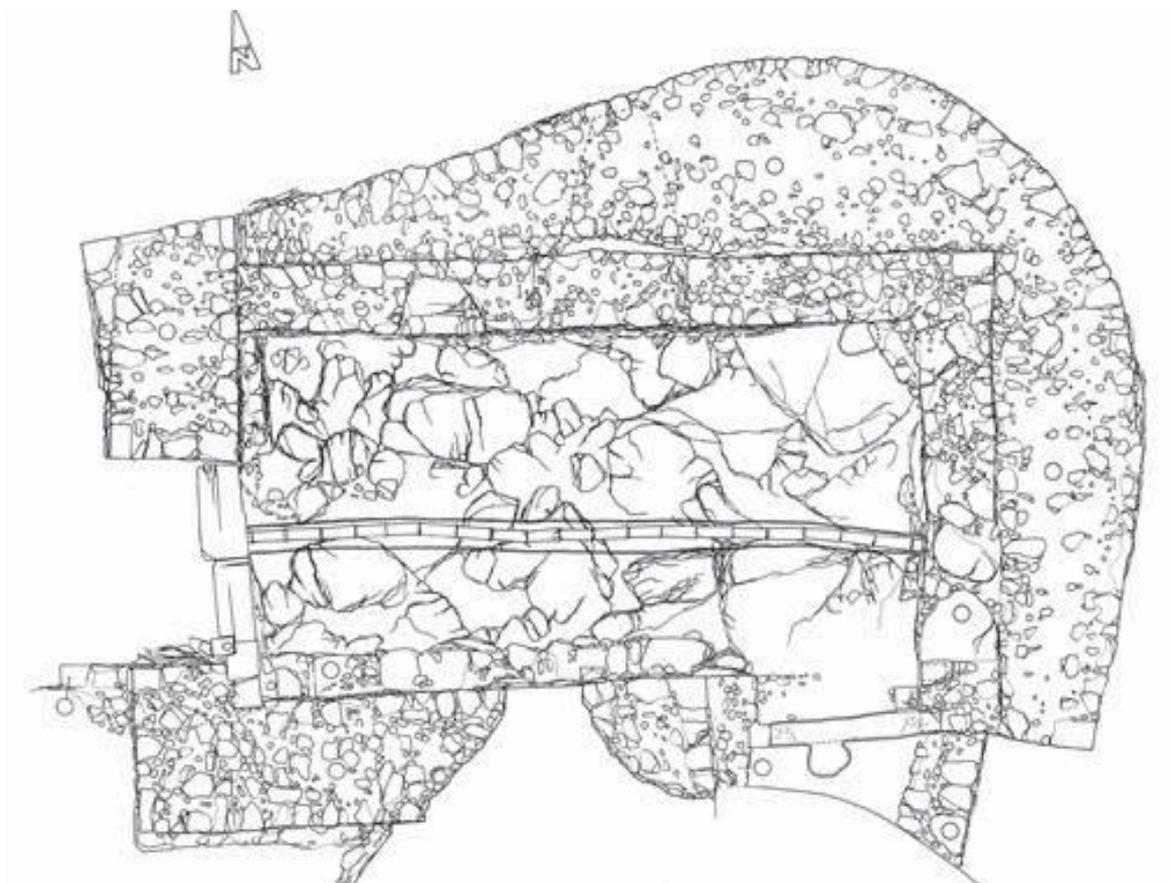

Рис. 4. Барбакан главных крепостных ворот. Обмерный план 2008-2009 гг.
Fig. 4. Barbican of the main fortress gate. Dimension plan 2008–2009

Рис. 5. Фреска Богоматери Одигитрии 20–30-х гг. XIV в. из раскопок в барбакане главных ворот крепости Чембало 2004 г. Реставрация 2005 г. (реставраторы – А.Ю. Степанов, Е.П. Степанова)

Fig. 5. Fresco of the Virgin Hodegetria of the 1320–1330s from excavations at the barbican of the main gate of Chembalo fortress in 2004. Restoration of 2005 (restorers – A.Yu. Stepanov, E.P. Stepanova)

стилистическим особенностям фреска может быть отнесена к 20–30-гг. XIV в.

Фреска Богоматери Одигитрии из Чембало является уникальной и не имеет аналогий среди памятников Крыма. Ввиду этого, начиная с 2005 г., она стимулировала проведение на территории крепости специальных исследований по поиску храма, из которого обломки фрески попали в барбакан главных ворот. За прошедшее время экспедиции удалось выявить и исследовать в Чембало четыре церкви. Все памятники относятся к простым по своей архитектонике культовым строениям: они представляли собой обычные прямоугольные в плане здания с полукруглой одной или двумя апсидами (рис. 1: 2–5).

Храм № 2. Двухапсидное церковное сооружение Чембало (рис. 1: 2; 6; 7). Данный памятник (первый в ряду православных храмов города) исследовался Южно-Крымской экспедицией Эрмитажа в 2005–2008 гг.

(Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, с. 24–35, рис. 91–127; Адаксина, Мыц, 2007, с. 20–23, 28, рис. 190–121; 2008, с. 9–11, 21, рис. 61–80; Кирилко, 2012, с. 198–199, рис. 6). Представлял собой прямоугольное в плане строение, разделённое глухой стеной на два нефа. Две полукруглые разновеликие апсиды завершали здание с северо-востока (азимут 81°). Храм был возведён в два этапа. Первоначально строится северный компартимент (его размеры $8,20 \times 3,70$ м), к которому в скором времени без перевязки пристраивается южный неф ($1,90 \times 7,80$ м). Дверные проёмы не сохранились, однако, судя по топографии здания, они могли размещаться только с западной стороны. Изнутри храм был оштукатурен, но признаков настенной росписи в ходе раскопок не выявлено.

Стратифицированный нумизматический материал позволяет отнести время возведения храма к середине XV в., а его разрушение

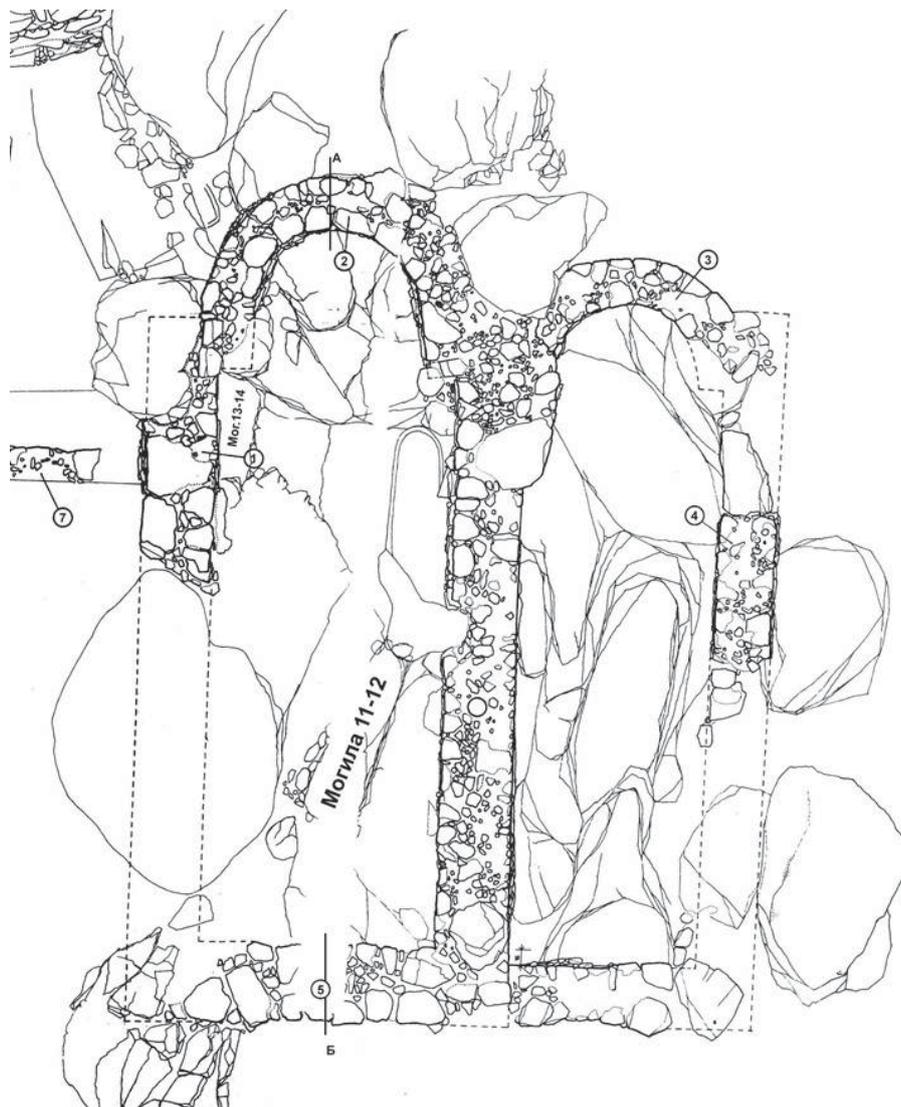

Рис. 6. Обмерный план двухапсидного храма на вершине горы Кастрон (2007 г.)

Fig. 6. Dimension plan of a double-apse temple at the top of Kastron hill (2007)

к последней четверти этого же столетия. До строительства двухапсидного храма на данном участке примерно столетие существовало кладбище (всего раскрыто 14 могил с останками 22 захоронений). Это позволяет высказать предположение о существовании здесь во второй половине XIV в. и церкви, которую полностью разобрали при сооружении (около середины XV в.) башни с цистерной. Взамен разобранной и была (на краю обрыва) построена новая церковь, в которой на протяжении четверти века (до захвата Чембало османами в 1475 г.) совершались погребения.

Пол храма представлял собой плотную утрамбованную глиняную поверхность. Под полом первоначального (северного) нефа храма открыты две могильные ямы, содержавшие четыре захоронения (погребения № 11–14). В захоронении № 11 (погребена женщина 35–40 лет) отмечен необычный ритуальный приём: нижняя часть лица была

накрыта поливной чашей, перевернутой вверх дном (Адаксина, Мыц, 2008, с. 10, рис. 77–79). Чаша имеет оригинальную форму донной части и орнаментацию. Изделие такой формы и орнаментации не только в Чембало, но и на других памятниках средневекового Крыма, неизвестно и встречено впервые.

Храм № 3 (рис. 1: 3, 8; 9). Исследован в 2007 г. (Адаксина, Мыц, 2007, с. 9–22, рис. 81–92). Представляет собой руины небольшого однефного одноапсидного здания (4,54–4,65×7,15 м). Церковь стояла непосредственно у дороги, ведущей от главных ворот крепости (в башне № 2) к замку Св. Николая. Архитектоника церкви довольно проста. Азимут строения – 45°. Стены установлены на скальную поверхность и сложены из бута на известковом растворе. В кладке углов использовались прямоугольные блоки (сполии) из нуммулитового известняка. В слое завала найден фрагмент известнякового

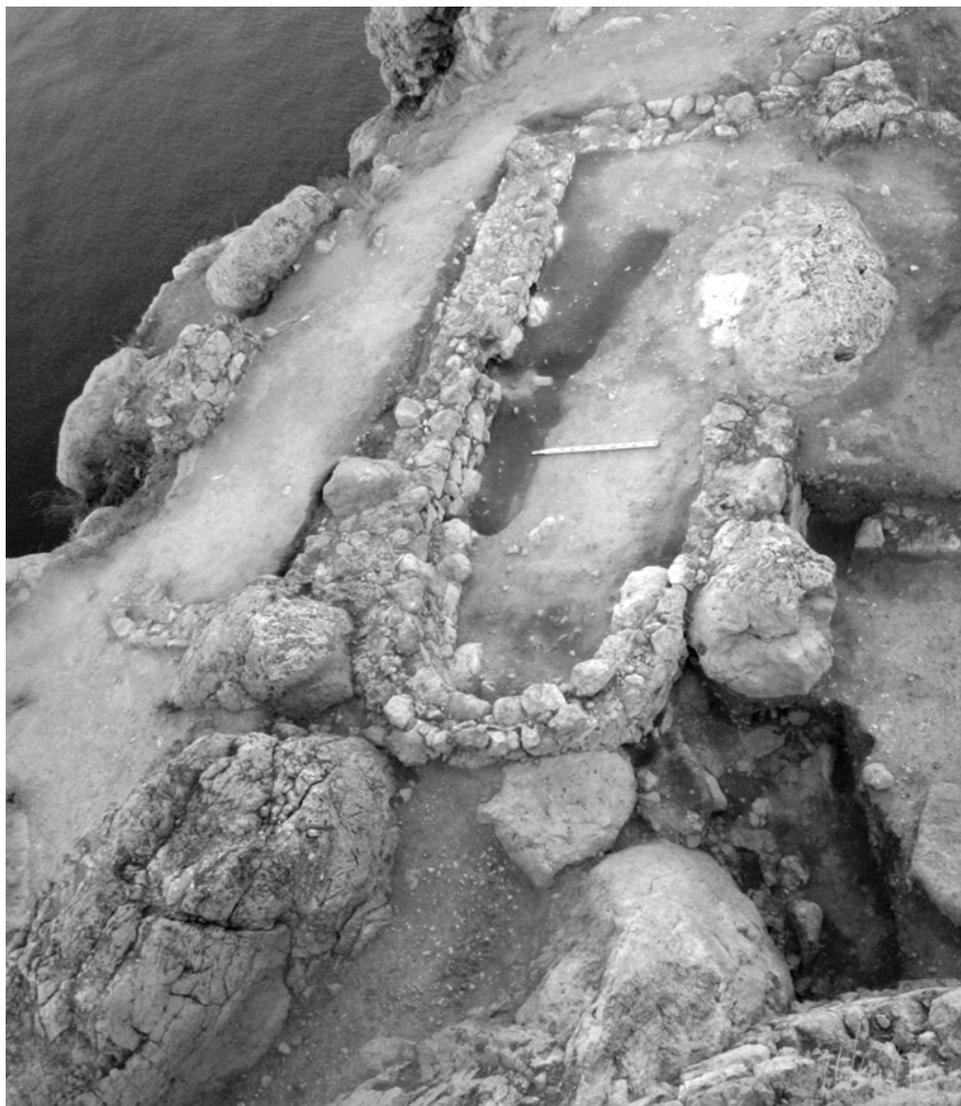

Рис. 7. Двухапсидный храм на вершине горы Кастрон. Вид с северо-востока

Fig. 7. Double-apse temple at the top of Kastron hill. View from the north-east

блока (размером $9 \times 8,5 \times 6$ см) с изображением креста³. Толщина стен составляет 0,68–0,70 м, апсиды – 0,45–0,55 м. Вход находился в юго-западной стене. С внутренней стороны, вдоль юго-восточной стены, располагалась скамья шириной 0,25–0,28 м и высотой 0,30–0,32 м. Внутренние размеры храма: длина наоса – 4,98 м, ширина – 3,02–3,10 м; глубина полукруглой апсиды – 0,92 м, ширина – 2,05 м, ширина плеч – 0,42–0,45 м. Пол церкви первоначально был выстлан каменными плитами и заполнен заливкой из известкового раствора (сохранился только в апсиде).

Для совершения захоронений с внутренней стороны северо-западной стены в скальной поверхности была сделана выемка протяжённостью 3,65 м, шириной 1,0–1,60 м, глубиной до 0,53 м. В процессе исследований вдоль северной стены храма вскрыто 12 могил, содержащих останки 53 человек. За исключением погребений № 3 и № 6, в которых нахо-

дились по одному костяку, остальные могилы вмещали от трёх до двенадцати скелетов, залежавших на разных уровнях. Анатомический порядок большинства скелетов был нарушен, кости в результате неоднократных подзахоронений находились в перемешанном состоянии. Частично или полностью зафиксировано местоположение 13 погребённых. В анатомическом порядке лежали два нижних костяка (№ 1 и № 2). Судя по всему, это наиболее поздние захоронения. На уровне данных захоронений найдены обломки от четырёх стеклянных сосудов XV в.: двух кувшинов и двух «тарелок». Кроме антропологических останков в слое засыпки погребений находились кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, птицы, а также раковины мидий и устриц. Остатки тризны сопровождалась осколками стеклянной (кувшины и тарелки) и керамической (поливные чаши, тарелки, кувшины) посуды. Среди останков погреб-

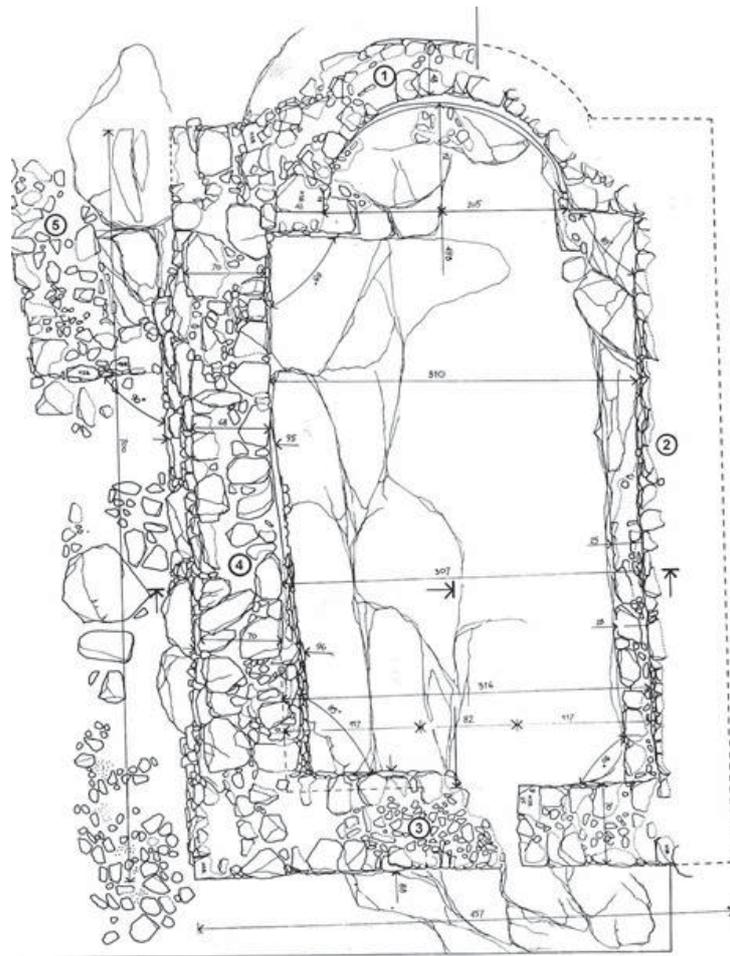

Рис. 8. Обмерный план храма №3 к юго-западу от главных крепостных ворот Чембало (2007 г.)
Fig. 8. Dimension plan of temple No. 3 southwest of the main fortress gate of Chembalo (2007).

Рис. 9. Храм №3 у главных крепостных ворот Чембало. Вид с юго-запада.
Fig. 9. Temple No. 3 at the main fortress gate of Chembalo. View from the south-west

бённых найдены кованые гвозди (40 шт.), монеты, сердоликовая бусина, бронзовые мечевидные застёжки от книг, миниатюрные бронзовые и серебряные гвозди, бронзовые и серебряные шумящие шаровидные подвески-пуговицы и проч.

В области фаланг пальцев правой руки захоронения № 2 (погребена женщина 25–30 лет) найден бронзовый перстень с овальной площадкой. Под левым виском погребённой найдена серебряная сложносоставная ажурная заколка для волос филигранной работы (Адаксина, Мыц, 2008, рис. 171).

На уровне захоронения № 3 найдено десять фрагментированных и один целый артефакт. Отсюда происходят обломки красноглиняных поливных чаш, тарелок, горшка и кольцевидного (полого внутри) дна стеклянного стакана (стекло сине-голубое). Рядом с черепом погребённого находилась красноглиняная поливная (полива монохромная, жёлтая) чаша второй половины XV в. (Адаксина, Мыц, 2008, рис. 155).

Находки на уровне пола немногочисленны. Отсюда происходят фрагмент бронзовой втулки и ветвь плоского киотного железного креста с расширяющимися концами. Возле порога обнаружено серебряное навершие от ножен кинжала. Изучение находок (в основном монет) указывает на то, что храм использовался в качестве квартальной церкви на протяжении от 20–40-х гг. XV в. до 80-х гг. XVI в. Особенностью погребального обряда являются обильные остатки тризны (разнообразная битая посуда и кости животных), сопровождавшие захоронения, и личные вещи (перстни, бусы, пуговицы, монеты, заколка и проч.).

Храм № 4 (рис. 1: 4; 10, 11). Памятник исследовался в 2009 г. (Адаксина, Мыц, Ушаков, 2009, с. 46–61, рис. 112, 152–190). При относительно небольших размерах (7,68×4,30 м) церковь обладает оригинальными архитектурно-планировочными характеристиками алтарной части, имевшей в основании сложную форму и завершавшуюся глубокой нишей. Апсида храма носит следы перестроек; её глубина – 1,40 м, ширина – 1,20 м. Внутри апсиду по сторонам замыкали вертикально стоящие прямоугольные столбы, а в центре располагался столб для установки престола. Все столбы изготовлены из нуммулитовых споллий.

При расчистке северного плеча апсиды и непосредственно под формирующим его каменным блоком обнаружена створка бронзо-

вого энколпиона-реликвария (рис. 13). Находка представляет собой византийский рельефный прямоконечный энколпион больших размеров с краткими углублёнными надписями к изображениям. Ветви креста плавно расширяются от центра к краям. По краям верхней и нижней ветви сохранились обломы петель от крепления второй створки. Изображение литое с дополнительной гравировкой резцом. Особенностью иконографии является подчёркнутая сухость и графичность низко-рельефных изображений. В силуэте Богоматери Оранты ясно читаются нимб над головой, складки хитона и мафория. Размеры креста (без петель) – 7,2×5,3 см. На конце каждого луча креста размещены круглые медальоны с изображениями ликов четырёх святых.

Данная находка представляет обратную створку с изображением Богоматери Оранты, которая сопровождается круглыми медальонами с переданными оплечно первоапостолами Петром и Павлом (на боковых ветвях) и евангелистами Марком (вверху) и Матвеем (внизу). Все надписи углублённые, подправлены после отливки, как и сами изображения, резцом. Около Богоматери сокращённая надпись: МР – ФУ; надписи, сопровождающие четырёх святых в медальонах не полные, а представлены только начальными буквами их имён: П–П и М–М, расположенными в углах ветвей креста.

Наиболее близкими к нашей находке являются балкано-дунайские кресты-энколпионы (например, крест из крепости у с. Окорш в Болгарии), где они, следуя иконографической традиции византийских прототипов, датируются X – началом XI в. (Атанасов, 2007, табл. LXI, 219 и 220; Пескова, 2005, с. 144–145). Очевидно, что время бытования подобных энколпионов-реликвариев не соответствует дате возведения открытого в крепости Чембало храма (№ 4) – рубеж XIII–XIV – начало XIV в. Так как эта находка сделана в предалтарной части, то, возможно, данный энколпион с изображением Богоматери Оранты использовали в качестве закладной реликвии. Вероятно, и сама церковь была посвящена Богоматери.

Пол храма состоял из белой глиняной обмазки. Здание ориентировано на северо-восток (азимут 73°). Вдоль южной стены устроена каменная скамья шириной 0,32–0,50 м. Вход шириной 0,85 м находился в западной стене. Толщина стен 0,65–0,83 м. Перекрытие было каменным в форме циркульного свода. От арочного свода в слое завала найде-

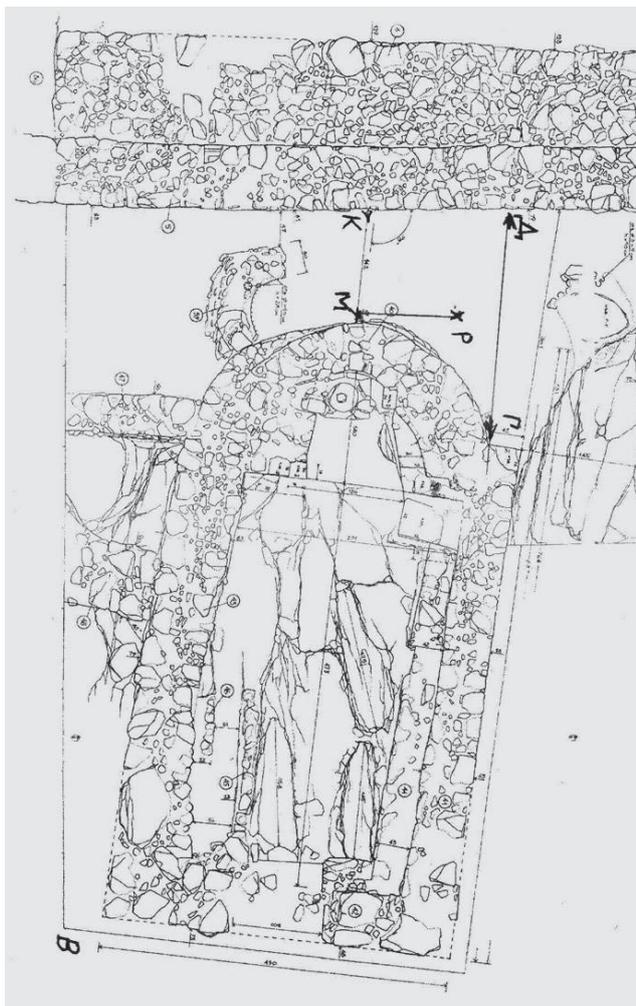

Рис. 10. Обмерный план храма №4 к северо-западу от главных крепостных ворот Чембало (2009 г.).

Fig. 10. Dimension plan of temple No. 4 north-west of the main fortress gate of Chembalo (2009)

Рис. 11. Храм №4 к северо-западу от главных крепостных ворот Чембало (2009 г.). Вид с запада.

Fig. 11. Temple No. 4 northwest of the main fortress gate of Chembalo (2009)

Рис. 12. Храм №4, бронзовый литой нательный крест XI–XIII вв. из могилы №2

Fig. 12. Temple No. 4, cast bronze body cross of the 11th–13th centuries from grave No. 2

Рис. 13. Храм №4, створка бронзового энколпиона X–XI вв. с изображением Богоматери Оранты и ликом четырёх святых

Fig. 13. Temple No. 4, a panel of a 10th–11th century bronze encolpion depicting Our Lady of Oranta and the faces of four saints

ны тщательно отёсанные блоки клиновидной формы из нуммулитового известняка.

Под полом церкви открыто семь могил, в которых выявлены останки 40 погребённых. Останки 78 человек обнаружены за пределами храма (Адаскина, Мыц, Ушаков, 2010, с. 46–54). Большинство останков находилось в разрозненном состоянии. С внешней стороны южной стены сохранились конструкции от двух могильных ям, нижние части которых вырублены в скале. В могиле № 2 выявлены останки пожилого человека, находившиеся в анатомическом порядке. Здесь, на уровне скальной поверхности, найден бронзовый литой нательный крестик (4,0×2,4 см) со скруглёнными концами, имеющими парные выступы-«слёзки». На лицевой стороне – рельефное изображение распятия, над ним череп и кости, вверху петелька для подвешивания (рис. 12). Христос изображён с прямыми торсом без изгиба, с прямо вытянутыми руками и ногами. Подобные кресты-тельники с рельефным распятием (изготовлены из цветных металлов – золота, серебра и бронзы) датируются исследователями в пределах XI–XIII вв. (Пескова, 2006, с. 124, рис. 2, 5; Молодин, 2005, 115, рис. 56). Иконография распятия креста-тельника из могилы № 2 скорее указывает на его относительно позднее происхождение – вторая половина – конец XIII вв. Полученные в ходе раскопок памятника стратифицированные находки позволяют отнести время возведения церкви к рубежу XIII–XIV вв. – первым десятилетиям XIV в., а прекращение её использования – ко второй половине – концу XVI в.⁴

Храм № 5 (рис. 1, 5; 14; 15). Памятник исследовался в 2014–2015 гг. (Адаксина, Мыц, 2015, с. 7–35; они же, 2016, с. 6–26). Изучение культурных напластований свидетельствует о продолжительности функционирования на данной территории храмовых строений (XIV–XVIII вв.). Они подвергались существенным перестройкам в «генуэзский» (1345–1475 гг.), «османский» (1475–1771 гг.) и «русский» (после 1783 г.) периоды истории Чембало-Балаклавы⁵. Первоначальное строение (храм?) был ориентирован на северо-восток 45°, а все последующие – на 54°. Располагается церковь на той же террасе, что и храм № 3 (46–50 м над уровнем моря) у дороги, ведущей к замку Св. Николая. Вокруг здания церкви формировался городской квартал.

Церковь представляет собой здание с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой. Размеры основного объёма церков-

ного здания: 8,70×4,70 м (вынос апсиды – 2,05 м). Стены сложены из бута на известковом растворе. С юго-запада к храму в XVIII в. был пристроен притвор в виде неправильно-го четырёхугольника (размеры: 5,30–4,98 м). Наос и притвор на позднем этапе своего существования имели стропильное перекрытие, а алтарное полукружие завершалось конхой. Вход в храм трапециевидной формы располагался в юго-западной стене. Пол храма представлял собой плотную трамбовку деструктированного известкового раствора. Восточная часть притвора была выслана 32 блоками нуммулитового известняка, образовавшими ровную площадку размером 2,60×2,40 м. Под данной вымосткой (на глубине 0,50 м) найдено скопление из 23 монет. Очевидно, что данный комплекс представлял собой клад. Он состоял из 18 генуэзско-татарских аспров 1430–1450-х гг., одного золотоордынского дирхема хана Узбека (1313–1342) с надчеканкой в виде четырёх точек («:») и четырёх грошей (одна монета распалась при чистке) Молдавского господаря Стефана III (1457–1504), чекан г. Сучавы 1480–1504 гг. Именно эти монеты Молдавского княжества позволяют отнести сокрытие клада не ко времени захвата Чембало турками в 1475 г., а к концу XV – началу XVI в.⁶

В храме и притворе под полом выявлены останки более 100 погребённых. Три детских захоронения были совершены в деревянных гробах, сколоченных из тонких досок. Часть погребённых безынвентарные и сильно разрушены при повторных захоронениях. Останки некоторых погребённых сопровождалась монетами, серебряными и бронзовыми пуговицами в виде полых шариков, пряжками, кольцами, серьгами, мастерски вышитыми (с серебряными крестами) красными матерчатými налобными повязками. Кроме того, здесь найдена небольшая фигурка бронзового «пляшущего» человека и поднятыми руками.

Внутри руин храма залегал слой завала стен и конхи (его толщина достигала 2,20 м). Из нижнего слоя завала происходит особенно важная группа находок в виде 17 обломков средневековых армянских надгробий, памятных или сопроводительных надписей, закладных камней с крестами или архитектурных деталей с фресковой росписью. Все фрагменты залегали хаотично, а место пребывания некоторых сполгий устанавливалось по отпечаткам на застывшем известковом растворе сохранившихся частей кладок. Почти на всех резных камнях ясно прослеживаются меха-

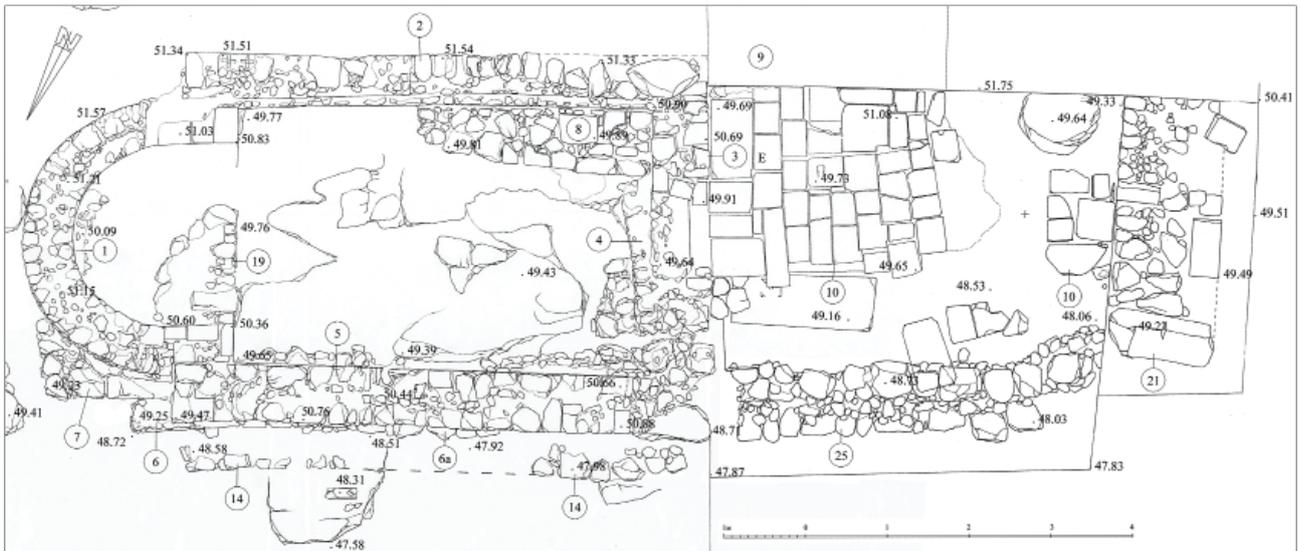

Рис. 14. Обмерный план храма №5 (раскопки 2014–2015 гг.)
 Fig. 14. Dimension plan of temple No. 5 (excavations of 2014–2015)

Рис. 15. Храм №5, раскопки 2015 г., вид сверху
 Fig. 15. Temple No. 5, excavations of 2015, top view

нические следы обработки инструментом в виде насечки зубатой троянки. Некоторые фрагменты в углублениях рельефа имеют следы красочного слоя, выполненные красной и жёлтой охрой. Надписи выполнены на армянском языке. Сохранились частично и поэтому читаются⁷ фрагментарно: «Помяните Улубека...», «Господь», «Христос», «Иисус», «Помяните! Св. Крест... Богородицы (?), год 1148 (1699)»⁸ и т. д. Только одно изделие с надписью оказалось целым. Из слоя завала, залежавшего непосредственно на поверхности каменной вымостки притвора, происходит мраморная закладная плита с изображением художественно выполненного креста на

подставке с армянской надписью в три строки (рис. 16; 17). Плита прямоугольной формы размером 40,0×20,0×3,5–3,9 см. Надпись размещена в вырезанной двуступенчатой рамке. Изображение креста также обрамляет рамка с полукруглыми фестонами. Ветви креста имитируют распустившиеся бутоны с парой лепестков, в центре которых помещены «соцветия». По сторонам подставки креста расположены две миниатюрные четырёхлепестковые розетки. По заключению А. Акопяна, надпись читается следующим образом: «1606/7 [год]/Сукиасов сын/Мудафар».

Монетные находки указывают на длительное время существования данного храма: от

Рис. 16. Фото мраморной плиты 1606/7 г. с изображением хачкара и армянской надписью.
Fig. 16. Photo of a marble slab of 1606/1607 with the image of a khachkar and an inscription in Armenian

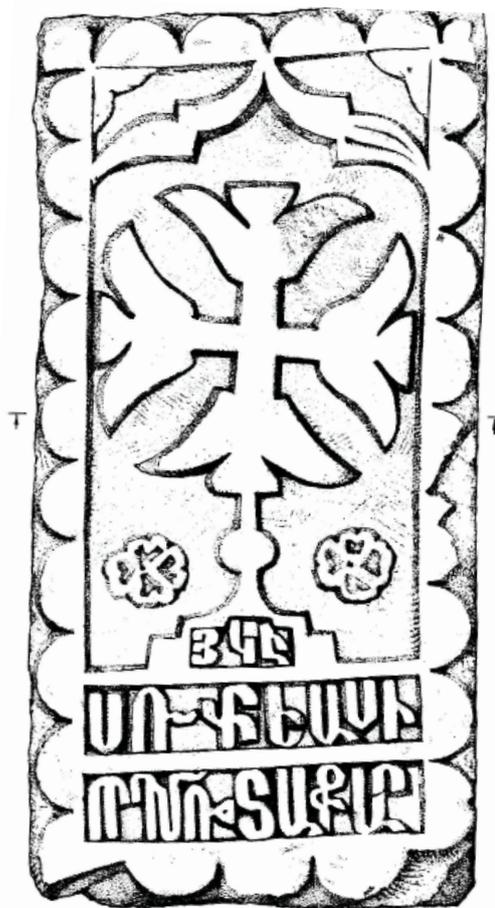

Рис. 17. Прорисовка мраморной закладной плиты 1606/7 г. с изображением хачкара и армянской надписью.
Fig. 17. Drawing of marble embedded plate of 1606/1607 with the image of a khachkar and an inscription in Armenian

первой четверти XV в. (датируется генуэзско-татарскими монетами 1420–1430-х гг.) до XVIII вв. (наиболее поздняя – акче Крымского хана Арслан Гирея (1748–1756)). За это время храм неоднократно перестраивался и подновлялся, пока не был окончательно заброшен в 1780-х гг. В XV–XVII вв. церковь принадлежала общине армян-халкидонитов (?).

Вероятно, она была посвящена свв. Апостолам Петру и Павлу. Согласно генуэзскому документу, в Чембало также находился «греческий» (?) квартал с храмом Девы Марии (St. Maria) (Balard, 1978, p. 157). Гипотетичными пока остаются предположения о наличии в крепости католических соборов Св. Николая или Св. Георгия.

Исследованным в Чембало храмовым строениям присущи общие черты и функции. Их конструкции сложены из разномерного бута на качественном известковом растворе. В кладках углов, дверных и оконных проёмов

использованы споллии из нуммулитового известняка. В храме № 5 в качестве строительного материала в XVIII в. применены не только архитектурные детали, но фрагменты надгробий и посвячительных надписей из армянского храма XV–XVII в. Ни на одном из храмов XIV–XV вв. не выявлены следы перекрытия с применением византийской кровельной черепицы – керамид и калиптеров, что являлось обязательным для перекрытий более ранних зданий (например, VI–XIII вв.). Черепичное покрытие («татарка») использовано только в конце XVIII в. при восстановлении храма № 5. Строения № 2–5 возводились с использованием византийского фута, равного 0,318 м. Например, храм № 2 (в первый строительный период) – его параметры составляют 25,5×11,5 футов (8,20×3,70 м); пристроенный южный компартимент – 24,5×6 футов (7,80×1,90 м), после чего размеры строения достигли 25,5×17,5

Рис. 18. Серебряный латинский крест XV в. с изображением Распятия из раскопок (2005 г.) башни №2 у главных городских ворот Чембало. Фото.

Fig. 18. Silver Latin cross of the 15th century with the image of the Crucifixion from the excavations of tower No. 2 (2005) at the main city gate of Cembalo. Photo.

Рис. 19. Створка бронзового энколпиона с изображением Богоматери Ассунта и четырёх евангелистов. Фото. Раскопки 2010 г., дом №2 у главных городских ворот Чембало.

Fig. 19. Panel of a bronze encolpion depicting Our Lady of Assunta and four evangelists. Photo. Excavations in 2010, house No. 2 at the main city gate of Cembalo

футов (соотношение длины и ширины – 1:1,45). Храм № 3 – 22,5×14,5 футов (7,15×4,65 м) (соотношение длины и ширины – 1:1,45). Храм № 4 – 24×13,5 футов (7,68×4,30 м) (соотношение длины и ширины – 1: 1,8). Храм № 5 – 27×14,5 футов (8,70×4,70 м) (соотношение параметров – 1:1,85). Храмовые комплексы использовались (на протяжении 1,5–2-х столетий) в качестве кварталных городских церквей и часовен. В среднем на некрополях при каждой из церквей выявлено не менее 75 погребённых. Только в одном храме (№ 1) *in situ* сохранились незначительные следы стеной росписи.

При общности погребального обряда (все погребённые залегали на спине, ориентированы лицом на северо-восток, кости рук либо сложены в области груди, либо вытянуты вдоль костяка) удалось выявить отличия в наборе и использовании погребального инвентаря. Например, в одном из захоронений в храме № 2 область лица погребённого оказалась накрытой поливной чашей. В храме № 3 при погребённых вообще отсутствовал какой-либо инвентарь, однако сам храм находится в квартале, где выявлено три дома с тандырами, канами и суфами. Это может свидетельствовать о проживании здесь выходцев из Средней Азии, принявших православие⁹. Захоронения в храме № 4 сопровождалась не только погребальным инвентарём, состоявшим из личных украшений, но и обильной тризной в виде костей животных, фрагментов стеклянной и керамической посуды. В храме № 5 некоторые захоронения, помимо деталей одежды (пуговицы) и личных украшений (серьги и кольца), сопровождалась погребальными налобными повязками и монетами в качестве «обола Харона».

Предметы личного благочестия, фрагменты стеклянных лампад, обломки хоросов, кадила, личные украшения и другие предметы (бусы, серьги, подвески, пряжки, нашивки, напёрстки) встречались не только при исследовании церквей, но и при изучении городской застройки (рис. 20). Например, у дома № 2, расположенного близ главных городских ворот, в слое завала найдена створка бронзового энколпиона «киевского типа» XII–XIII вв. (рис. 19)¹⁰. К числу редких относится находка литого серебряного «латинского» креста XV в., обнаруженного в заполнении башни № 2 у главных городских ворот (рис. 18; 20) (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, с. 35, 44, рис. 84, 88, к. о. 92)¹¹.

Следует отметить, что среди традиционного для поздневизантийской Таврики погребального инвентаря XIV–XV вв. в Чембало встречаются нетипичные вещи. Приведём два особо выразительных примера.

Следует отметить, что среди традиционного для поздневизантийской Таврики погребального инвентаря XIV–XV вв. в Чембало встречаются нетипичные вещи. Приведём два особо выразительных примера.

Рис. 21. Чембало 2014 г., храм №5, кольцо с изображением головы дракона и жемчужиной.
Fig. 21. Chembalo, 2014, temple No. 5, ring with a dragon head's image and a pearl

Серьги и фрагменты серёг в виде вопросительного знака на крымских памятниках встречаются редко. Достаточно сказать, что на данную группу артефактов до сих пор обращал внимание только специалист по золотоордынской торевнике М.Г. Крамаровский. Им также впервые были изданы серьги (6 шт.) в виде знака вопроса, происходящие из двух крупнейших кладов второй половины XIV в.: т. н. Нейзацкого и Симферопольского (Крамаровский, 2001, фото на с. 80, № 366–370, с. 305–306). Пять серёг найдены в составе клада близ Симферополя (60-е гг. XX в.). 1 серьга происходит из клада у пос. Нейзац (длина 5,1 см) – 1886 г.¹² (Крамаровский, 1994, табл. 1: 6).

Ареал распространения данного типа украшений довольно широк. Их находки отмечены от Балкан на юго-западе и Новгородской земли на северо-западе до Монголии на востоке (Сенотрусова, 2013, рис. 1: 1–10; и др.). Помимо общепризнанного мнения, что серьги в виде знака вопроса распространились в качестве элемента имперской моды в результате обширных завоеваний и культурной экспансии монголов в XIII в., существует и гипотеза, согласно которой такие ювелирные изделия появились ещё в XII в. у половцев. В настоящее время активным сторонником данной точки зрения выступает болгарский исследователь Г.В. Владимиров (Владимиров, 2014, с. 242–253, рис. 4: 7) и др.

Примером влияния моды, а не этноконфессиональной принадлежности является археологически подтверждаемое широкое использование в XIV–XV вв. населением Великого Новгорода серёг в виде знака вопроса: к 80-м

гг. XX в. в ходе раскопок здесь было обнаружено 15 подобных украшений (Седова, 1981, с. 16, рис. 3: 1: 2: 9)¹³. Наиболее убедительным примером, оставшимся, как нам кажется, так и не замеченным археологами до настоящего времени, является новгородская икона XIV в. «Введение Богородицы во храм» (Давидова, Лепяхин, 2013, рис. на с. 55). В правой нижней части иконы мы видим, что у двух (из пяти) сопровождающих Богоматерь и её родителей благочестивых дев в ушах в качестве украшений изображены золотые (?) серьги в виде знака вопроса VI типа. Серьги двух вариантов: одна завершается круглыми шариками, а на конце другой помещена крупная белая жемчужина (рис. 22; 23).

2. Кольцо из жёлтого металла (бронза с позолотой?) с разомкнутыми концами (внутренний диаметр 1,7 см) (Адаксина, Мыц, 2015, с. 35, 48, к. о. № 12, рис. 52: 21). На одном конце представлено стилизованное изображение головы дракона с открытой пастью, на другом – маленькая речная жемчужина, прикреплённая к «хвосту» дракона несколькими витками проволоки из тонкого жёлтого металла (рис. 21). Динамика композиции указывает на то, что дракон пытается «проглотить» жемчужину. По-видимому, мастер композиционно представил на кольце популярный мифологический сюжет «о любимой драгоценности Верховного Повелителя Хуан-ди, похищенной девушкой из рода Жэньмэн, которая, проглотив жемчужину, превратилась в дракона и стала духом реки» (Доде, 2007, с. 102).

Дракон является главным среди четырёх «священных животных» Китая. При династии Сун (960–1279) сформировалось учение о

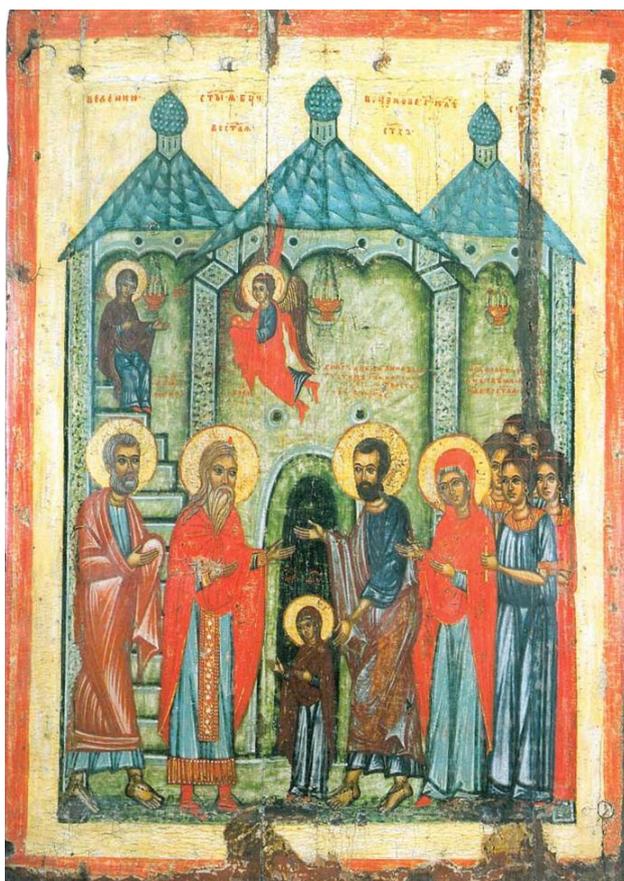

Рис. 22. Новгородская икона «Введение во храм Пресвятой Богородицы» XIV в.

(по: М.Г. Давидова, В.В. Лепяхин, 2013).

Fig. 22. The Novgorod icon “Presentation of the Blessed Virgin Mary” of the 14th century (after M.G. Davidova, V.V. Lepakhin, 2013).

«восьми сходствах» дракона, который должен обладать рогами оленя, головой верблюда, шеей змеи, глазами духа, чешуёй карпа, когтями орла, лапами тигра, ушами коровы (Терентьев-Катанский, 2004, с. 28). Из набора «восьми свойств» (с некоторой долей условности) дракону кольца Чембало характерны только четыре: голова верблюда, глаза «духа», шея змеи и уши коровы. «Монголы заимствовали китайский образ дракона, сохранив за ним статус маркера государственной власти; и изображения этих существ на тканях, поясных бляхах», сосудах из драгоценных металлов, украшениях «стали общеимперским геральдическим символом» (Доде, 2007, с. 101).

Несмотря на всю ясность семантики образа¹⁴ китайского дракона, представленного на кольце из Чембало, мы так пока и не смогли найти для него сколько-нибудь убедительной аналогии. В 2013 г. вышла работа М.Г. Крамаровского: «Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом (заметки о ювелирном прототипе)» (Крамаровский, 2013, с. 324–331), в

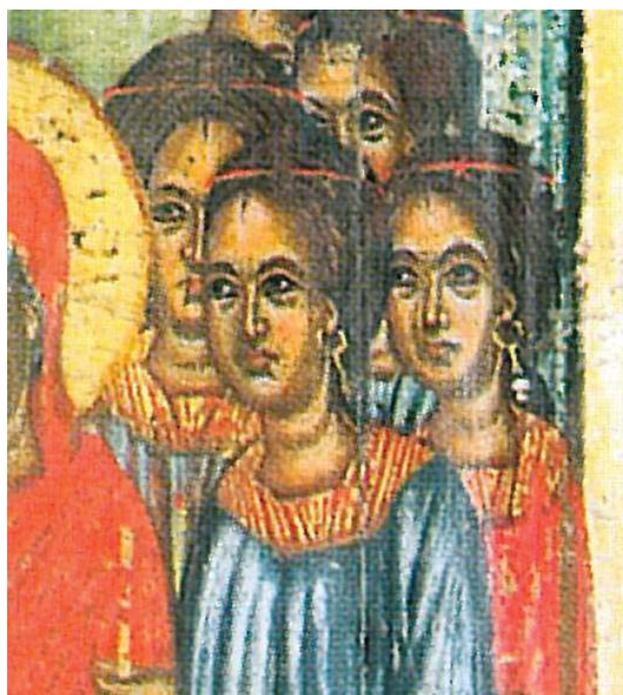

Рис. 23. Фрагмент иконы «Введение во храм Пресвятой Богородицы».

Fig. 23. Fragment of the icon “Presentation of the Blessed Virgin Mary”

которой исследователь проделал кропотливую работу по поиску аналогий браслету с драконом и жемчужиной. Автор отмечает: «Тип объёмного двустворчатого золотого браслета (нередко перстня) с парными драконами, играющими жемчужиной, или одним драконом с жемчужиной, характерен для маньчжурского Китая» (Catalogue, 1986, No. 245, 301, 302; Запретный город, [б. г.], с. 163, № 61) – парные браслеты с надписью: «Справедливость и гармония».

Вместе с тем М.Г. Крамаровский опубликовал найденную в Восточном Крыму в 2004 г.¹⁵ бронзовую серьгу (диаметр 2,6 см) со следами позолоты: на одном конце помещена голова дракона, пасть которого пытается заглотить закреплённую на стержне средней величины гофрированную жемчужину (Крамаровский, 2013, с. 329, рис. 3). Подобные серьги известны на памятниках XIII–XV вв. обширного региона, либо входившего в завоёванные монголами территории, либо находящихся в сфере влияния Золотой Орды¹⁶. На северо-западе граница встречаемости подобных артефактов простирается до Новгородской земли, где бронзовая серьга с головой дракона (без жемчужины) найдена при раскопках крепости Копорье (Кирпичников, 1984, рис. 71, 5).

Находка в Чембало кольца с головой дракона и отдельно расположенной жемчужиной

пока остаётся единственным подобным артефактом на территории Северного Причерноморья. Но подобная пространственная лакуна и уникальность артефакта вызывают сомнения. Для устранения данного пробела потребуются дополнительные не только археологические, но и архивные и фондовые поиски подобных изделий, выявленных на евразийском пространстве.

Таким образом, за время изучения средневековой крепости Чембало (1991–2018 гг.) на её территории выявлено и исследовано пять храмовых построек, принадлежавших трём христианским общинам города: храм № 1,

по-видимому, до 1475 г. размещался в латинском квартале и использовался католиками; храм № 5, судя по находкам армянских надписей, на протяжении XV–XVIII вв. принадлежал армянам-халкидонитам (?); храмы № 3 и № 4 являлись церквями православных греков. Конфессиональная принадлежность двухапсидной церкви на вершине г. Кастрон, вероятно, может решаться одновременно в пользу католиков и православных греков, которые служили в гарнизоне Чембало и могли молиться в разных нефках одного храма, перегороженного глухой стеной.

Примечания:

¹ Данную гербовую композицию Е.А. Яровая отнесла к лигурийской фамилии Барбаджелата или Барбазия (Barbagelata, Barbazia) (Яровая, 2010, с. 84, рис. 72).

² Обмеры храма № 1 (как других церквей Чембало в 2007–2015 гг.) выполнены в 2018 г. архитектором экспедиции Государственного Эрмитажа А.В. Мыцом.

³ Крест (7,5×7,5 см) с расширяющимися концами вырезан в рельефе глубокими двойными линиями.

⁴ Из слоя завала внутри храма происходит группа находок, которые могут быть отнесены ко второй половине XVI в., например, акче Крымского ханства времени правления Девлет Гирея I (1550–1577). Самая поздняя находка – поддон миниатюрной полуфаянсовой чашечки с подглазурной росписью кобальтом. Подобные сосуды известны из раскопок памятников османского времени в Болгарии, Румынии, Крыма и Азова (Гусач, 2005, с. 476–481).

⁵ Этот храм отмечен на картографических материалах конца XVIII – начала XIX в.: 1) на плане 1771 г. он отмечен под литерой «С» и назван бывшим монастырём с церковью; 2) на недатированном плане «селения Балаклавы бывшей Таврической области с показанием кварталов и определением в оных црквей, лавок и прочего», под литерой «К» обозначена армянская разорённая церковь; 3) в библиотеке им. И. Франко г. Симферополя хранятся фотокопии «Атласа Таврической губернии» 1787, 1793 и 1799 гг., среди которых помещён и план города Балаклавы 1787 г., где под № 7 указаны руины крепости Балаклавской, а под № 8 – «Церковь в оной»; 4) На плане города Балаклавы, снятом «...июня 1817 г. губернским землемером Мухиным», под № 2 отмечена «Ерменская церковь внутри оной Апостолов Петра и Павла».

⁶ Подробно об этой находке см.: Алексеенко, 2018, с. 17–28. В публикации автор называет данную находку «Клад молдавского купца из крепости Чембало». Во-первых, молдавские монеты составляли немногим более 17% всего состава клада, во-вторых, клад найден в армянском храме.

⁷ Чтение надписей выполнено Александром Акопяном и Татевик Саргесян.

⁸ Надпись 1699 г. сопровождает крест (хачкар).

⁹ Косвенным подтверждением могут служить находки в помещениях атрибутов личного благочестия (крестов) и деталей от церковных лампад (хоросов) с крестами.

¹⁰ Размер креста 8×5,5 см. В центре находится изображение стоящей фигуры Богоматери в плаще и накидке, над головой нимб, руки сложены на груди, с открытыми вперёд ладонями. В медальонах четырёх ветвей – изображения святых евангелистов. С трёх сторон от центральной фигуры – буквы, которые плохо читаются (Адаксина, Мыц, Ушаков, 2011, с. 50, рис. 46, 1, к. о. 68).

¹¹ Размеры креста – 2,5×2,3 см. На верхней ветви ушко, которое перетёрлось от длительного ношения. Все четыре луча трёхлопастные, украшены чётко выполненной орнаментальной плетёнкой. В центре расположено тело распятого Христа. Выполнено в высоком рельефе, его фигура как будто «оползает» по кресту, голова повернута вправо, ноги в коленях подогнуты. Ступни и кисти проработаны схематично. Места расположения гвоздей обозначены углублениями. Левая нога заходит на правую, лик не проработан, без детализации, но нимб виден чётко. Обратная сторона гладкая. В Крыму к настоящему времени известно уже пять крестов этого типа. Первые две находки подобных крестов происходят из клада 1901 г. в с. Ай-Василь близ Ялты (Залесская, 1995, с. 98–101; Крамаровский, 2000, с. 256–259, рис. 9). Третий нательный «латинский» крест с позолоченной фигурой Богоматери найден в 1995 г. при изучении православного монастыря X–XVI вв. в бухте Панаир на Аю-Даге (Адаксина, 2002, с. 19–20, рис. 97–98; она же, 2005, с. 14–15, рис. 5–6). Находка из Чембало является четвёртым артефактом данного типа. Совсем недавно (в 2019 г.) при исследовании руин княжеского дворца Мангупа (1425–1475 гг.) найден «латинский» серебряный крест-энколпион с позолотой (Науменко, 2020, с. 100–111, рис. 2). Автор публикации пишет, что крест из раскопок Мангупского дворца «равноконечный» (Науменко, 2020, с. 102). При этом равносторонним принято называть «греческий» крест, в то время как у «латинского» нижняя ветвь креста всегда длиннее остальных.

¹² Поступила в ИАК в 1888 г. Государственный Эрмитаж, инв. № ЧМ-1031.

¹³ М.В. Седова отмечает, что серьги в виде знака вопроса получили особое распространение в XIV в. Однако вместо жемчужины, являвшейся большой редкостью в Великом Новгороде, здесь использовали каменные (яшма), янтарные, стеклянные (зелёные, жёлтые, красные, синие), металлические (бронзовые) бусины (Седова, 1981, с. 16).

¹⁴ Подробно об образе дракона-змея на серьгах золотоордынского периода см. работу М.В. Ельникова (Ельников, 2010, с. 410–420).

¹⁵ Находится в Симферополе в частной коллекции (Крамаровский, 2013, с. 329, рис. 3).

¹⁶ Это прежде всего территория европейской зоны степной Евразии (в Поднепровье и Поволжье) (Кулатова, 2002, с. 115; Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004, с. 38–39, рис. 31; Ельников, 2001, с. 65–67, 69, 96, 97, рис. 21, 10; 22, 2; 32, 5; с. 76, рис. 2; Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983, с. 21, рис. 16; Строкова, 2006, с. 34–43, рис. 5, 3). Следует также отметить, что из раскопок золотоордынского поселения Самарская Лука (Samar) происходит литейная форма для изготовления серёг с головами драконов (Кочкина, 2011, с. 20–24).

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина С.Б.* Монастырский комплекс X–XVI вв. на г.Аю-Даг. СПб.: ГЭ, 2002. 116 с.
- Адаксина С.Б.* Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Археологические экспедиции в Крыму. 1995 год /отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: Сонат, 2005. С. 11–15.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало в 2004 году / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб. Симферополь: ГЭ, 2005. 190 с.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. V. СПб.; Симферополь: ГЭ, 2006. 223 с.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г.Балаклава) в 2006 году / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. VI. СПб.; Симферополь: ГЭ, 2007. 277 с.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. VII. СПб. Симферополь: ГЭ, 2008. 215 с.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XII. СПб.; Севстополь: ГЭ, 2015. 204 с.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Золотоордынские компоненты в культуре генуэзского города Чембало (Балаклавы) в XIV–XV вв. // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 206–210.
- Алексеевко Н.А., Дьячков С.В.* Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 1999 году // НА НЗХТ. Д. №3432.
- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В.* Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2000 // НА НЗХТ. Д. №3496.
- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В.* Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2001 году // НА НЗХТ. Д. №3513.
- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В.* Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2002 году // НА НЗХТ. Д. №3588.
- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В.* Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2003 г. // НА НЗХТ. Д. №3592.
- Алексеевко Н.А.* Монетный комплекс «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. А.С. Мельникова. 19–24 апреля 2004, Москва. М.: ГИМ, 2004. С.110–111.
- Алексеевко Н.А., Дьячков С.В.* Церковь консульского замка крепости Чембало: храм католиков или православных // Christian architecture in the Black Sea Basin IV-VII cent. AD / International Scientific Conference. Abstracts (Poznan – Obrzycho, 25-29 October 2004). P. 4–5.
- Алексеевко Н.А., Гинькут Н.В., Дьячков С.В., Столяренко Е.Н.* Археологической экспедиции Чембало 15 лет // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков: ООО «НТМТ», 2015: С. 150–162.
- Алексеевко Н.А.* Клад молдавского купца из крепости Чембало // ХС. 2018. Вып. XIX. С. 17–28.
- Атанасов Г.* Христианский Дуросторум-Дръстр. Велико Търново: «Абагар» АД, 2005. 416 с.

Владимиров Г.В. Материальные следы куманов в болгарских землях (конец XI – середина XIII в.): проблемы изучения // Поволжская археология. 2014. №3(9). С. 242–253.

Герцен А.Г., Яшаева Т.Ю. Древнерусские энколпионы из Юго-Западного Крыма // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / Ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 355–362.

Гинькут Н.В. Поливная керамика XIV-XV вв. из «консульской церкви» Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. Док. III Международной конференции по религиоведению. Севастополь, 2001. С. 53–60.

Гинькут Н.В. Поливная керамика из «консульской церкви» крепости Чембало (предварительный обзор по материалам раскопок 2000 года) // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. Док. III Международной конференции по религиоведению. Севастополь, 2001а. С. 15–17.

Гусач И.Р. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 476–481.

Давидова М.Г., Лепяхин В.В. Введение во храм Пресвятой Богородицы. СПб.: Метропресс, 2013. 76 с.

Дьячков С.В. Раскопки «консульской церкви» в Чембало в 1999–2000 гг. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ, 2001. С. 93–94.

Дьячков С.В., Алексеенко Н.А. Начало археологических исследований генуэзской крепости Чембало // Universitas (научно-популярный ежеквартальный журнал) №4. С. 28–37.

Дьячков С.В. «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена / Гл. ред. В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 246–255.

Дьячков С.В. Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 771–790.

Доде З.В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайнера // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2 (30). С. 100–113.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV вв.). София: Проф. Марин Дринов, 2011. 735 с.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: ЗГУ, 2001. 280 с., ил.

Ельников М.В. Образ дракона – змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // Stratum plus. 2005–2009. №6. С. 410–420.

Залеская В.Н. Клад из Ай-Василя: об историко-культурных связях средневековой Ялты // АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 98–101.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) // Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани. 2013. 212 с.

Кирилко В.П. Двухапсидные храмы Таврики // Древняя и средневековая Таврика / Археологический альманах. № 28 / Отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. С. 189–224.

Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. 276 с.

Кочкина А.Ф. Загадка поселения Samag (Древности Золотой Орды на Самарской Луке) // Самарская Лука. История, природа, искусство. 2011. №18. С. 20–24.

Крамаровский М.Г. Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в XIV в. // Византия и Ближний Восток: памяти А.В. Банк / Отв. ред. В.С. Шандровская. СПб.: ГЭ, 1994. С. 126–142.

Крамаровский М.Г. Латинская Романия и золотоордынский Крым. Латинские перстневые находки и печати в Северном Причерноморье. Клад из Ай-Василь // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 245–263.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.

Крамаровский М.Г. Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом (заметки о ювелирном прототипе) // АДСВ. 2013. Вып. 41. С. 324–331.

Кулатова И.Н. Золотоордынские украшения из Зенькова // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. №1 (2). С. 115.

Малюк Н.И., Полидович Ю.Б. О некоторых аспектах распространения ислама в Восточной Европе (по материалам коллекции музея исторических драгоценностей Украины) // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 65–75.

Молодин В.И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Книга III. Крест как личная святыня. Сб. статей / Состав., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Московской Патриархии; Древнехранилище, 2005. С. 83–133.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона / Севастополь: Телескоп, Остин : ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.

Науменко В.Е. «Латиняне» на Мангупе. Уникальный западноевропейский крест-энколпион из раскопок княжеского дворца мангупского городища: проблемы атрибуции и датировки // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 100–115.

Макаров Н.А., Грешиников Э.А., Зайцева И.Е., Подурец К.М., Коваленко Е.С., Мурашев М.М. Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований // КСИА. 2020. Вып. 258. 25–45.

Пескова А.А. Древнерусские энколпионы XI–XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Книга III. Крест как личная святыня. Сб. статей / Состав., науч. ред. и вступ. ст. С.В. Гнутовой. М.: Изд-во Московской Патриархии; Древнехранилище, 2005. С. 134–183.

Пескова А.А. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Т. Чуковой / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 121–162.

Пескова А.А. Традиция изображения святых на византийских крестах-лериквариях // *Archaeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 285–312.

Руденко К. Казанский дракон: образ и символ // ТА. 2005. 1–2 (14–15). С. 92–110.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Сенотрусова П.О. Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3. (23). С. 285–288.

Степанов А.Ю., Степанова Е.П. Фреска XIV века из Чембало // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов / Ред. В. Н. Залеская. СПб.: ГЭ, 2006. С. 162–168.

Столяренко Е.Н. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности 2010. Вып. 9. / Отв. ред. С.В. Дьячков. Харьков: НТМТ, 2010. С. 290–301.

Строкова Л. Золотоординський скарб з Василиців // Пам'ятки України: історія та культура. Річник XXXVIII. 2006. С. 34–43.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Археологічні пам'ятки золотоординського часу Дніпровського лісостепового лівобережжя. Київ; Полтава, 2004. 82 с.

Терентьев-Катанский А.П. Иллюстрации к китайскому bestiарию. Мифологические животные Древнего Китая. СПб.: Форма Т., 2004. 224 с.

Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухонад С.Е. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья III–II тыс. до н.э. / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1983. С. 19–27.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Яровая Е.А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб.: ГЭ, 2010. 208 с.

Balard M. La Romanie genoise (XII - debut du XV siecle): Roma. Genova: Ecole Francaise de Rome. In 2 Vol, 1978. 1008 p

Catalogue of the exhibition of Chi'ng dynasty costume accessories: the National Palace Museum / text by Cheng Chia-hua. Taipei, 1986.

Информация об авторах:

Адаксина Светлана Борисовна, главный хранитель, зам. Генерального директора, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); s_adaxina@mail.ru

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Adaksina, S. B. 2006. *Monastyrskii kompleks X-XVI vv. na g. Aiu-Dag (Monastery Complex of the 10th–16th Centuries on m. Ayu-Dag)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Adaksina, S. B. 2006. In Myts, V. L. (ed.). *Arkheologicheskie ekspeditsii v Krymu. 1995 god (Archaeological Expeditions in the Crimea. 1995)*. Simferopol: “Sonat” Publ., 11–15 (in Russian).

Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2005. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo v 2004 godu (Report on Archaeological Studies of the Cembalo Medieval Fortress in 2004)*. Series: *Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)* 4. Saint Petersburg; Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2005 godu (Report on Archaeological Studies of the Cembalo Medieval Fortress (Balaklava) in 2005)*. Series: *Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)* 5. Saint Petersburg- Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2007. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2006 godu (Report on Archaeological Studies of the Cembalo Medieval Fortress (Balaklava) in 2006)*. Series: *Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)* 6. Saint Petersburg- Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2007 g. (Report on Archaeological Studies of the Cembalo Medieval Fortress (Balaklava) in 2007)*. Series: *Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)* 6. Saint Petersburg- Simferopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2014 g. (Report on Archaeological Studies of the Cembalo Medieval Fortress (Balaklava) in 2014)*. Series: *Materialy Iuzhno-Krymskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the South Crimean Archaeological Expedition)* 12. Saint Petersburg- Sevastopol: The State Hermitage Publ. (in Russian).

Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2018. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 206–210 (in Russian).

Alekseenko, N. A., D'yachkov, S. V. *Otchet o raskopkakh «konsul'skoi tserkvi» na territorii kreposti Chembalo v 1999 g. (Report on the Excavations of the “Consular Church” in the Territory of Cembalo Fortress in 1999)*. National Archive of the State Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, dossier 3432 (in Russian).

Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., D'yachkov, S. V. *Otchet o raskopkakh «konsul'skoi tserkvi» na territorii kreposti Chembalo v 2000 g. (Report on the Excavations of the “Consular Church” in the Territory of Cembalo Fortress in 2000)*. National Archive of the State Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, dossier 3496 (in Russian).

Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., D'yachkov, S. V. *Otchet o raskopkakh «konsul'skoi tserkvi» na territorii kreposti Chembalo v 2001 g. (Report on the Excavations of the “Consular Church” in the Territory of Cembalo Fortress in 2001)*. National Archive of the State Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, dossier 3513 (in Russian).

Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., D'yachkov, S. V. *Otchet o raskopkakh «konsul'skoi tserkvi» na territorii kreposti Chembalo v 2002 g. (Report on the Excavations of the “Consular Church” in the Territory of Cembalo Fortress in 2002)*. National Archive of the State Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, dossier 3588 (in Russian).

Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., D'yachkov, S. V. *Otchet o raskopkakh «konsul'skoi tserkvi» na territorii kreposti Chembalo v 2003 g. (Report on the Excavations of the “Consular Church” in the Territory of Cembalo Fortress in 2003)*. National Archive of the State Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, dossier 3592 (in Russian).

Alekseenko, N. A. 2004. In Mel'nikov, A. S. (ed.). *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy докладов i soobshchenii (12th All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports)*. Moscow: State Historical Museum, 110–111 (in Russian).

Alekseenko, N. A., D'yachkov, S. V. 2004. In *Christian architecture in the Black Sea Basin IV–VII cent. AD*. Poznan – Obrzycho, 25–29.10.2004. Abstracts, 4–5 (in Russian).

Alekseenko, N. A., Gin'kut, N. V., D'yachkov, S. V., Stolyarenko, E. N. 2015. In D'yachkov, S. V. (ed.). *Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Mate-*

rialy (*Laurea I. Antique World and the Middle Ages: Studies of the memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev. Materials*). Khar'kov: "NTMT" Publ., 150–162 (in Russian).

Alekseenko, N. A. 2018. In *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)*. 19. 17–28. (in Russian).

Atanasov, G. 2005. *Khristianskiiat Durostorum-Drstr (The Christian Durostorum-Drastar)*. Veliko Tarnovo: "Abagar AD" Publ. (in Bulgarian).

Vladimirov, G. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 242–253 (in Russian).

Gertsen, A. G., Yasheva, T. Yu. 2010. In Peskova, A. A., Shcheglova, O. A., Musin, A. E. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry Craft and its Origins)*. Saint-Petersburg: "Nestor-Historia" Publ., 355–362.

Gin'kut, N. V. 2001. In *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione: istoriia i sovremennost'. Tez. dokl. (Relations of Religious Confessions in the Multinational Region: History and Contemporaneity. Abstracts)*. Sevastopol, 53–60 (in Russian).

Gin'kut, N. V. 2001. In *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione: istoriia i sovremennost'. Tez. dokl. (Relations of Religious Confessions in the Multinational Region: History and Contemporaneity. Abstracts)*. Sevastopol, 15–17 (in Russian).

Gusach, I. R. 2005. In Bocharov, S. G., Myts, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 476–481 (in Russian).

Davidova, M. G., Lepakhin, V. V. 2013. *Vvedenie vo khram Presviatoi Bogoroditsy (Introduction to the Temple of the Most Holy Theotokos)*. Saint Petersburg: "Metropress" Publ. (in Russian).

D'yachkov, S. V. 2001. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 93–94 (in Russian).

D'yachkov, S. V., Alekseenko, N. A. In *Universitates*. 4, 28–37 (in Russian).

D'yachkov, S. V. 2004. In Myts (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh ("On Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauric Mountains")*. Kiev: "Stilos" Publ., 246–255 (in Russian).

D'yachkov, S. V. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 771–790 (in Russian).

Dode, Z. V. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 30 (2), 100–113 (in Russian).

Doncheka-Petkova, L. 2011. *Srednevekovni krstove-enkolpioni ot Blgariia (IX-XIV vv.). (Medieval Crosses-Encolpions from Bulgaria (9th-14th cc.))*. Sofia: Prof. Marin Drinov (in Bulgarian).

El'nikov, M. V. 2001. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniu 1989-1992 gg.) (Mamai-Surka Medieval Burial Ground (Based on Study Materials of 1989-1992.))*. Zaporozh'e: Zaporizhzhya National University Publ. (in Russian).

Elnikov, M. V. 2005–2009. In *Stratum Plus* (6), 410–420 (in Russian).

Zalesskaya, V. N. 1995. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 27. 98–101 (in Russian).

Karimova, R. R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostiuna kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sociokul'turnaia interpretatsiia) Elements of dressing and costume accessories of Golden Horde nomads (typology, social and cultural interpretation)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 7. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Samara Municipal Institute for Public Administration (in Russian).

Kirilko, V. P. 2012. In Maiko, V. V. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika (Ancient and Medieval Tauris)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 28. Donetsk: "Donbass" Publ., 189–224 (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. 1984. *Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli (Stone Fortresses of the Novgorod Land)*. Leningrad (in Russian).

Kochkina, A. F. 2011. In *Samarskaia Luka. Istoriia, priroda, iskusstvo (Samarskaya Luka. History, Nature, Art)* 18, 20–24 (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 1994. In Shandrovskaia, V. S. (ed.). *Vizantiia i Blizhnii Vostok: pamiati A.V. Bank (Byzantium and the Middle East: in Memory of A.V. Bank)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 126–142 (in Russian).

- Kramarovskii, M. G. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 245–263 (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye naslediye Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
- Kramarovskii, M. G. 2013. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 36. 194–228 (in Russian).
- Kulatova, I. N. 2002. In *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoi Ukraini (Archaeological Chronicle of the Left Bank of Ukraine)*. 2(1). 115 (in Russian).
- Malyuk, N. I., Polidovich, Yu. B. 2016. In Ongaruly, A. (ed.). *Religiia i sistema mirovozzrenii drevnikh i srednevekovykh nomadov Evrazii (Religion and Worldview System of the Ancient and Medieval Nomads of Eurasia)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 65–75 (in Russian).
- Molodin, V. I. 2005. In Gnutova, S. V. (ed.). *Stavrograficheskii sbornik. Kniga III. Krest kak lichnaia sviatynia (Stavrographic Collection. Book III. Cross as a Personal Shrine)*. Moscow: Moscow Patriarchate; "Drevnekhranilishche" Publ., 83–133 (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Yasheva, T., Denisova, E., Ginkut, N., Zaleskaya, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiiskogo Khersona (The Legacy of Byzantine Kherson)*. Sevastopol, Austin: "Telrskop" Publ., Texas University (in Russian).
- Naumenko, V. E. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 6 (25). 100–115 (in Russian).
- Makarov, N. A., Greshnikov, E. A., Zaitseva, I. E., Podurets, K. M., Kovalenko, E. S., Murashev, M. M. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 258. 25–45 (in Russian).
- Peskova, A. A. 2005. In Gnutova, S. V. (ed.). *Stavrograficheskii sbornik. Kniga III. Krest kak lichnaia sviatynia (Stavrographic Collection. Book III. Cross as a Personal Shrine)*. Moscow: Moscow Patriarchate; "Drevnekhranilishche" Publ., 134–183 (in Russian).
- Peskova, A. A. 2006. In Nosov, E. N. (ed.). *Khristianskaia ikonografiia Vostoka i Zapada v pamiatnikakh material'noi kul'tury Drevnei Rusi i Vizantii (Christian Iconography of the East and West in the Monuments of the Material Culture of Ancient Rus and Byzantium)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Peskova, A. A. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 285–312 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2005. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (14–15), 92–110 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Senotrusova, P. O. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 23 (3), 285–288 (in Russian).
- Stepanov, A. Yu., Stepanova, E. P. 2006. In Zaleskaya, V. N. (ed.). *Vizantiiskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (Byzantine Idea. Byzantium in the Period of the Komnenos and Palaeologus)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 162–168 (in Russian).
- Stolyarenko, E. N. 2010. In D'yachenko, S. V. (ed.). *Drevnosti 2010 (Antiquities 2010)* 9. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 290–301 (in Russian).
- Stroková, L. 2006. In *Pamiatki Ukraini: istoriia ta kul'tura (Monuments of Ukraine: History and Culture)* 38, 34–43 (in Ukrainian).
- Suprunenko, O. B., Priimak, V. V., Mironenko, K. M. 2004. *Arkheologichni pam'iatki zolotoordins'kogo chasu Dniprov'skogo lisostepovogo livoberezhzhia (Archaeological Monuments of the Golden Horde Period of the Forest-Steppe Dnieper Left Bank.)*. Kiev; Poltava (in Ukrainian).
- Terent'ev-Katanskii, A. P. 2004. *Illiustratsii k kitaiskomu bestiariiu. Mifologicheskie zhivotnye Drevnego Kitaia (Illustrations for the Chinese Bestiary. Mythological Animals of Ancient China)*. Saint Petersburg: "Forma T" Publ. (in Russian).
- Shalobudov, V. N., Androsov, V. A., Mukhopad, S. E. 1983. In Kovaleva, I. F. (ed.). In *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia III-II tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Region 3rd-1st Millennium BC.)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 19–27 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Yarovaya, E. A. 2010. *Geral'dika genuezskogo Kryma (The Heraldry of the Genoese Crimea)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Balard, M. 1978. *La Romanie genoise (XII - debut du XV siecle): Roma*. Genova: Erole Francaise de Rome.

Cheng Chia-hua 1986. *Catalogue of the exhibition of Chi'ng dynasty costume accessories: the National Palace Museum*. Taipei (in English).

About the Authors:

Adaksina Svetlana B. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; s_adaxina@mail.ru

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.

Статья принята к публикации 01.04.2021 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ОСМАНСКОГО ПЕРИОДА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© 2021 г. Н.П. Турова, А.Д. Якимовская

В статье подняты вопросы о христианских древностях на Южном Берегу Крыма в османский период (1475–1783 гг.), представлены результаты новейших археологических и антропологических исследований экспедиции «Институт археологии Крыма РАН» в 2020 г. плитовой могилы XVIII в. в пгт. Массандра, городского округа Ялта Республики Крым. Могила относится к некрополю храмового комплекса поздневизантийского – османского периода. Открытый погребальный комплекс свидетельствует об устойчивых традициях в похоронном обряде христианского населения Крыма, появившегося в средневековое время и просуществовавшего вплоть до переселения христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г.

Ключевые слова: христианская археология, османский период, антропология, плитовая могила, г. Ялта, пгт. Массандра, переселение христиан, погребение священника.

CHRISTIAN ARCHAEOLOGY OF THE OTTOMAN PERIOD ON THE SOUTHERN COAST OF CRIMEA (BASED ON THE LATEST STUDY MATERIALS)

N.P. Turova, A.D. Yakimovskaya

The paper addresses the issues related to Christian antiquities of the Ottoman period (1475–1783) from the Southern Coast of Crimea and features the results of the latest archaeological and anthropological studies by the “Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences” expedition in 2020, an 18th century slab grave in Massandra urban settlement of the Yalta urban district in the Republic of Crimea. The grave is part of the necropolis of a temple complex of the late Byzantine–Ottoman period. An open burial complex indicates the stable funeral rite traditions of the Christian population of Crimea, which originated in the medieval period and existed until the migration of Christians from Crimea to the Azov region in 1778.

Keywords: Christian archaeology, Ottoman period, anthropology, slab grave, Yalta, Massandra urban settlement, migration of Christians, priest’s burial.

Истории появления и распространения христианства на Крымском полуострове – в Таврике, посвящена обширная научная литература. Но основная ее часть связана с древностями Боспора, Восточного Крыма, Херсонеса – Херсона и Юго-Западного Крыма с его «пещерными городами». Особняком от них находятся христианские древности Южного берега Крыма – узкой полоски земли, граничащей на востоке с Алуштинской долиной и близлежащей ее округой; на западе с Ласпинской долиной; на севере с горной частью южных склонов Главной гряды. Средняя ее ширина не превышает 3 км, длина около 80 км, площадь 250–300 кв. км, что составляет 1% площади всего Крымского полуострова.

Хотя исследование церковных, христианских древностей Южного берега Крыма было начато уже после присоединения Крыма к России – в конце XVIII в., они известны главным образом узкому кругу специалистов. О широком археологическом исследовании их можно

говорить лишь с 60-х годов XX в. (Турова, 2015; Кирилко, 2020а).

В последние десятилетия опубликован ряд тематических и обобщающих работ, как по историографии вопроса (Турова, 2015; Кирилко, 2020а), так и по систематизации источниковедческой базы и созданию археологической карты (Лысенко, Тесленко, 2002; Тесленко, Лысенко, 2004; Бочаров, Кирилко, 2017; Кирилко, 2020). В научных публикациях затронуты вопросы хронологии, классификации, терминологии (Турова, 2015; Кирилко, 2019; Кирилко, 2020а).

Первая археологическая карта горного и южнобережного Крыма была подготовлена Н.И. Репниковым в 1935 г., куда вошли и остатки известных ему средневековых могильников и храмов (Репников, 1935, с. 195–200). В 2017 г. «Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте)» представлены в работе С.Г. Бочарова и В.П. Кирилко. Ими выделено и описано 115

храмов между мысом Айя на западе и ближайшими окрестностями г. Алущты на востоке. Авторами поставлены проблемные вопросы, связанные с атрибуцией и датировками сооружений, намечены основные направления дальнейшей работы. В археологической «Карте Юго-Западного Крыма с обозначением местоположения средневековых храмов в южнобережной части полуострова» В.П. Кирилко в 2020 г. отмечено 116 объектов (Кирилко, 2020а), связанных с историей двух крымских епархий – Херсонской и Готской (Бертъе-Делагард, 1920, с. 35–66).

В настоящее время в рамках работы над плановой темой ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» «Взаимодействие культур и цивилизаций в средневековом Крыму: Христианские памятники Южного Берега Крыма (раннесредневековое время – османский период)» на данной территории зафиксирован 171 объект. Одни из них исследованы археологами, другие известны по историко-архивным сведениям, среди них есть нелокализованные (примерно около 50).

К основным типам памятников относятся храмы и некрополи, а также найденные случайно, в качестве погребального инвентаря или в составе кладов, предметы личного благочестия, появившиеся впервые в регионе в могилах федератов Византийской империи в первой половине VI в.

Храмы, представляющие собой одноапсидные, двухапсидные и трехапсидные постройки, расположены на территории укреплений, открытых поселений, горных перевалов (связаны со скотопрогонными тропами, древними дорогами), привязаны к источникам или варварским святилищам античного времени.

Некрополи, состоящие из плитовых могил, с захоронениями по христианскому обряду, неразрывно связанные с церковными постройками, становятся доминирующими погребальными сооружениями в зоне распространения провинциально-византийской культуры VIII–XVIII вв.

Из 171 объекта 155 относятся к остаткам культовых архитектурных сооружений и прилегающим к ним некрополям.

В результате Османского завоевания 1475 г. христианское население Южного Берега (эйалета Кефе), вошедшее в юрисдикцию османских падишахов, должно было или покинуть данную территорию, или заключить с властью зиммет – договор, по которому немусульмане обязывались платить подушный налог взамен несения военной службы

и подчиниться новым правовым нормам. Государство брало их под свою защиту и позволяло жить в соответствии с их верой. С течением времени пределы внутренней автономии неуклонно сокращались (Зайцев, 2016, с. 63). Закон запрещал строительство новых церквей, а для ремонта старых требовалось особое разрешение (Гордлевский, 1968, с. 18–19; Бочаров, 2004, с. 191).

После оккупации Южного Берега Крыма Османской Портой в 1475 г. многие поздне-византийские храмовые комплексы постепенно перестают существовать, до нас лишь дошли топонимы – Кильсе-Бурун, Эклизи-Бурун, Ай-Петри, Ай-Тодор, Ай-Ян, Ай-Лия, Ай-Йори или Ай-Юри и т. д.

Другие продолжают функционировать на протяжении всего османского периода (1475–1783 гг.).

Основными маркирующими находками при раскопках средневековых храмов этого периода являются монеты Крымского ханства XVI–XVII вв., которые позволяют выделить действующие церкви или храмово-погребальные комплексы в рамках последней четверти XV – третьей четверти XVIII вв. (Лысенко, Тесленко, Мусин, 2017, с. 305; Турова, 2019, с. 218). Среди них можно назвать, например, храм св. Федора Тирона в укреплении Фуна (Мыц, 1981, с. 288–289; Кирилко В.П., 1989, с. 63), верхний храм укрепленного поселения «Демерджи I» (Кирилко, 2020б, с. 63–64), храмово-погребальный комплекс в с. Малый Маяк (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 269), церковь-скит возле перевала Гурзуфское Седло, на месте святилища античного времени (Новиченкова, 2001, с. 8), пещерный комплекс Иограф над Ялтой (Турова, 2013, с. 98–99; Турова, 2014, с. 123–124); храмовый (монастырский) комплекс г. Кильсе-Бурун (Турова, 2019а, с. 215–220), церковь на северо-западном склоне г. Мачук (Паршина, 1976, с. 5).

К сожалению, большинство объектов не введены в научный оборот. Подробно опубликованы материалы одного южнобережного храмово-погребального комплекса XIV–XVIII вв. у с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат) (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 260–296; Науменко, 2020, с. 431). Храм, построенный не ранее второй половины XIV – первой половины XV вв., по мнению исследователей, представлял собой мемориальный комплекс для погребения священника, был разрушен после 1475 г. и больше не восстанавливался. Внутреннее пространство здания начинают исполь-

зовать в качестве своеобразной ограды для размещения могил и совершения погребений до последней четверти XVIII в. (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 263).

Всего зафиксировано 42 могилы, из которых изучено 26 погребальных сооружений, расположенных в несколько ярусов (иногда в 4 яруса), исследователями выделено 4 типа погребений (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 263–264).

В виде грунтовых ям подтрапещевидной, подпрямоугольной или овальной формы с каменной обкладкой из подобранных плит, сложенных в один ряд (на ребро) с зачеканкой мелким бутом (тип 1) или обложенных разномерными бесформенными камнями (тип 2). Встречаются могилы и без обкладки (тип 3). Сохранившиеся погребальные комплексы перекрыты плитами диабазового порфирифта. Могилы 4 типа некрополя – неправильной формы, образованы конструктивными элементами других погребальных комплексов или самого храма, перекрытия их не выявлены (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 263–264).

Преобладают могилы 1 типа, среди которых прослежено два варианта техники сооружения обкладки – с помощью известкового раствора или «насухо» (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 264). На современной дневной поверхности в районе кладбища выявлены камни, поставленные вертикально, видимо, для использования их в качестве надгробий (Тесленко, Лысенко, 2004, с. 260).

В результате переселения крымских христиан в Приазовье в 1778 г. некрополь перестает существовать, постепенно происходит разрушение других христианских храмов, просуществовавших весь османский период.

В различных сообщениях, ведомостях, списках, составленных при переселении христианского населения (греков, армян) из Крыма, даны разные сведения об оставленных как действующих церквях, так и разрушенных (Маркевич, 1910, с. 36–42). Например, согласно ведомости митрополита Игнатия 14 декабря 1783 г. генерал-поручику барону Игельstromу, от мыса Айя до современного г. Алушты с близ прилегающей территорией обозначено 17 действующих и две разоренные церкви (Маркевич, 1910, с. 39–41). А в «Сборнике архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Гавриила Розанова» упоминается 24 средневековых храма (Бочаров, 2003, с. 12).

В 1910 г. А. Маркевич отмечает, что развалины древних храмов еще в начале XX в. было

«весьма велико». Об этом можно судить и по современным исследованиям Ялтинской котловины.

Так, по спискам митрополита Игнатия в г. Ялите находились следующие церкви: «1) Иоанна, 2) Николая, 3) св. Параскевы, 4) Федора Тирона» (Маркевич, 1910, с. 40). В «Сборнике» архиепископа Гавриила названы церкви: св. Федора Стратилата, св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Богослова, св. Параскевы (Бочаров, 2003, с. 12).

По одному храму было в селениях Верхняя Аутка (Св. Федора Тирона) и Нижняя Аутка (церковь Успения Богородицы) (Маркевич, 1910, с. 40). Кроме названных в архивных материалах в с. Аутка имеются и другие церкви: св. Кириакии, св. Евфимии, св. Параскевы, св. Иоанны, св. Анастасии (Мальгин, 1994, с. 156). В «Ведомости христианского населения, вышедшего из городов и деревень Крыма в 1778 году, и оставшихся после него старых церквей в Крыму», составленной А.Л. Бертье-Делагардом, в селении Дереккой (Ущельное), включённом в современную городскую черту, значится одна церковь – Успения Пресвятой Богородицы (Мальгин, 1994, с. 157; Бочаров, 2003, с. 12).

На сегодняшний день в городе Ялте и близлежащих окрестностях мы можем говорить об остатках христианских древностей, расположенных в 17 пунктах (рис. 1: 1–17).

В селении Марсанда (Масандра) Ялтинского кадылыка источники конца XVIII в. упоминают два храма: церковь Преображения Господня и другую разоренную – Рождества Христова (Маркевич, 1910, с. 40; Мальгин А.В., 1994, с. 157; Бочаров, 2003, с. 12).

По всей видимости, последняя – это храм Рождества Иоанна Предтечи в Массандре, который в 1779 г. видел П. Сумароков: «На дверях церкви приметны лики, внутри остались полукружие для алтаря, четыре арки, посреди храма вытекает родник, а высокие вокруг деревья означают следы ограды» (Сумароков, 1803, с. 206). По данным 1783 г., приведённым А. Скальским в 1840 г., этот храм-монастырь «был сохранен почти в целости, но похож он был больше на небольшую хижину...» (Пальчикова, 2002, с. 13). В 1829–1833 гг. на месте развалин по проекту Ф. Эльсона была возведена в древнегреческом стиле церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи (рис. 1: 20) (Турова, 2020, с. 333–348).

В 1894 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич (20.04.1847–14.12.1907), заведующий «Скла-

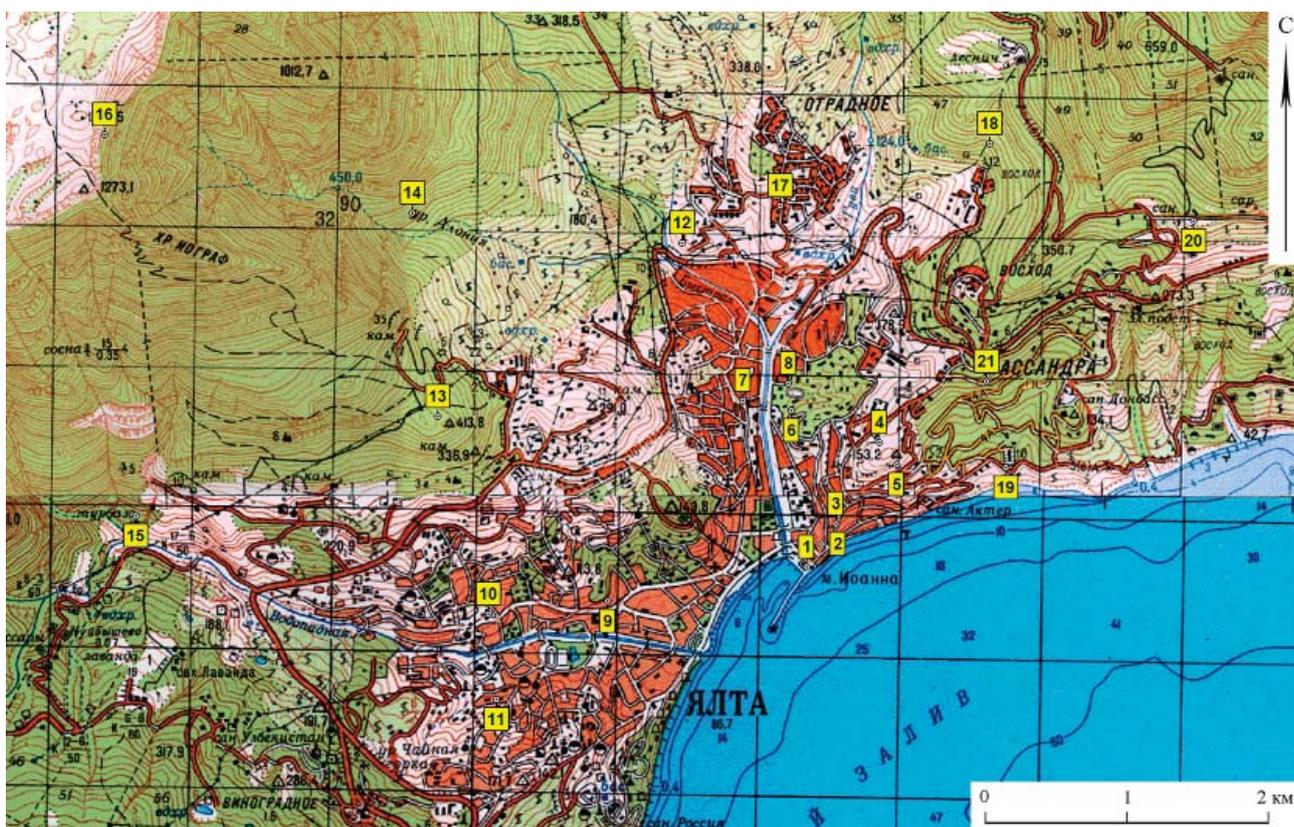

Рис. 1. Карта Ялтинской долины и пгт. Массандры с обозначением средневековых храмовых комплексов и некрополей: 1 – храм трехапсидный X–XVIII вв. (?) в укреплении на мысе «Святого Иоанна» (Кильсе-Бурун) (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №36; Турова, 2018, с. 81–82); 2 – храм (1 или 2) в районе укрепления на мысе «Святого Иоанна» (Турова, 2018, с. 82); 3 – храм на месте собора Иоанна Златоуста (1837 г.) (Турова, 2018, с. 82); 4 – храм одноапсидный с пристенным склепом и плитовым могильником XII–XVIII вв. (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №37; Турова, 2018, с. 84–86); 5 – плитовая могила IX–XI вв. (Турова, 2018, с. 85–87); 6 – храм одноапсидный с некрополем XIII–XV вв. (Турова, 2002, с. 13–14; Турова, 2019б, с. 329, № 46; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №38); 7 – плитовая могила на поселении X (?) XIII–XV вв., обнаружена в 2020 г.; 8 – плитовая могила на поселении (Веймарн, 1949); 9 – храм одноапсидный IX–XI вв. (?) – XVIII в. на месте церкви Успения Богородицы в с. Аутка (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №29); 10 – храм одноапсидный IX–XI вв. (?) – XVIII в. на месте церкви Святого Великомученика Феодора Тирона в с. Аутка (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №30); 11 – плитовая могила XIV в. на поселении Поликлиси (Турова, 2002, с.12–13; Турова, 2019б, с. 329, №45; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №28); 12 – храм с могильником (Чумазин, Иванов, 1998, с. 33, №9); 13 – храм на холме Ай-Яни (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №33; Турова, 2019, с. 329, № 52); 14 – местонахождение подъемного материала XIII–XV вв. и следы развалин с туфовыми блоками и деструктивным известковым раствором (храмовая постройка ?) в урочище Алония, обнаружены в 2020 г.; 15 – храм одноапсидный в ущелье Ай-Димитрий (Турова, 2002, с. 11–12; Турова, 2019, с. 331, № 50; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №32); 16 – храм одноапсидный X(?)–XI – XVIII вв. пещерного комплекса хребта Иограф (Турова, 2013а, с. 79–105; Турова, 2014, с. 93–173); 17 – храм одноапсидный X (?) – XV вв. в д. Ай-Василь. (Удоденко, 2017, с. 16–20; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №39); 18 – храм XII–XIV вв. монастырского комплекса и плитовым могильником XIII–XV вв. (Домбровский, 1968, с. 70–74; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №40); 19 – храм одноапсидный XII–XIV вв. на некрополе (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №41); 20 – храм Рождества Иоанна Предтечи одноапсидный с некрополем X–XV вв. возле источника (Турова, 2020, с. 333–348); 21 – плитовая могила XVIII в. храмово-погребального комплекса IX–XI (?) вв. – XVIII в. (Бочаров, 2002; Бочаров, Кирилко, 2017, с. 286, №43). Храм одноапсидный Преображения Господня.

Fig. 1. Map of the Yalta Valley and Massandra urban type settlement indicating the medieval temple complexes and necropolises: 1 – triple-apse temple of the 10th – 13th c. (?) in a fortified area on St. John's cape (Kilse-Burun) (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 36; Turova, 2018, pp. 81–82); 2 – temple (1 or 2) in the fortification area on St. John's cape (Turova, 2018, p. 82); 3 – temple at the site of the Cathedral of St. John Chrysostom (1837) (Turova, 2018, p. 82); 4 – single-apse temple with a wall crypt and slab burial ground of the 12th–18th c. (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 37; Turova, 2018, pp. 84–86); 5 – slab grave of the 9th–11th c. (Turova, 2018, p. 85–87); 6 – single-apse temple with a necropolis of the 13th–15th centuries (Turova, 2002, p. 13–14; Turova, 2019b, p. 329, No. 46; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 38); 7 – slab grave at settlement X (?), 13th–15th cc., discovered in 2020; 8 – slab grave at the settlement (Weimarn, 1949); 9 – single-apse temple, 9th–11th c. (?) – 18th c. at the site of the Church of the Assumption of the

Mother of God in Autka village (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 29); 10 – single-apse temple, 9th–11th c. (?) – 18th c. on the site of the Church of the Holy Great Martyr Theodore Tyrone in Autka village (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 30); 11 – slab grave of the 14th c. in Poliklisi settlement (Turova, 2002, p. 12–13; Turova, 2019b, p. 329, No. 45; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 28); 12 – temple with a burial ground (Chumazin, Ivanov, 1998, p. 33, No. 9); 13 – temple on Ai-Yani hill (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 33; Turova, 2019, p. 329, No. 52); 14 – location of the 13th–15th century lifting material and traces of ruins with tuff blocks and destructive lime mortar (temple building?) at Aloniya site, discovered in 2020; 15 – single-apse temple in the Ai-Dimitri gorge (Turova, 2002, p. 11–12; Turova, 2019, p. 331, No. 50; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 32); 16 – single-apse temple of the 10th (?)–11th–18th c. in the cave complex of the Iograf ridge (Turova, 2013a, p. 79–105; Turova, 2014, p. 93–173); 17 – single-apse temple of the 10th (?)–15th c. in Ai-Vasil village. (Udodenko, 2017, p. 16–20; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 39); 18 – Temple of the 12th–14th c. in the monastery complex with a slab burial ground of the 13th–15th c. (Dombrovsky, 1968, p. 70–74; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 40); 19 – single-apse temple of the 12th–14th c. at the necropolis (Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 41); 20 – church of the Nativity of St. John the Forerunner, single-apse, with a necropolis of the 10th–15th c. near a spring (Turova, 2020, p. 333–348); 21 – slab grave of the 18th century of the temple and burial complex of the 9th–11th (?) c. – 18th c. (Bocharov, 2002; Bocharov, Kirilko, 2017, p. 286, No. 43). Single-apse Temple of the Transfiguration of the Lord.

дом местных древностей» археологического музея Херсонеса Таврического, предпринял обследования руин храма в удельном имении «Массандра», введенного в научный оборот более чем через 100 лет, в 2002 г., С.Г. Бочаровым (Бочаров, 2002, с. 161–166).

Церковь получила название в литературе «храм 1894 года», представляла собой здание, прямоугольное в плане, размером 6,4×12,5 м, ориентированное по оси восток – запад, с внутренней апсидой. Вход располагался в южной стене храма невдалеке от западного угла. На наличнике входа зафиксированы граффити в виде букв, монограмм и дат, среди которых 1768, 1772, 1777 гг. (рис. 1). Одну из них С.Г. Бочаров связывает с именем иеромонаха Геврасия Сумелийского (Бочаров, 2002, с. 162).

Позднесредневековая церковь, сложенная из бутового местного камня – синеватого песчаника, шифера, туфа на глине с порядовкой из деревянного бруса (Бочаров, 2002, с. 162), возможно, по мнению В.П. Кирилко, была перестроена из более раннего сооружения (Кирилко, 2020а, с. 133–134).

Храм находился на холме ниже жилого дома управляющего имением «Массандра». Здесь же с южной и восточной стороны располагалось старое кладбище (Бочаров, 2002, с. 161).

В 2018 г. экспедицией ФГБУН «Института археологии Крыма РАН» в верхней части Массандровского парка, на восточной части склона возвышенности, было локализовано пятно тлена с остатками погребального сооружения на современной дневной поверхности (рис. 2). Склон был подрезан поворотом дороги еще в XIX в. В срезе склона зафиксировано большое количество черепиц-«татарки», единичные фрагменты красноглиняных керамид VIII(?)–X–XIII вв., обломки туфа, одиноч-

ные фрагменты человеческих костей. Остатки погребения расположены в 5 м северо-западнее от северного края дороги на высоте 148 м над уровнем моря.

В полевой сезон 2020 г. экспедицией Института археологии Крыма РАН в связи со строительными работами, развернувшимися в январе 2020 г. на соседнем участке, было принято решение исследовать остатки погребального сооружения с помощью волонтеров.

На склоне, где выявлено пятно с остатками погребенных и архитектурные конструкции могилы, был заложен шурф-врезка 1×2 м (рис. 3).

Затем в результате исследований пришлось прирезаться с учетом конфигурации погребального сооружения. Общая площадь составила около 3,4 м².

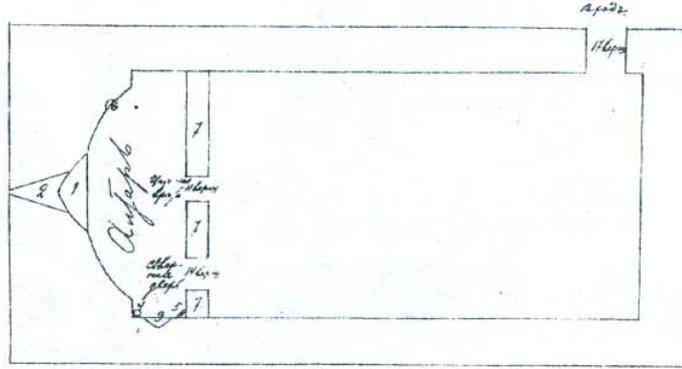
Могила овальной (ладьевидной) формы выкопана в аргиллите, ориентирована по оси запад – восток, сделана из бутовых плит (толщина 0,14–0,17 м) на известковом растворе в один ряд. Северная и южные стенки образованы камнями, положенными «плашмя». Сохранившаяся длина могилы – около 2,68 м; ширина – 1,32 м; высота – 0,6–0,7 м (рис. 4).

Глубина от современной дневной поверхности до дна в западной части – более 1,70 м. В нижней части западной стенки погребального сооружения имеется ступенька: шириной 0,07 м; высотой 0,18–0,22 м. Южная и северная стены в верхней части округло наклонены во внутрь. Восточная часть могилы разрушена склоном. Перекрытия могилы не сохранились. Видимо, они были из плит песчаника и завалились в древности, часть их зафиксирована в шурфе в восточной части могилы и у северной ее стенки в центральной части.

В погребальном сооружении содержится не менее 19 костяков (взрослых и детей) очень плохой сохранности, однако христиан-

Плани развалины древней греческой церкви, находившейся в Массандра, месте дома, занимаемого г. Бурбальским митрополитом, Массандра и Видальев.

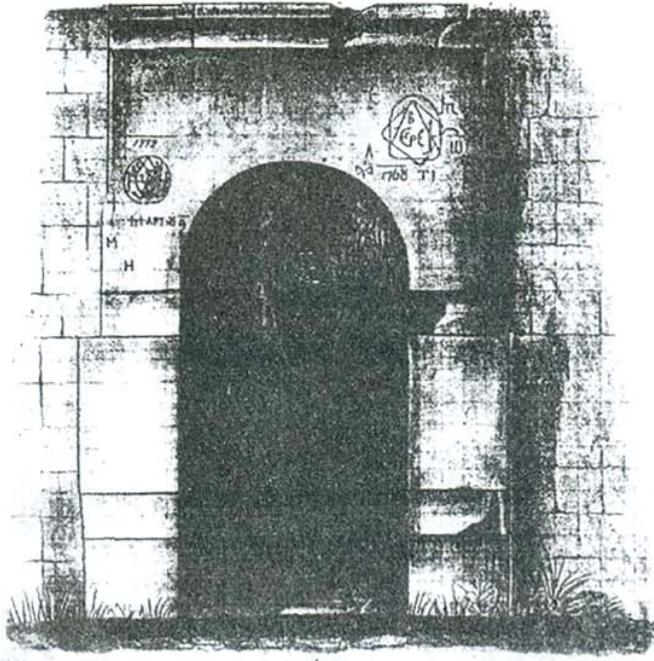
Объяснение:
 1) Купол, в свой по-
 следний раз разрушен
 в 1875 г.
 2) Восток в плане
 3) Купол, в свой по-
 следний раз разрушен
 в 1875 г.
 4) Каменный кубический
 гроб в нише.
 5) Каменный пьедестал
 в виде гроба, который
 находится в углу, так
 как в нем есть отверстие
 для отвода воды при
 сильном дожде. При
 сильном дожде вода
 приливает к гробу
 и приливает к гробу
 и приливает к гробу.
 6) Малая ниша.
 7) Каменная ниша-
 гробная камера.

*Надпись, гроб. Восток
 на каменной плите, находящейся
 в нише, гробовой камеры.*

*Поручиков виден единственного входа
 с южной стороны, в юго-западную стену.*

*Каменная плита, найденная в
 нише гробу алтарной части, между
 колоннастой перегородкой и нишей.*

Каменная плита, найденная в алтаре

Рис. 2. План храма и фасировка входа и архитектурные детали «храма 1894 года» (по К.К. Костюшко-Валюжиничу) (Бочаров, 2002, с. 164, 166).

Fig. 2. Plan of the temple, finish of the entrance, and architectural details of the "Temple of 1894" (after K.K. Kostyushko-Valyuzhinich) (Bocharov, 2002, pp. 164, 166).

ский обряд захоронений – на спине в вытянутом положении, ориентированных по линии восток – запад, прослеживается у большинства костных останков. Некоторые погребен-

ные сдвинуты в результате подзахоронения в могилу. Позже, при разрушении перекрытий погребального сооружения, возможно, в первой половине XIX в., могила была превра-

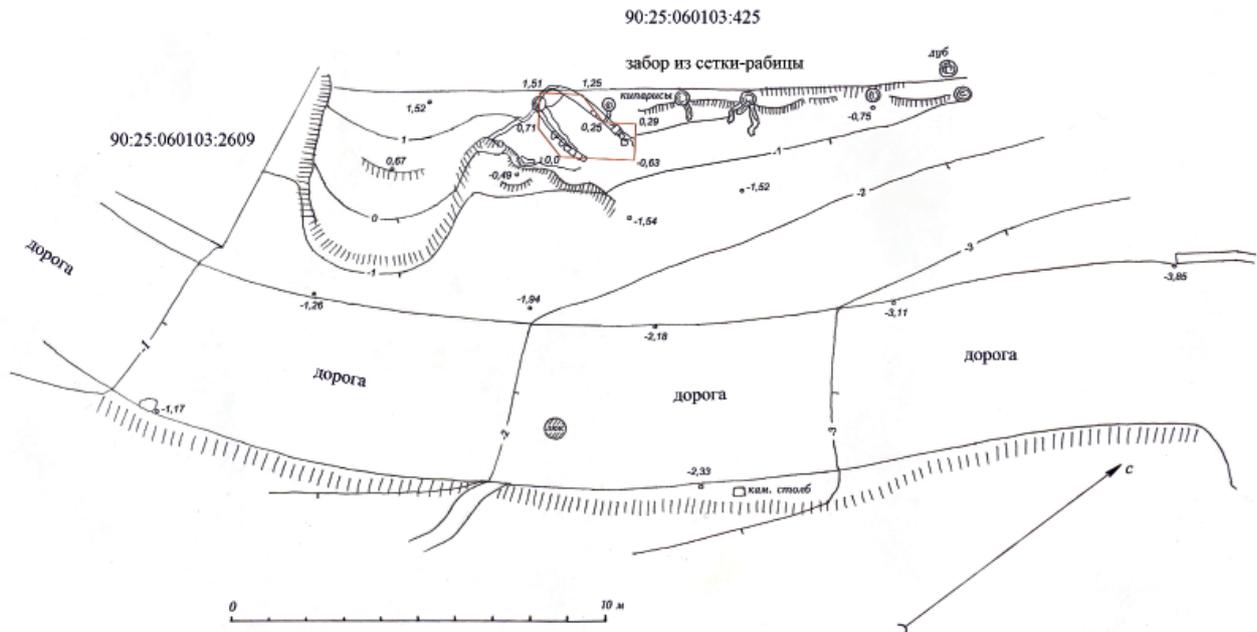

Рис. 3. Месторасположение плитовой могилы XVIII в. в пгт. Массандра.

Общий ситуационный план. Масштаб 1:100

Fig. 3. Location of an 18th century slab grave in Massandra.

General layout plan. Scale 1:100

щена в свалку, состоящую из многочисленных фрагментов черепицы-«татарки», битых стеклянных сосудов (бутылок), фаянсовой посуды, костей млекопитающих.

Антропологический материал представлен изолированными зубами (верхние – 90 ед., нижние – 68 ед., неидентифицированные – 13), фрагментами челюстей (в них содержалось 58 зубов): верхних (8 ед.) и нижних (13 ед.), а также несколькими небольшими фрагментами черепов и двумя фалангами пальцев. Ввиду малого количества костей, содержащих признаки полового диморфизма (подбородочные выступы и углы нижних челюстей), половые определения установлены с долей вероятности. Изучение зубного материала проводилось по методике одонтологических исследований А.А. Зубова (Зубов, 1968). Возраст на момент смерти индивидов детского возраста установлен на основании стадии прорезывания зубов (Buikstra, Uberlaker, 1994; Свадковский, 1974), возраст взрослых индивидов установлен условно, на основании стёртости коронок зубов (Малеев, Сегада, 1988).

Одонтологическая выборка была разделена на верхние и нижние зубы, а также на молочную и постоянную смены. Среди изолированных зубов одного класса были подобраны пары (право-лево) и пары к одноименным зубам, сохранившимся в челюсти. Не сохранилось ни одного полного комплекта. Подсчёт

минимального количества индивидов можно вести по максимальному количеству постоянных зубов одного класса – моляры нижние вторые, прибавив к ним фрагменты нижних челюстей, которые не могли содержать таковых из-за прижизненной утраты.

В силу отсутствия фрагментов, определяющих возраст (швы черепа, лобковые симфизы и т. д.), его установление является условным. Однако можно принять, что изолированные зубы постоянной смены со стёртостью не более двух баллов и все зубы молочной смены относятся к детям (до полного формирования организма – 25 лет) – 53 единицы, а все остальные относятся ко взрослым – 62 единицы. Среди верхних челюстей семь принадлежало взрослым и одна челюсть ребенку. Среди нижних челюстей взрослым индивидам принадлежало восемь челюстей, детям – пять. Из чего следует, что несформированных индивидов было меньше половины, но не менее трети от общего количества погребенных. Выделение этапов детства (infantilis I и II, juvenilis I и II) в большей части случаев невозможно из-за отсутствия (не сохранились) корней (или их зачатков).

В данной выборке встречались: эмалевая гипоплазия была зафиксирована на четырёх зубах, гиперцементоз на двух зубах, кариес был зафиксирован в 31 случае и описан по четырём степеням (Пеккер, 1980). I степень фиксируется в четырёх случаях (3 верхних

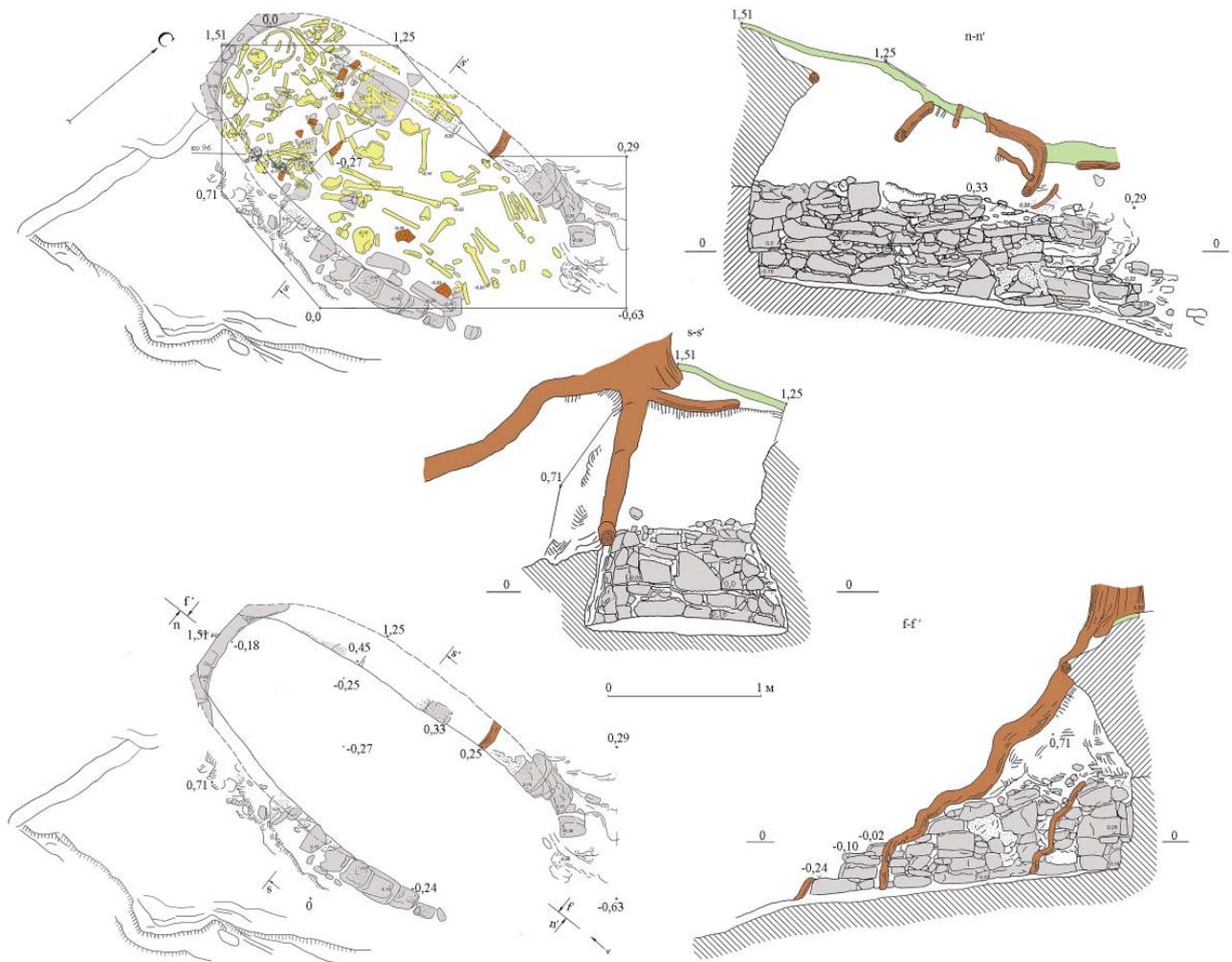

Рис. 4. Плитовая могила XVIII в. в пгт. Массандра. План и фасировка стен погребального сооружения
Fig. 4. Slab grave of the 18th century in Massandra. Plan and finish of the walls of a burial structure

премоляра и один верхний моляр), II степень – в шести случаях (два верхних премоляра, два верхних моляра и два нижних моляра), III степень – в десяти случаях (два верхних премоляра, четыре верхних моляра, нижний премоляр и три нижних моляра), IV степень – в четырёх случаях (один верхний премоляр, один верхний моляр, два нижних моляра). На семи зубах неопределенного класса (в силу сохранности) фиксируется кариес III–IV степени.

Следы абсцесса фиксируются на одной нижней челюсти в области левых моляров. Ещё на одной нижней челюсти фиксируется отверстие с оплавленными краями, $d=7$ мм, глубиной до пористого вещества в области foramen mentale.

Букко и мезостиль на верхних молярах являются редким явлением и хорошим ориентиром для предположения вероятного кровного родства погребенных. В представленной выборке этот признак встречается 3 раза: один раз на постоянном зубе и два раза на

зубах молочной смены. Ввиду того, что зубы постоянной смены могут не иметь признаков, проявленных на молочной смене, нельзя утверждать наличие родства между погребенными.

Зубной материал был также рассмотрен на предмет расово-диагностических признаков, описанных в работах А.А. Зубова (Зубов, 1968; Зубов, 2006), а именно:

1) Лопатообразность верхних резцов на 2 балла и выше встречается только в одном случае, в остальных пяти случаях – 1 балл.

2) Корни верхних премоляров сохранились в 18 случаях из 20. В трёх случаях это двухкорневые зубы и в 15 случаях – однокорневые, ~83%.

3) Затёк эмали на вторых верхних и нижних молярах. На верхних молярах признак сохранился в одиннадцати случаях. Баллы 4–6 присутствуют в восьми случаях, ~72,7%. На нижних молярах признак сохранился на девяти зубах. 4–6 баллов встречается на шести зубах, ~66%.

4) Узор борозд по Хельману и Грегори на втором нижнем моляре сохранился в 16 случаях. Узор «у» – 3 случая, узор «х» – 7 случаев, узор «+» – 6 случаев, соответственно 18,7%/37,4%/43,7%.

5) Ямка протостилида на вторых нижних молярах встречается 4 раза из 19, ~21%. На третьих молярах из 10 зубов встречается в четырёх случаях, в трёх случаях – 1 балл (борозда) и в одном – 5 баллов, ~25%.

6) Коленчатая складка метаконида (dw) на первых нижних молярах из 10 случаев встречается только 1 раз.

7) Форма борозды 1ra на верхних первых молярах сохранилась на девяти зубах. Форма 1 в 2 случаях, форма 2 в 5 случаях, и форма 3 в 2 случаях. Интерес представляет форма 3, которая здесь имеет частоту ~22%.

8) Место впадения второй борозды метаконида на первых нижних молярах фиксируется в девяти случаях, в пяти из которых она впадает в фиссуру III, ~55%.

9) Положение точки впадения первой борозды протоконуса на первых верхних молярах сохранилось в четырёх случаях, в трёх из которых борозда впадает в фиссуру II.

10) Соотношение точек впадения 1prd и 1med в фиссуру II на первом нижнем моляре. Сохранились в шести случаях и ни в одном из них не было варианта впадения 3 (точка впадения 1med лежит дальше от центральной ямки, чем точка впадения 1prd).

11) Соотношение точек впадения борозд 2ra и 2rg в фиссуру II на первом верхнем моляре сохранилось на трёх зубах, все в варианте 2.

12) Дистальный маргинальный бугорок (c5) на верхнем первом моляре отсутствует во всех сохранившихся четырнадцати случаях (балл 1), на верхнем втором и третьем молярах признак просматривается в 17 случаях, в 15 случаях бугорок отсутствует (балл 1), по одному разу встречается балл 2 и 6.

13) Соотношение борозд 1ra\1me на первом верхнем моляре. Признак сохранился в четырёх случаях. Вариант 1 встречается два раза, варианты 2 и 3 по одному разу.

14) Редукция метаконуса на вторых и третьих верхних молярах. Признак сохранился в 21 случае. 3 балла – 8 случаев, 4 балла – 10 случаев, 5 баллов – 3 случая. Сильная редукция характерна больше третьим молярам.

15) Бугорок Карабелли (t.Carabelli) на первых верхних молярах. Признак сохранился на 19 зубах. 0 баллов (отсутствие) – 6

случаев, 1 балл – 3 случая, 2 балла – 4 случая, 3 балла – 2 случая, 4 балла – 4 случая.

16) Дистальный гребень тригониды (dte) и эпикристинид (epcd) на первых нижних молярах не проявлены ни в одном из 12 случаев.

17) Непрерывный гребень на вторых нижних премолярах отсутствует во всех сохранившихся четырёх случаях.

18) Шестой бугорок (T/D end) на первом нижнем моляре не встречается ни на одном из сохранившихся 15 зубов.

19) Внутренний средний дополнительный бугорок (TAMI) на первых нижних молярах встречается на одном зубе из 15, ~6,6%.

Из 19 критериев, представленных выше, наиболее представительными являются № 1, № 6, № 10, № 11, № 16, № 18 (указывают на принадлежность к «западной» одонтологической ветви, критерии) и № 2, № 3, № 13 (указывают на принадлежность к «восточной» одонтологической ветви). Критерий № 7 говорит о метисном происхождении погребенных.

Опираясь на полученные данные и малочисленность антропологической выборки, нельзя утверждать принадлежность погребенных к одной популяции и говорить об устойчивой характерной группе признаков.

Среди костей погребенных, у южной стенки могилы, найден подлампадик (M II-20/96. Размеры: общая длина 55,5 см; диаметр края 7,35 см; высота вместилища 13,8 см; диаметр крышки коптильницы 5 см; высота крышки коптильницы с креплением кольца 2,07 см; кольцо крепления диаметром около 2 см; длина цепочек 43,5 см. Вес 150 г.), изготовленный из белого металла в технике чеканки и просечки. Он представляет собой сложнопрофилированное ажурное вместилище, соединенное с крышкой-коптильницей с помощью трех цепочек. Край подлампадика отогнут горизонтально наружу. Низкое горло в виде раструба. Вместилище с прорезным и чеканным растительным орнаментом в виде арабески имеет широкую биконическую среднюю часть, нижнюю – уплощенную, в виде прорезных каннелюр, и заостренную слегка расширяющуюся к низу ножку со сквозным отверстием, к которой крепились с помощью припоя некая деталь, утраченная в древности (рис. 5: 1).

На изделии поставлены оттиски пробы-тугры Махмуда I (1730–1754 гг.) (по определению И.В. Зайцева). Они расположены в трех местах: под венчиком с наружной стороны (клеймо размером 0,5×0,3 см) (рис. 5: 2; 6: 4), на кольце для подвешивания лампы

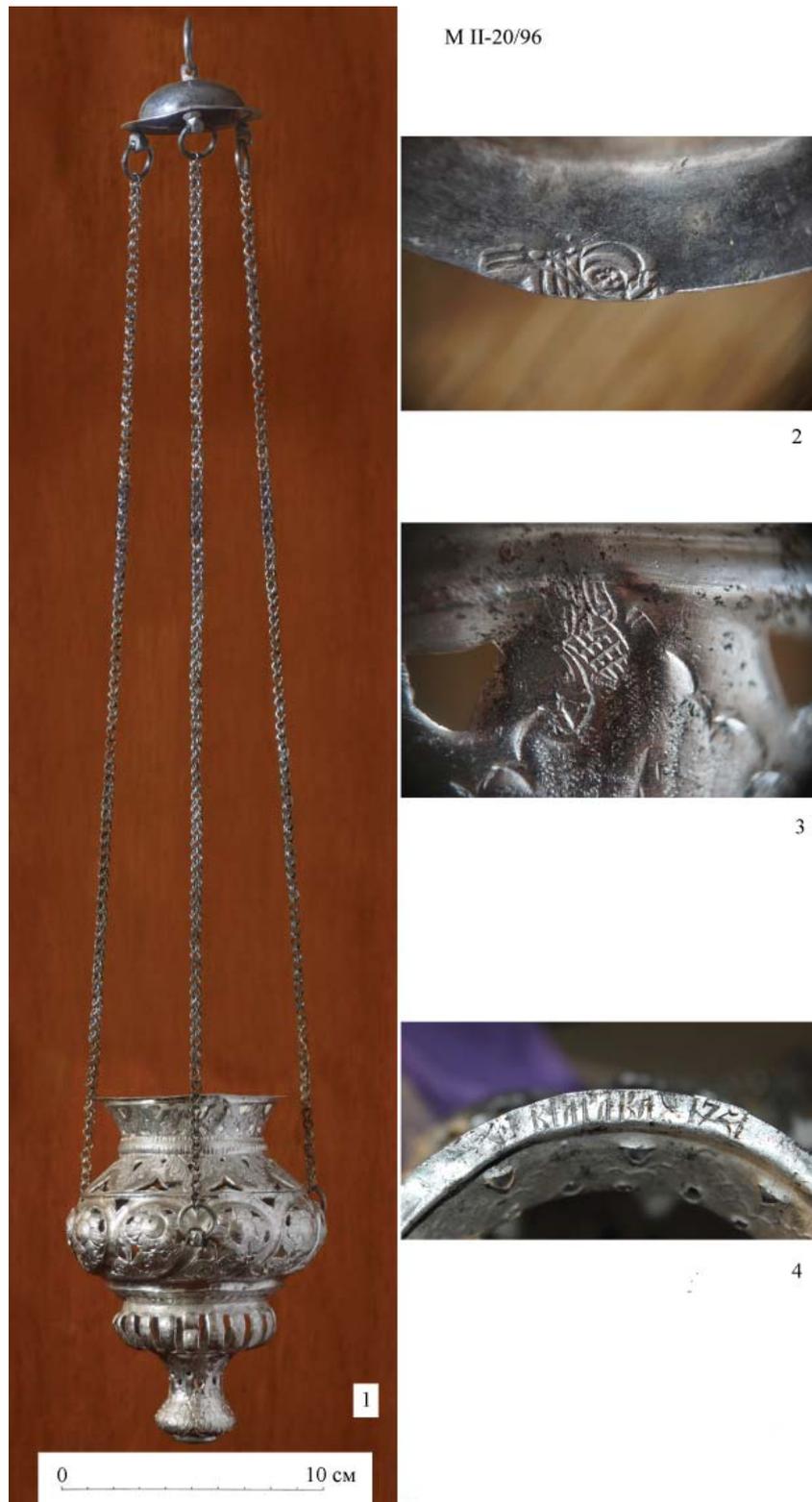

Рис. 5. Подлампадник из белого металла (М II-20/96). Клейма и граффити
Fig. 5. Lamp base made of white metal (М II-20/96). Labels and graffiti

(клеймо размером 0,8×0,1 см) (рис. 6: 5а, 5б), на горизонтально отогнутом крае крышки-копильницы с наружной стороны (клеймо 0,8×0,2 см) (рис. 5: 2; 6: 1, 2). Зигзагообразная линия длиной 1,5 см нанесена в одном месте на отогнутом крае крышки-копильницы (рис. 6: 1), и 0,7 см линия имеется на кольце

для подвешивания на оборотной стороне, там, где нет клейма (рис. 6: 5б). На горизонтальном отогнутом крае лампы прочерчено острым инструментом граффити в виде греческих букв «ΚΙΑΡΑΚΑ», обрамленных стилизованным картушем и датой «1751». Перед словом

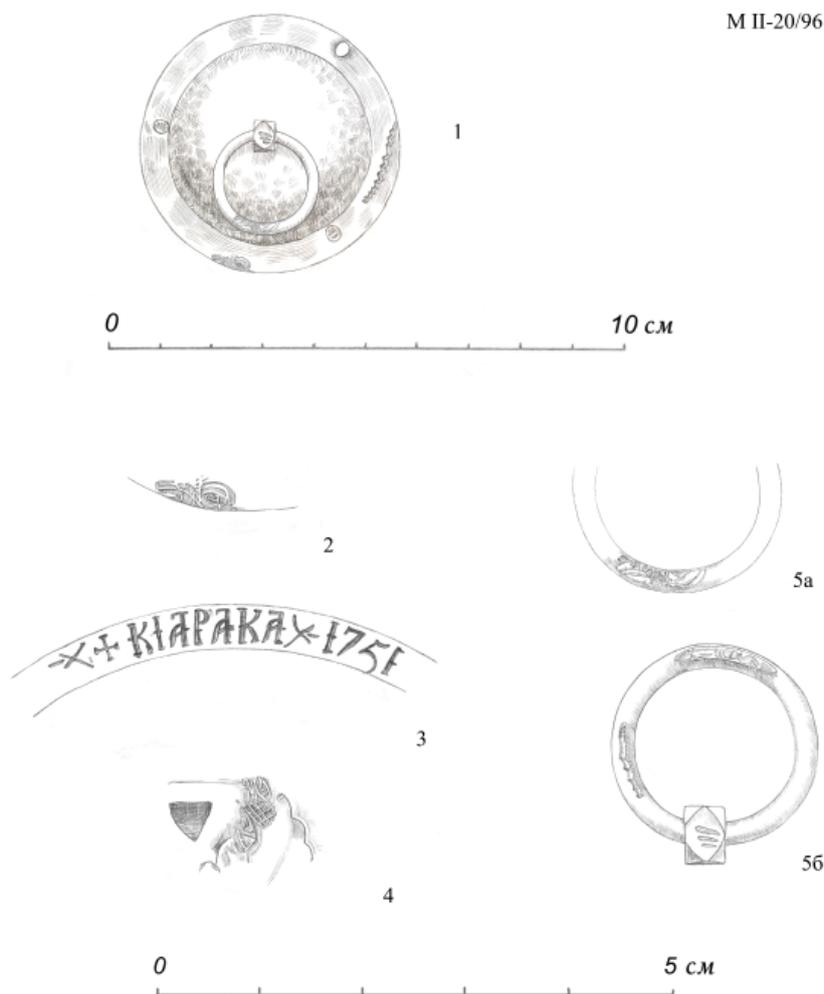

Рис. 6. Прорисовка тугр и граффити на отдельных деталях подлампадика (М II-20/96)
 Fig. 6. Drawings of seals and graffiti on individual parts of the lamp base (М II-20/96).

изображен крест с расширяющимися ветвями (рис. 5: 4; 6: 3).

Граффити прочитано А.Ю. Виноградовым: «Кирияки», имя в родительном падеже.

Среди обломков стеклянной посуды выделяется литой толстостенный стакан (стопка?) из бледно-зеленого стекла с круглыми пузырьками, склеенный из 5 фрагментов (М II-20/91. Размеры: 7,4×5,6 см; диаметр венчика 5,6 см), по всей видимости, он вставлялся в описанный выше подлампадик. Стакан цилиндрической формы слегка расширяется к вертикально поставленному скругленному краю. Дно массивное, на наружной поверхности имеет след от понтии в виде скола, внутри – конусовидное углубление (рис. 7: 4).

В могиле также найдены: монисто (М II-20/95. Размер: 1,5×1,5 см. Вес: 0,270 г.) из турецкой монеты (пара Мустафы III (1757–1774), чекан 1768/9 г. (по определению М.М. Чорефа)) (рис. 7: 2), стеклянная бусина округлой формы бледно-желтого оттенка (М

II-20/94. Размеры: 1,25×1,3×1 см) (рис. 7: 5), железные гвозди и часть подковы европейского типа.

Из западной части могилы происходит фрагмент черепицы-«татарки» с граффити «IC/XC/NI/KA», вписанным между ветвями креста (М II-20/63. Размеры: 7,5×7,05×1,95 см) (рис. 7: 3). Фрагменты керамических изделий – обломки черепиц, пифосов, амфор, столово-кухонной посуды с процарапанной надписью в виде христианской тетраграммы – широко встречаются в Крыму в поздневизантийское время (XIII – середина XV вв.) (Голофаст, Мастыкова, 2018, с. 369). Находки подобных надписей или монограмм османского периода нам неизвестны.

Из заполнения могилы происходит обломок каменного надгробия из известняка (М II-20/106. Размеры: 7,75×5,5×2,5 см; высота букв – 2,85 см; высота рельефа букв – 0,3 см) (рис. 7: 1). Сохранился скол лицевой стороны округлого края надгробия, оформленного в

Рис. 7. Находки из заполнения плитовой могилы XVIII в.
 1 – камень; 2 – белый металл; 3 – керамика; 4,5 – стекло.
Fig. 7. Finds from the filling material of an 18th century slab grave.
 1 – stone; 2 – white metal; 3 – ceramics; 4, 5 – glass

виде низкого узкого валика. На поверхности сохранились вырезанные в рельефе две буквы греческого алфавита: «ΙΣ...» с остатками алой краски (по определению А.Ю. Виноградова, написание букв относится к концу XVIII – XIX вв.).

В засыпи могилы встречаются единичные обломки средневековой керамики: 16 обломков черепиц-керамид VIII(?)–XIII вв.; стенка гладкостенного красноглиняного пифоса

VIII–X вв.; отдельные фрагменты поливной посуды группы ЮВК XIV–XV вв. (?).

Подавляющая часть находок относится к XVIII–XIX вв., возможно, к первым годам XX (?) в. – данный слой связан со свалкой или с расчисткой территории, расположенной выше по склону. Это 518 обломков черепицы-«татарки» и 128 сколов и частей красноглиняной плинфы прямоугольной формы, осколки оконного стекла, стеклянных бутылок

Рис. 8. Фаянсовые фрагментированные чашки из сервиза начала XIX (?) в. из заполнения плитовой могилы XVIII в.

Fig. 8. Fragmented faience cups from a set of the early 19th (?) century from the filling material of an 18th century slab grave

для вина, шампанского, аптечного флакона, фарфоровой и фаянсовой посуды. Большое количество фрагментов стеклянной и фаянсовой посуды было сконцентрировано в восточной части погребального сооружения и у южной стенки.

Среди фаянсовых чаш – две от одного сервиза, склеены из фрагментов (М П-20/79: высота 5 см; диаметр 7,6 см; высота поддо-

на 0,7 см; М П-20/80: высота 4,8 см; диаметр 7,75 см; высота поддона 0,7 см.) (рис. 8: 1, 2).

С большой долей осторожности можно предположить, что в исследованной могиле было захоронение священника. Судя по этнографическим источникам, у греческого населения Мариупольского уезда в XIX – начале XX вв. при погребении священника в могилу вставляли в специально приготовленную нишу лампаду с елеем (Серафимов, 1901,

с. 39; Лебедев, 2011, с. 170). Об этом может свидетельствовать и черепица с тетраграммой «IC/XC/NI/KA». Обряд помещать в могилу, на лицо или на грудь погребенного, фрагмент керамики с христианской символикой, по мнению некоторых исследователей, восходит к эпохе первых Вселенских Соборов и символизирует воздух (плат), покрывающий лицо умершего, в частности священнослужителя (Тесленко, Лысенко, 2007, с. 137). В то же время фрагменты черепицы или гончарных сосудов с прочерченным крестом и надписью могли быть сделаны специально для погребений и заменяли нательные кресты, носившиеся при жизни (Айбабин, Хайрединова, 2019, с. 256).

Граффити нанесено на черепицу XVIII в., может свидетельствовать об устойчивых традициях в погребальном обряде христианского населения Крыма, появившегося в позд-

невизантийское время и просуществовавшего вплоть до переселения христиан в Приазовье в 1778 г.

Обследованное в 2020 г. погребальное сооружение, видимо, относится к некрополю, расположенному на склонах холма, на вершине которого в 1894 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич расчистил храм (Бочаров, 2002, с. 161).

Храм с некрополем, возможно, просуществовали до переселения христиан из Крыма в 1778 г.

Судя по архивным данным, «храм 1894 года» можно отождествить с церковью Преображения Господня (рис. 1: 21), упомянутой А.Л. Бертье-Делагардом в деревне «Марсанда» в его рукописи «Ведомости христианского населения, вышедшего из города и деревень Крыма в 1778 году, и оставшихся после него старых церквей в Крыму», составленной в 1901 г. (Мальгин, 1995, с. 157).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2019. Вып. XXIV. С. 250–276.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1920. №57. С. 1–135.

Бочаров С.Г. Средневековый массандровский «Храм 1894 года». Один эпизод научной деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича // Церковная археология южной Руси (сборник материалов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Севастополь, 2001. / Отв. ред. В.Л. Мыц. Симферополь: ИА НАН Украины; Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2002. С. 161–166.

Бочаров С.Г. Описание средневековых храмов Южного Крыма в «Сборнике Гавриила» // Культурные памятники в мировой культуре V международная конференция по религиоведению. Севастополь: Херсонес Таврический, 2003. С. 11–13.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии гетуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный Берег Крыма // О древностях Южного берега и гор Таврических / Гл. ред. Мыц В.Л. Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 186–200.

Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Сборник чест на 60 години проф. дин Георги Атанасов / Добруджа. Кн. 32. / Гл. ред. Г. Атанасов. Силистра: Регионален исторически музей – Силистра, 2017. С. 279–304.

Веймарн Е.В. Отчет об эпизодических археологических разведках, проведенных в Крымской области в 1949 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 306, 307. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/archive/elektronnye-polevye-otchety> (дата обращения: 22.04.2021)

Голофаст Л.А., Мاستыкова А.В. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2018. Вып. XXIII. С. 359–395.

Гордлевский В.А. Стамбул в XVI веке (Страницы из истории Турции) // Избранные сочинения. Т. IV. Этнография. История востоковедения. Рецензии. М.: Восточная литература, 1968. С. 15–71.

Зайцев И.В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории / Отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М: Этно-онлайн, 2006. 72 с.

Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во: Ростовского ун-та, 1989. С. 62–73.

Кирилко В.П. Терминологический аспект в изучении однефных храмов средневекового Крыма // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссеева / Ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинев: Библиотека Stratum, 2019. С. 427–448.

Кирилко В.П. Архитектурные миграции средневекового Крыма: однефные храмы южнобережной части полуострова // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2020а. №6. С. 129–152.

Кирилко В.П. Верхний храм средневекового поселения «Демерджи –I» // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы IX международной научной конференции по церковной археологии / Ред.–сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020б. С. 63–65.

Лебедев Д.В. Религиозные праздники и обряды греческого населения в Екатеринославской губернии (на примере Мариупольского уезда) в XIX – начале XX вв.) // Культура народов Причерноморья. 2011. № 212. С. 168–171.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 59–88.

Лысенко А.В., Тесленко И.Б., Мусин А.Е. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и в бронзе / Сост. А.Е. Мусин, О.Д. Щеглова / Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2017. С. 291–310.

Малеев Ю.Н., Сегеда С.П. Методические указания по изучению антропологических материалов при археологических исследованиях для студентов исторического факультета. Киев, 1988. 63 с.

Мальгин А.В. Из наследия А.Л.Бертье-Делагарда // Крымский музей 1994. 1995. № 1. С. 151–169.

Маркевич А. К вопросу положения христиан в Крыму во время татарского владычества. (Историческая справка). Симферополь. Таврическая губернская типография, 1910. 45 с.

Мыц В.Л. Раскопки в горном Крыму // АО 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 288–289.

Науменко Е.В. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 418–472.

Новиченкова Н.Г. Христианские памятники на Гурзуфском Седле // V Дмитриевские чтения. История Крыма: факты, документы, коллекции, литературоведение, мемуары. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 3–11.

Пальчикова А.П. Первые православные храмы на Южном Берегу Крыма (после присоединения Крыма к России. 20-40-е гг. XIX века) // Христианство на Южном Берегу Крыма. Материалы Крымской научно-практической конференции (24 ноября 2000 г.). Ялта, 2002. С. 13–19.

Паршина Е.А. Отчет о работе в урочище Ласпи в 1976 году Южно-Крымской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР. 1976. 23 с.

Пеккер Р.Я. Болезни зубов и полости рта. М.: Наука, 1980. 176 с.

Репников Н.И. Археологические памятники // ИГАИМК. 1935. Вып. 109. С. 195–200.

Серафимов С.А. (протоиерей). Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря. Екатеринослав: Типография Братства Св. Владимира, 1901. 46 с.

Свадковский Б.С. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина, 1974. 175 с.

Сумароков П. Досуги Крымского судьи. СПб., 1803. 276 с.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега и гор Таврических / Гл. ред. Мыц В.Л. Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 260–296.

Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфийского. (Пос. Партенит. 7–10 июля 2005 г.) / Отв. ред. Л.А. Ясельская. Симферополь: Симферопольская и Крымская епархия, 2007. С. 132–144.

Турова Н.П. Средневековые христианские храмы на ЮБК полевой картотеке Е. И. Висниовской. // VI Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма / Ред. З.Г. Ливицкая. Симферополь: Таврия-Плюс, 2002. С. 9–31.

Турова Н.П. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма // Stratum plus. 2013. №6. С. 79–105.

Турова Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над Ялтой // Материалы по археологии, истории античного и средневекового Крыма / Под ред. М.М. Чорефа. Вып. 6. Севастополь; Тюмень, 2014. С. 93–173.

Турова Н.П. История изучения христианских древностей южного берега Крыма // Материалы по археологии, истории античного и средневекового Крыма / Под ред. М.М. Чорефа. Вып. 7. Севастополь; Тюмень, 2015. С. 154–183.

Турова Н.П. Археологическое прошлое Поликуровского холма // Город начинался с Поликура. Храм св. Иоанна Златоуста. (Материалы конференции, посвященной 180-летию освящения храма, 14-16 сентября 2007 года). Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. С. 80–88.

Турова Н.П. Средневековые храмы Главной гряды Крымских гор (материалы к археологической карте муниципальных городских округов Ялты и Алушты). // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ Ι ΠΟΛΙΣ // XI Международный Византийский семинар (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019а. С. 215–220

Турова Н.П. Археологическая карта Горного и Южнобережного Крыма по полевой картотеке Е.И. Висниовской // История и археология Крыма. 2019б. Вып. X. С. 311–354.

Удоденко А. «Последняя из многочисленных древних церквей»: судьба Ай-Васильского храма // Старая Ялта: Историко-краеведческий альманах. №4. / Гл. ред. Л.И. Лысова. Ялта: Бабенко Л.И., 2017. С. 16–20.

Чумазин Е.В., Иванов Ю.М. Храмы Ялты. Краткий справочник. Ялта, 1998. 96 с.

Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History /Arkansas Archeological Survey Research Report Series. 44. / Eds. Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. Fayetteville, AR, 1994. 272 p.

Информация об авторах:

Турова Наталья Петровна, младший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); turova.n@gmail.com.

Якимовская Анастасия Дмитриевна, младший научный сотрудник, Историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический (г. Севастополь, Россия); yakumovskaya@gmail.com

REFERENCES

Aibabin, A. I., Khairedinova, E. A. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (24). 250–276 (in Russian).

Bert'e-Delagard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 57, 1–135 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2002. In Myts, V. L. (ed.). *Tserkovnaia arkheologiiia iuzhnoi Rusi (Church Archaeology of Southern Rus)*. Simferopol: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine; The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, 161–166 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2003. In Babinov, Yu. A. (ed.-chief.). *V Mezhdunarodnaia konferentsiia po religiovedeniiu. «Kul'tovye pamiatniki v mirovoi kul'ture: arkheologicheskii, istoricheskii i filosofskii aspekty».* (Sevastopol, 20-23 maia, 2003). (5th International Conference on Religious Studies. “Cult Monuments in World Culture: Archaeological, Historical and Philosophical Aspects”). (Sevastopol, May, 20-23, 2003). Sevastopol, 11–13 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2004. In Myts, V. L. (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavricheskikh (About the Antiquities of the Southern Coast and the Taurus Mountains)*. Kiev: “Stilos” Publ., 186–200 (in Russian).

Bocharov, S. G., Kirilko, V. P. 2017. In Atanasov, F. (ed.). *Sbornik chest na 60 godini prof. din Georgi Atanasov (Collection of Papers in Commemoration of the 60th Anniversary of Professor, Doctor of Historical Sciences Georgi Atanasov)*. Series: Dobrudzha (Dobruja) 32. Silistra: Museum of Local Lore – Silitra, 279–304 (in Bulgarian).

Veimarn, E. V. 1949. *Otchet ob epizodicheskikh arkheologicheskikh razvedkakh, provedennykh v Krymskoi oblasti v 1949 g. (Report on Episodic Archaeological Surveys in the Crimean Region in 1949.)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1. inv. R.1, no 306, 307. Available at: <https://www.archaeolog.ru/ru/archive/elektronnye-polevyie-otchety> (accessed: 22.04.2021) (in Russian).

Golofast, L. A., Mastykova, A. V. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (23). 359–395 (in Russian).

Gordlevsky, V. A. 1968. In *Izbrannye sochineniia. Etnografiia. Istoriia vostokovedeniia. Retsenzii (Selected Works. Ethnography. History of Oriental Studies. Reviews)* 4. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 15–71 (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2016. In Yurasov, A. V. (ed.). *Krym: problemy istorii (Crimea: Issues of History)*. Moscow: "Indrik" Publ., 63–82 (in Russian).

Zubov, A. A. 1968. *Odontologiia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Odontology. Anthropological Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zubov, A. A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov (Methodological Guide for Anthropological Analysis of Odontologic Materials)*. Moscow: "Etno-onlain" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (manag. ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 62–73 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti (In search of essence)*. Kishinev: "Stratum" Publ., 427–448 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2020a. In *Stratum Plus* (6), 129–152 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2020b. In Maiko, V. V., Khairtudinova, E. A., Yasheva, T. Yu. (eds.). *Khristianstvo v arkhologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh (Christianity in Archaeological and Written Sources)*. Simferopol: "Antikva" Publ., 63–65 (in Russian).

Lebedev, D. V. 2011. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of the People of the Pontic Region)* 212, 168–171 (in Russian).

Lysenko, A. V., Teslenko, I. B. 2002. In Rudnitskaia, V. G., Teslenko, I. B. (comp.). *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta Region from the Most Ancient Times to Present)*. Kiev: "Stilos" Publ., 59–88 (in Russian).

Lysenko, A. V., Teslenko, I. B., Musin, A. E. 2017. In Musin, A. E., Shcheglova, O. D. (comp.). *V kamne i v broze (In Stone and Bronze)* Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVIII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Maleev, Yu. N., Segeda, S. P. 1988. *Metodicheskie ukazaniia po izucheniiu antropologicheskikh materialov pri arkhologicheskikh issledovaniakh dlia studentov istoricheskogo fakul'teta (Methodological Guide for the Study of Anthropological Materials in Archaeological Studies for Historical Faculty Students)*. Kiev (in Russian).

Malgin, A. V. 1995. In *Krymskii musei 1994 (Crimean Museum, 1994)* (1), 151–169 (in Russian).

Markevich, A. 1910. *K voprosu polozheniia khristian v Krymu vo vremia tatarskogo vladychestva. (Istoricheskaiia spravka) (The Issue of the Position of Christians in the Crimea during the Tatar Rule. (Historical reference).)* Simferopol: "Tavriya provincial printing" (in Russian).

Myts, V. L. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 g. (Archaeological Discoveries in 1981)*. Moscow: "Nauka" Publ., 226–227 (in Russian).

Naumenko, E. V. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6. 418–472 (in Russian).

Novichenkova, N. G. 2001. In Livytskaya, Z. G. (ed.). *V Dmitrievskie chteniia. Istoriia Kryma: fakty, dokumenty, kollektzii, literaturovedenie, memuary (V Dmitriev Readings. History of Crimea: Facts, Documents, Collections, Literature Studies, Memoirs)*. Simferopol: "Tavria-Plus" Publ., 3–11 (in Russian).

Pal'chikova, A. P. 2002. In *Khristianstvo na Iuzhnom Beregu Kryma. Materialy Krymskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (24 noiabria 2000 g.) (Christianity on the South Coast of Crimea. Proceedings of the Crimean Scientific and Practical Conference (November 24, 2000))*. Yalta, 13–19 (in Russian).

Parshina, E. A. 1976. *Otchet o rabote v urochishche Laspi v 1976 godu Iuzhno-Krymskoi novostrochnoi ekspeditsii Instituta arkhologii AN USSR (Report on the Activities of the South Crimean Urban Development Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR at Laspi Site in 1976)* (in Russian).

Pekker, R. Ya. 1980. *Bolezni zubov i polosti rta (Oral and Dental Diseases)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Repnikov, N. I. 1935. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletin of the State Academy for the History of Material Culture)*. 109, 195–200 (in Russian).

Serafimov, S. A. (archpriest). 1901. *Krymskie khristiane (greki) na severnykh beregakh Azovskogo moria (Crimean Christians (Greeks) on the Northern Coasts of the Azov Sea)*. Ekaterinoslav (in Russian).

Svadkovsky, B. S. 1974. *Uchebnoe posobie po sudebno-meditsinskoi stomatologii (Study Guide on Forensic Dentistry)*. Moscow: "Meditsina" Publ. (in Russian).

Sumarokov, P. 1803. *Dosugi Krymskogo sud'i (Leisure of Crimean judge)*. Saint Petersburg (in Russian).

Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2004. In Myts, V. L. (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega i gor Tavrisheskikh (About the Antiquities of the Southern Coast and the Taurus Mountains)*. Kiev: "Stilos" Publ., 260–296 (in Russian).

Teslenko, I. B., Lysenko, A. V. 2007. In Yasel'skaya, L. A. (ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi tserkovno-istoricheskoi konferentsii "Duhovnoe nasledie Kryma" pamuiati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfiuiskogo. pos. Partenit. 7–10 iulia 2005 g. (Proceedings of the International Church and Historic Conference "Spiritual Heritage of Crimea" in Memory of St. John, Bishop of Gotha. Partenit Settlement. 7–10 July 2005)*. Simferopol: *Simferopol and Crimea Eparchies Publ.*, 132–144 (in Russian).

Turova, N. P. 2002. In Livytskaya, Z. G. (ed.). *VI Dmitrievskie chteniia. Istoriia Yuzhnogo berega Kryma (VI Dmitriev readings. History of the southern coast of Crimea)*. Simferopol: "Tavria-Plus" Publ., 9–31 (in Russian).

Turova, N. P. 2013. In *Stratum Plus*. (6), 79–105 (in Russian).

Turova, N. P. 2014. In Choref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the archaeology, history of ancient and medieval Crimea)* 6. Sevastopol; Tyumen, 93–173 (in Russian).

Turova, N. P. 2015. In Choref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the archaeology, history of ancient and medieval Crimea)* 7. Sevastopol; Tyumen, 154–183 (in Russian).

Turova, N. P. 2018. In *Gorod nachinalsia s Polikura. Khram sv. Ioanna Zlatousta (The Town Started with Polikur. Church of St. John Chrysostom)* Simferopol: "Biznes-Inform" Publ., 80–88 (in Russian).

Turova, N. P. 2019a. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonos femata: imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii (Χερσωνος Θεματα: Empire And Policy)* XI. Simferopol', 215–220 (in Russian).

Turova, N. P. 2019b. In *Istoriia i arkheologiiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 10. 311–354 (in Russian).

Udodenko, A. 2017. In Lysova, L. I. (chief-ed.). *Staraiia Yalta: Istoriko-kraevedcheskii al'manakh (Old Yalta: Local History Almanaque)* 4. Yalta: Babenko, L. I. Publ., 16–20 (in Russian).

Chumazin, E. V., Ivanov, Yu. M. 1998. *Khramy Yalty (Temples of Yalta)*. Yalta (in Russian).

Buikstra, J.E., Ubelaker, D.H. 1994. (eds.). *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History*. Arkansas Archeological Survey Research Report Series. 44 (in English).

About the Authors:

Turova Natalia P. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; turova.n@gmail.com.

Yakimovskaya Anastasiya D. The Satet Museum-Preserve "Tauric Chersonese". Drevnyaya str. 1., Sevastopol, 299045, Crimea, Russian Federation; yakimovskaya@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Критика и библиография

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.258.261>**РЕЦ.: «АЗЕРБАЙДЖАН НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ. БАКУ:
ИЗД-ВО «TAHSIL», 2020. 384 С.»****© 2021 г. Р.М. Валеев, А.Г. Ситдиков**

В статье дана рецензия к труду «АЗЕРБАЙДЖАН НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ Баку: Изд-во «Tahsil», 2020. 384 с.», подготовленной и изданной в Азербайджанской Республике под руководством академика Национальной Академии наук Азербайджана Ш.М. Мустафаева с группой ученых, состоящей из археологов, архитекторов и историков-востоковедов. Данный авторский коллектив сумел наглядно продемонстрировать глубокое влияние Шелкового пути на многовековую историю Азербайджана. Обилие иллюстраций обеспечивает наглядность трасс Шелкового пути на территории Азербайджана в различные исторические периоды, позволяет увидеть основные предметы материальной культуры, импортируемые и экспортируемые по маршрутам Шелкового пути на тех или иных исторических этапах его функционирования. В издании показана роль сформировавшихся благодаря Шелковому пути культурных связей в развитии инфраструктуры древних и средневековых городов Азербайджана.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Шелковый путь, античность, средневековье.

**REVIEW: AZERBAIJAN ON THE SILK ROAD. BAKU:
“TAHSIL” PUBL., 2020. 384 P.****R.M. Valeev, A.G. Sitdikov**

The paper features a review of the book AZERBAIJAN ON THE SILK ROAD. Baku: “Tahsil” Publ., 2020, 384 p., prepared and published in the Republic of Azerbaijan under the guidance of Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan Sh.M. Mustafayev and a group of scientists represented by archaeologists, architects and orientalist historians. This group of authors was able to clearly demonstrate the deep influence of the Silk Road on the centuries-old history of Azerbaijan. The abundance of illustrations provides a clear understanding of the Silk Road routes in the territory of Azerbaijan in various historical periods, allowing to familiarize with the main objects of material culture imported and exported along the Silk Road routes at various historical stages of its operation. The publication demonstrates the role of cultural relations having formed because to the Silk Road in the development of the infrastructure of the ancient and medieval Azerbaijan cities.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, the Silk Road, antiquity, the Middle Ages.

В конце 2020 года в Азербайджанской Республике под руководством академика Национальной Академии наук Азербайджана Ш.М. Мустафаева, небольшая группа ученых, состоящая из археологов, архитекторов и историков-востоковедов, при поддержке Международного Фонда Тюркской Культуры и Наследия подготовила и издала фундаментальное академическое исследование (объем 48 п.л.), посвященное анализу роли Великого Шелкового пути в истории Азербайджана в период античности и средневековья. Книга (Азербайджан..., 2020) одновременно издана на двух языках (русском и английском), что сразу обеспечила ей широкую читательскую аудиторию. Готовится также издание на азербайджанском языке (Издана книга под названием ...).

По своему хронологическому диапазону и объёму затронутых в рецензируемой книге

проблем политического, социально-экономического и культурного характера это исследование в значительной степени отличается от имеющейся в научном обороте обширной литературы, посвящённой тем или иным проблемам возникновения и функционирования Шелкового пути. Опираясь на солидную источниковедческую базу и научную литературу, дополняя её широким спектром археологических артефактов и архитектурных памятников, авторский коллектив сумел наглядно продемонстрировать глубокое влияние Шелкового пути на многовековую историю Азербайджана, показать как на протяжении более чем полуторатысячелетнего периода этот исторический феномен вносил свои коррективы, формируя те или иные направления во внешней и внутренней политике государств, существовавших на территории Азербайджана в античности и средние века.

Книга состоит из шести глав, в каждой из которых имеется своя «изюминка», проходящая красной линией через всю главу.

Так, в первой главе дан обзор возникновения и развития торгово-экономических связей в Евразии с древнейших времён. Показан многоступенчатый сложный процесс возникновения и развития обмена природными ресурсами, возникший ещё в конце каменного века в связи с переходом человечества от присваивающего к производящему хозяйству. Здесь последовательно рассматриваются основные этапы формирования переднеазиатской, центральноазиатской и средиземноморской торговли и их взаимодействия в различные исторические периоды, а также показана степень вовлеченности древних племён и ранних государств на территории Азербайджана в эти глобально-исторические процессы. Так же рассмотрен процесс формирования региональных и межрегиональных торговых маршрутов, на которых быстро возникали и развивались международные торговые центры в лице городов, как центров производства товарной продукции, как формировался специальный слой торговых людей – купцов, ставших посредниками между производителями и потребителями. В результате всех этих процессов, в III–II тыс. до н.э. сложились два типа древних международных торговых связей – сухопутно-речной преобладавший в Центральном и Переднеазиатском регионах, и морской, преобладавший в Средиземноморье. В I тыс. до н.э. они фактически соединились в единое международное торговое пространство от Гибралтара и берегов Атлантики до Центральной Азии и Индии. Завершающими этапами этого процесса были греко-персидские войны и последующий поход Александра Македонского на Восток. Данную главу завершает обзор развития Китайской цивилизации, долгое время развивавшейся изолированно от западных – Центральноазиатской, Переднеазиатской и Средиземноморской цивилизаций. Наконец, во II в. н.э. китайцы, отеснив своих «вечных» врагов – гуннов на север, прорвались в Центральную Азию, установив регулярные связи от Тихого до берегов Атлантического океанов. Так сформировался Великий Шелковый Путь. Он на многие века определил внешнеполитический вектор многих стран, через территорию которых проходили его маршруты. Среди них были и государства древнего и средневекового Азербайджана.

Во второй главе показана роль Азербайджана на Шелковом пути в период античности, от II в. до н.э. до III в. н.э. Здесь акцент делается на две трассы Шелкового пути, проходившие через территорию одних из древнейших государств на территории Азербайджана – Кавказской Албании и Атропатены. Одна из них, известная в науке как «дорога аорсов», брала своё начало от проходившей через Атропатену основной южной трассы Шелкового пути в период античности, и вдоль западного побережья Каспия, по территории Албании выходила через Дербент в предгорья Северного Кавказа. Вторая трасса, так называемая «дорога Страбона», сложившаяся ещё задолго до появления Шелкового пути, а затем превратившаяся в период античности в одну из его активно действующих трасс, шла из северной части Индии через Центральную Азию, пересекала Каспийское море, а затем через территорию государств Южного Кавказа – Албании, Иберии и Колхиды выходила к Черноморскому побережью, к греческим торговым эмпориям. В этой главе подробно освещена борьба великих империй античности – Парфии и Рима – за контроль над этими трассами и политика древних государств этого региона – Антропогены, Албании и Иберии на фоне этой борьбы. Рассмотрены вопросы формирования вдоль этих трасс античных городов, их структуры, ассортимента импортных и экспортных товаров, влияние Шелкового пути на развитие местного ремесла и формирование денежного монетарного обращения, и ряд других вопросов.

По такой же структуре построены и последующие четыре главы данной книги. Так, в третьей и четвёртой главах книги, охватывающих раннесредневековый период, маршруты Шелкового пути на исторической территории Азербайджана в III–VII вв. показаны на фоне борьбы Сасанидской империи с Римской, а затем Византийской империями и древнетюркскими государствами, а затем в VII–X вв. на фоне борьбы Арабского халифата и Хазарского каганата. Красной нитью через эти главы проходит идея победы экономических приоритетов над военно-политическими, благодаря чему непримиримые, на первый взгляд противники, путём политических компромиссов и трезвых экономических расчётов, выстраивали устойчивые торговые связи, в которые умело вписывались и региональные игроки, в данном случае, государства на территории Азербайджана. В этих главах также показан процесс превращения Азер-

байджана и потребителя шелковой продукции в одного из производителей шелка и его экспортёра.

Пятая глава книги посвящена так называемому сельджукскому периоду, охватывающему XI–XIII вв. Здесь международная торговля Азербайджана по маршрутам Шелкового пути показана в тесном переплетении политических и культурных явлений этого периода. Заключительная шестая глава, охватывающая монгольский и постмонгольский периоды, когда после очередного и в данном случае, последнего, всплеска активности Шелкового пути, начинается постепенное его угасание в связи с Великим Географическими открытиями, переместившими основные мировые торговые трассы с суши и внутренних морей на просторы мировых океанов. Вместе с тем, это было время, когда благодаря формированию монгольских улусов – Золотой Орды (Иванов, 2018; Зиливинская, 2017) и Ильханидского государства – особое значение вновь приобрели торговые маршруты по направлению юг-север, развивались активные хозяйственные связи между Ближним Востоком и Поволжьем и сухопутные и водные торговые пути, соединявшие два региона, проходили вдоль западного побережья Каспийского моря, пересекая и территорию Азербайджана.

Таким образом, азербайджанские исследователи на примере своей страны смогли показать, как Шелковый путь отражался на процессе политического, хозяйственного и культурного развития стран, оказавшихся на различных маршрутах этого пути. Книга хорошо иллюстрирована, что обеспечивает наглядность трасс Шелкового пути на территории Азербайджана в различные исторические периоды, позволяет увидеть основные предметы материальной культуры, импортируемые и экспортируемые по маршрутам Шелкового пути на тех или иных исторических этапах его функционирования. В работе показана роль сформировавшихся благодаря Шелковому пути культурных связей в развитии инфраструктуры древних и средневековых городов Азербайджана их архитектурного облика, городской планировки и т.д.

Вне всякого сомнения, данная книга даёт серьезный импульс для дальнейших исследований той глобальной роли, которую Шелковый путь сыграл в истории как отдельных стран и регионов, так и всего человечества. Это очень важно, особенно учитывая то, что Шелковый Путь является не только феноменом прошлого, но и глобальным проектом, нацеленным на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Азербайджан на Шелковом пути. Баку: Tahsil, 2020. 384 с.

Издана книга под названием «Азербайджан на Шелковом пути» // Азербайджанское государственное информационное агентство. (Доступно: URL: https://azertag.az/ru/xeber/Izdana_kniga_pod_nazvaniem_Azerbaidzhan_na_Shelkovom_puti-1727749 (дата обращения 07.09.2021).

Иванов В.А. География маркёров материальной культуры кочевников Золотой Орды // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 60–65.

Зиливинская Э.Д. Торговые постройки в городах Востока и золотой Орды // Поволжская археология. 2017. № 4(22). С. 46–66 DOI 10.24852/pa2017.4.22.46.66.

Информация об авторах:

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, вице-президент ИКОМОС России, заместитель директора по научной деятельности, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, декан Высшей школы исторических наук и Всемирного культурного наследия, Казанский (Приволжский) федеральный университет; директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

2020. *Azerbaidzhan na Shelkovom puti (Azerbaijan on the Silk Road)*. Baku: "Tahsil" Publ. (in Russian).

Izdana kniga pod nazvaniem "Azerbaidzhan na Shelkovom puti" (The book Azerbaijan On the Silk Road has been published). Available at: URL:

https://azertag.az/ru/xeber/Izdana_kniga_pod_nazvaniem_Azerbaidzhan_na_Shelkovom_puti-1727749 (accessed 07.09.2021) (in Russian).

Ivanov, V. A. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 60–65 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 22 (4), 46–66 (in Russian).

About the Authors:

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Vice-President of the National Council of ICOMOS. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
 АДУ – Археологічні дослідження в Україні
 АМ КФУ – Археологический музей Казанского федерального университета
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
 АО – Археологические открытия
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
 ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
 ГИМ – Государственный исторический музей.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДЗЗ – дистанционное зондирование земли
 ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАК — Императорская Археологическая комиссия
 ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИА НАН Украины – Институт археологии НАН Украины
 ИКОМОС – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (International Council on Monuments and Sites)
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
 ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО РАН/АН СССР
 КГУ – Казанский государственный университет.
 КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л.
 КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет
 КФУ – Казанский федеральный университет
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь.
 МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
 ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.; Пг.
 ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская академия наук
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 РПЦ – Русская православная церковь
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СФУ – Сибирский федеральный университет
 СЭ – Советская этнография
 ТА – Тагарская археология.
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
 УПАСК – Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых.
 ФГБОУ ВО РАНХиГС – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
 AIECM3 – Association Internationale pour l'Etude des Cèramiques Mèdièvales et Modernes en Mèditerranèe
 Esri – Environmental Systems Research Institute
 IAA – Israel Antiquities Authority
 JA – Journal of Islamic Archaeology
 LIDAR – Light Detection and Ranging

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

<https://www.evrazstep.ru/avtoram>

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата выхода в свет 24.09.2021 г. Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 30,69

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

